

К-1419701

СЛОВО И ТЕКСТ В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ ЭПОХИ

1

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

**Департамент образования Вологодской области
Вологодский государственный педагогический университет**

**Слово и текст
в культурном сознании эпохи**

Сборник научных трудов

Часть 1

**Вологда
2008**

*Издание подготовлено в соответствии с постановлением
Правительства Вологодской области от 17.07.2006 №680
«О мероприятиях, направленных на укрепление русского языка
в Вологодской области, на 2007–2010 гг.».*

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук **Г. В. Судаков** (отв. редактор),
доктор филологических наук **С. Н. Смольников**,
кандидат филологических наук **Е. П. Андреева**,
кандидат филологических наук **Л. А. Берсенева**.

С 48

Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов // Отв. редактор Г.В. Судаков. – Вологда, 2008. – 376 с.

ISBN 978-5-87822-359-1

ББК 81.411.2-03

В сборнике публикуются материалы Всероссийской научной конференции «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (Вологда. 13–15 октября 2008 года), представленные на секциях «История русского слова в тексте и словаре», «Проблемы эволюции русского ономастикона», «Лингвопозтика».

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА В ТЕКСТЕ И СЛОВАРЕ

<i>Судаков Г.В.</i> (Вологда). Актуальные проблемы исторической лексикологии русского языка.....	7
<i>Костючук Л.Я.</i> (Псков). Комплексное изучение русского слова: роль текстового значения для лексико-семантической системы в синхронии и диахронии.....	20
<i>Николенкова Н.В.</i> (Москва). О полноте значения слова в историческом словаре.....	29
<i>Некипелова И. М.</i> (Ижевск). Описание фразеологического значения как элемент моделирования лексической семантики слова (на материале Цветной триоди XI–XII веков).....	37
<i>Воронина Т.А.</i> (Москва). Отражение практики поста в русской лексике XI–XIX вв. (по опубликованным источникам).....	44
<i>Смольников С.Н.</i> (Вологда). Имена прилагательные в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.».....	51
<i>Андреева Е.П.</i> (Вологда). Некоторые особенности народной ремесленно-промышленной лексики (диахронический аспект).....	60
<i>Виноградова С.Б.</i> (Вологда). Употребление слов с корнем <i>-греб-/ -граб-</i> в профессионально-хозяйственной сфере (по данным исторических и диалектных словарей).....	67
<i>Табаченко Л.В.</i> (Ростов-на-Дону). Глагол <i>застоять</i> в истории русского языка.....	73
<i>Козлова А.Ю.</i> (Коломна) Слово <i>осенина</i> в толковой палесе.....	80
<i>Комлева Н.В.</i> (Вологда). Названия лица по роду занятий в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.».....	88
<i>Берсенева Л.А.</i> (Вологда). Термины деревянного зодчества как носители страноведческой информации.....	96
<i>Никитин О.В.</i> (Москва). Деловое слово как феномен культуры.....	105
<i>Голиков Л.М.</i> (Вологда). Регулярные синтагматические связи в подязыке российского уголовного права XVIII в.	115
<i>Дмитрук Л.А.</i> (Кострома). Лексика пьесы Л. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» как источник изучения истории русского литературного языка (метрологическая лексика).....	123
<i>Николаева Т.М.</i> (Казань). Семантико-стилистические трансформации в русском литературном языке конца XVIII – начала XX столетий.....	127

<i>Калиновская В.Н.</i> (Санкт-Петербург), <i>Ли Чень</i> (КНР). Проблема словообразовательных вариантов и ее разрешение в «Словаре русского языка XIX в.».....	133
<i>Эзериня С.А.</i> (Санкт-Петербург). Терминологическая лексика в историческом словаре русского языка нового времени (на материале «Словаря русского языка XVIII века» и «Словаря русского языка XIX века»)	137
<i>Соколова Т.И.</i> (Вологда). Описание объектного и концептуального содержания терминов лексико-грамматических разрядов в «Пространной русской грамматике» Н.И. Греча	144
<i>Скрябина Н.В.</i> (Санкт-Петербург). Из истории русской медицинской терминологии XIX века	153
<i>Дягилева И.Б.</i> (Санкт-Петербург). Лексема <i>билет</i> в составных наименованиях (на материале русского языка XIX века)	162
<i>Большакова Н.В.</i> (Псков). Лингвистический комментарий к путевым заметкам XIX в.....	167
<i>Приемышева М.Н.</i> (Санкт-Петербург). Арготизмы в языке русской художественной литературы XIX в.	173
<i>Россихина М.Ю.</i> (Брянск) О судьбе русских школьных жаргонизмов XIX века	184
<i>Катаева И.Н.</i> (Сокол, Вологодская обл.). Наименования шулерских игровых карт по внешнему виду в русском языке XIX – начала XX вв.	188
<i>Трикоз Э.Л.</i> (Вологда). Отражение динамических процессов лексической системы в обыденном языковом сознании (на материале текстов второй половины XIX века)	196
<i>Старовойтова О.А.</i> (Санкт-Петербург). «Словарь русского языка XIX века» и проблема окказиональной лексики	201
<i>Герд А.С.</i> (Санкт-Петербург). Словарь русского литературного языка первой половины XX века (к постановке проблемы).....	208
<i>Абдулхакова Л.Р.</i> (Казань). Деспричастие в русском литературном языке XX века: рекомендации грамматик и функционирование в тексте.....	211
<i>Третьякова Л.Н.</i> (Москва). Формирование «военных» фразеологических единиц в русском языке	218
<i>Шмелькова В.В.</i> (Пенза). Современная лексика в толковых словарях XX века.....	221

ЛИНГВОПОЭТИКА

<i>Морозова Н.С.</i> (Свердловск). Особенности использования компонентов денотативного класса <снег> в поэтическом языке Ф.И. Тютчева и И.А. Некрасова	225
--	-----

<i>Савельева Л.В.</i> (Петрозаводск). Художественный текст и этнокультурные традиции русской классики («Скрипка Ротшильда» А. П. Чехова).....	231
<i>Чернова Л. А.</i> (Коломна). Роль именного предиката в раскрытии психолингвистического портрета сельской учительницы (по рассказу А. П. Чехова «На подводе»).....	240
<i>Чалый В.В.</i> (Краснодар). Об особенностях процесса вербального манипулирования в языке произведений А.П. Чехова.....	246
<i>Фомин А.И.</i> (Санкт-Петербург). Из материалов лексикографического описания лирико-философских текстов В. В. Розанова.....	250
<i>Яцкевич Л.Г.</i> (Вологда). Тематическая структура поэтического словаря Н. А. Клюева.....	257
<i>Богданова М.В.</i> (Вологда). Тематическая группа слов «Жилище. Строение» в поэтическом словаре Н. Клюева.....	268
<i>Головкина С. Х., Виноградова С.Б.</i> (Вологда). Парадигмы образов в поэтическом языке Н. Клюева и их лексикографическое описание.....	275
<i>Климас И.С.</i> (Курск). Отрицательные конструкции в поэзии С. Есенина.....	281
<i>Алтабаева Е.В.</i> (Мичуринск). Функции опативных предложений в художественном тексте.....	289
<i>Хоркина Е.Ю.</i> (Волгоград). Безличные предложения в рассказе Е. И. Замятина «Наводнение».....	298
<i>Шумарина М.Р.</i> (Москва). Русская лексика как объект рефлексии писателя.....	303
<i>Богданова Ю.С.</i> (Тула). Семиотический аспект квазисимволов русской лингвокультуры.....	308
<i>Павловская О. Е., Трошева Т. Б.</i> (Краснодар). Православная речевая культура как объект изучения в вузе.....	311

ОНОМАСТИКА

<i>Шилов А.Л.</i> (Москва). К истории вхождения саамских заимствований в русский язык.....	317
<i>Варникова Е.Н.</i> (Вологда). Об одном топонимическом противостоянии на карте Вологодской области.....	325
<i>Иванова Е.Н.</i> (Вологда). Типы possessивных именований географических объектов в памятниках письменности Белозерья конца XIV–XV в.	333
<i>Дьякова Н.С.</i> (Вологда). Культурологический аспект в изучении исторической антропонимии.....	338
<i>Окунева Л.В.</i> (Северодвинск). Региональные особенности морфологической адаптации календарных личных имен.....	345

<i>Чайкина Ю.И.</i> (Вологда). Изменения в системе именовании жителей Чарондского посада Белозерского уезда в первой половине XVII в.	348
<i>Богачева М.В.</i> (Пермь). Новая эпоха – новая культура?	353
<i>Цветкова Е.В.</i> (Кострома). Дромонимия костромской деревни	361
<i>Шмелева Т.В.</i> (Великий Новгород). Диминутивы в городском ономастиконе и медийных текстах	367

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА В ТЕКСТЕ И СЛОВАРЕ

Г.В. Судаков
Вологда

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

К языку надо относиться честно.

Н.В. Гоголь.

Изучение истории русского слова предполагает выяснение времени от времени тех проблемных ситуаций, которые сдерживают прогрессивный ход развития одной из древнейших отраслей лингвистической науки – исторической лексикологии. Эти проблемные вопросы следует разделить на две группы: а) проблемы развития лексики в целом, б) проблемы изменения формы и семантической структуры отдельно взятого слова. То и другое одинаково важно, но первая группа проблем реже принимается во внимание, хотя никакое историко-лексикологическое исследование не может быть корректным, если исследователь не имеет какой-то версии развития словарного состава в интересующий его исторический период. Историческая лексикология русского языка как обобщение истории русского слова состоит из следующих трех компонентов: 1) описание на определенном историческом отрезке *истории отдельных слов* с их семантическими и словообразовательными связями, 2) изучение *формирования и функционирования основных лексических групп*, 3) *исследование важнейших процессов* в лексической системе языка.

Попробуем по порядку сформулировать проблемы первой и второй группы и проиллюстрировать некоторые из них, опираясь на последние по времени публикации. Отметим, что интересующие нас вопросы в общем виде были рассмотрены в книге: [1], позже регулярно затрагивали в своих публикациях Л.Ю. Астахина, В.В. Колесов, К.П. Смолина, О.А. Черепанова и др. [2].

Проблемы изучения общей истории русского лексикона

1. Отсутствие или нечеткость периодизации истории русского слова. Если с начальной границей этой истории более или менее

ясно: это первые памятники письменности, то о конечной точке, кажется, мы мало ещё и задумывались, хотя очевидно, что язык «от Пушкина до Горького» отошёл в историческое прошлое и словарь современного русского литературного языка при всём уважении к традициям начинается с двадцатых годов XX века, поскольку лексика – феномен чрезвычайно подвижный. Важным является также определение границ между древнерусским и старорусским периодами или между старорусским (донациональным) и новорусским (национальным) периодами. Даже если и не удастся достичь единства мнений по поводу хронологических границ (см. наш вариант: [3]), то и при наличии разных периодизаций важно знать, какое направление избрал тот или иной исследователь, чтобы понимать ход его мыслей. Положительный эффект такой дискуссии – формирование критериев, оснований для периодизации, т.е. выявление определяющих факторов развития истории слова.

2. Время и интенсивность процесса «славянизации» в русской лексике. Причем здесь важно не только количественное преобладание или уменьшение числа славянизмов, но их влияние на словообразовательные процессы, на общую стилистическую тональность контекстов и отсюда – на «заражаемость» разговорной и просторечной лексики книжно-славянскими интонациями.

3. Интенсивность процесса освоения просторечно-разговорной лексики литературным языком. Если принять во внимание разговорный элемент в агиографических текстах XV–XVIII вв., обилие диалектных и просторечных лексем в деловой письменности, начиная со времени первых берестяных грамот, влияние московских канонov приказного письма, то, вероятно, следует признать старорусский литературный язык гораздо более демократичным, чем это пока декларируется сложившейся научной традицией.

4. Временные границы и интенсивность влияния иноземных элементов на развитие русского слова по периодам: греко-византийское воздействие, тюркоязычное влияние, финно-угорское взаимодействие, украинско-польское посредничество, западноевропейское (немецкое, французское, английское) влияние и т.д.

5. Факторы, определяющие развитие словарного состава в каждый конкретный исторический период, и те языковые страты, в которых в этот период происходят решающие для всего лексикона динамические или функционально-стилистические изменения.

6. Типология лексических групп, динамично меняющаяся с изменением факторов развития лексико-семантической системы. Для этого, вероятно, необходимы сравнительно-сопоставительные исследования структуры нескольких лексико-семантических групп с учетом специально избранных критериев, например: способность группы к номенклатурному дроблению; соотношение родовых и видовых наименований в составе группы; степень аналитичности группы (соотношение числа мотивированных и немотивированных слов); степень развития синонимичности в группе (отдельно – для родовых и видовых слов); контекстуальная закреплённость значений и т.д.

Рассмотрим одну из указанных особенностей с учетом её проявления в старорусской лексике. Способность группы к номенклатурному дроблению, с одной стороны, стимулируется социально-культурными и иными потребностями социума в наличии разнородных и разнохарактерных реалий предметного мира или духовных явлений, а, с другой стороны, ограничивается множеством ситуаций, когда точное название предмета не обязательно. Причем это в равной мере касается как наименований предметов (слов с конкретным значением), так и названий духовных процессов и действий. Обычно это называют диффузностью или синкретизмом значений [4;5]. Но, во-первых, размытость границ денотата – нормальное явление в номинации и в повседневной речевой практике (кто из нас, кроме профессионалов, разбирается хотя бы в разновидностях сосудов для питья, столовых тарелок, ножей и пр.?!). О размытости как общем свойстве денотативных границ писал У. Лабов [6]. Размытость границ денотатов обуславливает нечеткость смысловых границ многих слов. Во-вторых, следствием вышесказанного является отсутствие жесткой закреплённости слова за реалией определенного вида [7]. Можно говорить о существовании взаимозависимости между объединением функционально близких реалий и группой соответствующих им слов: почти все близкие по внешним признакам реалии могут быть названы почти всеми словами соответствующей лексической группы, т.е. почти каждая отдельная реалия сообщества может быть названа почти любым или во всяком случае несколькими словами из соответствующей лексической группы: *блюдо – тарелка – ставец, ларец – скрыня – коробка – шкатулка*. См. характерные признания старорусских писцов: *В прежних переписных*

книгах тот сундучок написан скриня с черпаками шитими (1690 г. – Русская историческая б-ка., т. VIII. Спб., 1884, с. 965); В прежних переписных книгах написана та шкатунка скринка подорожная небольшая с посудою оловяною столовою (там же, с. 1039). Если это называть проявлением синонимичности лексем, то, вероятно, это и синонимичность особого рода.

7. Неодинаковая значимость лексем и целых лексико-семантических и тематических групп для речевой практики социума и главное – неодинаковая роль их в процессе функционирования и развития лексико-семантической системы языка. Составление реестра актуальных в этом отношении лексем и лексических групп – важная задача исторической лексикологии русского языка.

Названные общие проблемы развития лексикона могли бы быть учтены в обобщающей монографии по исторической лексикологии русского языка, которая стала бы одновременно важным моментом консолидации мнений ученых. По крайней мере, несогласные с концепцией обобщающего труда могли бы заявить о своем видении этих проблем, что способствовало бы дальнейшему прогрессу науки об истории языка.

Проблемы, касающиеся истории отдельного слова

1. Один из наибольших грехов в работе над историей отдельного слова – это некорректный выбор источников. Прежде всего мы имеем в виду случаи, когда источником (одним из источников) избираются словари. Некоторые коллеги, особенно юные, относятся к словарю, как к Библии, и без раздумий переносят в свои работы все данные словаря, включая их ошибки, огрехи и прямые недостатки. В одной из своих работ мы уже показали, как плохо соотносятся совершенно темные, семантически невнятные цитаты и содержащиеся в некоторых новейших лексикографических трудах толкования значений слов, как исследователи, не имея семантически прозрачных и ясных иллюстраций, приписывают «историческим» словам значения из словаря Даля или современных диалектных словарей [8]. По справедливому мнению Н.Ю.Шведовой, все групповые отношения, в которые вступает слово (частеречные, лексико-семантические, собственно грамматические, словообразовательные – для производных слов, деривационные, синтаксические связи, семантические связи, стилистические, функциональные – сфера упот-

ребления, хронологические и локальные, квалификационные и оценочные, орфоэпические, акцентологические, орфографические), должны быть в той или иной мере подтверждены иллюстрацией – оправдательной цитатой [9]. Ср. по этому поводу замечание Л.В. Щербы: Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров [10]. Между тем иногда исторические словари фиксируют историческую лексему почти как экзотическое явление вместо того, чтобы давать разнообразный материал, иллюстрирующий значения слова и особенности его употребления. Сдержанное отношение исследователя к памятникам письменности или боязнь работы с ними – верный признак поверхностного труда. Без глубокой основательной работы с текстами не может быть научной истории языка. Иерархия исторических источников (по степени их значимости для исследований по истории русского слова) видится нам следующим образом: а) исторический текст (оригинал или добросовестная публикация), б) словарь языка соответствующей эпохи, в) научные источники по истории материальной или духовной культуры соответствующей эпохи (по истории той сферы жизнедеятельности общества, к которой имеет отношение фрагмент изучаемого лексикона), г) словари языка более ранних или более поздних периодов.

Для истории русского слова нет источника более надежного и более коварного, чем исторический письменный текст. В свое время профессор С.И. Котков (1906–1986) сформулировал основные требования к лингвистическому источнику и тем самым заложил начала лингвистического источниковедения (см. его книгу «Лингвистическое источниковедение и история русского языка». М., 1980). Специалисты по исторической лексикологии и знают, что контекст, извлеченный из письменного источника, иногда оказывается единственным, к тому же и невнятным в отношении лексической семантики исследуемого слова. Идеально, когда исследователь имеет дело с оригиналом – рукописным текстом источника и квалифицированно читает и интерпретирует его. Проблематично вести исследование на основе изданного источника, здесь решающую роль играет личность автора издания и зависящий главным образом от этой личности «критерий достоверности» [11]. Разные источники неодинаково отражают историю слов и динамику лексико-семантических процессов в языке: одни фиксируют смещение родо-видовых соответ-

ствий в тематической группе, другие запечатлели процесс движения «от конкретного к абстрактному» в пределах одного текста. Укажем ещё на гапаксы и созданные воображением публикаторов и исследователей псевдогапаксы и вспомним отношение И.И.Срезневского к подобным словам-недоразумениям: когда он сомневался в подлинности существования слова, то вносил его в словарь со знаком вопроса, намечая перспективу в разрешении вопроса для будущих исследователей.

Необходимо учесть, что история русского слова XVIII–XIX вв. изучалась некоторое время главным образом на основе печатных источников (например, это стало принципиальным положением для составителей Словаря русского языка XVIII века, см. также работы Сорокина Ю.С., Веселитского В.В.), что, естественно, не обеспечивало всей полноты картины явлений и процессов, происходящих в словарном составе, особенно для XVIII в, когда преобладали столичные издания, а провинциальная печать и книгоиздания фактически отсутствовали. Между тем обращение к местной письменности (см. работы Глинкиной Л.А., Выхрыстюк М.С., Малышевой И.А., Никитина О.В., Трофимовой О.В. и др.) существенно расширяет представления о всей картине происходящего в языке (12). Применительно к XIX веку, когда заметно возросла местная пресса (губернские и епархиальные ведомости, записки архивных комиссий, адреса-календари и т.д.), появились краеведческие издания, можно сосредоточиться на этом массиве источников.

2. Второе обстоятельство, снижающее качество исследований, — это невнимание к сочетаемости слова, нежелание учесть разнообразные контексты употребления слова (атрибутивные, объектные и т.п.), хотя для исторического слова, когда исследователь не может опереться на собственный опыт носителя языка, эти вещи более важны, чем для современной лексемы, тем более что с этим связано и выявление многообразных вариантов и модификаций самого изучаемого слова: фонетико-графических, словообразовательных, морфологических и пр.

Мнение о начале в национальный период осознанного отношения к проблемам развития и функционирования языка вполне справедливо и никем не оспаривается. Тем любопытнее более ранние (до XVIII века) примеры внимания к речевым фактам, особенно процессам номинации, у древнерусских книжников.

В период Московской Руси кодифицирующая роль московского приказного делопроизводства проявлялась в том, что, используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь. Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова. Вот показательные примеры такого рода (иллюстрации передаются средствами современной графики; курсив везде наш – Г.С.): *да на твои, великого государя, большие товарные весы важня... а важня, государь, учинена для тово, что они товары на том дворе весили... на том же дворе сарай, где соль кладут* (1663 г., роспись построек, Псков – Рус-швед. отн., 226); *поставлена швальня шьют на братью всякое брацкое платье* (1684 г., опись С.-Прил. м. – ВОКМ, № 2163, л. 198); *поставил театрум, то есть каменное зело высокое здание со многими теремы для всяких комедий, то есть действенных потех* (1670 г. – Космография, 384); *указал учинити комедию ... и для того действия устроить хоромину вновь... И по тому великаго государя указу камидейная хоромина построена* (1672, Дворцовые разряды – Лет. рус. лит-ры, 28).

Именно функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд, поэтому старорусские лексикографы, раскрывая значение слова, тоже иногда указывали на назначение предмета: *Врачебница: дом где лечат; Бодец: остен чем волы поганяют* (Бер. 16, 17, 187); *Журавель: очень чем воду черпать* (1700 г. – Номенклятор немецк. 20).

Дополнительно заметим, что указание на род занятий, на выполняемую работу часто выступало мотивирующим признаком для номинации лица по профессии, что подчеркивает социальную значимость этого качества в оценке личности древним русичем: *Жил в дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; нанели дрововоза Нечку Росиху из ысад к варнице дров придвигати; розгребалицикомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз, наимовали вожелников возити навоз в поле* (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, оп. 1. №6, л. 49, 49 об., 142 об.); *К Велику дни варили пиво.*

Пивовару дал от варенья два алтна четыре денги (1655 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, №46, л. 48 об.); дано рукавишнику слобожанину Федру от исподок от вязаня пят алтнъ (1622 г., кн. пр.-расх. арх. – ГАВО, ф. 883, №12, л. 170 об.); дано бочернику от набою от бочек и от чанов набивал обручи (1633 г., С.-Пр.м. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, №33, л. 23); наимовал изженницъ рож жат (1638 г., Вологда, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 883, №18, л. 126); наимовал бороноволокъ паренину боронити и навоз вываживат осмерым вываживалником дал б ал 4 де (1663 г., пр.-расх. кн., Вологод. у. – ВОКМ, № 2284/4131, л. 9 об.); работат ему и жит в подконюшниках и пасти коней у мнстря в поскотине (1689 г., пр.-расх. кн. Тр.-Гледен. м. – ВОКМ, №9548, л. 10).

Оценим другой прием характеристики предмета, также часто употребляемый писцами. Стремясь точно и ярко описать предмет, древнерусский книжник использовал тождесловы – слова той же лексико-семантической или тематической группы: родовые наименования или названия, представляющие разные стороны и качества описываемой вещи. Писец – создатель текста использовал синонимические наименования (однословные и составные) внутри одного и того же текста, в том же или следующем предложении: *жили во дворе в детех наемные казаки Бгдашко да Антонко... наимовали во двор в детеныши Ивашка (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, №6, л. 48 об.); смечали и ценили в Шуе торму и около тормы тын и сторожню... торемная изба в тыну трех сажен да изба стороженная полутретьи сажени (1636 г., роспись, Шуя – АЮБ-III, 375); и как мы будем у коровья дворца, и те люди проводили нас в Ивановской монастырь... нас проводил от коровии в Ивановской монастырь (1636 г., В.Устюг, явка – АХУ-3, 193); нанял Михея Григорьева сна Кожина в валежь на четыреста сажень... нанял на четыреста сажень на валежные дрова (1655 г., Тотьма – ГАВО, ф. 512, №46, л. 67); вышел на боровое место на сухмен... прилегли места сухменные и нетравяные в тех местах (1689 г., Вологод. у., записка – ГАВО, ф. 1260, кор. 11); лежал в сторожке без памяти... Фаддеико к нему монаху для посещения в сторожню приходил... Иеромонах Герман постригал ево Макария в городе Каргополе в торемнои сторожевой избе (1690 г., Каргополь, допрос – Олонецк. сб.-3, 120).*

Подобные случаи свидетельствуют о стремлении писца и к более точному обозначению реалии, и к разнообразию языковых средств. Последнее обстоятельство было решающим при создании художественного текста, см.: *Некий человек дом имея великий прилучен же бе стеною ко хлевинке убогаго некоего работнаго человека... дивяшися убогаго житию, како в хижнице своей и в толиком убогом жителстве непрестанно веселится..., прииде же ко убогому во убогий домик его, вопроси жену его... принесох аз мех сребра тайно и привесих во дверех храмины твоя* (кон. XVII в. – Державина. Великое Зерцало, 347-348). Приведем пример сознательной рефлексии писца по поводу слов *сенник – потклет* в Домострое при описании свадебного чина: *И как время приспеет, пошлют от тесня к жениху старшиего слугу сказати, что дружка и сваха едутъ с постелею, велите оуказати сенникъ, и к которому месту приехати, а по обычному потклетъ; и как приедут на дворъ и идут в сенникъ а по простому в потклет* (XVII в. – Домострой. Заб. 172, 183). Здесь *сенник* оценивается как слово высокое, соответствующее значимости свадебного обряда, а *потклет* – обычное, простое, разговорное.

Этот прием среди прочих активно использовала лексикография той поры, ср. разные приемы определения значения слова в словаре П.Берынды: *Гостиница: домъ гостинныи; Дреколь, алябарта, галябарда, albo кий, сокира, рогатина; Преторъ: ратушь, домъ судовыи, судилище; Хранило, хранилище, стражъ: сторожа, вежа, або башта, где стражъ стережет, темница* (Бер. 28, 33, 97, 145). Ср. то же в словарях XVIII в.: *Рожонъ, остень* (1700 г. – Номенклятор голланд. 76); *Килимъ, или коверъ; серги, зри оусерязи; Оужище корабельное, или конатъ* (Поликарп. 314, 642, 730).

Третья особенность характеристики предмета древнерусским писцом – подчеркивание его особого признака. Учитывая разнообразие бытовых реалий и иных предметов материальной культуры, множественность их наименований на огромных российских территориях, древнему русичу в интересах общения с жителями других областей приходилось выбирать такие номинативные единицы, в которых легко вычленялся мотивировочный признак или достаточно точно назывался характерный признак предмета: *дровяник, книгохранильница, портомойня, столовая – горница столовая, изба кожевная, сарай кирпичной, камидейная полата*.

Таким образом, необходимость характеризовать предмет побуждала древнерусского писца к поиску адекватных средств для описания предмета, заставляла задумываться над смыслом слов и выражений. Практика составления разного рода описей (рописей, списков) в средневековой России была повседневной: этого требовала торговля, таможенное дело и судопроизводство, родственные и коммерческие отношения и т.п. Самым тщательным образом описывалось любое имущество, вплоть до заплаты на одежде. Наиболее актуальными, как показывают наши наблюдения, явились три способа описания (и соответственно – именованя) предмета: 1) непосредственное указание на функцию, предназначение предмета; 2) указание на несколько типичных свойств предмета с помощью синонимического ряда; 3) указание на самое характерное свойство предмета через мотивировочный признак наименования. Во всех этих случаях писец должен был и этнографически точно описать предмет, и по возможности точно назвать его или привести ряд тождесловов, связанных с понятием о данном предмете. 3. Важный момент – частота употребления, о которой во многих случаях исследователи нам ничего не сообщают. Представляется, что все случаи немногочисленного, особенно единичного употребления должны обязательно указываться. Применительно к слову в историческом контексте это особенно важно. Индивидуально-авторские слова и окказионализмы в пору абсолютной диалектной свободы, диктата узуса над нормой были тогда более частыми, чем сейчас. Недопустимо приписывать слову несвойственную ему (в практике исследований – как правило, более позднюю) семантику, сочетаемость, употребительность или особенность функционирования.

4. С проблемой употребительности связана и нечасто упоминаемая проблема единства и тождества исторического слова. Слово не может быть одним и тем же в разные исторические эпохи. Но какова степень его изменчивости – вот постоянный вопрос для историка языка. Приведу простой пример: ведро в древнерусский и старорусский период было предметом бондарного производства, то есть – деревянным, реже – плетеным из бересты, лыка (это был двойной цилиндр). Металлические и пластмассовые ведра – продукт нового времени. Старинные ведра входили в иной, нежели современный, ряд предметов (реалий), соответственно иным было и понятие о ведре, поскольку вслед за материалом менялась форма и

функции предмета. Блюда до XVIII в. были чаще деревянными или глиняными. Бритвы в допетровскую эпоху были только ручными и напоминали складной нож (см. археологические показания [13] и рисунки этих реалий в «Букваре» Кариона Истомина 1694 г.). Меняющийся материальный мир существенно влиял на семантическую структуру и стилистический статус слова, обозначающего изменившийся предмет.

5. Следующее обстоятельство – разнообразие контекстов употребления слова. Абсолютной закрепленности слова за определенными типами контекстов, кажется, никогда не существовало, и это требует внимательного прочтения и тщательного расписывания многих текстов, независимо от того, какой фрагмент лексикона является предметом исследования. Особый случай – библейские тексты или произведения, являющиеся переложением Библии или созданные на основе Библии. Первооснова употребления в них многих лексем спрятана в глубине веков и в многообразии языков-посредников, и потому функционирование лексемы в таких текстах слабо объясняется особенностями русского языка. Тем более важно разобраться с генезисом таких лексем или оборотов.

6. С этой проблемой связано другое – необходимость учета особенностей текста, например, учет специфики древнерусского литературного текста с позиции древнего русича. Ведь образцовым в ту далекую пору считался текст, максимально повторяющий все достоинства образца, избранного для подражания. Поэтому в текстах, которые в общественном мнении Древней Руси были особо значимы, полагалось в максимальной степени воспроизводить фразеологию и стилистику выбранного образца. Любое отступление было не только литературным грехом, но и религиозной ересью. Возможно, мы, привыкшие к индивидуально-авторской манере изложения, объявляем шедевром древнерусской литературы то, что древнему русичу казалось отступлением от литературного этикета и книжного канона, то есть было дурным с его точки зрения. Заметим, что по-другому ситуация складывается в XIX веке. События Отечественной войны 1812 года способствовали формированию нового для России явления – публичного общения и формирования новых форм и средств публичной речи. Но эти первые ростки (ростопчинские листки-афиши, прокламации Генерального штаба, устные речи Кутузова, Денисова и др., вошедшие в фонд солдатской мифологии)

имели слабое продолжение в агитационной литературе декабристов. До реформ 60-70 гг. XIX века в России не было необходимости в новых формах общения. Поэтому так популярны были письмовники с шаблонами различных писем, разного рода руководства по написанию деловых бумаг, а для устной речи обязательны каноны классической риторики. Отмена крепостного права и последовавшие за этим земская и городская реформы, введение суда присяжных, оформление торгово-коммерческой и кредитно-финансовой сфер, развитие машинного производства и кооперативного движения существенно повлияли на обогащение лексики, на стилистическую перестройку лексической системы. Церковно-проповеднический стиль, судьба которого ещё мало изучена [14], продолжал жить в то время своей жизнью, отчасти оказывая воздействие на некоторые формы литературного выражения. Риторика перестаёт быть образцом ученой словесности. Разнообразие форм выражения при неуважении к прежним канонам, дух практицизма обусловили замену риторики ортологией. Направление, заданное автором с псевдонимом Н. Абрамов [15], не получило поддержки, зато более простое по исполнению руководство В.И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» стало на долгие советские годы ориентиром для направления, обеспечивающего стабильность и клишированность любых форм публичной речи. Что любопытно, практически не было устной формы публичного выражения. «По бумажке» полагалось выступать в эфире (причем с предварительной записью) и на любом публичном собрании.

7. Проблема типов текста и обусловленность этим лексико-фразеологического наполнения текста – одна из важнейших, но пока типология древнерусских текстов основывается преимущественно на тематическом содержании текста, что явно недостаточно даже для того, чтобы предсказать лексическое наполнение текста. Типология текстов национального периода, с легкой руки М.В. Ломоносова, оказалась связана с жанрами, что имело свою историческую истину для короткого исторического периода, но нельзя признать абсолютно идентичным реальному положению вещей в другие эпохи.

Рассмотренные вопросы не исчерпывают всего списка актуальных проблем исторической лексикологии. Нашей задачей было обратить внимание на наиболее злободневные, от которых зависит

объективность исследований в тех сферах лингвистической науки, которые опираются на данные исторической лексикологии и исторической лексикографии русского языка.

Источники

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. I–III. Спб., 1890, 1894, 1908 (РИБ, т. 12, 14, 25).

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. т. I–III. СПб., 1857–1884.

Бер. – Лексикон словеноросский Памви Беринди. Киев, 1961.

ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

Державина. Великое Зерцало – Д е р ж а в и н а О.А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

Домострой. Заб. – Временник Общества истории и древностей российских. 1850, кн. 6.

Космография – Книга глаголемая Козмография сиречь описание сего света земля. СПб., 1878–1881.

Лет. рус. лит-ры – Летописи русской литературы и древности, 3. М., 1861.

Номенклятор голланд – Номенклятор (лексикон на латинском, русском и голландском языках). Амстердам, 1700.

Номенклятор немецк. – Номенклятор (лексикон на латинском, русском и немецком языках). Амстердам, 1700.

Олонецк. сб. – Олонецкий сборник, вып. 3. Петрозаводск. 1901.

Поликарп. – Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, слинногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

Рус-швед. отн. – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов. М.; Л., 1960.

Примечания

1. Историческая лексикология и лексикография русского языка. Методические материалы. Вологда, 1988.

2. См., например: *Астахина Л.Ю.* Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М., 2006; *Васильев А.Д.* Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск, 1997; *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001; *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Вып. 1–5. СПб /разные годы изданий и переизданий/; *О.А. Черепанова, К.П. Смолина.* Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 5. Спб., 2000.

3. *Судаков Г.В.* Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется

вечность»: Сб. научных трудов памяти З.М.Петровой. СПб.: «Наука». 2007, с. 331-341.

4. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973, с. 95; *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 168.

5. *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979, с. 19.

6. *Лабов У.* Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983.

7. См. подробнее в нашей работе: Предметно-бытовая лексика в ономазиологическом аспекте // Вопросы языкознания, 1986, №6, с. 106-111.

8. *Г.В.Судаков.* Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005, с. 129-137.

9. *Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. М., 1988, с. 7-8.

10. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 285.

11. Современные проблемы источниковедения русской исторической лексикологии рассмотрела Л.Ю.Астахина в своей книге «Слово и его источники» (М., 2006).

12. *Выхрыстюк М.С.* Тобольская деловая письменность второй половины XVIII века в аспекте современного лингвистического источниковедения. Ч.1-2. Тобольск, 2006-2007; Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск, 2004; *Мальшева И.А.* Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII века // ВЯ, 1998, № 3, *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв). М., 2004, *Трофимова О.В.* Жанровообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности). Тюмень, 2002.

13. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968.

14. См. работу: *Ипатов С.Н.* Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века (на материале творчества святителя Игнатия). Вологда. 2004.

15. *Абрамов Н.* Дар слова. Искусство излагать свои мысли. СПб., 1900, *Абрамов Н.* Дар слова. Искусство писать сочинения. СПб., 1901.

Л.Я. Костючук
Псков

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО СЛОВА: РОЛЬ ТЕКСТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Слово как главная единица языка, связанная со всеми уровнями, занимает особое место в системе языка. Недаром В.В. Виноградов ставит слово в центр изучения русского языка – вспомним заглавие

его знаменитого труда: «Русский язык. (Грамматическое учение о слове.)», – выдержавшего несколько изданий [см. Виноградов 1938; 1947; 1986].

Многоаспектность исследования слова связана с разнообразными свойствами слова. И все-таки лексико-семантическое рассмотрение слова главенствует в системе знаний о языковых единицах вообще и о слове как главном номинативном средстве для обозначения понятий о соответствующих участках действительности.

Слово как основная единица лексического уровня требует его представления таким образом, чтобы с учетом любого подхода к слову можно было использовать слово и в разных теоретических исследованиях, и в практическом его понимании при коммуникации. Слово способно передать очень богатую языковую информацию и понятийного, содержательного плана, и разнообразного коннотативного плана, поскольку коннотативные смыслы часто сопровождают понятийно-содержательный план номинативной единицы.

Будучи наиболее ярким представителем знаковой системы, слово допускает прежде всего наиболее эффективную демонстрацию свойств знака при разъяснении сути языкового знака (см. подход к языковому знаку Ф. де Соссюра [Соссюр 1977]).

Сведения из истории языкознания, при выяснении специфики познания языка на протяжении человеческой истории, хорошо подтверждают, что получение сведений о слове и о других фактах языка, благодаря слову, всегда требовало от человека особым образом расположить слова прежде всего в лексикографических трудах. Ведь современник лексикографа или представитель последующего времени вынужден был обращаться к словарям как к удобному источнику для выяснения в первую очередь значения номинативной единицы.

Понимание лексемы позволяет многое узнать из текста из соотношения однокоренных единиц друг с другом и с другими единицами и в синхронном, и в диахронном аспектах. Без понимания значения, смысла нельзя ввести необходимую единицу в новый контекст, адекватно выразить соответствующие знания и передать необходимые сведения.

Итак, работа со словом требует учета и узнавания закрепленных узусом значений в номинативной единице. Однако подчас текстовое значение у лексемы для обозначения соответствующих сторон дей-

ствительности оказывается наиболее значимым. Это то, что в Псковском областном словаре с историческими данными [ПОС 1-18] часто подается как употребление (за знаком горизонтальной черты): не будучи закрепленным в общерусском языке в разной степени регулярное употребление слова отражает частный сдвиг значения в конкретном для использования словесном окружении. Б.А. Ларин предложил в словарные статьи Псковского областного словаря внести знак употребления для более достоверного показа лексико-семантической деривации [Ларин 1961]. Этот раздел разъясняется в двух редакциях инструкции, помещенных в выпусках Псковского областного словаря [Семантическая характеристика слова – ПОС 1: 11; ПОС 15: 32]. Чтобы сделать такую помету в словаре, требуется пристальное внимание ко всем контекстам употребления слова, понимание степени закрепленного смысла за лексемой в диалектной речи. Все это означает, что подтверждение динамики в значении пока еще немногочисленными примерами не дает оснований для статуса отдельного значения. Но в то же время нельзя «потерять» местные семантические особенности, которые способны проявиться и в других регионах, или укрепиться в данном.

При сборе материалов для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) по теме «Природа» [Программа 1994] псковичи обнаружили неожиданное название *нора* в Печерском районе (пункт 120 на картографируемом пространстве русских народных говоров Европейской части Российской Федерации при составлении карты для ЛАРНГ) и в Дновском районе (пункт 122) для обозначения реалии «кучка земли, нарытая кротом». Первое решение было таким: как будто стоит отвергнуть такой ответ как противоречащий логике: в литературном языке лексема *нора* служит для называния элемента «отрицательного» ландшафта, а в говорах диалектологи встретились с наименованием для элемента «положительного» ландшафта. Но традиция лексикографической Ларинской школы, которая требует максимально полной фиксации собираемого диалектного материала, причем по принципу полного сбора лексических фактов, когда на фоне общерусского яснее предстает специфика диалектной речи [Ларин 1961], удержала от поспешного решения. Такой ответ был оставлен в отчете, внесен в картотеку архива ЛАРНГ, тем более, что примеры были убедительными, достоверными, хотя сначала и единичными.

З.В. Жуковская, автор указанной карты, исследуя весь собранный диалектный материал по Европейской части России на данный пункт Программы ЛАРНГ и составляя карту ЛСЛ 215 по указанной теме [Жуковская 2004], выяснила, что данное название, часто наряду с другими, более известными типа *крово́вина*, *кучка*, отметили, оказывается, собиратели материала и по другим говорам (в 48 пунктах) на большом пространстве Европейской части России: например, в Архангельской области (пункты 16, 22 – *нора*), Карелии (пункты 8, 15 – *нора*), Вологодской области (пункт 45 – *норка*), Пермской области (пункт 69 – *нора*), Кировской области (пункт 89 – *нора*), Ростовской области (пункты 959, 989, 992 – *норка*), Краснодарского края (пункт 1029 – *нора*) и др. Поддержано наименование *нора* для указанной реалии производным, суффиксальным дериватом *норка*, описательным названием *крятова́я нора́* в Себежском районе Псковской области (т.е. опять в псковских говорах), причем одновременно с типичной лексемой *крово́вина* [Жуковская 2004: 101-104].

Сопоставление наименования *нора* с синонимичными наименованиями других корней (однословными и составными), обнаружение фактически явления энантиосемии у общерусского слова с корнем *нор-* (название указанного природного факта многозначной лексемой с совмещением сем, предполагающих углубление и возвышение) – все это позволило от как будто ошибки при сборе материала прийти к признанию указанного слова как своеобразного народного наименования кучки земли, нарытой кротом. Это отражено на карте и в комментарии к карте в Пробном выпуске Лексического атласа русских народных говоров [ЛАРНГ. Пробный выпуск].

Специфика сбора материала для атласа очевидна. Собиратель в своем регионе стремится обнаружить в конце XX – начале XXI веков наименование для соответствующей реалии, которая будет представлена на общей карте и которая актуальна для настоящего времени (это строго синхронный подход) или для прошлого периода, измеряющегося обычно для живых диалектоносителей двумя-тремя поколениями. Ведь информант вспоминает и сведения и названия, полученные от родителей или от дедушек-бабушек и еще не забытые им в период бурного XX века, когда разрушился традиционный уклад сельской жизни, а память в большей или меньшей степени сохранила слова и образ самих реалий по рассказам старшего

поколения. В последнем случае проявляется динамика в лексико-семантической системе. И эта динамика должна быть выяснена и своеобразно зафиксирована в результате многоаспектного исследования, проводимого картографом.

Весьма своеобразна лексикографическая работа по созданию такого уникального словаря, каким является Псковский областной словарь с историческими данными [ПОС 1-18...]: это областной словарь не дифференциального, а полного типа (т.е. с лексикографированием и общерусских слов, попадающих в поле зрения собирателя и составителя словаря) и одновременно региональный исторический словарь (т.е. с показом лексем из местных, псковских памятников письменности) [Ларин 1961; 1967]. Такая лексикографическая практика позволяет на основе текстовых сведений обстоятельнее показать лексико-семантическое своеобразие не только отдельного слова, но и целого гнезда однокоренных слов на протяжении длительного периода времени. Осуществляется детальная разработка словарных статей с толкованием значений, разграничением омонимии; установлением синонимии, устоявшихся, узуальных значений, подчас и с обнаружением и фиксацией начинающихся семантических сдвигов.

Отметим некоторые примеры. В недавно вышедшем выпуске 18 Псковского областного словаря лексема *масленик* с вариантом *маслѣник* обнаруживает конечный служебный морфемный комплекс [-еник], бесспорный корень *масл'*-. Это как будто очень прозрачная по структуре лексико-словообразовательная единица, ясно представляющая сему 'масло'. На самом деле лексико-словообразовательная единица является сложной и в семантическом плане (какую реалию она называет?), и в еще большей степени в словообразовательном аспекте, в частности при выделении словообразовательного форманта. Необходимо выяснить семантико-словообразовательную мотивацию, чтобы адекватнее определить словообразовательный тип (или словообразовательные типы, скрывающиеся за многозначным словом). Какая мотивация наиболее актуальна: существительным *масло*?; отглагольным прилагательным *масленный*?; вероятно, не глаголом *маслить*?

Однако отнесенность наименования к разным реалиям – предметам («посуда для масла», «выпечное изделие на Масленицу», «гриб»), предполагает в значениях этого названия *масленик* / *мас-*

лѣник наличие семы 'масло' в прямом или метафорическом понимании, помогает выделить два омонима, которые при словообразовательной интерпретации заставят в едином звуковом комплексе (звуковом плане выражения) выделить разные морфемы, если следовать не абстрактному, а более строго мотивационному объяснению содержательной стороны слова. [См. лексикографический материал: ПОС 18: 26 и др.].

В Псковской писцовой книге конца XVI века была обнаружена лексема *масленик* в значении 'торговец маслом' (с семой 'лицо, человек', в отличие от семы 'предмет' в современных псковских говорах). Автор словарной статьи [ПОС 18: 26] считает эту лексему отдельным словом, помещая его в исторической части на соответствующие лексемы, т.е. трактует потенциальным омонимом к возможным в древнерусском языке словам-омонимам с предметными значениями, как это наблюдается в современных псковских говорах [ср. трактовку слов в СлРЯ XI-XVII вв. 9: 22]. Решение вопроса о словообразовательном типе для такого слова, естественно, будет другим (в данной статье словообразовательные вопросы детально не рассматриваются, но, безусловно, постоянно имеются в виду: специфика многозначного слова допускает совмещение в одном плане выражения разных планов содержания при разных словообразовательных мотивациях и словообразовательных значениях).

Показательна и текстовая реализация слова в соответствующем словесном окружении (контексте). Это проявляется и в современном диалектном материале псковской народной речи, и в текстах псковских памятников прошлого. Так, слово *межа* известно современным псковским говорам прежде всего в значении 'граница между сельскохозяйственными участками в виде а) нераспаханной полосы, на которой растет трава; б) канавки, небольшого рва; в) протоптанной дорожки на вспаханной земле' [ПОС 18: 104-107].

Вопреки этимологии общерусского слова *межа*, предполагающего идею 'середина; между', в современной народной речи при использовании существительного *межа* в соответствующих контекстах обнаруживается устоявшийся, общепризнанный переносный (на основе метонимии) оттенок 'край, граница земельного участка, поля' в пределах третьего блока (см. в) 'в виде протоптанной дорожки на вспаханной земле') для семантически объединенных употреблений слова: *ураница поля – межа́* (Пустошкинский район);

Адбили мне футар, указали межу, сталоп поставили, фсем так (Пушкиногорский район). Синонимичным этому является суффиксальное однокоренное образование *межник* [ПОС 18: 121], у которого при иной системе значений указанное выделено как самостоятельное, а не как оттенок к одной из разновидностей исходного значения.

Псковские грамоты XIV – XV веков, опубликованные и С.Н. Валком [ГВНП], и Л.М. Марасиновой [Марасинова 1966], фиксируют частные земельные отношения древних псковичей. Поэтому особенно в таких документах так важны подробные описания границ земельных участков в ведении каждого землевладельца. Слово *межа* в этих памятниках в значениях, связанных с земельными участками, частотно; это позволяет взглянуть в его функционирование. Не случайно было обнаружено как употребление в пределах общего значения у существительного управление дательным падежом (*чему*) со стороны этого слова: *А межа орамой земли и болоту Грамской путь* [ГВНП, № 345, XV в.]. Такое сочетание со словами контекста подчеркивает сему ‘граница’ для определения положения земельного «орамого» участка, в отличие, например, от болота (указывается грань, разграничение между участками, пригодными и не пригодными для обработки), что очень важно в профессиональной деятельности крестьян.

Следовательно, своеобразие контекста способно повлиять на содержательную сторону слова, что может быть более или менее стойко закреплено в лексико-семантической системе. Постоянное взаимодействие стабильного и динамичного в слове на протяжении большего или меньшего временного отрезка приводит к обогащению содержательной стороны слова и всей лексико-семантической системы языка.

В докладе будет показано, как обиходные слова в контексте, например, воинского документа прошлого способны проявить свойства своеобразных воинских терминов – команд. Пользуюсь случаем довести до научной общественности текст небольшого, но чрезвычайно интересного указанного документа – «Артикуль новгородской и псковской». Этот памятник находится в «Сборнике календарно-астрологическом» конца XVII в. – 2-й половины XVIII в. на листах 237-239, среди разнообразных по жанру произведений; хранится в составе фонда ПЦИАК (Псковского церковного историко-

археологического комитета), находящегося в Древлехранилище Псковского музея, где и удалось его обнаружить. Нам приходилось уже заниматься исследованием артикула в разных аспектах. Перепечатаваю его текст по недавней нашей публикации [Костючук 2006: 56-57], сохраняющей написание каждой команды с маленькой буквы после цифры, с точкой или другим знаком в конце фразы там, где эти знаки находятся в рукописи; со слитным написанием ряда слов. Курсивом обозначаются выносные буквы; начертания букв передаются в виде современных кириллических букв.

1. клади пясть на лапасть.
2. вирь на сторону.
3. притисни на карауль.
4. пехъ перед себя.
5. бери пястья поддулцо.
6. торни къногѣ.
7. пришамни ногою.
8. гримъ наземлю.
9. шамни ногою.
10. бери пястью.
11. къ ногѣ
12. выпехни вобе пясти.
13. притисни накарауль.
14. пехъ *от*себя правую наопоко:
15. опрусь споля;
16. торни наплечо.
17. правуху награмотуху
18. притисни накарауль
19. перепал малту налевуху
20. вынимаи испорошницѣ мякотницу.
21. забиваи мякотнику закалачиваи вдулцо
22. вынимаи шемполицѣ.
23. забиваи мякотнику.
24. притисни въдругъ
25. вынимаи шамполицѣ вчад.
26. обряди встарое мѣсто.
27. притисни накарауль
28. *от*кинъ кивалцо.
29. посыпь мякотницы

30. вздымаи кивалцо.
31. приложись въ перед.
32. тресни вдругъ

Слухаи передахту

1. оба поль направо накона 2ж
2. обаполь налево накона 2ж
3. оба пол направо рядовиць стисни
4. оба пол налево рядовиць стисни
5. спузы долои

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) Ч. I-II. М., 1938; *Он же.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.-Л., 1947; *Он же.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) 3-е изд., испр. М., 1986.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.-Л., 1949. [В сокращении: ГВНП.]

Жуковская З.В. Карта ЛСЛ 215 «Кучка земли, накрытая кротом»; [Документы к карте] // Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., 2004. Карта № 17; С. 101-104.

Костючук Л.Я. Регионализмы в воинском документе прошлого (Продолжение исследования) // Русское слово в историческом развитии (XIV-XIX века). СПб., 2006. С. 54-59.

Ларин Б.А. [Введение] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.

Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.

Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Отв. ред. И.А. Попов, Т.И. Вендина. СПб.: Наука, 2004.

Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV-XV веков. М., 1956.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1-2. СПб., 1994.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-18... Л. (СПб.), 1967-2006...

Семантическая характеристика слова // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 11; Вып. 15. СПб., 2006. С. 32.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28... М., 1975-2008...

Сосюр Ф. де. Курс общей лингвистики // *Сосюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31-274.

О ПОЛНОТЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Из словарной статьи современных исторических словарей (в первую очередь [СДРЯ]) мы можем узнать лишь об общем количестве значений, выделенных составителями. Выводы о частотности того или иного значения и о его распределении по жанрам памятников, исходя из словарной статьи этого наиболее полно представляющего лексику XI-XIV веков словаря сделать крайне сложно. А это не дает возможности представить распределение значений слов в зависимости от типа письменного языка этого периода, а также проследить динамику изменения значения отдельно в книжно-письменном и живом языке, найти сходства и различия в этом процессе.

На раннем этапе составления СДРЯ вне словаря оказались тексты стандартного регистра церковнославянского языка, поэтому при анализе слова необходимо дополнительно подключать этот важнейший материал. Издаваемые сегодня тома СДРЯ (начиная с VI тома) говорят о необходимости «тщательного фиксирования в тексте словаря цитат из Св.Писания вместе с их греческими оригиналами» [Крысько: 15], что позволяет оценить значение слова более точно. Соотношение употребления слов в переводной и оригинальной письменности со значениями тех же слов в языке Св.Писания позволяют выявить для ряда слов собственно церковнославянское – книжное значение (или оттенок этого значения), определить возможный характер употребления слова в этом значении и формирования фразеологически связанных оборотов с образным смыслом.

Попробуем проанализировать с этих позиций группу бесприставочных образований с корнем «*раб-*» (отобрано по Картотеке СДРЯ XI-XIV вв.). Сейчас в Картотеке СДРЯ зафиксировано 28 слов с общим корнем «*раб-*» (и приставочные образования, которые в данном случае не привлечены). Некоторые из лексем представлены единичными примерами: «*рабичьна*» (9 примеров), «*рабичичь*» (3), «*рабыница*» (4). Интересно, что ряд образований присутствует в одном единственном фрагменте переводного текста – так, все употребления «*рабыница*» отмечены на одном листе Хроники Георгия Амар-

тола, что, возможно, говорит о попытке создать своего рода авторский неологизм переводчика. Говорить о том, что данная лексема принадлежит живому русскому языку отмеченного периода, было бы, с нашей точки зрения, не вполне точно. Дополнительным подтверждением будет отсутствие этого слова в корпусе новгородских берестяных грамот [Зализняк: 790-791].

Не менее ясно и содержащееся в Картотеке слово «*рабичьна*» (то же для «*рабичьна*»). Все 9 фиксаций показывают, что слово употребляется как существительное женского рода (что позволило Срезневскому истолковать его как «дочь рабы; рабыня» [СлСр: 3, 1, 2]). Наиболее показательный для такого толкования пример: «*о блудящихъ с чюжсею рабичною. Блудяи съ чюжсею рабичною ч(с)тень сы да подастъ о таковемъ любо деле г(с)ну рабыня злата .л. и .г..*» (МПр XIV₂, 191-191об; примеры даются в упрощенной орфографии).

Сопоставление с греческими текстами показывает, что опорным для перевода является греческое «*παῖδιον*» – уменьшительное к «*παις*», которое, в свою очередь, имеет значение «мальчик» и «девочка» (фактически относится к словам общего рода).

Зализняк, отмечая фиксацию «*рабична*» в грамоте № 500 [Зализняк: 543-544], считает его прилагательным, производным от «*рабичь*» – «сын раба». Его толкование отмеченной формы «*рабична*» – «предназначенная для побочного (от рабы) сына» – лишь предварительно и не вынесено в словоуказатель.

Но такая фиксация в берестяных грамотах позволяет и форму «*рабичьна*» считать прилагательным, возможно субстантивированным. При субстантивации прилагательного оно, вероятно, могло ставиться как в форму мужского, так и в форму женского рода. Определенным подтверждением будет зафиксированное употребление формы «*рабичнома*»: «*ки браку оуготовану. си же о(т) самого чертога съ двема рабичнома избежавши. и вседши в корабль иде во Александрию*» (ПрЮр XIV₂, 239б). Можно предположить наличие здесь формы мужского рода («**рабичьнь*»), несмотря на то что данный фрагмент текста взят из жития Ксении Миласской (Евсевии), которая, чтобы избежать предстоящего ей брака, тайно ушла из родительского дома с двумя преданными ей служанками и отплыла на корабле. Ведь в картотеке словаря есть и противоположный пример: в проложном житии преподобной Анфусы сказано: «*анфуса же*

<...> поимши две рабичне иде къ Афанасью еп(с)пу и припадъши к нему кр(с)тия о(т) него <...> и с рабичными ея» (Пр 1383, 148); «еп(с)тъ и ра[б]ичне ея стаиа предъ ц(с)рмь и по многихъ мукахъ главы ихъ оусекнуша» (там же, 148г). Известно, однако, что преподобная Анфуса была крещена и приняла смерть одновременно с мучениками Харитоном и Неофитом, которые были ее слугами.

Нам кажется, что подобная путаница с фиксацией слова как в мужском, так и в женском роде возможна в первую очередь потому, что в живом языке оно было именно прилагательным. Выбранное переводчиками агиографической литературы для перевода греческого слова, восходящего к слову общего рода, оно стало употребляться как субстантивированное, но однозначной родовой характеристики на раннем этапе развития литературного языка не получило (чему, безусловно, способствовало не всегда точное понимание греческих имен и их отношений к роду). А.М.Камчатнов говорит о раннем этапе древнерусской письменности как о периоде «анархической многозначности, усугубленной влиянием греческих текстов, переводимых в Древней Руси» [Камчатнов: 61].

Ряд отмечаемых в памятниках письменности лексем получают истолкование не путем аналогии с живым языком, а через параллель с употреблением их в текстах ветхо- и новозаветных. В число рассматриваемых нами слов входит прилагательное «рабии». В словаре Срезневского оно толкуется как «рабский; простого человека» [СлСр: 3, I, 1]. «Робии» Срезневским истолковано как «принадлежащий рабу» [СлСр: 3, I, 125]. Как притяжательное прилагательное «робии» отмечено и в словоуказателе к берестяным грамотам [Зализняк: 791]. Однако единственный пример употребления лексемы в грамоте 335 толкуется как «деньги за рабу» («робыхъ вeverиць» [Зализняк: 372-373]), то есть значения притяжательности не обнаруживает.

В картотеке СДРЯ содержится 35 примеров употребления прилагательного «рабии». В значении притяжательного (к «рабъ» в значении «невольник») оно отмечено лишь один раз: «ре(ч) Аврааму о(т)жени рабу сию съ с(н)мь ея не причастит бо ся с(н)ъ рабии съ с(н)мь свободьныя» (Пал 1406, 69в-г).

Зато около 30 примеров имеют связанное употребление в сочетании «образъ рабии» или «зракъ рабии», например: «иже себе единого в работу предасть съ многыми рабы на свободу обратися

оному оуподоблься иже образ раби приимъ вся члвкы о(т) работы адовы свободи да и мы не будемъ раби грехоу свободи бо ны Х(с)ъ» (ПрЛ 1282:137); «приимъ раби зракъ истинюу а не мечтаньемъ всячьски разве греха намъ подобны бывъ» (ЛЛ 1377, 39). Данное словосочетание не имеет опоры на какое-то значение слова «раб» («невольник» или «покорный» по словарю Срезневского), а восходит к тексту Послания Павла к Филиппийцам: «зракъ раби приимъ въ подобьи чловечи бывшии». Современный перевод этого фрагмента читается так: «приняв образ раба, сделавшись подобным человеком» (Флп 2:7). Таким образом, отмеченное Срезневским значение «простого человека» принадлежит именно такому употреблению прилагательного «раби».

Обращение к Успенскому сборнику показало, что свободного употребления прилагательного «раби» в притяжательном значении в нем не отмечено; тогда как «раби» в словосочетании «раби образ» зафиксировано шесть раз (к примеру, на 205а в Слове Иоанна Златоуста в Великий четверг, на 266г в Беседе Кирилла Александрийского). Не вызывает сомнения, что в гомилетическом тексте используется ссылка на Св.Писание, таким образом мы можем говорить о фразеологически связанном употреблении.

Мы считаем, что при составлении словарной статьи прилагательного «раби» факт связанности значения должен быть учтен. Но важно не только это: необходимо показать, что именно использование слова в данном значении является, во-первых, самым частотным; во-вторых, оно должно быть маркировано как церковнославянское.

Но факт фиксации такого церковнославянского значения прилагательного, образованного от «рабъ», требует уточнить значение самого существительного в словаре. Выделенные Срезневским значения «невольник, не имеющий силы противиться, служитель, покорный (Богу)» [СлСр: 3, 1, 5-7] требуют уточнения. Вероятнее всего, возможность формирования связанного значения у прилагательного дает фразеологизированный оборот «раб Божий/ Христов». Употребляясь в текстах, рассказывающих о ветхозаветных событиях, «раб» значит «покоренный, находящийся в физической и моральной зависимости от другого». «Раб Божий» в представлении христианина – это «добровольно покорившийся, сам пришедший к Богу» [Николенкова 2007]. Содержащееся в Посланиях Павла (Рим

б:16; Рим 6:18-22) принципиальное различие между «рабом Божиим», как он понимался до прихода Христа в мир людей, и тем «рабом Божиим», каким человек может стать в новое время, приняв веру Христову, подтверждается и анализом словарного материала. Первые употребления сочетания «раба Христова/ Троицы» появляются в текстах о первых мучениках: *«та с(в)тая лукая бе в сикилии о(т) кападокыиския страны. ята бы(с) ирискомь. викарьемь понуду ю пожрети идоломь. и не покоршиися. но исповеда х(с)ва быти раба»* (Пр 1383, 104а); *«ц(с)рь же ре(ч) к нему како нарицаеть(с) имя твое с(вя)те онъ же ре(ч) георгии нарицаюся рабъ есмь о(т)ца и с(ы)на и с(вя)тго д(у)ха»* (Пал 1406, 179-180). Объявление себя «рабом Христовым» отражает свободу принятия этого выбора, поступок, совершенный по собственной воле.

Такое употребление «раб» в устойчивом сочетании «раб Божий», которое в традициях русской письменности постепенно вытесняет «раб Христов» и «раб Троицы», безусловно, дает слову «раб» положительный оттенок смысла. Вместе с тем фразеологизированность оборота не позволяет говорить о самостоятельном значении слова «раб» в нем уже, по-видимому, к XIII веку. Постепенно слово «раб» в нем начинает терять и значение «покорившийся», и значение «покорный». Все словосочетание приобретает общий смысл «православный христианин» (обычный, один из многих): *«а положить его [пролог] рабъ бжши феодотъ прусановъ ... а писа(н) малоцны(м) и грешны(м) рабомъ бжшимъ дяконо(м) яковомъ»* (в приписке к Прологу XIV века); *«Въ лето [6768] апрѣл в [26] ... кончашася книги си отъ раба б(ж)ия леоукья»* в Праздничной Минее 1260 года.

Анализ материала картотеки показывает, что при употреблении «раб» с другими словами (сочетания «раб грехам», «страстям») формирует негативный оттенок значения слова: *«избравъ тру(д) о добродетели иже е(с) д(у)ши свобода. и рабъ быти стр(с)темь о(т)терзае(т) ся»* (ГБ к.XIV, 95г); *«оутробу же разумей не чрево но объдае(м) еже рабъ чреву объдае(л). о(т)неле же и блудникъ»* (Там же, 99г). Такое употребление «рабъ» в принципе координируется с греческим значением корня «δουλος», который (особенно в составе сложных слов) приобретает оттенок «низкий», «гнусный». Опору на это греческое значение можно найти у многих производных от слова «раб»: *«с(к)верная д(у)ше яже беспрестани жслаеши*

на гнои. и на тиноу греховную. и присно обядению работаеши» (СбЯр XIII₂, 35-35об).

Возвращаясь к группе слов с корнем «раб-», необходимо отметить еще одну лексему, где общности значения «подобно рабу» можно обнаружить противоположные по оценке употребления. Это слово «*раболепно*», истолкованное в словаре Срезневского как «рабски, как подобает рабу». Безусловно положительный оттенок можно обнаружить в примерах: «*тебе ныне раболепно служимъ*» (к примеру, в словах Кирилла Туровского); «*светила раболепно служатъ облаци и вся въздушная тварь повеленая творять*» (СбЧуд к. XIV (1), 288б). Опора на фразеологически связанное «раб Божии» придает положительный оттенок.

Заметим, что такое употребление фиксируется Седаковой как безусловно церковнославянское [Седакова: 292] и, следовательно, противопоставлено зафиксированному в словарях русского языка значению слова «*раболепный*» – «такой, которому свойственно угождать, льстить» [МАС: III, 575]. Контексты, в которых можно отметить именно негативный оттенок значения слова, отмечены в Картолке СДРЯ, к примеру, в словах Григория Богослова: «*ни крадите раболепно таи злаго любодей(н)я и сласти*». Мы считаем, что такое употребление опирается на отрицательный оттенок «рабъ страстей».

Та же двуплановость значения слов представлена в употреблении слова «*работа*». В древнейших текстах противопоставлены «*работа*» как служение Богу (с опорой на «раб Божий» и греческое *λατρεία*), как неспособность сопротивляться злым помыслам и «*работа*» как физическая несвобода человека (=«рабство»). Сравним: «*пр(о)рцьствова же о пленении и о разорении иер(с)лмове гра(д) жидовьска. и о заколении и о работе люди*» (ПрЛ 1282, 74а); «*темь не ноужею, но соудомь свободнымь повелеваемь кр(с)тъяномь быти хотящимь, а не страхомь члвчемь приводится къ бжию работе*» (ГА XIV₁, 204а) и «*влекущися семо и овамо. на работу всякия стр(с)ти на всяко дело мерзко*» (ФС XIV/XV, 189б). Если в первом примере словарь может давать толкование «рабство», то во втором и третьем примерах сложность толкования связана с необходимостью указания на положительную или отрицательную оценку. При этом, вероятнее всего, для описания негативного значения следует использовать толкующий контекст «*влечение и стремление к негативному», что будет нарушать общую структуру словарной статьи.

Есть в ранней письменной традиции и более сложные контексты: «*онъ за ны своего драгаго иночадого с(ы)на подасть на заколение. и кровью его искупи ны о(т) работы греховныя*» (СбХл XIV₁, 98об); «*мы же вл(д)кою сп(с)ни о(т) работы мыслнаго фараона дьявола*» (КТур XII сп.XIV₂, 237об).

Такие употребления совмещают значения «рабство как физическая несвобода» и «рабство духовное, нежелание осуществить выбор в пользу истинной веры». В последнем примере метафора основана на регулярно повторяющемся в повествовательных текстах ветхозаветном сюжете. Интересно, что «работа фараонова» становится устойчивым сочетанием фразеологизированного типа, встречающемся и в гомилетическом, и в повествовательном тексте. Второй компонент может опускаться в сочетании «из работы изведе», так как ассоциативная связь здесь прямая.

Анализ Усп.Сб. дал возможность отметить именно такое употребление оборота как в прямом, так и в переносном смысле: «*Моиси тако же съ аронъмь въ иереихъ бжжихъ богъ фараонови нарекъ ся муками различьнами Египта умучь бжия люди издроботы ихъ изведе*» (л. 112а, в житийном тексте); «*Придете и примете свободу отъ работы извожю бо вы издроботы въ свободу*» (л. 261б, в Слове Иоанна Златоуста).

Седакова отмечает значение такое значение слова «работа» как церковнославянское [Седакова: 292]. Напротив, словари современного русского языка это значение не фиксируют вовсе.

Наши наблюдения интересно сочетаются с наблюдениями В.В.Колесова. Говоря о понятиях «дело, труд, работа» в сознании древнерусского человека, он отмечает негативный, подневольный характер «работы», ссылаясь на греческий аналог такого понимания. Анализируя Житие Стефана Пермского и Житие Сергия Радонежского, он пишет об исконном значении слова «работа» – труд по принуждению [Колесов: 196-197]. В качестве одного из примеров приводится контекст из Жития Сергия Радонежского, где святой «дал в работах сущим освобождение» (с.197). Опора на церковнославянское употребление здесь очевидна, как и то, как фразеологически связанное значение становится основным. По-видимому, надо говорить о кристаллизации уже в языке XV века, причем в повествовательном тексте, негативного оттенка значения.

О возможности такой же оценки слова «работа» (в сопоставлении со словом «труд») говорит Т.И. Вендина [Вендина: 93-129]. Замечая, что в литературном языке «*работа*» имеет сегодня понятийные связи, не восходящие к письменности XI-XVII веков, Т.И. Вендина приводит примеры из русских диалектов, в которых употребление слов с основой «*работ-*» (в первую очередь глаголов) опирается на восходящие к древним значениям оттенки смыслов [там же: 110].

Вероятно, исторический словарь всё же не может максимально учесть все оттенки смыслов, которыми были наделены в древности слова. Поэтому мы должны наряду с историческим словарем, фиксирующим примеры употреблений слов и реконструирующим значения слов в определенных контекстах письменных памятников, задуматься о каком-то ином типе словаря, который дал бы исследователю «возможность изучить всю систему смыслов и способов их выражения в древнерусском языке» и «возможность изучать системные отношения в древнерусском языке – полисемию, синонимию, антонимию, лексико-семантические группы» [Камчатнов: 65]. Но для решения такой задачи необходимо вернуться к тому, о чем еще в XIX веке писал И.И.Срезневский – как можно более подробно составить словари отдельных памятников, обнаружив для переводных все греческие и латинские соответствия, а для оригинальных – все потенциальные значения. Тогда мы могли бы в наиболее точном виде реконструировать историческую жизнь слова.

Литература

- Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. – М., 2007.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М., 2004.
- Камчатнов А.М. О семантическом словаре древнерусского языка// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000, № 1, С. 61-65.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. – СПб., 2004.
- Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI-XVII вв.): проблемы и перспективы// Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. – СПб., 2005, С. 3-19.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999.
- Николенкова Н.В. Об одном из аспектов концепта «человек» в картине мира древнерусского книжника // Десятые Ефремовские чтения: Концепция современного мировоззрения. – СПб., 2007, С. 110-113.
- Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. – М., 2005.

И.М. Некипелова
Ижевск

**ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА
(на материале Цветной триоды XI–XII веков)***

Для развития многофункциональных web-модулей, содержащих публикации древних и средневековых славянских рукописей и текстов и справочные материалы, в настоящее время актуальными являются разработки в области моделирования лексического значения слова и его отношений в области семантики в языке и текстах древних рукописей, хранящихся в базах данных информационно-аналитической системы «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/>). В настоящее время разрабатываются правила описания типов значения каждого слова [Некипелова 2006: 140-147, 2006: 298-303]. Моделирование семантики представляет собой разработку типовой структуры семантического описания, а наполняемость этой структуры обусловлена индивидуальными характеристиками слова и его отношениями. Нами разработана структура описания значения слова, которая представлена в виде таблицы, отражающей иерархические связи слов.

Для примера моделирования семантики слова нами было выбрано слово *вода* (в исходном, совпадающем с этимологическим значением), так как оно в истории языка реализовало большое количество семантических отношений и связей. Моделирование семантики слова *вода* представлено на материале текста Триоды цветной, XI–XII в. и XIII в. (лл.1-3) (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.)), №138, 173 л. В настоящее время исследуются тексты других списков триодей, содержащихся в базе данных ИАС «Манускрипт», а также списков трио-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-4353.2008.6.

дей, готовящихся к публикации. В данном исследовании наиболее подробно рассмотрено фразеологическое значение слова.

Фразеологическое значение является элементом номинативного значения слова. Следовательно, первоначально следует разграничить понятия лингвистическое значение и номинативное значение слова. Лингвистическим значением обладают различные по объему языковые единицы – от знака до словосочетания (знак, словоформа, фразеологизм, словосочетание). Лексическим (номинативным) значением также обладают различные по объему языковые единицы – от слова до фразеологизма (слово, речевая формула, фразеологизм). Следует оговорить, что «все типы значений понимаются как дополнительные друг к другу, т.е. как части (стороны, аспекты) целого» [Никитин 1997: 51]. Это является значимым, поскольку при описании семантики слова в его истории необходимо учитывать некоторые факты, затрудняющие исследование. Во-первых, слово (вернее, его словоформы) дошло до современности лишь в определенном контексте/контекстах, что затрудняет фиксирование всех возможных употреблений слова и его связей и отношений с другими языковыми единицами. Во-вторых, описание семантики слова рассматривается сквозь призму семантических связей слова в современном языке, которых могло и не быть у данной леммы на более ранних этапах развития языка. Основную сложность изучения древнерусских текстов сформулировал В.А. Баранов: «К сожалению, до сих пор мы не всегда можем быть уверены в том, что наше понимание и интерпретация древнерусских текстов с точки зрения синтагматических связей, грамматического состава и семантики адекватны пониманию текста древними книжниками» [Баранов 2003: 16].

При описании семантики слова и его языковых связей мы прежде всего опираемся на контекст, в котором употреблено слово, и на данные различных лингвистических словарей, фиксирующих употребление исследуемого слова в аналогичных, подобных или других контекстах. Обращение к словарям помогает выявить типичность/ нетипичность/ окказиональность и регулярность/ нерегулярность употребления слова в тексте/ контексте. Это оказывается важным для выявления закономерных и случайных употреблений слова в определенный период развития языка.

На *Шаге 1*. представленного описания семантических отношений слова из возможных характеристик слова (фонетической, сти-

листической и пр.) выделяется отдельно лингвистическая типология значений слова как характеристика, выражающая непосредственно семантические отношения в широком понимании этого понятия.

Шагом 2. характеристики связей и признаков слова является описание и дифференциация лингвистической типологии значений слова. Лингвистическая типология значений непосредственно связывает их со способом языкового выражения слов. «По сути дела лингвистическая типология значения не имеет прямого отношения к содержанию и характеру выражаемого значения, а характеризуют его по уровневой природе, выражающей его языковой единицы» [Никитин 1997: 67]. Лингвистическая типология значений позволяет нам на начальном этапе выбрать два способа характеристики слова: грамматическую и номинативную (то есть собственно лексическую).

Шагом 3. является описание характеристик слова как грамматической или как номинативной (лексической) единицы. Грамматическая характеристика включает описание морфологических, словообразовательных и синтаксических связей слова. Номинативная характеристика включает описание лексических, фразеологических и словосочетательных возможностей слова. Однако разграничение лингвистических типов значений не говорит об отрыве представленных двух компонентов друг от друга.

В первую очередь нами разрабатывается номинативный тип значения, поскольку он непосредственно отражает лексико-семантические связи слова. Особую роль в развития семантики слова играют его отношения с другими словами, в том числе устойчивость употребления слова в определенном контексте. Описание фразеологического значения слова является сложной задачей, поскольку при этом следует учитывать многие факторы: время появления образования, сферу его употребления и степень распространенности, степень активности и воспроизводимости в произведениях разных жанров, расширение/сужение значения фразеологизма, а также степень слитности компонентов образования. По отношению к древнерусскому языку эта задача еще более усложняется. Как известно, процесс фразеологизации имеет длительную историю, и те устойчивые словосочетания и выражения, которые встречаются в текстах памятников письменности XI-XIV веков, фразеологизмами еще не являются. В основном в этот период ученые фиксируют функционирование речевых формул.

В.Я. Дерягин справедливо отмечал: “Для периода сложившейся деловой письменности в языковом отношении под *формулой* целесообразно понимать фразеологизм номинативного или коммуникативного характера, а также словосочетание, синтаксическую конструкцию (модель предложения) с более или менее постоянным лексическим составом. В отдельных случаях формула может состоять из нескольких предложений, связанных между собой синтаксически и по смыслу” [Дерягин 1985: 243]. Следует, однако, утверждать наличие языковых формул не только в текстах деловой письменности, но и в текстах других жанров, поскольку употребление речевых формул определяется не только жанровой характеристикой, но и общими языковыми процессами. Одним из средств образования речевых формул является семантическое калькирование греческих метафор, приводящее к их символизации (см. образования *бессмертная вода*, *неповинная вода* и пр.). Термин *формула* В.В. Колесов прежде всего соотносит с формой выражения заимствованных символов греческой культуры в древнерусских текстах. «Древнейшие [заимствования] не были свободны от контекстов, в составе которых они перешли к славянам, и эти контексты попадали к ним в письменной форме переведенных текстов. Заимствовалось словосочетание целиком, почему и заимствованные слова оказывались фразеологически связанными» [Колесов 2002: 201].

В качестве рабочего в своем исследовании мы принимаем определение, данное Н.А. Антадзе. Под формулами ученый понимает устойчивые специфические выражения и относит их к фразеологическим сочетаниям по общему признаку неизменности общего смысла и неоднократного употребления в аналогичных случаях. Формулы допускают перестановку, замену, пропуск составных компонентов при сохранении постоянного общего смысла [Антадзе 1965: 16-18]. Таким образом, формулы – это связанные синтаксически (в контексте) и фразеологически (по смыслу, содержанию) чаще словосочетания, реже предложения, характеризующиеся устойчивостью и воспроизводимостью [Некипелова 2005: 188].

Представленная структура описания фразеологических возможностей слова *вода* требует некоторых комментариев.

При толковании слова важным является определение контекстных значений слова. Нами разработаны некоторые критерии разграничения языкового и контекстного значений. Эти критерии распро-

страняются и на значения речевых формул. Один из критериев – наличие или отсутствие описания значения в словарях, в первом случае мы говорим об устоявшемся в языке употреблении слова, во втором случае о том, что процесс закрепления конкретного употребления находится в стадии развития или же в условиях случайного употребления. Следующий критерий – степень употребляемости в одном тексте, в текстах одного жанра, в текстах разных жанров. Частотное употребление свидетельствует о закреплённости слова в языковой системе, редкое или единичное употребление свидетельствует о незавершённости процесса закрепления слова или же о его случайном/нетипичном употреблении. Третий критерий – фиксация абсолютного употребления слова как лексически независимой от контекста лексемы или возможность употребления слова только в системных отношениях с другими словами контекста. Возможность абсолютного употребления слова свидетельствует о существовании этого слова как полноценной единицы в языке определённого периода. Возможность употребления слова только в условиях контекста может свидетельствовать о его окказиональном употреблении, о полной зависимости от контекста, о символичности смысла текста, о расширении семантики слова и начальном этапе процесса формирования семантического деривата и, наконец, о фразеологизации словосочетания/ высказывания. Последовательное применение этих трех критериев к описанию функционирования слова наиболее точно позволяет выявить языковой или контекстный характер значения слова или формулы.

Поля, где фиксируется фразеологическое значение, будут заполняться по мере увеличения объема исследуемого материала. Однако фразеологическое значение нельзя рассматривать в отрыве от лексического значения слова, входящего в состав формулы, так как язык XI–XII веков характеризуется конкретными и отвлеченными связями слов, но не абстрактными [Некипелова 2005]. Некоторые формулы зафиксированы в Словаре русского языка XI–XVII вв., и мы рассматриваем их как подтверждение фразеологизации языкового значения слова. Однако и контекстуальные значения слова *вода* также могут образовывать речевые формулы, а в дальнейшем и фразеологизмы.

В тексте мы встречаем употребление формул *живая вода* и *животная вода*, которые в Словаре русского языка XI–XVII вв. даны

как формулы, привязанные к основному значению слова «вода, естественная влага». Живая, животная вода – *колодезная или проточная вода, годная для питья*.

Также встречаются формулы, значение которых не зафиксировано в словарях, однако регулярность их употребления в аналогичных контекстах позволяет говорить о функционировании устойчивых и регулярно воспроизводимых речевых/языковых единиц: Бессмертные воды, вода бессмертия – то же, что *живая вода, животная вода*. Жизненная вода – то же, что *живая/ животная вода*. При этом в поле «библиография» поставлен прочерк, так как ссылка на словари в этом случае невозможна.

Особый интерес представляют контекстные значения слова вода. Ни одно из встретившихся контекстных употреблений данной леммы не функционирует в абсолютном употреблении, что позволяет нам предположить большую или меньшую спаянность компонентов новых образований. Таким образом, регулярная воспроизводимость этих конструкций и их синтаксическая и семантическая слитность позволяет нам утверждать, что мы имеем дело с речевыми формулами:

Вода бессмертия, бессмертные воды – то же, что *живая/ животная вода*. Вода премудрости – то же, что *воды веры/ спасения*. Воды веры – то же, что *источник веры/ спасения*: (114 л.). Воды спасения – то же, что *воды/источник веры*: (114 л.). Неповинная вода – то же, что *чистая вода, нежертвенная влага*: (041 л.).

Как речевые формулы, так и фразеологизмы характеризуются определенным порядком слов, поэтому нас с точки зрения описания этой характеристик интересует прямой, инверсированный, непрямой порядок слов, встречающийся при употреблении этой языковой единицы в тексте. В описании функционирования формулы важным фактором является сохранение в тексте ее полной структуры или употребление усеченного варианта.

На *Шаге 4* для лексического описания слова ведущим является определение лексического значения слова, при котором даются семь основных типов описания лексического значения слова: энциклопедическое, толковое, этимологическое, синонимическое, антонимическое, отсылочное, омонимическое.

При энциклопедическом и этимологическом толковании не даются примеры – цитаты из Триоди, поскольку они отражают перво-

начальные отношения слова. Энциклопедическое значение слова *вода* дано только для исходного значения этого слова. У всех омонимичных лексем энциклопедическое значение отсутствует, так как словари этого типа не содержат значений омонимов. То же касается и этимологического описания слова – все производные омонимы не имеют этимологической характеристики. Однако для описания семантики большинства из них будет заполнено поле словообразовательных отношений – «отсылочное значение» → «к производящему слову» (по возможности с привлечением данных словообразовательного словаря). Таким образом, мы видим описание явления и значения слова с разных точек зрения, не противоречащих друг другу.

На *Шаге 5* толковое значение представлено в виде языкового и контекстного. Языковым значением слова *вода* является значение, зафиксированное в Словаре русского языка XI-XVII вв. и совпадающее с этимологическим значением: 'прозрачная жидкость, естественная влага'. Все остальные значения так называемого многозначного слова, данные в Словаре русского языка XI-XVII вв., помещены нами в поле «омонимическое значение». Именно в этом поле представлены все омонимы данного слова, в том числе все семантические производные слова, зафиксированные в словарях. Значения, не зафиксированные в словарях, представлены нами в поле «контекстное значение» как самостоятельные лексические единицы с теми значениями, которые они имеют непосредственно в приведенном контексте.

Не для каждого слова будут работать все типы значений. Значительные слова потенциально обладают всеми представленными характеристиками, признаками и связями, однако лишь немногие слова максимально их реализуют. Как следствие этого при анализе семантики разных слов некоторые поля в результате окажутся незаполненными.

Литература

Антадзе Н.А. Лексико-фразеологический состав Судебников 1497 и 1550 гг.: АКД. – Тбилиси. 1965. – 25 с.

Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка / В.А.Баранов. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2003. – 390 с.

Дерягин В.Я. Варьирование в формулах русской деловой речи XV-XVII вв. / В.Я. Дерягин // Восточные славяне: Языки. История. Культура. – М., 1985. – С. 243-249.

Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.

Некипелова И.М. Метонимическая и метафорическая деривация в истории русского языка (на материалах памятников деловой письменности XI-XVII ввекв). Диссертация ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2005. – 282 с.

Некипелова И.М. Проблемы моделирования семантики слова в базах данных // Труды международной конф. «Корпусная лингвистика-2006». – СПб. – С. 298-303.

Некипелова И.М. Проблемы описания и вопросы моделирования семантики слова в базах данных // Совр. информационные технологии и письменное наследие. – Ижевск, 2006. – С. 140-147.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.

Словарь русского языка XI-XVII вв. В 17-ти т. Т.2. – М.: Наука, 1975.

Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Фёдоров. Т.1.: А-М. – М.: Цитадель, 1997. – 1997. 391 с.

Т.А. Воронина
Москва

ОТРАЖЕНИЕ ПРАКТИКИ ПОСТА В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ XI–XIX ВВ. (по опубликованным источникам)

После принятия христианства на Руси стала распространяться практика соблюдения многодневных и однодневных постов. Помимо духовных целей, поститься означало ограничивать «скоромную» пищу животного происхождения, включая мясные, молочные блюда, яйца, а иногда и рыбу и есть только растительную пищу в строго установленные дни православного календаря. Таким образом, питание в течение года практически разделялось на собственно «пост» и «мясоед» – дни, когда ее употребление не ограничивалось. Значительное число постных дней (более 220 дней в году) не могло не отложиться в повседневной лексике и фразеологии русского народа. Это подтверждают многочисленные опубликованные источники XI-XIX вв., содержащие немало слов и выражений, связанных с практикой поста.

Точно неизвестно, когда в древнерусском лексиконе появилось слово «пост». Вероятнее всего, слово «пост» было преобразовано от слова «апаestia», означавшего в греческом языке воздержание от пищи [Похлебкин 1997:29]. Хотя М. Фасмер, обратившись к его этимологии и обнаружив параллели во многих западноевропейских языках, считал, что это слово было позаимствовано русскими из старо-немецкого языка. Древнее происхождение имеет слово «ско-

ромное», которое составляет семантическую оппозицию слову «постное». В основе слов «скором», «скоромный» заключается праславянское сочетание «съ-», заимствованное из индоевропейского «su-», что означает «хороший, добрый; большой; очень, совсем» [Фасмер, III. С. 539-540, 685-686, 690, 691, 816.539-540]. Следы указанной основы встречаются в олонечких, ярославских и пошехонских говорах, включающих существительное «скором» – «жирная, скоромная пища», которое сводится к праславянскому *skomъ – «жир» и связана с праславянским *kъmъ – «корм». По мнению В.В. Лучика, восточнославянское слово «скором» является вторичным, о чем свидетельствует употребление в древнерусских записях наряду со словом «кормъ» (иногда крѣмъ), означавшего корм; харчи, вид дани, налога и т.п., формы «корѣмъ», которая вполне закономерно могла развиваться в «кором». «Именно этот фонетический вариант мотивировал преимущественно религиозное «скором», – считает он, – на базе которого возникло «скоромный», устаревшее «скоромиться», «скоромник». Что же касается начального с-, то объяснение его происхождения остается проблематичным. Вполне вероятно, что этот сегмент является рефлексом праславянского *съ- – хороший, добрый, что в сочетании с *kъmъ (позже *komъ – еда) образовал композит * съkъmъ/*съkomъ – «хорошая еда». Не секрет, что хорошей и желанной была жирная пища, в связи с чем значение «хорошая еда» постепенно сузилось к «жир». И лишь с принятием христианства и запретом употреблять в пост калорийную пищу животного происхождения в слове «скором» развилась семантика «мясная или молочная еда, запрещенная церковными канонами для употребления в постные дни» [Лучик 2001: 165-166].

Слово «пост» присутствовало в великокняжеских уставах, начиная с князя Владимира [Срезневский I, 46]. Однако в населенных пунктах, отдаленных от центральных и больших городов, где устойчиво сохранялись дохристианские верования, посты нарушали. Это отмечал в конце XI в. и митрополит Иоанн: «Иже не причащаются краицех в рустей земли... и в Великое говенье мясо ядять и скверное» [РИБ 1880: Стб. 3,4].

Упоминание о постах можно обнаружить в «Повести временных лет», которая сообщает, что, когда в 1051 г. игуменом монастыря, впоследствии ставшего Киево-Печерской лаврой, был поставлен

преподобный Феодосий, то «он стал вводить воздержание и строгие посты» [ПВЛ 1950:307, 323-324, 326, 328].

Памятники древнерусского канонического права XI-XV вв., будучи большей частью рукописными, получили широкую известность позднее, когда стало возможным объединить и опубликовать их в печатных сборниках. В «Заповеди митрополита Георгия» (XI в.) есть указание на то, как питались миряне в постные дни в зависимости от их имущественного состояния. В «Поучении духовника исповедающимся» (XIII в.) указаны сроки и характер пищи для прихожан. В «Вопрошаниях Кирика» владыка Нифонт не велел давать причастие тем, кто в Великий пост не удержался от грехов, советуя им «жители в посте и не имети гнева ни на коже, сухо ясти через день, а не пити, ни словес праздных молвити». Многие поучения церковных иерархов напоминали о запрете есть скоромную пищу в день Преображения Господня, в течение Успенского поста, в канун Рождества Христова, в среду и пятницу. Об этом говорится в «Правиле» Киево-Владимирского митрополита Максима (XIII в.) и других памятниках [РИБ 1880: Стб. 3,4, 21-57, 122-123]. О соблюдении постов свидетельствует «Послание Никифора, митрополита Киевского к великому князю Владимиру», написанное в виде поучения, а также «Петра недостойного сказание о посте» из «Сборника поучений» XII в. [Безобразова 1898: 1080-1085; Срезневский I, 41. Прил.].

Среди соборных постановлений следует упомянуть «Грамоту Константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю Владимирскому Андрею Боголюбскому» (1160), в которой патриарх в числе прочих советов напоминал русскому князю: «... яко аще прилучится Господьский праздник Рож(д)ества Христова и Богоявления в среду или в пяток, разрешает епископ мирских ясти мясо и вся, иноких же – млеко, и масло кравие [коровье – Т.В.], и сыр, и яйца» и т.д. [РИБ 1880: 73-74].

Слова «пост», «поститься», «постный» и их производные в древнерусском лексиконе употреблялись наравне со словами «говейно», «говеть», «говейный», «говейник» и др. Интересно, что корень этих слов прослеживается в санскрите: го – означает речь в духовном смысле слова, нава – жертвоприношение, гу – жертвователей. Значение этих составляющих наводит на мысль, что в еще в

глубокой древности говение состояло в молитвах, соединенных с жертвоприношением [Полный... 1992: 653-654].

Существительное «говейн» означало то же что и «говейник», т.е. тот, кто говеет, соблюдает пост. Это отразилось в переводах Священного Писания на русский язык: «Буди же говенье твое причтено смиренной мудрости тако да будеши истинный говейн». Прилагательное «говейный» означало «благоговейный», наречие «говейно» – «с благоговением», «благочестно», «благочестиво», существительное «говение» – «благочестие» («Блажен муж, иже устрашается всего за говенье», XI в.). В этом же значении слово «говение» употреблялось и в переводах: «с говением и целомудрием» (Тим. 1, 2, 9); «с говением и срамом» (Евр. 13, 28). Причем слово «говение» означало также и пост: «Речи говеня и вопля их» (Есф. 9, 36). На это есть указание в «Русской Правде»: «А вирьнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици, а перед гривна, или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан». Глагол «говети» («говую», «говлю») в древнерусском языке означал также благоговеть: «Устави женам за един муж посагати и ходити говеющее» (Ипатьевская летопись). Этот же глагол означал воздерживаться от чего-либо [Срезневский I, 533].

В древнерусский период часто употреблялись слова «среда» и «пятница» – дни недели, по которым в соответствии с церковным уставом соблюдали однодневный пост. Например, в Суздальской летописи (по Лаврентьевскому списку) говорится о запрещении есть молоко и масло в среду и пятницу [ПСРЛ-1927. Т. I, вып. 2: 354]. Слово «среда», означавшее середину, означало и средний день недели: «Маслице же в первую не тьчию да не едят, а вы ины дни поста наслажатися их да не възбраняют, разве среде и пятнице» (1193 г.).

Слово «пятница» («пяток», «пяток») означало пятый день недели, пятницу, когда запрещалось есть скоромную пищу: «Мяс пусти-ти прежде, в который день причтется, опроче среды и пятка» (Правило митрополита Максима, 1305 г.). Особо выделялся «Великий пяток» на Страстной неделе: «На Страстной недели в Великий пяток» (Псковская первая летопись). В обиходе употреблялось и прилагательное от слова «пяток» – «пятечный», т.е. пятничный [Срезневский II, 1795-1796].

При Иоанне IV появился замечательный памятник древнерусской письменности – «Домострой». Он ценен тем, что в нем зафиксированы традиционные знания, в том числе относящиеся к более раннему периоду христианской Руси. В частности в «Домострое» говорилось, чтобы верующие соблюдали церковный устав: «неделя и праздники Господские и среду и пятокъ и святыи постъ и Богородичень в чистоте пребывати», воздерживаться в пост «от объядения и пиянства и от пустошных бесед и смехотворения» [Домострой 1994: 82].

Слова «говейно», «говенье» часто упоминались в официальных отчетах русских послов XVI в., которые известны в исторической литературе под названием «статейных списков». Так, упоминания о посте есть в статейном списке И.М. Воронцова, который был в составе посольства, отправленного Иоанном IV в Стокгольм, где ему предписывалось быть у короля «в первое воскресение сего Петрова мясоеду...». В статейном списке И.П. Новосильцева, посланного в Царьград к Селим-салтану, говорится, что когда посольство прибыло в Царьград «на третьей неделе в понедельник Петрова поста», то приехавшие к русскому послу янычары передали ему через толмачей: «...у нас едят мясную еству, а вы ныне говеети, а рыбы здесь мало». Действительно, после приема послов русские послы не были приглашены к столу султана в виду соблюдения ими Петрова поста, и их кормили отдельно. Не менее любопытно упоминание о «говенье» в статейном списке Ф.А. Писемского, посланного Иоанном IV в Англию. В то время в Лондоне было моровое поветрие, поэтому королева Елизавета долго не принимала русских дипломатов, предложив им поохотиться на оленей. В ответ на это русские послы просили сообщить королеве, что цель поездки их другая и к тому же у них пост: «А се ныне у нас говенье: мяса мы не едим и нам оленина к чему пригодитца?» Это было в конце ноября и, по-видимому, уже начался многодневный Рождественский пост. И хотя на охоту им ехать все-таки пришлось, но мяса есть не стали [Путешествия... 1954: 36, 72-73, 75, 94, 99, 119-120].

В XVII в. пост соблюдался всеми слоями общества – от царя до простого крестьянина, что зафиксировано в наблюдениях современников: «Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый как бедными поселянами, так и царями, и боярами, разделял русский стол на два отдела: скоромный и постный» [Костомаров 1992: 179-190]. Особым

благочестием отличался Алексей Михайлович: «а в постные дни, в понедельник и в среду и в пяток и в посты готовят про царский обиход ествы рыбные и пирожные с маслом с деревянным и с ореховым, и со льняным, и с конопляным...». Столь же строго царь относился и к своим подданным. В 1659 г. был издан даже указ, по которому дьяки, подьячие, боярские дети и всякого чина люди говели на Страстной неделе [Забелин 1901: 149-150; Соловьев 1989: 343].

Частое упоминание слов и выражений, связанных с соблюдением постов, свидетельствует о многогранном значении поста в жизни русских и в целом отражает православный характер их образа жизни.

Слова «постное» и «скоромное», бытовавшие в различном написании и словосочетаниях, довольно устойчиво сохранялись в русском языке и в XIX в. Многие слова и выражения были неотъемлемой принадлежностью повседневного разговорного лексикона крестьян. Слова «пощенье», «постованье», «постничанье», «поститься» означали «не есть скоромного» и употреблялись в обиходе русских в зависимости от места их проживания: «постовать» – так говорили в Сибири, «постить» – в Новгородской, Курской, Новороссийской и других южных губерниях. Выражение «постничать» в Воронежской губ. означало не есть пищи в горячем виде, есть всухомятку или очень мало, например, хлеб с водой, квасом и луком. Людей, свято соблюдающих пост, называли «постник», «постница», «воздержник», а их образ жизни – «постнический».

Более широкий смысл имело слово «говение», означавшее благочестивый обычай не только быть умеренным в пище, не есть скоромное и даже сладкое (обычно не меньше трех дней), но и посещать богослужения, а потом приступить к исповеди и причащению Святых Таинств. Поведение таким образом отразилось в выражениях «говеть», «гавливать». В народе слово «говенье» ассоциировалось с великопостными днями. Оно имело и некоторые диалектные отличия: в северных и восточных губерниях говорили «говенье», «говейнѐ», в Новгородской губ. – «говейны», в Курской губ. – «говейно». Соответственно отличали «Великое говенье», «Петрово говейно» и т.д. Известны и другие производные слова: «говельный» – до говения относящийся, «говельщик» или «говельщица» – тот, кто говеет; «разговляться» – есть скоромное в первый раз после поста (отсюда – «разговенье», «разговины»). Соответственно «заговение»

означало последний день накануне поста, когда еще можно употреблять скоромную пищу [Даль I, 364; III, 345].

С постом тесно связано слово «сочельник», к которому готовили «сочиво» – постное блюдо, приготовленное в виде каши из каких-либо зерен (сочевица). Отсюда их производные – «сочевник», «сочевный», «сочевичный» и т.д. Поскольку сочиво готовили накануне Рождества Христова и Богоявления, когда полагалось строго поститься, то канун праздника называли соответственно Рождественский и Крещенский сочевник (сочельник). Отсюда пошло выражение «сочевничать» или «сочельничать», т.е. не есть в сочельник до звезды: «Постничает весь дом, а старики сочельничают» [Даль IV, 263-264].

Практика поста отразилась и в пословицах и поговорках: «Удобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье все щи выхлебать»; «Испостился, измолился в нитку»; «Великий пост всем прижмет хвост»; «Постился, да в воду и спустился»; «Нужда и в Великдень постится!»; «Попоститься – да и в воду спуститься» и т.д. [Даль Т. I, 66-67, 86].

Таким образом, опубликованные источники дают ценное подтверждение тому, что в XI-XIX вв. слова «пост», «скоромный» и их производные составляли неотъемлемую часть исторической лексики русского языка, а частое их упоминание свидетельствует о большой роли постов в жизни русского человека.

Литература

Безобразова М. Послание митрополита Никифора // Изв. отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук. М., 1898. Т. III, кн. 4.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1989.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х т. М., 1993.

Домострой. М., 1994.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.

Лучик В.В. Диалектизмы как материал для реконструкции архаичной основы сь- // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 2. М., 2001.

Повесть временных лет / Подготовка текста и перевод Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950. Ч. 1.

Полное собрание русских летописей (далес – ПСРЛ). Л., 1927. Т. I, вып.2.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. В 2-х т.

Похлебкин В.В. Кулинарный словарь. М., 1997.

Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954.

Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1880. Т. VI, ч. 1.

Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.

Т. I-III.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1964-1973.

С. Н. Смольников

Вологда

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В «СЛОВАРЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОЙ РУСИ XV–XVII ВВ.»*

По сложившейся традиции в исторических словарях описательно или при помощи синонимов толкуются только непроизводные качественные имена прилагательные, а производные от имен – преимущественно через отсылку к мотивирующему слову [СлРЯ XI–XVII, 1, 8–9]. В тех случаях, когда тождество значений производного и производящего слова нарушено, указывается значение прилагательного [СОРЯ 1, 14]: **Бархатный**, прил. *Сшитый из бархата*. (Примеры.) // *Крытый бархатом*. (Примеры.) **Бархатное**, с., в знач. сущ. *Одежда, сшитая из бархата*. (Примеры.) [СОРЯ 1, 83–84].

В «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина – СПб., 2003. Вып. 1. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина – СПб., 2005. Вып. 2. Кроме того, в статье использованы материалы картотеки «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», которая хранится на кафедре русского языка ВГПУ – далее *СПЛ*) представлены преимущественно имена существительные и глаголы. Имена прилагательные приводятся в отсылочных статьях и толкуются только в составе устойчивых сочетаний и дескриптивных оборотов (**Бархатный**: **риза бархатная**. См. **риза**.), поскольку специальные и терминологические понятия прилагательные могут

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125 а «История промысловой лексики Северной Руси»).

выражать только в составе терминосочетаний и специальных дескрипций. При этом многозначность и омонимия имен прилагательных (ср.: *теленочек опойчатый* – *пугвица опойчатая*, *рукавицы кожаные* – *ножницы кожаные* и т. п.) в СПЛ не разводятся. Семантика имен прилагательных демонстрируется через толкование именного сочетания в целом, поэтому необходимо соотнести особенности значения этих слов и способы их словарной дефиниции.

Имена прилагательные, фиксируемые в СПЛ, разнообразны по семантике, они отражают множество мотивировочных признаков [Вендина 1998: 205–228], определяющих значение составных наименований (далее *СН*): качественный и предметно-характеризующий признаки (качество, форма, структура, материал) – *глава островерхая*, *дика каменная*, *железо осьмигранное*, *камень серый*, *карбась двоевесельной*, *ковишь одноручный*, *кожа сырая*, *окошко косещатое*; локативный – *бакан турской*, *киндякъ ярославский*, *ловля озерская*, *образъ налойный*, *судно белозерское*; экзистенциальный (способ существования, возникновения, функционирования) – *варница жилиая*, *насадъ гребной*, *овчина падинная*, *осетръ вялый*; темпоральный – *лѣтний казакъ*, *ловля осенняя*; квантитативный – *наковално малое*, *образъ пядичный*, *четверикъ осьминный*, функциональный (назначение) – *бревно алтарное*, *багоръ ловецкый*, *гвоздь е опушешное*, *карбась извозной*, *котель кашеварной*, *мережа окупъвая*, *ножницы кожаные*, *печь обжигальная*, *топор бочарный*; акциональный – *казакъ подъемный*, *клинъ конопатный*; акторный – *алтарь отрубной*, *крашенина катаная*, *киноварь нетертый*, *кирпичъ необжигальный*, *образъ резной*, *сукно нетоптаное*; партитивный – *верхъ шапочный*, *кольцо векошное*, *лапка цренная*, *нашивка балахонная*; и др.

В ряде случаев значения прилагательных конструктивно ограничены, например в сочетании с отглагольными именами, производные прилагательные выражают объектное значение: *куръ винная* ('винокурение'), а также различные номинации, образованные по этой модели: *ковка гвоздяная*, *конопать лоденная*, *наймъ носничий*, *носка соляная*, *обирка рыбная*, *починка колодешная* и др.

Характерная черта источников – сочетания, в которых имя прилагательное непосредственно обозначает денотат, а опорное существительное – класс денотата или денотативный признак (единицу,

форму, размер и т. п.): *баня – строение банное, задуба – кожа за-дубная, сердолик – камень сердоликовый*. Подобные сочетания по семантике соотносимы со словом: *балахна – варица балахонская, белозерка – судно белозерское, бель – холст бельный*. Соотносительность сочетания с однословной номинацией свидетельствует о его специальном статусе и смысловой слитности, хотя, с другой стороны, обращает на себя внимание возможная многозначность номинации-слова (*бель*), неопределенность референции (*балахна, белозерка*), синкретизм семантики (*баня – постройка и находящаяся в ней утварь, процесс мытья, ситуация мытья в бане*). Поэтому слово и сочетание слов не тождественны по смыслу, сочетание более точно определяет денотат, сужает экстенционал значения.

Имена прилагательные в промысловой лексике отражают особое признаковое пространство того или иного промысла и служат для вербализации фреймовых структур. СН устанавливает связь между специальным понятием и производственной деятельностью, обозначает ситуацию, свойственную промыслу (объект/продукт – инструмент, действие – инструмент, объект/продукт – действие, объект – материал, работник – действие и т.д.). Например, слово *карбась* связано деривационными отношениями со словами *карбасный, карбасникъ, карбасокъ*. СН со словом *карбасный* отражают связи этого слова с названиями других реалий (*бечевка карбасная, носъ карбасный, парусъ карбасный, плотникъ карбасный, причалка карбасная, сверло карбасное, якорь карбасный*), значения которых в лексической системе пересекаются только за счет потенциальных сем. Ср. также: *нутро* ‘внутреннее пространство, оборудование помещения’ – *нутрянной (замокъ нутрянной, лѣсъ нутрянной, нарядъ нутрянной, строение нутрянное)*.

Фрейм – упорядоченное, структурированное знание, лежащее вне языка и необходимое для правильного понимания высказывания. Интерпретационные фреймы (а именно они значимы для толкования слова) могут быть связаны как с самой реалией, так и с употреблением ее номинаций. Ч. Филлмор, разрабатывая теорию фреймов, отмечал, что эти ментальные структуры, а не лексическая система, управляют появлением и употреблением составных номинаций со специальными значениями (например, в современном языке таковы сочетания *биологическая мать, акустическая гитара* [Филлмор, 72–74], а также другие новые обозначения «обычных»

вещей – *натуральный шелк, механическая дрель, ручная вышивка и т. п.*), которые появились вследствие расширения экстенционала слов и в противовес другим составным номинациям (*суррогатная мать, электрическая гитара, искусственный шелк, электродрель, машинная вышивка*).

Эти закономерности можно отметить и в языке XV–XVII вв. Так, например, появление в языке различных составных наименований приводит к возникновению сочетаний с прилагательным *простой* (*двери простые, камень простое, крест простой, окно простое*). Специальные значения подобных сочетаний выводятся из сопоставления контрастивного множества обозначений, которое диктует говорящему выбор именно этой номинации для наиболее оптимального названия предмета в контексте речи. *Окно простое*, как и *окно неколодное*, противопоставлены *окну колодному, окну косецатому, окну красному*. В результате этого язык промыслов в письменном тексте обогащается за счет огромного количества относительно свободных сочетаний разной степени устойчивости и семантической слитности. По словам Ю.И. Чайкиной, «самое значительное число именных двучленных СН отмечено в лексике промыслов, достигших высокого по тем временам развития – железного, соляного, строительного и корабельного дела» [Чайкина 2005: 124].

Контрастные номинации могут принадлежать языку и отражать языковую компетенцию составителя документа. Ср.: *кирка земляная* (то же, что *кирка* в знач. ‘землекопный инструмент, кирка’) – *кирка каменная, кирка тесовая* (то же, что *кирка* в знач. ‘каменотесный инструмент, род молотка, заостренного с обоих концов’). Контрастивность номинаций может подчеркиваться в контексте речи при обозначении разных реалий одним и тем же словом. Например, *переметь мережный* (‘То же, что *переметь* в знач. 1’) – *переметь удный*: «*А с нами ловить рыба въ устьѣ жь рѣки Шексны рыбнымъ ловцомъ Кириллова монастыря... мережными и удными переметы*. (Акт. Шексн. и Белоз. 1673 – ДАИ VI, № 74)» [КСПЛ].

В составе дескрипций прилагательные вступали в семантические оппозиции, не свойственные им в языке. Например, прилагательное, указывающее на размер предмета, одновременно характеризовало и его назначение: «*И то писано имянно... за бѣлой камень за аршинной и за ступенной* ·ПГ· рубли ·КЕ· алтын ·Е· де. (Столб. Моск. XVII в. – Вост. яз., 303)» [СПЛ, 2, 22]. Противопоставление *аршин-*

ного камня (названного по размеру) и ступенного (названного по назначению) отражает не оппозицию номинативных признаков, а денотативные отличия именуемых реалий в целом. Прилагательное *аршинный* в данном сочетании указывает на пригодность камня для постройки стен. Ср.: «*Да к тем гостиным дворам запасов на лицо: камени бутowego 511 сажен, да стенного аршинного и полуаршинного логового и точкового камени 15, 190 камней.* (А. Арх. 1670 – ДАИ VI, 39)» [СПЛ, 2, 22].

В памятниках деловой письменности XVI–XVII вв., особенно в тех их разновидностях, в которых фиксируется состояние промысла или описывается имущество, наблюдается стремление к избыточности дескрипций, например: «*Варнишные снасти... 2 каракули варнишные.* (Кн. город. Сольвыч. 1619 – Введенский, 175)»; «*Да в Тотемском уезде в усоле у варниц в промыслу... на дворе жельзных трубных снастеи... каракуля жельзная трубная.* (Оп. им. Сп.-Прил. м. 1654 – ДПРС II, 5-6)» [СПЛ, 2, 28]. Возможно, что именно этим объяснимо огромное количество «тавтологических» сочетаний, отраженных в СПЛ, например: *кошлокъ бобровый* – то же, что *кошлокъ* ('шкурка молодого бобра, бобренка'); *мерлужка овчина* – то же, что *мерлушка* ('шкурка ягненка грубошерстной породы, снятая в возрасте до 2-х недель'); и др. Подобные наименования возникают не вследствие развития лексической системы, а вопреки ему. Однако для словаря специальной лексики они имеют особую значимость, поскольку свидетельствуют о том, что в одиночном употреблении слово не воспринималось писцом как обладающее достаточной смысловой точностью, а также сигнализируют о существовании других составных номинаций с этим опорным словом.

В то же время СН, которые с точки зрения языковой семантики их компонентов можно считать избыточными, маркируют многозначные слова (*клюка жельзная* – то же, что *клюка* в знач. 'кочерга'), противопоставляют друг другу разные наименования с одним и тем же опорным словом. Ср. также: *кормицикъ судовой* – то же, что *кормицикъ* в знач. 1. ('рулевой на судне, кормчий'); *мережа ловецкая, мережа рыбная* – то же, что *мережа* в знач. 1. ('рыболовная сеть'); *печь обжигальная, печь обжигательная* – то же, что *печь* в знач. 2. ('сооружение для обработки материалов способом обжига'); *поварь соляной* – то же, что *поварь* в знач. 2. ('тот, кто руководит процессом выварки соли в варнице'); и др.

В контексте речи номинации подобного типа могли возникать под действием аналогии сопоставляемых наименований, например, лексическая избыточность сочетания *квашня хлебная* связана с тем, что данная номинация включена в ряд названий вместилищ с указанием их назначения: «*Лукошко з закрышкой крупяное сито да решето мукосейное, квашня хлебная* (Оп. Ник.-Озер. м. 1703 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 55, л. 8)» [СПЛ, 2, 36–37]. Аналогичную ситуацию можно видеть и в случае с сочетанием *молочный подойник* (то же, что *подойник* ‘сосуд, в который доят молоко’): «*[Бочар] молочные подойники и водочерпные ковши испочинил*. (Кн. прих.-расх. Мих. с., Арх. Он. 1688 г.)» [КСПЛ]. Если в сочетании *водочерпный ковш* прилагательное уточняет разновидность реалии, то употребление сочетания *молочный подойник* определено не необходимостью более точно выразить понятие, а значимым для составителя документа противопоставлением сосудов для воды и для молока.

Все это позволяет говорить об обусловленной контекстом деловой речи формульности подобных декриптивных оборотов и особой смысловой нагрузке имен прилагательных. Они превращают общехозяйственное слово в единицу специального языка, переводят «обычное» понятие в разряд терминологического, ср.: *пометь* ‘конечный этап выварки соли: выгребание ее из црена’ («Дал мастеру церенному Лариону на год црен, от отрясы дал в Новой варнице от завара до *помету* найму 3 руб. денег. Кн. расх. Сольвыч. пр. 1592 – ВХК, 114») – *варничный пометь* («Да другово наймовал в дрововозы ж Артемья Козмина с Филипова заговѣнья до *варнишного помету*. Кн. прих.-расх. Сольвыч. пр. 1678 – САСК II, 24») [КСПЛ]. В большинстве случаев подобные дескрипции датируются второй половиной XVII в.

Наблюдения над употреблением СН в текстах деловой письменности обнаруживают еще одну характерную черту семантики прилагательных, обусловленную их референцией. Определения конкретизируют не денотативный признак, а референтную отнесенность наименования в контексте. Например: «*Чрез реку Двинку мостъ бревенчатой... да заплав^{<ь>} бревенчатая, на ней обручи и чети желѣзные да канатъ что в заплавныхъ бревнахъ живетъ* (Кн. пер. Новодв. креп., 94. 1710 г.)» [СПЛ, 1, 55], – здесь определение *заплавный* уточняет, что речь идет именно о бревнах заплыва, а не

моста. Это речевые дескриптивные номинации, которые строятся по моделям, свойственным специальному языку.

Все сказанное позволяет судить об особых трудностях, которые возникают при лексикографическом описании СН именного типа, о невозможности выработки единого метаязыка их толкования. Об этом свидетельствуют и материалы «Словаря промысловой лексики». Рассмотрим наиболее частые способы толкования, используемые в нем.

Во-первых, толкование производится с опорой на системные значения слов, составляющих сочетание. Толкования в этом случае определены семантическими или деривационными отношениями, они включают мотивирующее слово, устанавливает связи между номинациями: «**Котель ушной**. *Котел с дужками (ушами), за которые его поднимают*» [СПЛ, 2, 109]; «**Краска иконная, краска образная**. *Краска для икон*» [СПЛ, 2, 116]. Этот же принцип отражен и в толковании рядов СН, близких по значению, ср. синонимичные сочетания: «**Клеть соляная, клеть варничная**. *Амбар, кладовая при варнице для хранения соли*» [СПЛ, 2, 53]; «**Ковш варничный (варнишний), ковш сливальный, ковш сливальный цыренный**. *Ковш для зачерпывания, разливки соляного раствора*» [СПЛ, 2, 61]. При этом признак, обобщающий наименования в ряду, может иметь разную природу.

а) При толковании ряда наименований указывается признак, обусловленный общностью лексической мотивации (а именно принадлежностью мотивирующих слов к одной лексико-семантической группе): «**Ловля езовая, ловля кереводная, ловля веводная, ловля оханная, ловля переметная, ловля поездная, ловля тагасная**. *Названия ловли по используемому орудию лова*» [СПЛ, 2, 170]. Слова, мотивирующие прилагательное, могут приводится в толковании, раскрывая общий признак, конкретизируя его: «**Мастерь дощанчный (дощанишний, дощанешный), мастерь кочевой, мастерь лодейный, мастерь лодочный, мастерь насадный, мастерь судовой**. *Названия мастеров, занимающихся постройкой судна определенного типа (дощаника, лодьи, лодки, коча, насада) или руководящих этими работами*» [СПЛ, 2, 198].

б) Толкование детерминировано общностью мотивировочного признака: «**Напарья вертная, напарья ключевая, напарья колесная, напарья круглая, напарья сопелошная, напарья трубная,**

напарья шурупчатая. *Названия буравов по особенностям устройства* [СПЛ, 2, 255]. Этот способ используется и при толковании одиночных СН внутри статьи: «**Конать подъемный.** *Название каната по функции*» [СПЛ, 2, 26].

в) Толкование отражает общий семантический признак, выявляемый в системном значении прилагательных независимо от внутренней формы слов и характера их лексической мотивации: «**Напарья большая, напарья малая (маленькая), напарья середняя.** *Названия буравов по размеру*» [СПЛ, 2, 255].

Во-вторых, толкования учитывают не системные отношения между словами, а общий денотативный признак, обусловленный различными фреймовыми структурами. В этом случае речь идет о дефинициях, не детерминированных системными отношениями и внутренней формой. Значения выводятся из фреймовых структур, представлений о свойствах реалии, ее предметных связях и ситуациях использования. Например: «**Коробья кованая, коробья наугороцкая (наугороцкая), коробья окованая, коробья съ оковы.** *Ларец, окованный металлом по углам и стыкам*» [СПЛ, 2, 98]; «**Кафтанъ холодный, кафтанъ теплый.** *Названия кафтанов по наличию подкладки*» [СПЛ, 2, 33].

При возможности разных способов толкования составных наименований возникает проблема множественности семантических интерпретаций, что особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда денотативный и мотивировочный признаки отличаются. Например, сочетание *каюкъ зырянский* в СПЛ толкуется как '*Название судна по месту изготовления*'. Вместе с тем контрастивный ряд номинаций в тексте позволяет судить о том, что в нем перечисляются разновидности судов по размеру и особенностям конструкции: «*А которые служилые люди... учнутъ продавать суды, дощаники или шитики, каюки зырянские и струги и набойницы и малые лодки.* (ДАИ IV, 211. 1660 – КДРС)» [СПЛ, 2, 34]. Разнородность принципов толкования отражается в возможности комбинации различных признаков в толковании как одиночных СН, так и объединенных в ряды: «**Колоколь благовѣстный (благовѣсный).** *Название колокола по характеру и назначению звонов*» [СПЛ, 2, 79].

Итак, «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» помимо лексем и фразеологических единиц фиксирует большое количество речевых номинаций, подчиненных логике кон-

кредного контекста и обладающих свойством воспроизводимости. Они обладают высокой интерпретационной значимостью для описания промысловой лексики, позволяют выявить степень специализации слов и их значений, характеризуют данную лексическую подсистему как формирующуюся и приспособляющуюся к задачам речевой практики. Приводимые в СПЛ сочетания и контексты их употребления убедительно показывают, что СН возникают не вследствие внутреннего развития языковой системы, а под влиянием внеязыковых и внешнеязыковых факторов.

Наблюдения над семантикой имен прилагательных в составных наименованиях позволяют судить о том, что она во многом обусловлена фреймами, связанными с номинируемыми предметами и требует комплексной интерпретации, что обуславливает трудности в выборе оптимальных способов ее лексикографического представления.

Литература

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 52–92.

Чайкина Ю.И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда, 2005. – С. 120–127.

Сокращения

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–27. – М., 1975–2006.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / Под ред. О.С. Мжельской. – Вып. 1. – СПб., 2004.

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Под ред. Ю.И. Чайкиной. – Вып. 1-2. – СПб., 2003–2005.

КСПЛ – Картотека «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.».

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ РЕМЕСЛЕННО-ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ (диахронический аспект)*

Основной задачей исследования в данной статье является изучение внутренних ресурсов языка на разных этапах развития русской промыслово-ремесленной лексики, с этой целью в работе сопоставляются материалы «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» и современных региональных словарей: «Словаря вологодских говоров», «Словаря говоров Русского Севера».

Такой подход представляется перспективным в силу ряда причин. Следует отметить, что в говорах гораздо дольше, чем в литературном языке, сохраняются древние наименования специальных понятий. Кроме того, в развитии народно-промысловых терминологий среднерусского и более поздних периодов существуют общие тенденции. Старорусскую и современную диалектную системы терминов сближает их донаучный характер, сфера применения, которая во многом обуславливает сам механизм формирования специального слова.

Как известно, специальная лексика старорусского языка имела две основные сферы употребления: устную и письменную речь. Судить об этом позволяет фиксация специальных слов в памятниках разных жанров. Официальные документы содержат большое количество составных терминов, нередко имеющих общерусский характер, тогда как памятники, близкие к народной устной традиции, фиксируют однословные номинации: *Ловять рыбу въ Бѣлѣозерѣ рыбные ловцы... на монастыри безоброчно: Кирилова монастыря шестью неводами да седьмымъ частымъ неводомъ, что словеть тагасъ*. Вып. из Белоз. писц. кн. 1674 – АЮ, № 231. *Да рыбные жь ловцы в Бѣлѣозерѣ ловять рыбу, моль, тагасами... да въ рѣкахъ въ Шекснѣ, и въ Кемѣ, и въ Кумжѣ въ заезкахъ вершами*. Гр. Белоз.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-04-00-125а – «История промысловой лексики Северной Руси» и грант № – 08-04-00-268а «Систематизация лексического фонда современных вологодских говоров»).

1665 – ДАИ V, № 7. Употребление составного наименования для обозначения специального понятия, тогда как в устной речи использовался однословный термин, – особенность делового языка. В среднерусский период терминологии различных промыслов и ремёсел включают такие оппозиции стилистического характера, как *мережные снасти* – *мережа* (рыбол.), *кожа малая* – *кожица* (кож.), *камень малый* – *камешек* (ювел.), *варовиное ужище* – *варовинка* (верев.). Как видим, противопоставленные в стилистическом отношении специальные слова образовывались при помощи различных способов номинации. Термины, возникшие в народной разговорной речи, как правило, являются более древними, по отношению к официальному термину они нередко выступают в роли производящего слова: *мережа* → *мережные снасти* (синтаксический способ номинации). Официальное и народное наименования специального понятия сближались и за счёт общей производящей базы: *кожа* → *кожа малая* (синтаксический способ), *кожа* → *кожица* (аффиксальный способ). К явлениям стилистического порядка, по-видимому, следует отнести и параллельное употребление в памятниках деловой письменности таких слов, как *клетчатина* – *клетчатинка* ‘полотно с вытканым рисунком в виде клеток’ (ткац.), *жеребятина* – *жеребятинка* ‘кожа, выделанная из шкуры жеребенка’. Отождествительный способ толкования подобных профессионализмов в «Словаре промысловой лексики XV-XVII вв.» свидетельствует об отсутствии в их лексическом значении дифференциальных сем.

Современные региональные профессионализмы возникают в устном речевом обиходе, они не подвергаются кодификации, что обуславливает наличие у них общих черт со старорусскими терминами. Диалектные терминологические системы существенно отличаются от общерусских официальных терминосистем.

Характеризуя народную ремесленно-промысловую терминологию на разных ступенях её развития, прежде всего, отметим её избыточность. Общеизвестно, что в начальной стадии формирования многие терминологические системы содержат большое количество лексических дублетов. Абсолютные синонимы используются в разных ЛСГ различных терминологических систем, например, в названиях лиц по профессии: *бочарь*, *бочарникъ*, *бочкаръ* ‘тот, кто делает бочки, бондарь’ (бонд.), *возчикъ*, *возовикъ*, *возовицикъ* ‘тот, кто перевозит грузы на лошадях, возчик’ (извозн.), *весельникъ*, *гребецъ*

‘человек, гребущий веслом, веслами’ (судов.); в названиях инструментов: *буравчикъ*, *буравецъ* ‘небольшой бурав’ (кузн.), *гребень*, *гребенка* ‘гребёнка для расчёсывания волокна’; в названиях материалов: *дертье*, *дрань*, *доръ*, *дрантие*, *дранье* ‘кровельный материал в виде тонких длинных дощечек (драниц), наколотых из отрезков древесных стволов’ (строит.), *доска*, *дска*, *цка* ‘иконная доска’ (икон.) и др.

Интересно, что региональная специальная лексика обладает сходными признаками, в её составе находим большое количество лексических дублетов: *вѣрхник*, *верхняк*, *вѣршник* ‘верхний косяк у окна, двери’ (СВГ 1, 63), *однозубецъ*, *однозубица*, *однозубка*, *однонѣток* ‘холст из грубой пряжи, сотканный в одну нить’ (СВГ 7, 33), *кобыла*, *кобылина*, *козёл* в 1 знач., *кóзлик* во 2 знач., *шарáга*, *шаромыга* ‘козлы для пилки дров’ (СВГ 3, 72; 12, 69), *пря́лица*, *пря́вица*, *пря́селка* в 1 знач., *пря́сенка*, *пря́сенца*, *пря́слица*, *пря́слице* в 1 знач., *пря́сница* в 1 знач., *пряха* во 2 знач. ‘деревянное приспособление для ручного прядения, состоящее из горизонтальной части, на которую садилась пряха, и вертикальной части, к которой привязывалась шерсть или кудель’ (СВГ 8, 104), *шаркúнья*, *шаркúша* в 1 знач., *шаркúшка*, *шваркúша* ‘задвижка в печной трубе для прекращения тяги воздуха’ (СВГ 12, 73). Развитие лексической дублетности в говорах, по словам Т. С. Коготковой, «является результатом особой восприимчивости к внешним влияниям, идущим из общенародного (литературного) языка и соседних близлежащих говоров» [Т. С. Коготкова: 122]. В ряде же случаев причины ее лежат и во внутренних словообразовательных возможностях самого говора. [Коготкова: 117].

Другой специфической чертой специальной лексики старорусского языка является высокая степень вариативности. В составе разных терминосистем функционируют фонетические, фонематические, словообразовательные, морфологические варианты, о чём свидетельствуют факты деловой письменности: *бахрома*, *бахрама* и *бахтарма* (шитье), *болт* и *боут* (кузн.), *гарва* и *харва* (рыбол.), *вожжи*, *вожджи*, *возжди*, *возжи* (кон.), *бродие* и *бродье* (кузн., кон.), *взем* и *зьем* (солевар), *береста*, *ж.* и *бересто*, *ср.* (плетен). По-видимому, в отмеченный период идёт интенсивный поиск нужного термина, с этой целью используются как заимствованные слова, при освоении которых нередко возникают фонематические варианты, так и собственные ресурсы языка, благодаря чему появляются

словообразовательные, морфологические и лексико-семантические варианты специального слова.

Судя по фактам региональных словарей, наличие большого количества вариантов отличает и диалектные профессиональные системы. В составе современных народных терминосистем также обнаруживаются разные виды формальных вариантов: *андишуг, анишуг, анишук, анишиг, анишпуг, анишпук* 'жердь, используемая в качестве рычага для перекачки брёвен' (СГРС 1, 17-19), *кочедык, кочетык, кодочиг, кодочик, колочиг, колочик, коточиг и коточик* 'плоское изогнутое шило для плетения лаптей' (СВГ 4, 114), *обрат*, м. и *обрать*, *оброть*, *обрать*, ж. 'уздечка' (СВГ 7, 3), *пошевни, пошавни, посовни* и *пошовни* 'широкие сани, розвальни' (СВГ 8, 29). О. И. Блинова отмечает, что одной из ярких особенностей диалектного словоупотребления в целом является вариативность, проявляющаяся в богато разветвленных синонимических рядах, в наличии дублетов, в существовании большого количества формальных вариантов слов. Это явление, по мнению исследователя, обусловлено отсутствием внешненормирующих факторов. [Блинова, 1984:33]. Заметим, что «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» фиксирует далеко не все из приведённых вариантов, находим только: *пошевни (пошавни)* 'широкие сани, обшитые лубом', *оброть, оброта, обруть*, ж. 'конская узда или недоуздок (без удил)'. Этот факт можно объяснить тем, что какие-то профессионализмы, характерные для народной речи, не попадали в деловые документы. Вместе с тем, очевидно, что количество вариантов в народной промыслово-ремесленной терминологии не уменьшалось, а увеличивалось со временем.

Ряд исследователей отмечает продуктивность семантического способа номинации в промыслово-ремесленных терминологиях [см., например, Даниленко; Журавлёв; Лукина; Чайкина]. Наличие лексико-семантических вариантов у специального слова может объясняться как специализацией значения общеупотребительного слова, так и функционированием лексемы в составе разных терминосистем. В старорусском языке специальное значение формируется на базе продуктивных семантических моделей. Прежде всего, выделяются антропоморфные ('человек' → 'предмет') и зооморфные ('животное' → 'предмет') метафоры, которые, по-видимому, являются одними из самых древних. Приведём отдельные примеры: *веко*

‘большое широкое блюдо, таз’, *голень* ‘железный стержень, с помощью которого соединяются части трубных инструментов’, *губа* ‘край отверстия, устье рассолоподъемной трубы (матицы)’. Среди первой группы можно выделить подтипы переносов: метафоры, образованные от терминов родства, их можно отнести к социоморфным: *детеныш* ‘монастырский работник’, *дети* ‘дворовые работники в монастыре или в вотчине феодала’. Зооморфные метафоры представляли не менее продуктивный тип переноса: *борань* (*барань*) ‘грузоподъемное устройство, ворот’ (строит.), *гусенок* ‘наружное украшение здания, выкладка строительного материала полукругом или углом’ (строит.), *коза* ‘приспособление в виде рычага для сбрасывания или метания с крепостных стен средств защиты (бревен, камней и т.п.); ‘свещец, жаровня на носу лодки для разведения огня при ночном промысле рыбы острогой’ (рыбол.), *лисица* ‘брус или изогнутый стержень, соединяющий переднюю ось повозки с задней’ (кузн., карет.) и др.

Выделяются также метафоры, образованные по модели: ‘предмет’ → ‘предмет’, в основе сходства, как правило, лежит форма предмета, например: *блюдце* ‘деталь подсвечника, имеющая форму блюдца’, *бочка* ‘кровля, покрытие здания или его части в виде бочки, срезанной в длину, напоминающее лодку, перевернутую килем вверх’, *веретено* ‘металлический стержень, прут как часть устройства какого-либо механизма’ (кузн.) и др.

Регулярным в специальной лексике старорусского языка представляется и метонимический перенос. Подробно этот способ номинации в терминологии старорусского языка описывается в одной из наших работ [Андреева]. Ограничимся перечислением наиболее продуктивных моделей: 1. ‘ёмкость’ → ‘её содержимое как мера’ (*бочка* ‘единица измерения сыпучих тел’, *блюдо* ‘блюдо как штучная мера металла, идущего на его изготовление’ *куль* ‘единица измерения сыпучих тел’), ‘штучный предмет’ → ‘единица измерения’ (например, *батогъ* ‘кусок металла в форме прута, являвшийся единицей измерения’, *доска* ‘мера железа, меди’), ‘укладка предметов’ → ‘единица измерения’ (*вьюк* ‘большой упакованный сверток, связка чего-л. как штучная мера’), ‘часть тела’ → ‘единица измерения’ (*локоть* ‘мера длины около 0,5 м’), ‘материал’ → ‘изделие из материала’ (*железо* ‘изделия из железа’; *золото* ‘краска из золотого порошка’, ‘золотая нить’), ‘животное’ → ‘его мех или кожа (*барашекъ*,

белка, борань, козель, кошка, куница), ‘продукт’ → ‘напиток (кушанье) из этого продукта’ (*медь, рыба*), ‘орудие лова’ → ‘угодьё, в котором используется данное орудие’ (*гарва* ‘рыболовный участок, в котором устанавливаются сети гарвы’). Анализ этих моделей позволяет говорить о роли метонимического переноса в развитии, прежде всего, метрологической лексики.

Современные региональные терминосистемы сохраняют описанные модели. Достаточно широко представлен в говорах при формировании специальной лексики метафорический перенос. Приведём примеры диалектных метафор, образованных по разным моделям. Активными представляются как антропоморфная метафора: *борода* ‘нижняя часть кудели, прикрепленной к прялке, откуда при прядении вытягивается нить’, (СВГ 1, 40), *язык* ‘подвижная часть приспособления, которым мнут, ломают стебли льна’, так и зооморфная метафора: *баран* и *боран* ‘ворот, укрепляемое над колодцем бревно, вал с рукояткой, путем вращения которого достают из колодца воду; ‘деревянное приспособление для распиливания дров, козлы’ (СВГ 1, 21); *быки*, мн. ‘стропила крыши’, *свинья* ‘кружало при постройке печи’. Широко в говорах представлен и перенос по модели ‘предмет’ → ‘предмет’: *игла* ‘вязальная спица’, ‘заострённая деревянная колодка продолговатой формы с накрученной или укрепленной внутри нитью, используемая для вязания рыболовных сетей’, ‘зубья на граблях’ (СВГ 3, 3).

Используется и перенос на основе смежности, ср. *то́ча* 1. ‘тканье’; 2. ‘домотканое полотно’ (СВГ 11, 50), *чапóк* 1. ‘одно колебание подножки ткацкого станка’; 2. ‘часть ткацкого станка – одна из двух тонких деревянных планок, разделяющих основу на верхний и нижний ряды’; 3. мн. *чпкí* ‘нитки’ и др. (СВГ 12, 17).

Полисемия народных терминов объясняется во многом особенностями их употребления. «Следствием ненормированности и устной формы бытования территориального диалекта является, в частности, сильная подвижность и даже текучесть семантики, характерная для многих областей лексической системы», – справедливо считает О.В. Мищенко [Мищенко]. О нестабильности, подвижности семантического объема народных терминов говорят такие примеры, как: *солуха* 1. ‘отверстие в русской печи, куда вставляется труба самовара’; 2. ‘углубление внутри боковых стен русской печи (слева и справа от шестка), куда сгребают горячие угли, ставят чугуны,

горшки и т. п.; 3. 'небольшая выемка, углубление в наружной боковой или передней стенке русской печи для хранения спичек, сушки рукавиц, носков и т. п.'; 4. 'отверстие в глинобитной печи, отапливающей овин'. 5. 'отверстие в потолке овина, через которое выходил дым'; 6. 'дверца в овине'. При этом наряду с цепочечной и радиальной полисемией представлена параллельная полисемия, при которой смысловая связь между отдельными значениями менее ярко выражена, трудно установить основное значение.

Проведённый анализ показывает консервативный характер народной промыслово-ремесленной лексики, который проявляется не только в её устойчивости на протяжении веков, но и в сохранении основных тенденций в её развитии. Специальное слово в составе народной терминологии выполняет не дефинитивную, а прежде всего номинативную функцию. Этим во многом объясняется наличие у слов данной лексической подсистемы русского языка вариативности, многозначности, дублетной синонимии, что приводит к асимметричному соотношению означаемого и означающего. Не менее важные факторы, обусловившие эти специфические черты, – устная сфера бытования, отсутствие строгих норм, конкуренция словообразовательных моделей, взаимовлияние говоров.

Литература

- Андреева Е.П.* Роль семантической деривации в развитии специальной лексики старорусского языка. // Русское слово в тексте и словаре. Вып. 2. – Вологда, 2004.
- Блинова О.И.* Русская диалектология. Лексика. – Томск, 1984.
- Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977.
- Журавлев А.* Технические возможности в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982.
- Лукина Г.Н.* О некоторых системных отношениях в древнерусской лексике // Актуальные вопросы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. – Вологда, 1983.
- Козоткова Т.С.* Русская диалектная лексикология. – М., 1979.
- Мищенко О. В.* К вопросу о методике анализа диалектных семантических систем // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20.
- Чайкина Ю.И.* Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда, 1999.

СВГ – Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 1-12 – Вологда, 1983-2007.

СГРС – Словарь говоров русского Севера. / Под ред. А.К. Матвеева. Вып. 1 – Екатеринбург, 2001.

СПИЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / Под ред Ю.И. Чайкиной. Вып. 1-2. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000-2005.

С.Б. Виноградова
Вологда

**УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВ С КОРНЕМ -ГРЕБЬ-/ -ГРАБЬ-
В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЕ
(по данным исторических и диалектных словарей)***

В данной статье приводятся наблюдения над функционированием слов с корнем *-гребь-/ -грабь-* в старорусском языке и современных вологодских говорах. В работе использованы данные «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» и «Словаря вологодских говоров», а также материалы картотек данных словарей. Анализ корневых гнезд в диахроническом аспекте помогает уяснить сущность законов развития словарного состава русского языка, выявить определенные тенденции в формировании его функциональных разновидностей. «Историческое корневое гнездо слов как диахроническая система эволюционирует в различных направлениях и на различных языковых уровнях. Эволюционные процессы протекают на словообразовательном уровне гнезда – образуются новые производные слова, на морфемообразовательном уровне – образуются новые морфемы, на гнездообразовательном уровне – образуются новые корневые и словообразовательные гнезда, на лексико-семантическом уровне гнезда образуются новые номинативные сферы и лексико-семантические зоны» [Яцкевич, 4].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-04-00-125а – «История промысловой лексики Северной Руси» и грант № – 08-04-00-268а «Систематизация лексического фонда современных вологодских говоров»).

Цель статьи – проследить развитие семантики корня *-греб-/ -граб-*, сопоставить его употребление в народной терминологии старорусского языка и современных вологодских говоров. Такой подход позволяет показать особенности строения корневого гнезда в разные исторические периоды. По словам Л.Л. Кутиной, «несомненно, большие перспективы дает значительная диахроническая перспектива для построения истории слова» [Кутина, 76].

Описание корня *-греб-/ -граб-* представляется перспективным в силу его древности и продуктивности: от данного корня образовано большое количество единиц разной структурной сложности. Кроме того, структурно-семантический анализ позволяет установить семантические трансформации внутри корневого гнезда. Корень *-греб-/ -граб-* является общеславянским индоевропейского происхождения, о чем свидетельствуют многочисленные соответствия из других языков, указанные в этимологических словарях.

Наиболее древним значением корня является значение ‘рыть’, с ним тесно связаны такие значения, как ‘копать’, ‘грести’. Выделенные семантические компоненты обусловили использование слов данного исторического корневого гнезда в различных промыслах и ремеслах – в солеварении, ткачестве, судовождении, кузнечном промысле, строительном деле и др.

В старорусском языке, судя по данным «Словаря русского языка XI-XVII вв.», корень *-греб-/ -граб-* наряду с общеупотребительными значениями развивает специальное значение: *грести* ‘добывать сгребанием, выгребанием (о соли)’ [СлРЯ XI-XVII вв., 130].

В отмеченный период от глагола *грести* (**grebiti*) образуется большое количество приставочных глаголов. Как свидетельствует «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», производные глаголы *огребати*, *огрести*, *загребати* носят универсальный характер, поскольку не закреплены за какой-либо сферой профессиональной деятельности. Глагол *огрести/ огребати* имеет широкое значение ‘сгребая, собрать (собирать) в одно место’: *Во РМГ-м году июля въ день въвечеру заложил кЪльенко ненаготово и завалины гсдрь огребли и на утро хотел миштити. Челоб. Вол. 1635. Дано хлыновцу Степану Злобину четыре алтына денги, починиваль у земского болюшого колодезя мость и струбъ, землю огребал и мохом вытыкал. Кн. расх. Хлын., 80. 1679 г. Второе значение данного глагола – ‘очищать, выскабливать’: *Огреба<л> ло<д>ью*. Кн. прих.-*

расх. Сп.-Прил. м. 1612 [СПЛ, II, 303]. Близкое значение имеет однокоренной глагол *загребати*: *10 кручков, чем уголье загребают*. ПЛК Устюж. 1713 [СПЛ, II, 136].

Ряд существительных, восходящих к глаголу *гresti*, служил обозначением продуктов труда отдельных промыслов (щепного промысла, обработки кости): *гребень, гребенка* (*А кто привезетъ... решета, коробыи, гребенки и гребни, рогожи, хомуты, лыка... и съ того лѣсного товару имати съ рубля по денгѢ*. ААЭ I, 447. 1595 г.), *гребешок* (*Да у него же, Матфея, по другой выписе городской 2 ф. гребней слоновых, 50 гребешков слоновых маленьких*. Кн. там. УВ 1676-1677) [СПЛ, I, 143-144]. В лексическом значении отмеченных лексем развивается новый семантический компонент, связанный с обозначением действия 'чесать': 'орудие для расчесывания волос'.

Процессуальное значение корня *-греб-/ -греб-* обусловило появление большого количества слов, обозначающих и орудия производства: *гребло* 'железное орудие в виде лопаты или совка, используемое для размешивания кипящего рассола в црене или для выгребания из него готовой соли' (*Ковал кузнец гребло желѣзное новое*. Кн. прих.-расх. Тот. пр. 1606), *гребок* 'изогнутая железная лопатка с поперечным четырехугольным ушком для рукоятки, служившая для выгребания золы, шлака, сгребания окалины, размешивания извести и т.п.' (*3 гребка, чем известь мешают*. ПЛК Устюж. 1713) [СПЛ, I, 143-144]. Интересно употребление слова *гребенка* в терминологическом значении 'приспособление, инструмент с зубцами, зубьями (обычно с одной стороны) для расчесывания чего-либо' (*Гребенка желѣзная, что чистят пенку*. ДАИ V, 281. 1670 г.) [СПЛ, I, 143]. Судя по последнему примеру, специальное значение могло развиваться в результате фразовой номинации. Продуктивным был и синтаксический способ номинации, определение конкретизировало значение орудия труда: *гребокъ известной* 'лопатка для размешивания извести' (*Желѣзныхъ снастей: 108 ломовъ, 27 гребковъ известныхъ*. А. Арх. 1670), *гребенка прядильная* 'гребенка для расчесывания волокна' (*Явиль Ярославского уѣзду Макара Селиванов ... Н-гребенокъ прядильныхъ*. Там. кн. Тихв. м. № 1341, 27. 1667).

Лексемы *гребенина* и *гребнина* 'ткань из льна низкого сорта, оческов (изгребви)' в структуре лексического значения также имеют скрытую сему 'чесать' (*Куплено гребнины да рубаху холщовую но-*

вую да шеснатцеть локот толсто во холста за все дано шесть алтынъ. Кн. прих. Тр.-Глед. м. 1684) [СПЛ, I, 142].

Для образования лексем с исследуемым корнем характерна и семантическая деривация, которая приводит к полисемии, функционированию слова в разных промыслах. В старорусском языке складываются типичные модели переноса. В основном перенос осуществляется по функции (чему способствует процессуальное значение корня): *гребенка* – 1) Щеп. ‘орудие для расчесывания волос, гребенка’ (*А кто привезеть... решета, коробы, гребенки и гребни, рогожи, хомуты, лыка ...и съ того льсного товару имати съ рубля по денгъ.* ААЭ I, 447. 1595 г.), 2) Кузи. ‘приспособление, инструмент с зубцами, зубьями (обычно с одной стороны) для расчесывания чего-либо’ (*Гребенка желъзная, что чистят пенку.* ДАИ V, 281. 1670 г.). Единичным является метафорический перенос, в основе которого лежит форма сопоставляемых предметов: *гребень* ‘украшение в виде гребня вдоль конька кровли’ (*А крыть олтари и пръдѣлы въ два теса скалами с причелины и с гребнями резными.* Наемн. Минецк. пог. 1700; *И на олтаре поделать гребни решетчатые.* Порядн. Пертомин. м. 1690); *вытесати гребнемъ* ‘обработать особым образом (в виде гребня), украсить резьбой’ (*И охлупень наверх положить, вытесать гребнем.* Порядн. Хаврог. в. 1670) [СПЛ, I, 143].

На базе глагола *гresti* в его промысловом значении ‘добывать сгребанием, выгребанием (о соли)’ в старорусском языке образуется лексико-семантическая зона «Солеварение». В нее входят составные номинации: *соляная гребля* (*А которые люди учнутъ к тому соляному озеру прильзжатъ для соляные гребли въ лодкахъ безъ подписныхъ челобитень: имъ въ лодки соли нагребать не давать.* АИ V, 297. 1687 г.); *гребная соль* (*А буде онъ Дмитрей, будучи у соляного озера, учнетъ дѣлатъ мимо сего великихъ государей указу, ... и про гребную соль бугоршиковъ роспрашивать, ... и ему Дмитрею за то быть въ великой опалъ.* АИ V, 287. 1687 г.); *соляная гребная пошлина* (*Или ихъ нерадениемъ и недосмотромъ у торговыхъ людей объявится лишняя соль, а великого государя соляной гребной пошлинъ учинится отъ того недоборъ...* АИ IV, 518. 1674 г.) [СлРЯ XI-XVII вв., 127]. О высокой степени специализации значения свидетельствует наличие лексем с метрологической семантикой: *сугребъ* ‘пай в солеваренном производстве’ (*Откупил у соловаров валового за 20 за 6 сугребов дал за сугреб по ити алтын.* Кн. расх. Ник.-Кор. м.

1587.); *полсугреба, полсугреб* 'название половинной части пая в солеваренном производстве' (*Се язъ... продалъ есми Карельского монастыря игумену Нифонту... варницы отца своего останковъ полсугреба росолу тринацатого, а по тому полсугребу продалъ и въ црене и въ дугахъ и въ росольномъ колодези и в кострищах и въ въсех варничныхъ згодьяхъ тое варницы.* Гр. Дв. I, 568. 1621 г.)

Современные говоры также дают богатый материал для наблюдений над употреблением слов с корнем *-греб-/ -граб-* в профессионально-хозяйственной сфере. Как свидетельствуют материалы «Словаря вологодских говоров», лексемы с исследуемым корнем активно используются для обозначения трудовых процессов и ремесел: ткачества, уборки урожая и т.д.

С этой точки зрения интересно рассмотреть 2 наиболее многочисленные и близкие по значению лексико-семантические зоны, которые можно определить как «Сенокосные работы» и «Окучивание растений». Исходными для формирования эти зон послужили древние семантические компоненты 'рыть, копать' и 'грести, сгребать сено'. Ядро этих ЛСЗ образует глагольная лексика. Например, значение 'грести, сгребать сено' слов *грабать* и *грести* (Онѣ грабать пошли. Кир. Петр. Так будешь грести, што отстанешь от рук. Сямж. Монаст.) уточняется, конкретизируется большим количеством приставочных образований, в том числе за счет актуализации аспектуальной семантики глаголов: *погрести* (Топеричи я приустарела, так не погрести, не покосить. Сямж. Рассох.); *дозагребать* (На загрѣбках не мешало бы и баньку истопить: всё сегодня дозагребали. Баб. Скок.); *поогребать* (Сѣдока было подсухо, я поогребала, а севонни опеть дождь. Сямж. Март.); *угребать* (КоУды погода постановится, пойдѣм угребать сѣно. Сямж. Монаст.) и др. Исходный семантический синкретизм корня приводит к тому, что для обозначения действий, связанных с разными лексико-семантическими зонами, используются одни и те же глаголы: *загребать* (Ковдысь подсохнет, сѣно будем загребать. Тарн. Ил. Погост. Начали уж картошку-то загребать. Ник. Завр.); *позагрести /позагребать* (Обначалилась сѣдни, покосила, сѣна позагребла. К-Г. Плоск. Что, позагребали сколько картошки-то? Ник. Завр.); *огребать/огрести* (Файнка придет да эстолькѣ будет наробу, дак до обеда огребѣм да до ранней паужны. Сямж. Грид. Раньше не звали «окучивать» – всё «огребать». Сямж.

Рам. ДóУго ли карто́шку-то огрести! У него́ у до́ма, дак он са́м огрѣб всё лопáтой. Сямж. Рам.) и др.

В обеих лексико-семантических зонах складываются соотносительные семантические и словообразовательные модели: образование лексем со значением отвлеченного действия – *гребня, гребь, огрѣбка* ‘сгребание, уборка скошенного сена’; *огребеньѣ* ‘окучивание’; лексем, называющих орудия труда и их составные части – *гребельцы, грабловицы, гребуха* ‘грабли’, *граблевище, граблевик* ‘часть грабель, представляющая из себя палку на которую насаживается брусок с зубьями; ручка грабель’; *загребалка, огребалка, огреблуха, огребушка, гребок* ‘орудие для окучивания, тяпка’ и др.

При образовании новых лексико-семантических вариантов преобладает метонимический перенос: *гребь* – 1) ‘сгребание, уборка скошенного сена’ (Ужó грѣбь-то подоспѣет, дак бежáть нáдо. Верх. Симон. 2) ‘высохшее, готовое для уборки сено’ (У меня́ грѣбь-та есть, нáдо грести́. Верх. Волын.) 3) ‘благоприятная для уборки сена погода’ (Я ўтром встáла, а уж морозя́ет. Не б́удет грѣби, вѣрно. Сямж. Грид.).

В данной статье были сделаны лишь отдельные наблюдения над развитием семантики слов с корнем *-гребь- / -граб-*, доказывающие, что данное корневое гнездо слов развивается в разных направлениях, что приводит к формированию нескольких лексико-семантических зон. Рамки данной работы не позволили подробно описать все ЛСЗ (в частности, в статье не рассматривались лексемы со значением корня ‘плыть на веслах’), однако приведенный материал демонстрирует большой потенциал корня и доказывает, что корневое гнездо *-гребь- / -граб-* требует дальнейшего изучения.

Литература

- Кутина Л.Л. Элементы этимологического анализа в словаре исторического типа. // Вопросы языкознания. 1985. № 5.
Яцкевич Л.Г. Процессы семообразования в структуре исторических корневых гнезд (Концепт <красота>) // русское слово в словаре и тексте. – Вологда, 2003. – С. 4-23.

Словари

- СВГ – Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 1-12 – Вологда, 1983-2007.
СПИ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / Под ред Ю.И. Чайкиной. Вып. 1-2. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000-2005.
СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI- XVII вв.– М.: Наука, 1977. Вып. 4.

ГЛАГОЛ ЗАСТОЯТЬ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

История русской внутриглагольной префиксации относится не только к сфере словообразования, она тесно связана с формированием категорий предельности, результативности и вида. В частности, сокращение пространственной маркированности статальных глаголов явилось результатом несовместимости развившейся предельности приставок (в том числе и пространственных) со статальностью глагольных основ. В этом отношении показательна история приставочных позиционных глаголов (положения в пространстве относительно поверхности – *стоять, лежать, сидеть*), составляющих ядро статального глагольного типа.

Позиционные статальные глаголы с пространственными приставками, например, *обстоять, облежать, обсидеть* [Табаченко 1986; Нефедьев 1995]; *подстоять, подлежать, подсидеть* [Табаченко 1996]; *надстоять, надлежать, надсидеть* [Табаченко 1996; 2002] и др., широко функционировавшие в разножанровых памятниках древнерусского языка, – лишь реликты древних словообразовательных типов (СТ), существовавших в праславянском языке до развития у приставок значения предельности [Маслов 1958; Нефедьев 1995].

Глаголы древних СТ, включающих пространственные приставки, следует отличать от омонимичных приставочных образований, появившихся, как правило, в старорусский период в рамках развивающихся модификационных (временных и количественных) и мутационных СТ, например *отстоять (вахту; ноги), достоять (до утра), отлежать (бок), належать (пролежни)* и т.п.

В истории русского языка глаголы этих реликтовых СТ (позиционных глаголов с пространственными приставками – *предстоять, подлежать, обстоять (дела обстоят)* и др.) в результате семантической эволюции, как правило, не сохраняют пространственную семантику префикса (исключение – *отстоять от города*), однако определенный след пространственного значения приставки иногда может ощущаться и в современном русском языке, или его трансформация прослеживается в истории глагола. Сохранился также ряд дериватов еще встречавшихся в памятниках письменности XI-XVII вв., но

потом исчезнувших глаголов этих СТ: *залежь, достойный, достояние, обстоятельство, пристойный, прилежный, расстояние*. К этой группе и относится глагол *застоять*: пространственную семантику его префикса можно реконструировать в его производных *застояться, застой, застойный*.

Предлагаемая статья, посвященная истории этого глагола, выполнена на основе данных различных словарей – этимологических, исторических, диалектных, современного русского языка.

Русская приставка-предлог *за* восходит к праславянскому **za*, и.-е. **g'hō* «за», «после», «из-за», «вследствие» (Рокоту, I, 451 – 452). [Фасмер, I, 69; Черных, I, 310]. Возможна связь приставки *за-* с существительными, обозначающими части тела (**nađь*, **perđь*, **serđь*, **zadъ*, **podъ*) [Иванов 1973, 51].

В отличие от других приставочных позиционных глаголов, в которых пространственная приставка уточняет местоположение по отношению к объекту, изначально обозначаемому беспредложной формой имени существительного, *застояти* уточняет место положение по отношению к субъекту. Если в первом случае конструкции с приставочными глаголами и беспредложной формой имени существительного легко трансформируются в конструкции с бесприставочным глаголом и предложно-падежной формой, обозначающей пространственный объект (*обстояти городъ – стояти около города, пристояти прѣстоу – стояти у прѣстола, прѣдъстояти царю – стояти прѣдъ царемъ* и т.п.), то в конструкциях с указанным глаголом такая трансформация невозможна. Например, конструкцию *стѣны застоять мя (стѣны за<с>тоять мя и никто же мене видить*. Изб. Св. 1076 г., 172 об.) невозможно трансформировать в *стѣны стоять за мною*. На самом деле, стены стоят так, что я нахожусь за ними, *я стою за стѣнами*. Поэтому первоначальное пространственное значение *застояти* мы восстанавливаем как ‘находиться по отношению к объекту так, чтобы он располагался сзади’, ‘своим местонахождением создавать преграду перед объектом’, т.е. ‘заслонять, загораживать’.

В памятниках старославянского языка *застояти* употреблен 4 раза (в притче о судье и вдовице в евангельском тексте от Луки в ряде старославянских памятников) в значении ‘докучать’ для перевода греческого глагола *ὄλωλιόζω* – ‘мучить’, не соотносительного со славянским по словообразовательной структуре: *за ѿ творитъ*

ми троудъ вѣдовица си . да мыштж еѣ . да не до конца приходшти застоитъ мене Л 18, 5 Зогр Мар Ас Сав. СС, 232. Возможно, здесь следующее переосмысление внутренней формы глагола *застоити* - постоянными приходами, неотступным присутствием («стоянием») создавать преграду, не давать уйти, таким образом докучать.

В этом же значении 'докучать, настаивать' *застояти* употреблялся в книжно-славянских памятниках письменности древнерусского языка, например, в идентичном старославянскому тексту евангельской притчи о судьбе и вдовице из Изборника Святослава 1076 г. (для перевода греческого глагола *καλύπτω* - 'покрывать, закрывать, скрывать', не соотносительного по словообразовательной структуре со славянским позиционным глаголом, а связанного с существительным *къллѣ* - 'оболочка') и в других памятниках древнерусской письменности церковного характера: *Иоанъ же вѣдыи. яко прѣкъ стѣмъ дѣмъ. яко снѣ естѣ бѣи. и не смяше крѣстити его. егда и видѣ застоюще его. и повелевающа ему кр(с)тити.* ПрЛ XIII, 122г. СлДРЯ XI-XIV вв., III, 346.

В древнерусском языке *застояти* употреблялся также в значении 'заслонять, скрывать', что тесно связано с пространственным значением 'находиться по отношению к объекту так, чтобы он располагался за кем-, чем-л.'. Этот ЛСВ глагола следует рассматривать в рамках СТ "заслонить (заслонять) что-, кого-л., создать (создавать) преграду с помощью действия, названного мотивирующим глаголом", который уже функционировал в древнерусском языке (ср. *загражати/заградити, закрилити* 'закрывать, заслонить крылом', *заступати*) [Мальцева 1988, 10-12].

Доминирование результативности, а не локальной статальности в значении 'заслонять, загораживать' обусловило перфектирующую роль приставки уже на самых ранних этапах употребления исследуемого приставочного глагола.

В значении 'заслонять, загораживать' *застояти* употреблялся и в книжно-славянских памятниках письменности старорусского периода: *Яко да застоитъ имѣ.* Кас. Авн., 402. XVII в. ~ XVI в. СлРЯ XI-XVII вв., 5, 306. На основе пространственного значения 'заслонять, закрывать, загораживать, стоять перед объектом, стоять так, что объект оказывается за субъектом действия' у глагола *застояти* развивается также переносное абстрактное значение 'защищать': *За-*

конь застоя и прѣдания славне отчьскааго. Мин. Пут. XI в. В XVII в. у этого глагола появляется имперфективная пара *застаивати* ‘защищать, отстаивать, выгораживать кого-л.’: *А мат<ь> де ея исцова Анютка и брат Федка во дворѣ у нея исца ево Алексѣя и в ызбѣ не застаивали и брату ея он Алексѣи не кланивался чтоб он бутто б ево не огласил.* Колл. Зинченко, № 144, сст. 3. 1695 г. СлРЯ XI-XVII вв., 5, 302.

С этим ЛСВ связаны появившиеся также в XVII в. дериваты *застояние* ‘защита’; *застоятель (земли)* ‘представитель местной (земской) администрации, земской власти в Германии и Чехии XVII в.’.

Семантика преграды в пространственном значении способствует развитию у *застояти* нового значения, – ‘простоять где-л. дольше, чем нужно, застояться, задержаться, остаться без употребления’: *А которой былъ карабль его пришель къ пристани, и они его держали, и с карабля людей его сослали и иныхъ людей ему с своихъ караблей нанять не дали, а его карабль застоялъ.* Анг. д., 233. 1585 г. СлРЯ XI-XVII вв., 5, 307. С этим значением связаны и появившиеся в XVIII в. дериваты *застой* ‘остановка в движении’, ‘место, где рыба останавливается’, ‘нераспроданные съестные и кормовые припасы’, ‘болезненная задержка движения жидкости в организме’, *застойный* ‘застоявшийся, стоячий (о воде)’, ‘связанный с застойными явлениями в организме’, ‘залежавшийся’, *застоялый (мѣсяцъ)* ‘месяц, за который задержано жалованье, наемные деньги’.

С конца XVI – нач. XVII вв. в этом значении употребляется и сохранившийся в современном русском языке глагол *застоятися* ‘простоять больше, чем следует, залежаться (о хлебе)’: *А насытали бѣ естя хлѣбъ... въ Новомъ городкѣ и въ Алыстѣ, чтобъ вамъ хлѣбъ... отвезти весь сполна по роспис... не дожидаясь того хлѣба, которой застоялся въ Изборскѣ да Выборцѣ, а помѣченъ везти въ тѣ города.* ДАИ I, 182. XVII в. ~ 1579 г.; ‘простоять где-л. дольше, чем нужно, задержаться, застояться; остаться без употребления’: *И имъ-де в томъ от нихъ учинилося убытка, что сѣмена да восемь лошадеи застоялось, пятьдесятъ восемь рублевъ съ полтиною.* Гр. К. Э. II. Прил., 841. 1612 г.; ‘остаться нераспаханной дольше, чем следует (о земле)’: *И яровыя пашни не пахали за симины, тягла наши, полчетвертьи десятины, застоялися въ пустѣ, не паханы.* Переп. Одоевск., 91. 1672 г.. СлРЯ XI-XVII вв., 5, 307. Таким образом, одно из значений исчезнувшего позднее глагола *застояти* сохранилось у

застояться. Префиксально-постфиксальные глаголы с формантом *за- ... -ся* стали функционировать в языке не ранее конца XV – начала XVI вв. [Мальцева 1988, 14-15].

В XVIII в. *застоять* сохраняет связанный с пространственной семантикой ЛСВ ‘загораживать, заслонять что-л.’: *Незастои, отступи отсвѣчи, незагораживаи свѣта*. ВЛ 382, а также развивает переносное абстрактное значение ‘быть основанным на чем-л.’: *Разность мнѣний на сем застойт...* Геогр. ген. 48. СлРЯ XVIII в., 8, 101.

В XIX в. глагол *застоять/застаивать* продолжает употребляться в значении ‘задержать, остановить на ходу, на пути; заступить кому-л. дорогу, не пропустить’ (*Насъ застояли было у заставы. Ихъ застояль ледь, рѣка*. Даль, 1, 638). Имперфектив использовался в отвлеченном, а не только в пространственном значении ‘задерживать’: *Не застаивайте воду у себя, подымите вешняки, спускайте ее! Они застаиваютъ оброкъ, задерживаютъ, а также дериваты застаиванье, застоянье, застой, застоя, застойка, застойный, застойчивый, застоялый*. Даль, I, 638. Развитие социально-политического значения слова *застой* ‘отсутствие прогресса, полная остановка развития в общественной жизни и культуре’, как отмечает В.В. Виноградов, «сложилось не ранее 40–50-х годов XIX в., т.е. в тот период, когда распространились понятия: *прогресс, прогрессист, прогрессивный, передовой, отсталый, ретроград*» [Виноградов 1989, 103].

У глагола *застоять/застаивать* отмечается также и переносное значение ‘отстаивать, заступаться и защищать, оборонять’ *Застой меня, не выдай обидчику!* С этим ЛСВ связаны также дериваты *застоя, застоюшка, застойник, застойница, застойщик*. Даль, 1, 638-639. В этом значении глагол употреблялся в произведениях XIX в. (иногда в качестве архаизма): [Минин:] *Радел, чтоб застоять да не обидеть Молодых братьий*. А. Остр. К. З. Минин... *Приказчица была женищина смирная, и сердце в ней было доброе. Где могла, усмиряла мужа и застаивала перед ним мужиков*. Л. Толст. Свечка. и при передаче народной речи (в произведениях XX в.): *Федюнькин отец зверем на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял*. Бажов, *Огневушка-поскакушка*. ССРЛЯ, 4, 922.

В русских народных говорах приставочный дериват *застоять* ‘заработать, сдавая квартиру постояльцам’ (*Двести тридцать рублей я с них застояла, платили мне, жили* (о трактористах). Ряз., 1969. СРНГ, 11, 65) не связан с пространственным значением приставки, а образован в результате словообразовательной мутации по СТ «добыть, получить что-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». В древнем значении ‘заступить за кого-либо’ употребляется глагол с другим суффиксом и ударением *застóить*: *Спасибо, барыня застоила за меня*. Смол., 1914. СРНГ, 11, 61, с этим ЛСВ глагола в говорах связан и ряд дериватов: *застояться* ‘заступить за кого-, что-либо’, *застой* ‘заступничество, защита, помощь’, *застойщица* ‘защитница, заступница’, *застоя*, *застоюшка* ‘защитник; защита; адвокат’. Другие дериваты связаны со значением ‘застаиваться’: *застой* ‘стоячая вода, место, где скапливается рыба’, *застойный* ‘старый, лежалый, не распроданный вовремя’, *застойчивый* ‘подолгу задерживающийся на одном месте’.

В современном русском литературном языке *застоять/ застаивать* не употребляется, в ССРЛЯ в значении ‘защищать, выгораживать’ отмечается как просторечный. В значении ‘слишком долго простоять, пробыть без движения’, ‘потерять свежесть от долгого пребывания в неподвижности’ употребляется, как уже отмечалось, префиксально-постфиксальный (а по происхождению постфиксальный – образованный от приставочного с помощью постфикса) глагол *застояться*.

В других славянских языках сохранились также только префиксально-постфиксальные лексемы: в белорусском языке разг. *застояцца*, а также в украинском *застояватися* употребляются в тех же значениях, что и в русском языке. В болгарском *застоявам се* ‘застаиваться’; дериваты *застой*, *застояване* ‘застой’, *застоял* ‘застойный’; *Залежавам се*, *застоявам се* ‘залежаться’.

Т.о., вся семантическая история глагола *застоять* связана, в основном, с его пространственным значением ‘загораживать; стоять, находиться так, чтобы объект находился за субъектом’, на основе которого развилось и значение ‘защищать’, а также со значением преграды в значении ‘задержаться, остаться без употребления, задержаться’, которое позже осталось только у префиксально-постфиксального глагола *застояться* и дериватов *застой*, *застойный*.

Литература

- Виноградов В.В.* Из истории слов // Вопросы языкознания. 1989. № 4. С. 99-110.
- Иванов Вяч. Вс.* Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Мальцева Р.И.* Слова с приставкой *за-* в русском языке XI-XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Маслов Ю.С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.
- Нефедьев М.В.* Заметки о развитии словообразовательных типов (на примере глаголов с приставкой *об-*) // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 90-95.
- Табаченко Л.В.* Об одной из тенденций развития обстоятельственных конструкций в русском языке XI-XVII вв. (на примере конструкций с глаголами *обстояти, облежати, обсѣдѣти*) // Вопросы языкознания. 1986. № 3. С. 111-117.
- Табаченко Л.В.* Конструкции с позиционными приставочными глаголами в памятниках письменности русского языка XI-XVIII вв. // Вопросы славяно-русского языкознания: Сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1996. С. 76-94.
- Табаченко Л.В.* Глаголы с приставкой *над-* в истории русского языка // Предложение и слово: Межвуз. сб. научн. тр. Саратов, 2002. С. 673-678.

Сокращения

- Даль* - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1978.
- СлДРЯ XI-XIV вв.* - Словарь древнерусского языка (XI - XIV вв.). Т. I-VIII. М., 1988-2008. Примеры из СлДРЯ XI-XIV вв. для единообразия оформлены по правилам, принятым в СлРЯ XI-XVII вв.
- СлРЯ XI-XVII вв.* - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. М., 1975-2008.
- СлРЯ XVIII вв.* - Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 8. (Л.) СПб., 1995.
- СРНГ* - Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Л., 1976.
- СС* - Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стеротип. М., 1999.
- ССРЛЯ* - Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М.-Л., 1948-1965.
- Фасмер* - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немец. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. 1-4. М., 1964-1973.
- Черных* - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1-2. М., 1993.

СЛОВО ОФЕЊИНА В ТОЛКОВОЙ ПАЛЕЕ*

Толковая Палея – замечательный памятник древнерусской письменности, в котором наряду с текстами или пересказами текстов Ветхого Завета и их толкованиями приводятся различные сведения исторического и естественнонаучного характера. Толковая Палея была своеобразной энциклопедией для средневекового человека: из нее он мог почерпнуть сведения не только о возникновении и устройстве мира, о ветхозаветной истории, о расселении народов, но и об анатомии человека, о некоторых зверях и птицах и т.д.

От другого типа Палей – Хронографической и Исторической – Толковая Палея отличается полемической направленностью: в ней яростно обличаются нехристианские верования. В средневековой Руси Толковая Палея была весьма популярным произведением, потому что, несмотря на достаточно большой объем, сохранилось и дошло до нас более чем 15 ее списков; произведение переписывалось, а значит было актуальным, на протяжении четырех веков – XIV – XVIII; его списки находились в собраниях авторитетнейших духовных центров – в Александро-Невской и Троице-Сергиевой Лаврах.

Несмотря на то, что Палея привлекла к себе внимание исследователей уже в начале XIX века, до сих пор не определено время и место ее создания: одни ученые считали Толковую Палею древнерусским памятником XIII века [Михайлов 1895, Истрин 1897-1898], другие – переводом с греческого [Успенский В. 1876, Тихонравов 1878], а А.А. Шахматов выдвинул точку зрения о болгарском происхождении Толковой Палеи и относил ее создание к IX веку [Шахматов 1904]. Сейчас гипотезу А.А. Шахматова развивают болгарские ученые: в 2002 году в Софии вышло исследование Т.Д. Славовой «Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжни-

* Настоящая работа выполняется в рамках исследовательского научного проекта РГНФ 07-04-00324а «Палея промежуточной редакции: подготовка древнерусского текста по списку ГИМ Барс. 620 (XV в.) с разночтениями; исследование состава и идейно-религиозных особенностей текста».

на», в котором возникновение памятника датируется X веком [Славова 2002].

Толковая Палея имеет несколько редакций, взаимоотношения между которыми до сих пор не выяснены. Но широкому кругу читателей и исследователей в основном известен только Коломенский список Толковой Палеи 1406 г., так как он был два раза издан – в конце XIX века [*Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С.Тихонравова. Вып 1-2. М., 1892-1896*] и в начале XXI века [*Палея Толковая. Перевод, научное редактирование А.М. Камчатнова. М., «Согласие», 2002*].

Толковая Палея послужила лексикографическим источником почти для всех исторических словарей русского языка. Уже И.И. Срезневский включил в свои «Материалы для словаря древнерусского языка» лексику Толковой Палеи по списку Александроневской Лавры XIV в., причем весьма отрывочно: его преимущественно интересовали редкие слова и гапаксы Толковой Палеи.

Лексика Толковой Палеи отражена в Словаре русского языка XI-XVII вв. Здесь используется уже другой ее список – Коломенский 1406 г. по изданию 1892-1896 гг.

Очень тщательно текст Палеи опять же по изданному Коломенскому списку 1406 г. был расписан для картотеки Словаря древнерусского языка XI-XIV вв. В этом словаре находится много слов Толковой Палеи, не отраженных в СлРЯ XI-XVII: например, *врачатица*, *възнакообратно*, *зантнѣ* и др.

Картотеки СлРЯ XI-XVII и СДРЯ XI-XIV послужили базой для многочисленных частных исследований по истории русского языка: история существительных на *-ние (-тие)*, история приставок *вы-* и *из-*, предлогов *пред* и *перед* и т. д. Во всех этих работах обязательно используется материал Толковой Палеи обычно по Коломенскому списку, так как исследователи работали с картотеками этих исторических словарей.

Предметом исследования данной статьи является слово Толковой Палеи, которое в составе текста Палеи не отражено ни в словарях, ни в публикациях текста памятника, – *осенина*.

На Л. 8 в-г Коломенского списка Толковой Палеи помещены рассуждения редактора-составителя об уподоблении возрастных периодов человека временным периодам годового цикла. В издании 1892-96 гг. этот отрывок выглядит следующим образом¹: *мню*

оубо веснѹ къ роженію младеньствѹ члвчскаго сущьства прилѣжнѣ въстѹпающе оубо слнцю на высотѹ наипаче продѣлающе днь и вса зеленага зрѣла творитѣ накмьшо оубо са зелню и овощю // Л. 8 г вешнаго соку и теплою сплца развотѣють... тѣ же оубо и о члвчцѣхъ павлаютьсѣ въ входящемѹ възрастѣ дѣтищю слабѣ костьми бывакѣтъ състави и кости кго макѣци сущѣ слаба суща павлакѣтъ къ възраста мѹжьства суща градѹща осени нѹже к мѹжествѹ истѹпльшо же слнцю всакн злаки исѹшають и зрѣлы творитѣ тако оубо члвкѹ пришедшо къ мѹжествѹ сва кости телесе кго ожесточаютѣ и хростѣци кості кго оѹкрѣпѣють и кровь костьнага въ мозгѣ преложитѣс и мозгѣ главы кго исполнитѣс зимѹ же къ старости прелагакмѣ [Палея Толковая 1892-96, 16]. Заинтересовавший нас фрагмент находится на Л. 8 г: **осени нѹже к мѹжествѹ.**

В издании 2002 г. этот же текст передан совсем по-другому: **осени и ѹже к мѹжествѹ** [Палея Толковая 2002, 30]. Как же этот отрывок выглядит в действительности – в рукописи?

При непосредственном обращении к тексту Коломенского списка Палеи выяснилось, что фрагмент верно был передан в первом издании 1892-96 гг.: **осени нѹже к мѹжествѹ.**

Но можно не согласиться с таким членением текста на слова и разделить его иначе: **осенинѹ же к мѹжествѹ.** Текст Коломенского списка 1406 г. написан уставом, в строгом смысле деления на слова нет (деление текста на слова в русской письменности начинается лишь с начала XVI века [Осипов 1992, 206]), но в пользу именно такого словоделения говорит смысловой анализ текста: что такое **нѹже**? Явно, что **нѹже** не является полнозначным знаменательным словом (в других списках его заменяют на частицу или союз и частицу). Нельзя его разделить и на два слова **нѹ** и **же**, так как по данным СлРЯ XI-XVII частица и междометие **нѹ** в древнерусской письменности появляются достаточно поздно: во второй половине XVII – начале XVIII века (СлРЯ XI-XVII, вып. 11, 438). Таким образом, можно сделать достаточно уверенное предположение, что в данном тексте в составе одного из самых старших списков Толковой Палеи – Коломенском 1406 г. – присутствует слово **осенина**.

Как же этот фрагмент представлен в других списках и в других редакциях памятника? Сопоставление данного фрагмента по спискам разных редакций показало, что в одном из старших списков

первоначальной Толковой редакции и одном из старших списков Промежуточной редакции текст представлен так же, как и в Коломенском списке: в списке Костромской библиотеки конца XIV – начала XV вв. (Толковая редакция): **wsennnū že k mužestvū** (Л. 26); Кирилло-Белозерский список XV в. (Промежуточная редакция): **wsinnnoū že k mužestvū** (Л. 9 б). Позднейшие списки XVI и XVII вв. и Толковой, и Промежуточной редакции дают этот фрагмент по-другому: Уваровский список XVI в. (Толковая редакция): **wseni i oūž k mužestvū** (Л.32 об.); Список Киевской Духовной Академии XVII в. (Толковая редакция): **wseni n oūže** (Л.11 об.); Барсовский список № 620 (Промежуточная редакция): **wseni oūže k mužestvū** (Л.76); Хлудовский список (Промежуточная редакция): **Wseni n oūže k mužestvū** (Л. 11).

Можно найти простое объяснение, почему в поздних списках слово **осенина** превратилось в **осени n oūže**: буквы **n** и **и** были весьма сходны по написанию, и если перемычка пишется высоко и с малым наклоном, то эти буквы можно легко спутать. Но все-таки следует отметить, что в трех старших списках двух редакций слово **осенина** присутствует.

Примечательно, что слово дается в древнерусской огласовке – с начальным *o*, которое считается одной из древнейших восточнославянских изоглосс [Бернштейн 2005, 226]. **Осенина** – суффиксальное образование от слова **осень**, которое имеет общеславянское происхождение и родственно др.-прусс. *assanis* «осень», гот. *asans* «жатва», д.-в.-н. *agan, arn* «урожай» [Фасмер III, 158]. В других славянских языках: западнославянских и южнославянских – русскому слову *осень* соответствуют слова с начальным *je* или *e*: в болгарском – *éсен*, в чешском (в поэтическом употреблении) – *jeseň*, в польском – *jesień*.

Вопрос о происхождении начального русского *o* в соответствии с *je* в других славянских языках в первой половине XX века вызвал большую научную дискуссию и до сих пор не решен: «Большинство полагало, что факты западных и южных славянских языков отражают праславянское состояние, факты восточнославянские – новообразование. В противоположность этому взгляду некоторые ученые отдавали предпочтение восточнославянским языкам. Наконец, Соболевский, Ильинский и ряд других ученых оба варианта считали равноправными. Здесь они видели результат древних индоевропей-

ских чередований *o//e*) [Бернштейн 2005, 226-227]. Поэтому в этимологическом словаре П.Я.Черных общеславянская форма слова *осень* выглядит следующим образом: *(j)esень (:*osen?) [Черных I, 607].

Н.Н.Дурново отмечает, что «в других словах в большинстве славянских языков в начале слов перед *e* является *j*, но некоторые ст.сл. памятники указывают на отсутствие *j*: **един, езеро, есень**; в русских языках в соответствии с таким *e* является начальное *o*: *озеро, осень, один, овин, олень, осетр*; по-видимому, начальное *o* в соответствии с *e* ст.сл. и *je* других славянских языков в русском является только в том случае, если в следующем слоге гласные *e* или *i*» [Дурново 2000, 110].

Несмотря на существования уже в древности вариантов *осень* – *есень* [Словарь старославянского языка IV, 1002], в памятниках древнерусской письменности слово *осень* проявлялось только с начальным *o* [Лукина 1968, 111]. Для другие слов с начальными *o/e*: **одинъ – единъ, озѣро – езеро, олень Δ елень** и др. – существовала прикрепленность к разным типам литературного языка: в книжно-литературном – преобладание начального *e*, в народно-разговорном – преобладание *o* (об особенностях функционирования в древнерусском литературном языке слов с корнями **один-** и **един-** см. Вендина 2007). Начальное *o* в слове *осень* не зависело и от происхождения памятника: варьирование *o/e* не встречается ни в оригинальных, ни в переводных текстах.

Указанная особенность полностью проявляется в тексте Толковой Палеи. В составе Коломенского списка 1406 г. можно указать на варьирование *o/e* не только в таких словах, как **одинъ** и **единъ**, **олень** и **елень**, **озеро** и **езеро**, но и в именах собственных **Елена** – **Олена**, **Ефремъ** – **Офремъ**. Однако в тексте встречается только *осень* (стлб.9), *осенина* (стлб. 32), *осеньнын* (стлб.33).

Итак, написание слова *осенина* с начальным *o* является нормативным для древнерусского литературного языка XI – XIV вв., даже принимая во внимание тот факт, что Толковая Палея – памятник высокой жанровой иерархии и, по мнению А.А. Алексеева, относится к памятникам с контролируемой текстологической традицией [Алексеев 1999, 27]. Другое дело, что в тексте памятника употреблено суффиксальное образование от слова *осень* – *осенина*, присутствие которого очень важно для воссоздания истории текста Толковой Палеи.

Л.В. Вялкина в статье «Обозначение времен года в древнерусском языке» отмечает: «Для обозначения холодного времени между летом и зимою употреблялось и производное образование *осенина*. Оно представлено гораздо меньшим количеством примеров, чем *осень*. В картотеке СДР находим 70 примеров употребления слово *осень* и всего 6 – *осенина*, при этом все примеры из Новгородской и Лаврентьевской летописей...» [Вялкина 1969, 212]. Л.В. Станинова указывает, что эти примеры в основном связаны с новгородскими и тверскими известиями [Станинова 2005, 203]. Таким образом, присутствие слова *осенина* в тексте, принадлежащем редактору-составителю Палеи, может косвенно указывать на особенности его диалекта, скорее всего новгородского.

В старших списках Палеи Толковой редакции нами были замечены еще две формы, свойственные древнему новгородскому диалекту. Это, во-первых, устойчивое написание, которое находится во всех списках и во всех редакциях Толковой Палеи: при передаче астрономических сведений из Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского вместо слова *звѣзды* употреблена форма *гвозды* без отражения второй палатализации, см. в Коломенском списке: *знаменаѣ же вжствноѣ писаниѣ оустроикниѣмъ свѣтланика оба полы частьми кѣго по .г. гвозды кругъ видѣнъ* (стлб.30).

Во-вторых, слово *розквѣлисте*, которое тоже в большинстве списков представлено без отражения второй палатализации. В Коломенском списке акающий второй писец передал его как *росцвѣлисте* (стлб. 356), но в другом самом старшем списке – списке Александрo-Невской Лавры – фиксируется форма *розквѣлисте* (Л.114).

Обнаруженные языковые особенности свидетельствуют в пользу древнерусского, а не древнеболгарского происхождения памятника.

Можно сделать еще одно замечание, которое связано с присутствием слова *осенина* в тексте Палеи. По наблюдению Л.В. Вялкиной, слово *осень* появилось в древнерусском языке в древний период, но четкое терминологическое значение определенного временного сезона оно получило достаточно поздно: «Не были дифференцированы и значения слова *осень*. Этим словом обозначался промежуточный период времени между летом и зимой. В понятие *осень* включался холодный период времени, холодные месяцы ав-

густ, октябрь, ноябрь. Возможно, что включение в осень того или иного месяца зависело от природных условий разных лет и разных мест. В большинстве примеров осень обозначает просто холодный период, наступающий после лета, предшествующий зиме» [Вялкина 1969, 212]. Исследовательница подчеркивает, что год у древних славян делился не на четыре, а на два временных периода и что осень входила в понятие зимы («холодное время года»).

Л.В.Вялкина замечает, что деление годового цикла на четыре сезона – явление позднее, первый пример такого деления обнаруживается в переводном памятнике – раннем списке Хроники Георгия Амартола – и относится только к рубежу XIII – XIV вв. Но как можно было увидеть из приводимого в начале статьи отрывка Толковой Палеи, редактор-составитель в своих рассуждениях использовал именно эту идею – членение года на четыре сезона. Это еще одно косвенное свидетельство в пользу того, что Палея не могла быть создана в X веке, на чем настаивает Т.Д. Славова, а была составлена, в соответствии с мнением А.В.Михайлова и В.М.Истрина, не ранее XIII века.

Источники

Рукописи Толковой Палеи Толковой редакции

Коломенский список 1406 г. – РГБ. Тр.-Серг. №38

Список Александро-Невской Лавры – РНБ. Собр. ПДА. А. I 199 (XIV в.), РГАДА. Синод. типогр. № 53 (XIV в.)

Список Костромской библиотеки – РГБ. Собр. Костромской библиотеки. Ф. 138. № 320. 1-2. (конец XIV – начало XV в.).

Уваровский список – ГИМ. Увар. №516/1303 (XVI в.).

Список Киевской Духовной Академии – Национальная украинская библиотека им. В.И. Вернадского (г.Киев) Мел.м.п.114 (XVII в.)

Рукописи Толковой Палеи Промежуточной редакции:

Кирилло-Белозерский список – РНБ. Кир.-Бел. № 68/1145 (XV в.).

Волоколамский список – РГБ. Волок. №549 (XV в.)

Барсовский список №620 – ГИМ. Барс. №620 (XV в.)

Ундольский список – РГБ. Унд. №718 (XV в.)

Хлудовский список – ГИМ. Хлуд. № 182 (XVI в.).

Издания Толковой Палеи:

Палея Толковая 1892-96 – Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С.Тихонова. Вып 1-2. – М., 1892-1896.

Публикации

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999.

Бернштейн С.Б. Сравнительная грамматика славянских языков: учебник. 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005.

Вендина Т.И. Глава 6. Один и Един // Вендина Т.И. Из Кирилло-Мефодиевского наследия в языке русской культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007. – С.270-292.

Вякина Л.В. Обозначение времен года в древнерусском языке // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1969. – С.200-213.

Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. – М.: Языки русской культуры, 2000.

Истрин В.М. Замечания о составе Толковой Палеи // ИОРЯС. – 1897, т.2, кн.1. – С.175-209; кн. 4 – С. 845-905; 1898, т.3, кн. 2. – С.472-531.

Лукина Г.Н. Старославянские и древнерусские лексические варианты с начальными *а-я, ю-у, е-о* в языке древнерусских памятников XI–XIV веков // Русская историческая лексикология. – М.: Наука, 1968. – С.104-114.

Михайлов А.В. Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой Палеи // Варшавские университетские известия. – 1895, №7. – С.1-21.

Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1992.

Славова Т.Д. Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина. – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2002.

Станинова Л.В. Об истории существительного *осень* // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы шестой международной конференции. Владимир, 27-30 сентября 2005 года / Отв. ред. А.Б. Копелиович. – Владимир: ВПГУ, 2005. – С.202-204.

Тихонравов Н.С. Отчет о присуждении наград гр. Уварова. – СПб., 1878.

Успенский В. Толковая Палея. – Казань, 1876.

Шахматов А.А. Толковая Палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. Вып. 1. – СПб.: 1904. – С. 199-272.

Словари

СДРЯ XI-XIV – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Т.1-7. – М., 1988-2004.

СлРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1-27. – М., 1975-2006.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – СПб., 1893-1912. (перезид. В 1956 г.)

Словарь старославянского языка – Словарь старославянского языка. Репр. Изд.: В 4 т. – СПб., 2006 (Slovník jazyka staroslověnského. I-IV. Praha, 1958-1997).

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. – СПб., 1996.

Черных 1994 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов: Т.1-2. – 2-е изд., стереот. – М., 1994.

Примечания

¹ При цитировании источника выносные буквы подчеркиваются, буквы, пропущенные писцом, не восстанавливаются.

Н.В. Комлева
Вологда

НАЗВАНИЯ ЛИЦА ПО РОДУ ЗАНЯТИЙ В СЛОВАРЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОЙ РУСИ XV–XVII вв.*

Промысловая и ремесленная терминология, восходящая по происхождению в большинстве своем к народно-разговорной лексике старорусского языка, представляет исключительный интерес. Этим определяется актуальность и значимость издания «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (далее СПЛ)¹. По мнению историков, в XVI–XVII вв. в Русском государстве наблюдается значительный экономический подъем, активно развиваются ремесла и промыслы, формируется много различных специальностей. Средствами жизни у посадских людей были ремесло и мелкая торговля. Города Русского Севера тоже славились своими мастерами, кузнецами, плотниками, каменщиками, иконописцами. Профессии передавались из поколения в поколение, появлялись потомственные мастера, ремесленники. На страницах Писцовой книги Вологды 1629 года и Переписной книги 1678 года содержится множество указаний на род занятий посадских людей. Ср.: *Д. тяглой сапожника Терешки Семенова сына Быструни, да пирожника Нестерка Гаврилова, да масленика Гришки Ерохова* [ПКВ 1629, 177]; *Д. тяглой рыбниковъ Якушки да Тренки Фодоровыхъ дЪтей Воробьевыхъ* [ПКВ 1629, 182]; *Д. вологодского каменщика Андрюшки Аверкиева сына Бабушкина* [КПВ 1678, 97 об.] и др.

* Работа выполнена при поддержке Рос. гум. науч. ф. (проект № 07-04-00125а – «История промысловой лексики Северной Руси»).

Названия лиц по ремеслу и роду занятий, содержащиеся в двух опубликованных выпусках СПЛ, дают представление о более чем шестидесяти промыслах. Анализ специальной лексики предполагает выявление базовых лексем, составляющих ядро различных терминосистем. Одной из таких лексем является слово *мастер* в старорусском языке. Др.-русск. *мастерь* «магистр ордена», наряду с этим др.-русск. *магистръ* могло быть получено через ср.-греч. [Ф II, 578]. Достаточно рано в языке появляется еще одно значение слова *мастер* – «сведущий в каком-л. деле человек, имеющий право руководить работами»: *Володимерь... помысли создати цркъвь престыя бца, (и) пославъ приведе я мастера от грекъ.* Лавр. лет., 121. (1259) [СлРЯ XI - XVII вып. 9, 36-37]. В СПЛ словарная статья **МАСТЕРЬ** содержит одно основное значение 'умелый квалифицированный работник, ремесленник; специалист по производству, строительству, изготовлению чего-либо' – *Да лодью мастера пружили с валу и стичили, и конопатили, и смолили, итого дано 3 руб. 20 алт. 2 ден.* *Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597-1600 – ВХК (I), с. 191, л. 14 об.* – и один оттенок значения 'опытный, умелый работник, руководящий строительством или промыслом' – *Лодешным казаком пятерым дано найму 40 ал<тын>, нанял лодью валит<и>, дал мастеру задатка рубль.* *Кн. расх. Корел. м. № 943, 33. 1587 г. – ҚДРС.*

Как уже неоднократно отмечалось различными исследователями исторической лексики, в памятниках деловой письменности XVI – XVII вв. противопоставлены факты двух языковых систем: народной разговорной речи и делового языка (ср. *Ъзовник – Ъзовый мастер, сапожникъ – сапожный мастеръ, кереводъ – кереводные снасти, тагась – частый неводъ* и т.п.) [Андреева 2004: 14]. Отсутствие устойчивых норм в лексике русского языка того периода, а тем более устойчивых терминологических систем приводило к тому, что носители языка прибегали к разным языковым средствам при наименовании близких или даже одних и тех же реалий. Совершенствование терминологической системы шло по пути активизации субстантивации или образования специальных терминов с помощью словообразовательных средств [Чайкина 2005: 109-110].

Рассмотрим, какова вариативность наименований лица по роду занятий по данным СПЛ.

Словарная статья **МАСТЕРЬ** содержит 41 составное наименование, имеющее непосредственное отношение к официальной тер-

минологии: *мастер жерновный, мастер иконный, мастер колокольный, мастер кирпичный* и т.д. Приведем соотношение составных наименований и суффиксальных образований в обозначениях лиц некоторых профессий.

Названия промыслов и ремесел	Составные наименования	Производные имена существительные
Бондарный промысел	<i>мастер бочешный</i>	<i>бочарь, бочарник, бочерник, бочкарь</i>
Городовое дело, церковное и гражданское деревянное и каменное зодчество	<i>мастер городской</i> <i>мастер церковный</i>	<i>городник, <городчик>, застенщик, известник, колодезник, колодежник, подвязчик, поугольщик, рубленик</i>
Изготовление металлической посуды	<i>мастер судовой</i>	<i>ведерник, горшечник, ковшевик, кошовник, ковшечник, котельник, оловяник, оловяничек, оловяничник</i>
Изготовление оружия	<i>мастер оружейный, мастер оружейных дел, мастер ефесный (ифесный), мастер ложный, мастер сабельный, мастер станочный (станошный)</i>	<i>обивальщик, пушкарь, бронник, бранник, <булатник>, сабельник, станочник</i>
Иконопись	<i>мастер иконный</i>	<i>иконник, резчик, левкасчик (левкащик), живописец, иконописец</i>
Кирпичный промысел	<i>мастер кирпичный (кирпичный)</i>	<i>кирпичник, кирпиччик, кирпичик</i>
Кузнечный промысел	<i>мастер ножевный, мастер укладного дела</i>	<i><коваль>, <кочережник>, замочник (замошник), заварщик, выварщик, гвоздар, гвоздочник, горновщик, дульщик, кузнец, молотник, молотчик, ножевик, ножевник, ножевщик, отделщик, подковщик, поковщик, укладник</i>

Названия промыслов и ремесел	Составные наименования	Производные имена существительные
Литейное дело	<i>мастер колокольный, мастер колокольный</i>	<i>колокольник, колокольщик, плавильщик</i>
Мельничный промысел	<i>мастер жерновый</i>	<i>жерновник</i>
Плотничье дело	<i>мастер плотный, мастер плотник</i>	<i>плотник</i>
Портновский промысел	<i>мастер портной, мастер пугвиный, мастер рукавиный</i>	<i>пугвишник, завязочник, киверник, колпачник, кровельник, кропачь, <нашивочник></i>
Рамно-стеклянный промысел	<i>мастер оконничный</i>	<i>оконничник (оконщик), оконщик</i>
Рыболовецкий промысел	<i>мастер Ъзовый</i>	<i>Ъзовник (езовник), Ъзовщик (езовщик), рыбовод, рыбак, водолаз, заборщик, забродчик, кереводчик, мерешник, ловець, покрученик, поледчик, (поледчик), поездчик, бродчик, весновальщик, вешняк</i>
Сапожный промысел, изготовление обуви	<i>мастер котовый, мастер моршевый, мастер поршевый, мастер сапожный, мастер чеботной</i>	<i><башичник>, <котовик>, котовщик моршечник (моршеник) моршеник <подошвеник>, поршевик</i>
Смолокурение и дегтярный промысел	<i>мастер смольный</i>	<i>смольник, смоляник, <дегтарь (дехтарь)></i>
Солеварение	<i>мастер церенный, (цырѣнный) мастер трубный</i>	<i>солобой, соловарь, соловолок, солонось, бугорщик, водолѣй, выливщик, держальник, дчаник, местник, метчик, набойщик, наметчик, наметывальник, пещарь, песочник, пещарь, пещарь, подварок, подъемчик, поемник</i>
Сулостроение	<i>мастер дощаниный (дощаниный, дощанешный), мастер кочевой, мастер лодейный, мастер лодочный, мас-</i>	<i>дчаник, насадник, лодейник, лодочник (лодошник)</i>

Названия промыслов и ремесел	Составные наименования	Производные имена существительные
	<i>терь насадный, мастерь судовой, мастерь шеемный, мастерь векошный</i>	
Уход за лошадьми и их лечение	<i>мастерь коневой, мастерь конской</i>	<i>коноваль, коневаль, конюхъ, конюший (конюшей)</i>
Шерстобитный промысел	<i>мастерь япанечный</i>	<i><епанечникъ (епанешникъ)></i>
Щепной промысел	<i>мастерь ложечный</i>	<i>ложечникъ (ложешникъ),</i>
Ювелирный промысел	<i>мастерь серебряный</i>	<i>серебряникъ</i>

Как показывает сравнение, производные имена существительные преобладают над составными наименованиями. Их количество особенно велико в сфере тех ремесел, где появляется узкая специализация.

Так, например, рассмотрим обозначения мастеров кузнечного и железного (добыча и переработка железной руды) промыслов, восходящих в северном крае к глубокой древности. Здесь добывались болотные руды, выплавлялось кричное железо, ковался уклад – особый вид стали. Такие города, как Вологда, Тотьма, Великий Устюг, Холмогоры, Архангельск были центрами высокоразвитого ремесла по переработке металла [Колесников 1967: 22]. В СПЛ отмечены два составных наименования, имеющих отношение к данным промыслам: *мастерь ножевный* – ‘тот, кто занимается изготовлением ножей’ – *Се яз Истома Иванов снъ ножевной мастер продал есми... половину двора своего. Гр. Дв. I, 109. 1545 г. – КДРС.* – и *мастерь укладного дела* – ‘тот, кто занимается производством стали высокого качества (уклада)’ – *Во дворе Марья Еремеевская жена, у ней дети укладного дела мастера Варлам 35-ти, холост, Тихон – 16-ти. ПЛК Устюж. 1713 – САС I, 244.*

Словосочетанию *мастерь ножевный* соответствуют сразу три суффиксальных образования *ножевникъ, ножевникъ, ножевщикъ*, включенные в целый ряд производных со словообразовательными значениями ‘носитель процессуального признака’, ср.: *заварщикъ* – ‘мастер, который занимается свариванием, завариванием металлических изделий’; *выварщикъ* – ‘специалист по выплавке металла

нужного качества'; *поковщик* – 'тот, кто выковывает изделия из металла'; 'носитель предметного признака', ср.: *замочник* – 'тот, кто изготавливает и продает замки'; *гвоздарь* – 'кузнец, делающий гвозди'; *молотник* – 'помощник кузнеца, работник с ручным молотом; молотобоец'.

Появление в сфере отдельных ремесел очень мелких специальностей способствовали усложнению производственно-технической терминологии. Составные наименования для обозначения лица по роду занятий появляются уже от самих производных существительных. Ср.: *Выварщик оружейного дела, выварщик оружейный* – 'мастер по выплавке металла, годного для изготовления оружия' – *Во дворе оружейного дела выварщик Петр Иванов сын Глездышев 55-ти, у него жена Лукерья 50, у них дети: оружейные выварицики Аммос 25-ти, Козьма 17-ти. ПЛК Устюж. 1713 – САС I, 241.*

Вариативность проявляется и в сфере самих производных имен существительных, обозначающих лицо по роду занятий. Способ словообразования в основном суффиксальный, но есть и лексемы, возникшие в результате сложения с суффиксацией. Как отмечают многие исследователи, для лексико-семантической системы старорусского языка вариативность вообще характерна. В исследуемой лексике её наличие вызвано рядом причин: близостью промыслово-ремесленной лексики к общеупотребительной народно-разговорной, отсутствием в этот период письменной закреплённости терминов, недостаточной грамотностью писцов [Чайкина 2005: 126].

По данным СПЛ наиболее частотны словообразовательные варианты наименований лица по роду занятий с суфф. *-щик/-чик* и *-ник*: *городник* и <*городчик*>, *Ъзовщик* и *езовник*, *известник* и *известчик*, *кирпичник*, *кирпичщик* и *кирписчик*; *молотник* и *молотчик*, *наметывальник* и *наметывальщик*, *носовщик* и *носник*, *подледчик* и *подлещик*, *покрутчик* и *покрученик* и т.д. По наблюдениям Ю.С. Азарх, регулярность в старорусский период однокоренных параллельных наименований лиц мужского пола с суфф. *-щик/-чик* и *-ник* является средством дифференциации личных и неличных существительных на *-ник*, «к концу старорусского периода происходит сокращение личных имен на *-ник* вследствие вытеснения их параллельными образованиями на *-щик/-чик*» [Азарх 1984: 100].

К этому же ряду вариантов добавляются и менее распространенные в памятниках производные существительные с суфф. -ик: *возовикъ* и *возовщикъ*; *котовщикъ* и <*котовикъ*>, *ножевикъ*, *ножевникъ* и *ножевицкъ*.

Отсубстантивные дериваты на -арь, именующие лицо мужского пола по профессиональной деятельности, объекту действия – *гвоздарь* ‘тот, кто делает гвозди и торгует ими’, *дехтарь* ‘тот, кто гонит деготь и торгует им’ – также имеют варианты с частотным суфф. -ник, ср.: *гвоздарь* и *гвоздочникъ*; *бочарь*, *бочкарь* и *бочарникъ*, *бочерникъ*; *пестарь*, *пескарь*, *пешарь* и *песочникъ*.

Как отмечают историки языка, в старорусский период в различных функциональных стилях сохраняется продуктивность сложений с глагольной основой во второй части и с нулевым суффиксом [Азарх 1984: 112]. В большом количестве дериваты этих моделей представлены наименованиями лиц мужского пола по роду занятий: *водолазь*, *водолъй* (*водолий*) и *водоливъ*, *дрововозъ* и *дрововолокъ*, *кошкодавъ*, *рыболовъ*, *соловолокъ* и *солонось*.

Показательно, что в случаях с *дрововозом* и *дрововолоком*, а также *соловолоком* и *солоносом* мы имеем дело не с синонимичной меной глагольных основ во второй части сложных слов, а с дифференциацией обозначений для узкоспециальных действий. *Дрововоз* – возчик дров – перевозит дрова на лошадях, ср.: *А порядил, государи, двиньских дрововозов в долг по два гроша с воза в долг сто лошадей, а педесять лошадей отказали в долг возить. Гр. Сольвыч. 1674 – САСК (С), 247. Дрововолок* – это рабочий, перетаскивающий дрова волоком, ср.: *От волочки давано дрововолоком... от сажени по дватцати алтнъ по четыре денги. Кн. солян. пр. № 22, 79. 1662 г.* Точно также *солонос* – это грузчик на солеварне, который сгружает и разгружает соль, ср.: *Издержал ото Здвиженъев дни да до Покрова 16 алт. 4 ден. да солоносам придал 7 алт. Кн. прих.-расх. Холмог. торга 1594 – ВХК, 129. А соловолок* занимается погрузкой и разгрузкой соли с судна и перетаскивает её на берег: *Волочили соль в Заозерье из дощаника на берег. И того дано соловолокомъ 17 алт. Кн. прих.-расх. Тот. пр. 1622-1623. – Гейман, 1, 98.*

Как видно из анализа материала, развитие ремесленной терминологии сопровождалось наличием достаточно большого количества вариантов словоупотребления. Появление в памятниках письменности XV – XVII вв. вариантов для наименования лица по про-

фессии и роду занятий было обусловлено рядом причин: 1) отношением к народно-разговорной речи и к деловому языку; 2) конкуренцией словообразовательных морфем, связанной с собственно языковыми факторами развития языка; 3) территориальной закрепленностью отдельных лексем, суффиксов и моделей словообразования.

Литература

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории языка. – М.: Наука, 1984.

Андреева Е.П. Роль семантической деривации в развитии специальной лексики старорусского языка // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вып. 2. – Вологда, 2004, С. 14-27.

Колесников П.А. Из истории крестьянства и ремесленников Европейского Севера в XVI – XVIII вв. Материалы по истории местного края // Ученые записки кафедры истории Вологодского пед. ин-та. Т. 35. Вологда, 1967.

Чайкина Ю.И. К истории становления производственно-технической терминологии в русском литературном языке XVII - XVIII вв. // История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда, 2005, 109-119.

Чайкина Ю.И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда, 2005, 120-127.

Словари

СлРЯ XI - XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 9. – М.: Наука, 1982.

Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. – Т. II. – М., 2003.

Примечания

¹ Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина – СПб., 2003. Вып. 1. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина – СПб., 2005. Вып. 2. Кроме того, в статье использованы материалы картотеки «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», которая хранится на кафедре русского языка ВГПУ.

ТЕРМИНЫ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА КАК НОСИТЕЛИ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ*

Деревянное зодчество – одна из сфер, отражающих особенности русской культуры, это глубоко самобытное, национальное искусство. Строительство на Руси всегда было тесно связано с историей народа, практически не испытывая внешних влияний, оно отражало основные тенденции развития древнерусского искусства. Наиболее ярким проявлением строительного творчества по праву считается деревянное зодчество Русского Севера. Преобладание деревянных архитектурных сооружений в этом регионе объясняется как географическими, так и историческими условиями жизни наших предков.

Долгое время труды ученых по исследованию русского зодчества были направлены на изучение его каменных образцов, деревянная архитектура вплоть до XIX в. игнорировалась. Начало серьезному исследованию положил академик Л.В.Даль, затем описания деревянных построек нашли отражение в работах В.В. Сулова, И.Е. Забелина, В.В. Верещагина, М.А. Красовского, И.Э. Грабаря, П.С. Ефименко, И.В.Евдокимова и других ученых. В XX в., благодаря работам архитекторов-реставраторов (А.В. Ополовникова, В.П. Орфинского, Б.Н. Федорова, С.Н. Горшина, А.И. Попова и др.), а также историков-краеведов (М.И. Мильчика, Ю.С.Ушакова, С.С. Подъяпольского, А.К. Чекалова, Н.Н. Уткина и др.), стало возможным возвращение к архитектурному наследию Руси.

Как отмечают исследователи, несмотря на внешние различия, культовая архитектура была тесно связана с гражданским зодчеством, «архитектурные формы переходили из одной области народной архитектуры в другую». Об этом свидетельствует лексика деревянного зодчества, которая к XVII в. сложилась как особая терминосистема в составе одной из функциональных разновидностей старорусского языка. Слова, обозначающие основные понятия строительного, плотницкого дела, нашли отражение как в памятниках пись-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125 а «История промысловой лексики Северной Руси»).

менности данного периода, так и в словарях различного типа, созданных в XIX-XX вв. – исторических, диалектных, специальных.

Данная группа лексики, часть которой дошла и до наших дней, представляет интерес не только для искусствоведов, но и для лингвистов, поскольку слова – элементы системы могут быть рассмотрены как носители страноведческой, этнокультурной информации.

Любой язык является источником сведений о национальной культуре народа – носителя этого языка, следовательно, слово, как основная единица языка, способно содержать некую культурную информацию. Эта информация может быть представлена несколькими способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации [Маслова: 54].

Лингвострановедческое описание предполагает восстановление лексического фона слова, того, что связано с этим словом в повседневном сознании носителей языка; оно может включать необходимые научные, исторические комментарии [Верещагин, Костомаров: 3]. Однако такой подход не позволяет в полной мере выявить формы представления национально-культурной специфики в структуре языкового знака, для этого необходимо этнолингвистическое исследование [Толстой, Толстая: 488; Нерознак: 5].

Обычно лингвострановедческий подход применяется к общеупотребительным словам, однако и термины могут обладать культурным компонентом в семантике. Своеобразие и лингвострановедческая ценность терминов деревянного зодчества определяется тем, что они, с одной стороны, соотносятся с сакральной, духовной, эстетической сферой, с другой стороны, называют предметы и явления материальной культуры, связанные с профессиональной, трудовой деятельностью человека, его бытом.

В настоящей работе к рассмотрению привлекается лексика строительного, плотницкого дела, извлеченная из письменных источников XV-XVII вв., исторических и специальных словарей. Основная цель работы – дать анализ лексики деревянного зодчества с точки зрения отражения национально-культурного компонента в семантике термина.

Выявление этнокультурных компонентов семантики специальных слов можно осуществить за счет привлечения различных экстралингвистических сведений. Однако для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть терминосистему в ономаσιологиче-

ском аспекте. Поскольку термин в старорусском языке – это результат естественной номинации, появление того, а не иного названия предопределяется сложившимися в лексической группе принципами («семантическими моделями-эталоном»), способами и средствами номинации, обусловленными свойствами реальных (понятиями о них), особенностями национального мировидения.

Термины деревянного зодчества несут различную страноведческую информацию. Используя тематический принцип, в составе лексики строительного, плотницкого дела можно выделить несколько множеств: названия строений, их частей, внутренних помещений, названия декоративных и конструктивных деталей, строительных материалов, названия трудовых операций, лиц по виду деятельности.

Ключевыми с точки зрения наличия этнокультурного компонента в семантике, несомненно, являются слова, обозначающие культовые постройки (*церковь, храм, колокольня*). Их обширный лексический фон содержит максимум информации о древнерусской церковной архитектуре. Хотя эти виды построек встречаются в культовом зодчестве многих стран, но лексический фон, например, у слова *церковь (храм)* в русском и любом западноевропейском языке будет существенно отличаться.

В русской культуре понятие «церковь» включает в себя различные стороны религиозной сферы. Для верующих церковь – это, прежде всего, «Тело Христово», духовная организация [Булгаков: 43]. Кроме того, сюда входят следующие аспекты:

а) вероучение (православие), включающее в себя основные положения Священного Предания и Священного Писания, догматы веры;

б) народ Божий (апостолы, евангелисты, мученики, святители, монахи, прихожане, юридические и т.д.);

в) церковная иерархия (духовные чины, территориальная структура церкви – епархии, приходы и т. д.);

г) литургическая жизнь церкви, ее таинства, основные части богослужения (крещение, миропомазание, покаяние, священство, брак, евхаристия, литургия, чтение и пение, крестное знамение и т. д.);

д) принадлежности богослужения (церковь (храм) как основной предмет культа, ритуальные предметы (свечники, просфоры,

свечи, кадила, кресты, церковные книги и т.д.), иконы, одежды священнослужителей и т.д.

е) повседневная церковная жизнь (соблюдение церковных праздников (ежедневное, седмичное, годовичное богослужение), оформление жилища, благочестивые обычаи);

ж) церковь как материальная и художественная культура (иконопись, фрески, художественное шитье, здание для богослужения, его части и детали) [данная классификация составлена по материалам работ С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Е.И. Трубецкого, Г. Дебольского, Н.Н. Голубинского, А.И. Осипова и др.].

Храм – неотъемлемая часть жизни верующего – «предмет культа» [Флоренский: 106], олицетворяющий дом Бога на земле, соединяющий духовное и материальное.

Слова *храм*, *церковь*, заимствованные соответственно из старославянского и греческого языков, появились в русской письменности в значении ‘здание для богослужения’ одновременно – в XI в. [Срезн. III, 1397, 1444]. Наиболее распространенной в XVI-XVII вв. стала лексема *церковь*, так как слово *храм* долгое время обозначало не только культовое здание, но и дом, комнату [Срезн. III, 1397; ср. *хоромы*, *хоромина*].

Письменные источники Северной Руси показывают, что при назывании здания для богослужения данные слова употреблялись как изолированно, так и в качестве главного компонента целого ряда составных наименований, второй компонент которых обозначал такие признаки:

1. Материал, из которого построено здание – *церковь деревянная*, *церковь каменная*.

2. Статус церкви – *церковь приходская (приходная)*, *церковь соборная*, *церковь ружная*.

3. Наличие – отсутствие отопления в здании – *церковь теплая*, *церковь холодная*, *церковь студеная*.

4. Архитектурный тип церкви, определяемый, как правило, видом ее верхней части – *церковь клетски (клетцки, клецки)*, *храм клетчатый*; *церковь шатровая*, *церковь вверх шатром*, *церковь вверх*, *церковь вверх шатровая*; *церковь кубастая*; *церковь деревянная о пяти главах*, *церковь деревянная холодная о семи верхах*, *церковь деревянная клетски о трех верхах*.

5. Вид нижней части церкви – *церковь поземная, церковь низменная, церковь на воротах, церковь деревянная на взмосте, церковь древена на подклетах.*

Терминологические сочетания, образованные в результате синтаксической деривации, дают исчерпывающее представление об архитектурных особенностях церковного деревянного зодчества Северной Руси.

Первоначально основу храма составлял четырехугольный сруб (*клеть*) который покрывался двускатной или четырехскатной крышей. Долгое время от обычного жилого дома такие церкви отличались только главками и крестами. В XVII в. с развитием архитектурных приемов началось строительство клетских храмов, значительно превышающих по размерам гражданские постройки, покрытия их стали более высокими, крутыми, получили название *клин, клинчатая кровля (верх клинчатый).*

Стремление сделать церковь «преукрашенной» привело к возникновению нового архитектурного типа – шатрового храма (*церковь шатровая, церковь вверх шатром*). В качестве покрытия в данном случае использовали шатер – сужающуюся кверху восьмигранную пирамиду. Большое значение при выборе формы верха имело символическое значение шатра: устремленность к небу, восемь его граней означали восемь праздников Богородицы [Гуляницкий: 56]. Шатровое покрытие использовалось также для возведения колоколен, которые вплоть до начала XVIII в. представляли собой самостоятельное здание, строились отдельно от церкви.

Строительство шатровых храмов на Севере продолжалось и после церковной реформы Никона 1656 г., несмотря на запрет церковных властей. Зодчие обходили предписание, возводя вокруг шатра четыре главки и тем самым «маскируя» его. Кроме того, использовали особое декоративное покрытие – бочку (*верх бочечный, бочка четвероконечная, бочка крестовая на четыре лица*), которое с четырех сторон закрывало шатер. Впоследствии из комбинации шатра и бочки возникает новый тип покрытия – *куб* [Грабарь: 349; Шапошник: 35]. Во второй половине XVII в. под влиянием западноевропейской архитектуры появляются ярусные и многоглавые храмы.

Вторая группа – термины деревянного зодчества, обозначающие архитектурные детали и элементы, которые встречаются только в русском деревянном зодчестве (*бочка, шея, глава, рундук, подклет,*

подзор, реж и другие), следовательно, не имеющие эквивалентов в других языках.

С точки зрения происхождения большая часть терминов деревянного зодчества является исконно русской. Заимствованная лексика – это в основном названия строений культового назначения, названия их частей, предметов интерьера, имеющих сакральное значение (греческие: *церковь; амвон* – «полукруглая, выдвинутая в середину церкви часть солеи» [Дьяченко, 14; Плужников, 15]; *аналой* – «высокий столик с наклонным верхом для богослужебных книг или икон» [СлРЯ XI-XVII, 1, 36]; *клирос* – «место для хора в церкви, народн. *крылос*» [Ф II, 251]; латинские: *алтарь* – «восточная часть церковного здания, отделенная иконостасом» [СлРЯ XI-XVII, 1, 31]; старославянские – *храм, кладезь* – «род умывальника в церкви для служащего священника» [СлРЯ XI-XVII, 7, 151]); названия хозяйственных построек, помещений (*амбар* – тур., кыпч., крым.-тат., тат. [Ф I, 75]; *казна* – «кладовая, хранилище» [СлРЯ XI-XVII, 7, 25], из тюркск. [Шанский, 183]); названия частей зданий (*рундук* – «площадка возвышенная со ступенями» [САР V, 1104], «крыльцо в некоторых местах» [Бурнашев II, 179], из тюркск. *ogunduk* – ‘подушка, подкладка, лежанка, сиденье’ [Ф III, 517]).

Доля лексем общеславянского характера (первичных терминов) в составе системы невелика. Самыми древними по происхождению являются названия жилых строений и их частей (*изба (истьба), клеть, стена, пол, потолок, венец, строп, балясы, верев* и др.); названия строительных материалов (*бревно, брус, доска, тес, гвоздь, скоба* и др.); названия плотницких инструментов (*долото, топор*); названия некоторых трудовых процессов (*рубить, скоблить, сечь* и др.).

Наиболее активным способом номинации в рассматриваемой группе лексики является аффиксация.

Среди продуктивных морфем можно отметить суффиксы существительных со значениями отвлеченного действия (*крытье, мие-ние, взделка, достроение*), помещения (*колокольница, житница, мекильница; дельник, дровяник, мишаник, парник*), единичности (*подскалина, балясина, обрешетина, кленина*) и т.п., характерные для промыслово-ремесленной терминологии в целом. Одной из особенностей формантов производных терминов является их многозначность / омонимия, что приводит к появлению особых словообразовательных типов.

Например, суффикс *-ин-* образует дериваты, значение которых тождественно производящим словам: *застрешина* (← *застреха*), *куричина* (← *курица*), *заплотина* (← *заплот*), таким образом появляются термины-дублиеты, что приводит к избыточности терминосистемы. Нулевая суффиксация практически не используется для образования слов со значением отвлеченного действия (*дострой* – «действие по глаг. *достроить*» [СПЛ 1, 172]), большинство производных терминов имеет значение предмета: *навес* («выступающая часть кровли, карниз» [СПЛ 2, 243]), *накат* (настил из толстых бревен, уложенных вплотную друг к другу [СПЛ 2, 247]), *переруб* («внутренняя бревенчатая стена, которая рубится одновременно с основным срубом; часть помещения (строения), отделенная перегородкой» [СПЛ 3]), *подруб* («ряд венцов, подведенных под сруб» [СПЛ 3]), *замет* («дощатый забор с пряслами, с закладкою досок в пазы столбов» [СПЛ 1, 218]).

Для образования глаголов, как и в современном русском языке, активно используется префиксация. Семантика производных глаголов обусловлена их морфемным строением: префиксы *на-*, *при-*, *под-* указывают на место совершения действия; *в-*, *про-* *об-* – направление действия и т.д. Особого внимания заслуживает приставка *вз-*, выражающая одновременно значение направленности действия вверх и его интенсивности: *взделать* (*взделка*), *вздымать*, *взмост* (*взмостье*), *взнимать* (*взнимка*), *взломить*, *взруб*, *взтесать* и т.п. Сравнение с однокоренными словами, близкими по значению (*сделать*, *подымать*, *помост*, *сомкнуть*, *вытесать* и др.), показывает, что в силу синкретизма семантики префикс *вз-* использовался чаще, так как точнее отражал представление об особенностях реалии, ожидаемом характере действия.

Поскольку строительное дело, как и многие промыслы и ремесла, выделилось из рамок домашнего обихода, устойчивой тенденцией при формировании терминологии деревянного зодчества является стремление к использованию общеупотребительных слов для обозначения специальных понятий.

Семантическая деривация – третий по активности способ образования терминов деревянного зодчества. Среди специальных слов, образованных данным способом, внимание привлекают те, где изменения в семантике связаны с сопоставлением элементов, относящихся к различным парадигмам, отражают образное мышление человека.

Первая группа терминов – результат метафорического переноса по модели «часть человеческого тела → часть (деталь) строения»:

палец – «короткий стержень вставленный торцом в стену или другую опору» [СлРЯ XI-XVII, 14, 132]; *плечо* – «основание церковной кровли; то, на чем покоится церковный свод» [СлРЯ XI-XVII, 15, 93]; *стопа* – «сруб с кровлей, с накатом и с полом» [Д IV, 330], «стены деревянного строения, собранные из обработанных бревен, уложенных в клеть» [Юсупов, 335]; *ухо* – «выруб в середине, куда вставляется шип» [Стахович, 367]; *чело* – «фронтон – передняя верхняя (у крыши) часть избы» [Забелло, 26]; *шея* – «основание маковицы церковной» [Срезн. III, 1595], «церковная башенка или фонарик, на котором располагалась глава» [Д IV, 632]. К данной группе можно отнести лексему *глава*, первая фиксация которой в значении «купол церковного здания» относится к XV в. [СлРЯ XI-XVII, 4, 23].

Не менее значительную группу терминов составляют наименования деталей, частей строений, образованные от названий животных (частей тела животного): *бык* – «промежуточная опора моста; внешний устой для поддержки стен здания» [СПЛ 1, 63]; *гребень* – «украшение в виде гребня вдоль конька кровли» [СПЛ 1, 143]; *козел* – «то же, что *козлы* (вертикальная опора деревянной конструкции в виде перекрещивающихся бревен); стропила» [СлРЯ XI-XVII, 7, 223]; *курица* – «длинный крюк, вырубленный из дерева с изогнутой частью корня и служащий для поддержания скатов и желоба крыши» [СПЛ 2, 145]; *конек* – «верхний край кровли в виде конька» [СлРЯ XI-XVII, 7, 271]; *чешуя* – «деревянные изогнутые фигурные дощечки, идущие на покрытие церковных куполов и глав»; «мелкие пластинки или щиточки разного вида, лежащие взакрой» [Д IV, 603].

Третью группу слов, образованных в результате семантической деривации, составляют так называемые универсальные, «сквозные» термины – лексемы, получившие целый ряд переносных, терминологических значений в зависимости от сферы использования: *бочка* – «1. Бонд. Деревянное вместилище с двумя плоскими днищами и обычно несколько выгнутыми боками, бочка. 2. Метрол. Бочка как мера жидких, сыпучих и твердых тел (различной вместимости). 3. Строит. Кровля, покрытие здания или его части в виде бочки, срезанной в длину, напоминающее лодку, перевернутую килем вверх»

[СПЛ 1, 52-53]; *бабка* – «1. Строит. Подставка, подпорка, стойка. 2. Кузн. Маленькая переносная наковальня» [СПЛ 1, 27]; *лемех* – «1. Кузн. Часть плуга, подрезающая пласт земли снизу; лемех. 2. Строит. Небольшие деревянные выгнутые дощечки, применяемые для покрытия церковных куполов» [СПЛ 2, 155]; *матица* – «1. Строит. Поперечная балка, поддерживающая пол или потолок. 2. Судов. Киль судна, нижний брус, на котором укреплен его остов. 3. Солевар. Главная часть рассолоподъемной трубы – первая труба, вставляемая в буровую скважину. 4. Рыбол. Часть невода в виде мешка, в который собирается пойманная рыба. 5. Вид плотной рогожи» [СПЛ 2, 202-203]; *подошва* – «1. Сапожн. Нижняя часть обуви под ступней; подошва. 2. Строит. Фундамент, основание сооружения» [СПЛ 3]; *полотенце* – «1. Ткац. Узкий длинный кусок ткани, служащий покрывалом, украшением верхней части чего-л. 2. Строит. Подвижно прикрепленная, закрывающаяся и открывающаяся часть или половина дверей, ворот» [СПЛ 3].

В качестве основного признака номинации приведенных лексем, как правило, выступает форма, особенности внешнего вида предмета. Появление антропоморфных и зооморфных терминов, развитие значений общеупотребительных слов объясняется тем, что человек в процессе именованья точкой отсчета представляет самого себя или ориентируется на хорошо знакомые, актуальные предметы и их свойства.

Рассмотренные с позиций лингвострановедения, этнолингвистики термины деревянного зодчества могут служить источником знаний об одном из самобытных явлений национальной культуры, давать представление об особенностях русской языковой картины мира.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Православие: Очерки учения православной церкви.– М.: Терра, 1991.
2. *Грбарь И.Э.* О русской архитектуре. Исследования. Охрана памятников.– М.: Наука, 1969.
3. *Гуляницкий Н.Ф.* Церковь Покрова в Медведкове и русское зодчество XVI-XVII вв. // Архитектурное наследство № 28. – М.: Стройиздат, 1980. – С. 52-64.
4. *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество.– М.: Издательство академии архитектуры, 1942.
5. *Маслова В.А.* Линвокультурология.– М., 2004.
6. *Нерознак В.П.* Ономастика как составная часть линвокультурологии // Ономастика Поволжья.– Волгоград, 1995.– С. 4-6.

7. Толстой Н.И., Толстая С.М. Этнолингвистика в современной славистике // Лингвистика XX века: Итоги и перспективы. Т. 2. – М., 1995. – С. 488-489.
8. Флоренский П. Из богословского наследия // Богословские труды. – Сб. 17. – М.: Издательство Московской Патриархии, 1977. – С. 85-248.
9. Шапошник В.А. К вопросу о кубоватых храмах и луковичной главе // Семиотика культуры. – Архангельск, 1989.

Словари

- Бурнашев* – Бурнашев В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I-II. – СПб., 1843-1845.
- Д* – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. – М., 1955.
- Дьяченко* – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). – М., 1993.
- Плужников* – Плужников В.И. Термины русского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. – М.: Искусство, 1995.
- САР* – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Т. I-V. – СПб., 1806-1822.
- СлРЯ XI-XVII* – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. – М.: Наука, 1975-2005.
- СПЛ* – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. Т. 1-2. – СПб., 2003-2005.
- Срезн.* – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III. – СПб., 1893-1912.
- Стахович* – Стахович М.А. Народные технические выражения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. Т. 3. – Вып. XVII-IX. – СПб., 1856.
- Ф* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. – М., 1986-1987.
- Шанский* – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Высш. шк., 1975
- Юсупов* – Юсупов Э.С. Словарь терминов архитектуры. – СПб., 1994.

О. В. Никитин
Москва

ДЕЛОВОЕ СЛОВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Деловая письменность периода интенсивного развития русской приказной культуры и ее жанров представляет большой интерес для лингвистического исследования не только в традиционном понимании, но и как особый пласт коммуникативных отношений. С этой точки зрения в большей степени до сих пор изучались многочис-

ленные тексты официальной, региональной утилитарной культуры, а также ряд церковных произведений древнерусского канонического права. Все они являются образцами деловой письменности в прямом смысле, так как своим назначением и формуляром отвечают требованиям этого рода документов. Но в период бурного развития литературы и роста культурных связей происходит «перевоспложение» одних жанров в другие. Так, например, элементы церковно-книжного стиля отмечаются в «Соборном Уложении» 1649 г. [Ремнева 1995: 342 и др.], в судебных книгах конца XIV–XV вв. также присутствуют отдельные компоненты церковной традиции. Исследователи отмечают и в местной деловой письменности наличие церковнославянских форм (см., напр.: [Жопосов 2002: 3–9]). Наибольшего расцвета деловая письменность достигла к XVI – нач. XVIII в., когда ее словесный орнамент и функциональные свойства активно использовались другими жанрами, а на ее основе создавались такие замечательные образцы, как «Калязинская челобитная», «Шемякин суд». В настоящее время одна из задач в этом направлении состоит не только в планомерном изучении языкового фонда новых памятников русской деловой письменности, но и привлечении *иных* источников для подтверждения тезиса о *литературных* правах приказной культуры как одного из неотъемлемых компонентов общерусского языкового развития (ср. работы Т. В. Кортавы [1998; 1999]).

Наша недавняя находка как раз и связана с еще одним замечательным образцом «делового» текста, использующим трафаретные свойства делового обихода в качестве стилиобразующих элементов пародии. Это найденная нами рукопись из собрания И. И. Срезневского в РГАЛИ середины XVIII в., озаглавленная неизвестным автором так: «Дело о побеге из Ильиных улиц беглого петуха от курицы» (ф. 436, оп. 1, ед. хр. № 1021, л. 134–138 об.; далее в тексте при цитировании указываем номер листа). Она представляет собой художественно обработанную пародийную повесть, написанную в стилистике следственного дела и максимально широко использующую характерную атрибутику типовых приказных документов этого рода. Причем в нашем случае наблюдается почти буквальное следование *деловой* традиции с целью создания своеобразного литературного портрета текста. Соблюдены внешние рамки такого дела. На уровне текста это четко разделяемые клаузульные части: начальная, где сообщается название документа, сведения об адресате, казусно-

мотивированная, где говорится о причинах, побудивших истца подать челобитье, констатирующая, которая объединяет изложение конкретных фактов события с их оценкой и излагает выводы, сделанные челобитчиком, и, наконец, конечная – решение по делу.

К первой части относится заголовок и зачин «Дела»:

Дело о побеге изъ ильиныхъ Ѹлицъ беглого петуха ђ кѸрицы:|

Гдно нашемѸ всякой млсти творителю: и при своемѸ благодатномѸ доме хранителю и сожителнйцею вашею всякъ день кормителнйцею нашею бѸють челомъ ꙗ просятъ по вашей охоте находящйся кѸры при домашней роте на мѸжа нашего петѸха коропаткѸ за непостояннѸю его к намъ ѸхваткѸ а о чемъ наше прошение слезно просимъ учинить милосердйе полезное:| (РГАЛИ 436: 1: 1021: 134).

В данном фрагменте содержатся опорные деловые клише, копирующие реальный приказный документ и в целом закрепившие в формулярной части делопроизводную *традицию* XVIII в.: обращение вроде *бѸють челомъ*; наименование лиц – участников процесса; просьба *учинить милосердйе полезное*.

Во второй и третьей частях представлены следственные пункты, рассказывающие о сути дела. Именно они позволяют нам с большой достоверностью не только датировать документ, но и сравнивать «деловые» качества подлинника и его стилизованного образца. Заметим, что изложение челобитья по пунктам было введено в Петровское время специальным указом от 5 ноября 1723 г., регламентирующим форму суда и написание челобитных. В нем говорилось:

«Понеже о формѸ суда, многія указы прежде были сочинены, изъ которыхъ нынѸ собрано, и какъ судить надлежитъ, тому форма яснѸе изображена, по которой во всякихъ дѸлѸхъ, какогобѸ оныя званія ни были, исполнять должно, а не по старымъ, о томъ указомъ, ибо въ судахъ много дають лишняго говорить, и много ненадобного пишутъ, что весьма запрещается, и не надлежитъ различать, [какъ прежде бывало] одинъ судъ, другои розыскъ, но токмо одинъ судъ, и судить слѸдующимъ образомъ.

1.

Какъ челобитныя, такъ и доношенія писать пунктами, такъ чисто, дабы что писано въ одномъ пунктѸ, въ другомъ бы того не было» (Указы Петра, 140).

В пунктах «Дела о петухе» есть и текстовая атрибуция: указывается дата совершения следствия: «1747 года». Кроме того, судя по палеографии документа: наличию выносных литер, специфическим скорописным лигатурам, характерным буквам и общему графическому фону текста, — можно отнести его к середине – второй половине XVIII в.

1

Жителство мы имеемъ вши (т. е. ваши. — *О. Н.*) кѣрицы в ѡлино' бол'шей ѡлицы а при насъ вышписан'ной белой к топтаню насъ бываль смелой:|

Ѥже томѸ третей год находилсѧ какъ онѸ с нами при вашемъ доме водилсѧ:

К томѸ ж тѸтъ ѡ кѣрицы и рожденіе ймелъ где нй захватиль насъ топтать смелъ чемъ мы зело былй¹ ѡ него доволны всегда послѡшны а емѸ склѡн'ны после топтанія хвостомъ тряслй а самй часто яйца вам несль прй доме вашимъ во всякой верностй слѡжйль многйх на племя де тѸшекъ выводилй јзвестны о томъ вши блйжнйе соседй ннешнимъ прошедшимъ летомъ были три наседки и одна такъ На яйца ихъ седеть трѸдиласѧ что ѡ великой прилежности ј Ѹмер'твиласѧ изъ насъ же одна бедная попечение возымела те оставшйе яйца благополѸчно досидели ѡ верностй Нашей самймъ вамъ известно какъ слѡжймъ при вашемъ доме нелестно:| (РГАЛИ 436: 1: 1021: 134–134 об.).

В нем ясно прослеживаются языковые и стилистические приемы трансформации, с помощью которых текст приобретает особую синтетическую функцию, позволяющую изменять вектор формулы делового языка от утилитарной в сторону художественно-образительной, метафорической и наполняет содержание *иным* смыслом, использующим ее как литературное средство.

Все обозначенные формульные элементы традиционного приказного обихода, как можно заметить, вплетены в фантастическую картину с ирреальными героями, что создает «деловой» каламбур. Кроме этого, как и в других частях рукописи, здесь обильно используется рифмованная структура текста, частью которой являются в том числе и отдельные формулы (...*после топтанія хвостомъ*

¹ В тексте подлинника описка: били.

трясли а самй часто яйца вам несли при доме вашем во всякой верности слѣжильи многих на племя де тѣшекъ выводилй...).

Второй пункт обсуждаемой части представляет собой констатирующую клаузулу с подробным изложением событий и их оценкой доносителями-курами, а также подробным описанием петуха. Ее текст очень колоритен и изобилует «деловыми» формулами (мы их выделили подчеркиванием):

2

А сего Генваря 19 дня вышеписанной мѣж наш петѣхъ без ведома вшего бежалъ и пропал вдрѣхъ прежде обретался с нами вместе а того числа оставил однехъ на нашесте j видимое дело из домѣ вашего бежалъ а из насъ кѣръ¹ никто ево не видалъ и тако насъ сирот оставилъ вечно по себѣ тѣжить заставилъ некому без него стало насъ топтать к дрѣгомѣ ж мѣж не можемъ привыкать а йной такъ намъ не подчйтся ѣслѣжить с нимъ же мы обykleй совестно жить без насъ мало онъ кормѣ клевалъ всехъ воединѣ компанию собиралъ а приметамъ оной былъ белой и своимъ видомъ зело смелой хохоль неболшей однако ж в великой примете якобы в презренномъ² жен'ина карнѣте хвостъ какъ лавлинъ распѣскаетъ а голосъ лениемъ ясно раз'прастраняетъ приметно бываетъ всякомѣ члвкѣ днемъ и ночью любимой тонъ кѣкарекѣ ноги имель короткѣе а бегаеть скоро повидимомѣ из домѣ ѣшель скоро: часто полѣчилъ всякие прибытки с протчимъ петѣхамъ выходилъ на поединкѣ которыхъ приводилъ до конечной беды розбивалъ головы и гребни ихъ до рѣды пресейлно и баталиямъ бывалъ смель а паче в кохтяхъ острыхъ крепость имель и мы въ его вѣдом'стве былй регулярны часто слѣчались смотры генеральный самъ и деть по ѣлице перед нами впереди а мы искѣсно за нимъ следуемъ создади³ приводилъ строемъ х корытѣ кѣшатъ и мы повеления его готовы слѣшать нне же насъ некому строемъ водить и довольно пищею боле кормить того радй вшей чести под лин'нѣ объявляемъ а мы того целые сѣткй не выдаемъ соблаговолите об ономъ написать билеты а о немъ объявить вышеписанные приметы паче ж обыскавъ во всехъ ѣлицахъ не найдется ли онъ где при

¹ В тексте подлинника описка: кирь.

² Так в рукописи.

³ Так в рукописи.

кѣрицахъ можетъ быть кроме насъ полюбить что такъ болно смело постѣпиль и прежде находилъся в таковыхъ доводахъ часто с чѣжими кѣрами гѣляль в огородахъ по вышеписанном репортѣемъ во известие в вашей воли томъ Петѣхъ ѣчйнить ѡместье 1747 года а мы кѣрчьяго¹ родъ репортъ ѡтѣля мца июля того ж числа одна из насъ яицо снесла к репортѣ рѣкъ не приложили но такъ вамъ предложили понеже ходимъ не рѣкаимъ но по своей природе ногами на томъ репорте подписано полѣчение того петѣха ѡлѣчение полѣчен вышеписанного числа и лета писанной репортѣ и бѣмашка эта взявъ написать скоро билеты и изъяснить ѡ петѣха все приметы которые немедленно везде объявить дабы оногю беглеца петуха ловить ис кѣриногю хохлатогю регѣлярства послать в погонѣ² конныхъ целое капрал'ство и с нѣимъ индейского петѣха с резомъ яснымъ кѣпно и с носомъ ево болшимъ краснымъ а поймав ни в чемъ емѣ не помогат но в тяшкие железа заковат вести кѣромъ³ скована всю дорогѣ а есть давать оченно понемногѣ приветчи в кѣрятникъ посадить по приводе ево мне объявить: (РГАЛИ 436: 1: 1021: 135–135 об.–136).

В данном тексте есть и характерный лексический показатель, говорящий в том числе и о принадлежности произведения к деловой культуре XVIII в.: это наличие иностранных слов, вошедших в активный вокабуляр в Петровское время, а также изображение военно-исторических реалий 1700-х годов: *...преизренномъ жен'ина карнѣте...; ...баталиямъ бывать смель...; ...часто слѣчались смотры генеральный самъ идетъ по ѣлице...; ... в погонѣ конныхъ целое капрал'ство...*

Стоит заметить, что умелое использование «деловых» качеств приказных документов и есть своего рода художественный прием: чем реалистичнее с грамматической и лексической точек зрения это выглядит, чем ярче стилизация определенного контекста выражает деловой язык, тем литературнее выглядят сами его формы, воспринимающиеся даже в таком фантастическом сюжете, как естественные компоненты «скоморошьей» деловой письменности. Вот один из таких примеров (концовка исследуемого текста):

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

³ Так в рукописи.

ПО ДОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ПЕТУХЕ МНЕНИЕ

Посадѹ настоящимъ деломъ приговорили ѹчинити штрафъ надъ петѹхомъ беглымъ за ѡлѹчкѹ ево изъ домѹ ѡ своихъ кѹрь по возыменій с чѹжими амѹрь посадить в колоткѹ с кѹрами на нашестъ и не дават емѹ три дни есть потомъ великомъ¹ хорошенко рѹбить чтоб ѡсталъ к чѹжимъ кѹрамъ ходить и то наказание учинить при собрани² кѹрь в строй понеже он подлежалъ вине той притом обявит чтоб он пересталъ к чѹжимъ кѹрамъ ходит... (РГАЛИ 436: 1: 1021: 138).

Таков в общих чертах формуляр «Дела», показывающий, что нормы официального законотворчества, их внешние границы могут быть удачным приемом для создания текста другого типа — делового, литературного, но использующего широкий потенциал приказных традиций. Другим мотивом, вызывающим отклик именно с позиции художественного жанра, стало повсеместное использование делового формуляра, его закреплённость в сознании. В связи с этими свойствами кажется вполне естественным использование текстовых формул как составляющих литературный механизм повествования. Исследователи верно подметили: «Трафаретность в деловых документах оправдана и служит средством, которое подготавливает читающего к восприятию информации определенного характера и облегчает это восприятие. Наличие трафаретности, стандартности указывает на массовость, обычность ситуаций и явлений, отраженных в документах» (Глинкина, 2003: 61).

В настоящем произведении трансформации подверглись не только структура делового документа, но и его отдельные части, составляющие сами по себе конкретный приказный рисунок. Так, в деле помещен «Билет» — характерный жанр региональной подьяческой культуры, получивший распространение и в реальных обстоятельствах. Оттуда он был извлечен, скопирован, стилизован и приобрел соответствующую замыслу автора форму:

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

Билеть

объявляется в ыльинои слободе жителемъ тѣтошнимъ и постороннимъ слѣжителемъ что сего генваря 19 дня нечаянной вдрѣгъ из домѣ моего бежалъ петѣхъ а приметами оной перьями белой и со всего видѣ очен'но веселой еще жъ во ѡсобливой быль примете хохоль подобенъ какъ женщина в карнете ногами ѡ протчих коротекъ ростомъ и кор'пѣсомъ очен'но маленекъ и ежели тотъ петѣхъ сыщетца¹ ѣ кого на нашесте с кѣраи ево сидѣть вместе те бѣ людѣ ѣ себя в доме не держали но немедлен'но об немъ мне объявилѣ за которое его объявление дано томѣ бѣдетъ немалое награждение:|

а имян'но:

яицо выеденое пѣстое а дрѣгое такое ж ли ж гѣстое сверхъ же того кто сего послѣшает за ѡбысканѣе вместе с кѣраи покѣшает² квасной гушѣ смешеной с отрѣбями и постел бѣдетъ пред протчимѣ людямѣ (РГАЛИ 436: 1021: 1: 136–137).

Подобный образец находим, например, в документах севернорусской письменности (СГ, 123–124), но уже в ином контексте: здесь *билет* — не розыскная грамота с описанием преступника, а документ, подтверждающий коммерческую сделку. Как словоформа это название не зафиксировано в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» и является, по-видимому, более поздним, начиная с Петровского времени, обозначением.

Еще один компонент рассматриваемого литературного произведения — производимое следственное действие по делу о петухе, снова выдержанное в стилистике типовых документов середины — второй половины XVIII в. Функциональным показателем этой части является график ведения допроса, представляющий собой таблицу с пунктами: *вопросы — ответы* (РГАЛИ 436: 1021: 1: 137 об.—138).

Из известных нам пародий на деловую письменность в представленном произведении впервые так точно соблюден трафарет следственного дела и на уровне внешних признаков, о которых мы уже говорили, и на собственно языковом. Так, мы отмечаем наличие устойчивых выражений деловой речи, образующих бинарные кон-

¹ В тексте подлинника описка: сѣщетца.

² В тексте подлинника описка: пѣкѣшаетъ.

струкции сообразно их расположению в сетке следственного дела (это могут быть и отдельные лексемы, и целые фразы): *Сего генваря 19 дня – Того числа; не видалъ ль кто – Никто не видалъ; в томъ ты сѣщю ль правдѣ сказать – Истинно ни единого слова не солгалъ.* Характерным устойчивым элементом, сочетающим цифровой и буквенный орнамент, является перечисление вопросов и ответов: 1 – На 1 пѣиктъ; 2– На 2; 3 – На 3, и т. д. Кроме того, присутствуют и отдельные слова приказного обихода, использующиеся в такого рода действиях: *обретался, явился, олѣчки, повинны, винности, признался, того ради, чинить.* Соответствует деловому документу и построение синтаксических фигур в тексте: это, как правило, вопросительные предложения, в структуре которых присутствует частица *ли* и (или) вопросительно-относительное местоимение / наречие: Сколько тебе роду летъ или годов и с каких ты бывал родов давно лй при доме хозяина обретался...; ...с каков видѣ блѣчился...; ...не было ль какихъ амѣрь и не топталъ ли чѣжихъ кѣрь и ежели топталъ то по приметамъ сколько какъ оныхъ было щетомъ; ...не видалъ лй кто из домашнихъ кѣрь.

В отличие от реального тяжбенного документа, здесь, как и во всей структуре произведения, наблюдается тенденция к рифмовке, свидетельствующая о грамотной *литературно-фольклорной* обработке текста с использованием стилистических фигур других типов письменности. Вот лишь некоторые примеры из приведенного выше фрагмента; их логичнее расположить как отдельные стихотворные строки:

давно лй при доме хозяина обретался
и с кѣрами его вместе знал'ся;

с каков видѣ олѣчился
и хозяина своего в доме непросил'ся;

звала меня к себѣ посидеть
хотела со мною компанию имет
чего ради о домѣ и отлѣчил'ся
и вместе с ней повеселил'ся, и т. д.

Анализ этого интересного произведения новой русской литературы, пародирующего следственный обиход, его приказные традиции и языковые особенности, выявил, что основной акцент делался на стилизации наиболее распространенных жанров — *челобитной, следственного дела*. Создатели таких произведений использовали средства официального делового языка и создавали вымышленные сюжеты в его рамках, значит, приказная письменность как неотъемлемый компонент утилитарной культуры явилась формирующим звеном в цепи литературно-языковых отношений и на протяжении длительного периода времени была объектом лингвистического эксперимента. И если для XVI–XVII вв. такие примеры весьма многочисленны, то вновь найденный и исследованный *литературный* текст XVIII в. показывает, насколько сильны оставались традиции делопроизводства в бытовом и художественном сознании современников. Приказная письменность, будучи, с одной стороны, консервативной системой со своим четким набором языковых и формальных средств, с другой — была открыта для использования в «сюжетных композициях», а ее элементы на разных уровнях оказались удобной мишенью для литературных фантазий. Таким образом, происходил обмен кодифицированной информацией: элементы одного стиля, выражающего определенную языковую систему, внедрялись в другие, производя перестройку отдельных компонентов. Мы хотели обратить внимание и на другой факт: деловая письменность могла получить такие литературные права только в том случае, если ее социолингвистический потенциал отвечал запросам общества, его культурного среза, частью которого и была приказная культура.

Литература

Копосов Л. Ф. Церковнославянские формы местоименного склонения в памятниках деловой письменности XVII–XVIII вв. // Русский язык: история, диалекты, современность: Сборник научных трудов. Вып. IV. — М.: МГОУ, 2002. — С. 3–9.

Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак-т. — М.: МГУ, 1998.

Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. Автореф. дисс. ... д. филол. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999.

Ремнева М. Л. История русского литературного языка. М.: Филологический факультет МГУ, Филология, 1995.

Источники

РГАЛИ 436... – «Дело о побеге из Ильиных улиц беглого петуха от курицы» (РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. № 1021, л. 134–138 об. и далее).

СГ – Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.-Смоленск: СГПУ, 2001.

Указы Петра – Указы блаженные и вечнодостоинья памяти Государя Императора Петра Великого Самодержца Всероссийского, состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорского Величества, Генваря по 28 число, 1725 году. Налечатаны по указу Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Анны Иоанновны Самодержицы Всероссийской. СПб., 1739.

Л. М. Голиков
Вологда

РЕГУЛЯРНЫЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ПОДЪЯЗЫКЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА XVIII в.

Основной тенденцией развития подъязыка уголовного права XVIII столетия является становление лексики уголовного права как терминологической системы, которое характеризуется противоречием регулирующего воздействия номинируемой системы понятий и влияния лексико-семантической системы общеупотребительного языка. Специальные наименования уголовного права испытывают активные процессы, направленные на преодоление статуса терминологии¹ и достижение изоморфизма системы специальных номинаций и системы понятий. Данные процессы являются следствием попыток сознательной систематизации уголовного законодательства XVIII в., предпринимаемых на протяжении всего XVIII столетия.

Формирование терминосистемы характеризуется не только развитием особых семантических характеристик слов-терминов [Кутина 1970], установлением строгой парадигматической закреплённости специальных лексических единиц, но и формализацией синтагматических связей, выражающейся в сужении и типизации сочетательных возможностей терминов.

Лексическая единица проявляет свои терминологические свойства в специальном контексте, наличие которого является непременным условием для существования термина. Контекст уголовного права (законодательный акт или правоприменительный документ), фиксирующий правовую норму, определяет набор ситуаций и собы-

тий, когда данная норма нарушается или восстанавливается. Подобные ситуации и события являются типичными, повторяемыми. Следовательно, процессы, которые составляют события, нарушающие норму, и события, восстанавливающие норму, также их характеристики количественно ограничены. Таким образом, можно предположить, что сочетаемость терминов уголовного права ограничивается логическими связями правовой теории.

Выделяются следующие основные составляющие уголовного законодательства XVIII столетия: ситуация нарушения нормы закона (преступление); ситуация предварительного расследования преступления (розыск); ситуация судебного процесса (суд); ситуация применения санкции (наказание).

Ситуация нарушения нормы уголовного законодательства (преступление)

Наименования преступлений – одна из самых многочисленных терминологических групп, число подобных наименований может быть бесконечно [Арутюнова 1999: 573]. Количественное развитие группы наименований преступлений напрямую зависит от развития общества, государства, закона. Однако оценка преступного деяния, характер его фиксации в законодательном акте XVIII столетия реализуется практически всегда по единой схеме, позволяющей квалифицировать данное событие как преступление: наличие факта нарушения закона или воли монарха, субъекта и объекта преступления, характеризуется степень вины.

Специальные наименования уголовного законодательства XVIII в., называющие преступное деяние, в юридических текстах образуют следующие типы сочетаний:

Атрибутивные сочетания, называющие качество преступления (ср. «Солдаты и офицеры в великих преступлениях, как и прочие злодеи, могут быть пытаны...» [ПСЗ V, 382]; «...строение всякое и огороды ломать, портить да не дерзает под смертным наказанием (или на теле, ежели зело малое преступление) и лишением всего...» [ПСЗ V, 375]; «...можно преступления, начав от великаго до малаго, поставить рядом, в котором самое тяжкое преступление то будет, которое клонится к конечной разстройке и к непосредственному потом разрушению общества, а самое легкое – малейшее раздраже-

ние, какое может учиниться какому человеку частному» [ПСЗ XVIII, 234]; «...Ваше Величество всякия *смертныя преступления* не натуральною, но политическою смертию наказывать уставили» [ПСЗ XIII, 818]; «...захотел взять на себя совершить *умышленное злодеяние*» [ПСЗ XVIII, 227]; «...в повышении чина брал *немалые взятки*, в чем при следствии сам признался...» [ПСЗ XI, 576]; «...для своих вымышленных корыстей ясачного сборщика и подъячих, и толмачей, и служилых людей посылали в волости и улысы из *больших взятков*...» [ПСЗ III, 214]).

Атрибутивные сочетания, называющие вид преступления² (функционируют как составные специальные наименования: ср. «68. Преступления разделяются на 4 рода. 69. Перваго рода преступления *против закона или веры*. 70. Второго *противу нравов*. 71. Третьего *против тишины и спокойства*» [ПСЗ XVIII, 200]; «Частный пристав в случае *уголовнаго преступления личнаго* имеет изследовать <...>. В случае *уголовнаго преступления противу обитания* имеет изследовать <...>. В случае *уголовнаго преступления противу имени* имеет изследовать <...>. В случае *уголовнаго преступления лживаго поступка или противу общаго правосудия, или противу народной тишины* изследовать...» [ПСЗ XXI, 471]).

Объектные сочетания, называющие субъект преступления (ср. «О *преступлениях казака Пугачева*» [ПСЗ XIX, 1064]; «...вообще *преступления главнаго злодея и его сообщников* столь многочисленны и разнообразны суть...» [ПСЗ XIX, 1064]).

Ситуация предварительного исследования преступления

Основным понятием уголовно-процессуального права XVIII в. являлось процессуальное действие, осуществляемое субъектом уголовного процесса. Подобные действия направлены на собирание доказательств, обеспечение нормального хода розыска и реализуются на стадии предварительного расследования. При этом набор процессуальных действий строго регламентируется, для достижения наибольшей эффективности они должны обладать определенными характеристиками: объективностью, скоростью. Свойства розыска определяют следующие сочетательные возможности терминов, называющих уголовно-процессуальные действия:

Атрибутивные сочетания, демонстрирующие характер протекающего действия (ср. «...и ежели по *подлинному розыску* явится, и те воры с пыток о тех пожитках и прочем, чьи они именно, показывать будут, такая отдавать тем людем, у кого оне взяты, с расписками...» [ПСЗ XIV, 670]; «...дабы во всех местах такими *свободными сыски и розыски* всемерно воровство искоренилось...» [ПСЗ IV, 745]; «Однако ж надлежит *жестокую пытку* уверенно с рассмотрением чинить, понеже умерение пытки на разсуждение судейское лежит» [ПСЗ V, 404]; «...для *лучшаго и скорейшаго сыска* и искоренения воров и разбойников <...> ныне быть особливым главным сыщикам...» [ПСЗ XIV, 664]; «...для *скорой* тех воров и разбойников *поимки*, проезда, где будет надобно, давать ямския <...> подводды...» [ПСЗ XIV, 665]).

Атрибутивные сочетания, называющие вид процессуального действия³ (ср. «О *распросе с пристрастием* и о пытке» [ПСЗ V, 403]; «...не чиня им не только пыток, но и *пристрастных распросов*, решить дело по законам...» [ПСЗ XX, 847]; «...дабы Священникам и Иеромонахам, как *пристрастных допросов*, так и никаких телесных наказаний чрез побой в духовных командах отнюдь чинено не было...» [ПСЗ XIX, 273]); «...по чинимому об ней *повальному обыску* в состоянии своем одобрена...» [ПСЗ XX, 775]); «...во первых учинить *большой повальный обыск*...» [ПСЗ XVI, 155]).

Объектные сочетания, называющие объект уголовно-процессуального действия (ср. «О *допросе преступников*...» [ПСЗ VI, 409]; «...для *сыска воров и разбойников*...» [ПСЗ X, 205]; «Сего верно усерднаго Генерала предводительство Бог благословил окончанием бунта и *поимкою главнаго изменника*...» [ПСЗ XIX, 1067]).

Ситуация судебного процесса

Уголовный процесс XVIII в. завершается стадией судебного разбирательства. Собственно в процессе судопроизводства происходит рассмотрение совершенного преступления (время, место, способ и др.), анализ доказательств, определяющих степень виновности подсудимого, характер и размер ущерба и т.д. Появляется разветвленная система судебных органов с четко обозначенной подсудностью, формулируются требования к качеству судебного процесса и процессуальных решений.

В текстах, описывающих уголовное судопроизводство XVIII в., функционируют:

Атрибутивные сочетания, называющие качество судебного процесса или судебного решения (ср. «И то стало быть *худой суд*, и того ради надлежит всячески потщатися о *правом суде* <...>. И аще суд у нас в России устроится *праведный* и приступ к нему будет близостный и нетрудный, то никто никого суду Божию предавати не будет, но каждый по вине своей и суд и награждение примет на земле» [Псш. КСБ, 44]; «...ныне Правительствующему Сенату многие челобитчики просят на тое Ратушу в *неправом решении дел...*» [ПСЗ IX, 571]; «Челобитчик есть оный, который другаго некоторой ради причины в суд позывает и от судьи *правомернаго приговору* <...> требует» [ПСЗ V, 390]).

Атрибутивные сочетания, называющие вид суда⁴ (ср. «Об учреждении *уголовнаго Суда* над бунтовщиком Мировичем» [ПСЗ XVI, 890]; «...*гражданской суд*, которой во время мира и войны в каждом Государстве твердо определен есть, и разные ссоры и брани, между подданными разных чинов происходящая, оной же власти *судейской* подвержены суть» [ПСЗ V, 383]; «...повеления на отсылку в *Совестный суд* дел о прилагающихся в скотоложстве дать не можно...» [ПСЗ XXII, 513]; «...впредь с сего времени вместо тех прежних *Вице-Комендантских* и *Комендантских*, и прочих судов всякаго чина людям бить челом вновь в тех представленных от Юстиции-коллегии в *Нижних городских* и в *Провинциальных* (то есть *уездных*) и *Надворных судах* по порядку...» [ПСЗ VI, 190]; «10. О кровосмешении. Резол. *Светскаго суда* токмо о важности греха согласием Синода»; «Кто будет противен власти духовной, принадлежащей *Духовному Суду*, о тех из Синода писать в Сенат»; «А ежели что вpredь о других *Синодальному Суду* подлежащих делах <...> от новых случаев покажется, тогда о тех и доклад собственной будет предложен» [ПСЗ VI, 650-651]; «*Верхний Земский Суд* или Губернский Магистрат, или *Верхняя Расправа*, получа из Суда следствие уголовного преступления, не теряя времени, прилежно входить в рассмотрение обстоятельств...» [ПСЗ XX, 239]; «...учинить в силу законов приговор решительный, который для исполнения и наказания преступника за преступление на месте *Уездный Суд* и *Нижняя Расправа* вручить *Нижнему Земскому Суду...*» [ПСЗ XX, 239]; «...следственные об них дела над военного звания людьми <...>

оканчивать *военным Кригсрехтом...*» [ПСЗ XVIII, 83]; «...если кто дерзнет при межевании ссоры и драки делать, следовать над чинами всех званий, определенных к межеванию по форме *Военного Процесса...*» [ПСЗ XVIII, 83)].⁵

Ситуация применения санкции

Наказание как итог уголовного судопроизводства назначается при условии вменения, т.е. наказание является следствием преступного деяния. Многообразие преступлений не предусматривает равного с ним количества санкций. Наказания различаются мерой и условиями применения, комбинации которых и составляют систему санкций уголовного законодательства XVIII столетия. Подобные критерии, положенные в основу классификации, определяют схемы функционирования наименований наказаний в текстах уголовного законодательства XVIII в.

Атрибутивные сочетания, называющие меру наказания (ср. «...им же за то *быть в жестоком наказании* и в ссылке в самых дальних городех...» [ПСЗ III, 147]; «...стыд и поношение благородным и честь любящим душам представлялись *наитягостнейшим наказанием...*» [ПСЗ XXII, 345]; «...Мирович за его злодейство и с сообщники достоин *жесточайшей казни...*» [ПСЗ XVI, 906]; «...налагать за преступления *казнь умеренную...*» [ПСЗ XVIII, 205]; «...*жестоким штрафом* наказаны будут...» [ПСЗ VII, 149]; «...те передаточные деньги взысканы будут на Губернаторах и на Воеводах с *немалым штрафом...*» [ПСЗ VIII, 327]; «...*тяжким штрафом*, ежели впервые, наказать по силе прегрешения...» [ПСЗ IX, 453]; «...*жестоким заключением*, отставлением от службы, шпицрутеном наказан будет» [ПСЗ V, 375]; «Жестокие телесные наказания в наших пунктах разумеваются, егда кто *тяжелым заключением* наказан или сквозь шпицрутен и лозы бегать принужден...» [ПСЗ V, 410]).

Атрибутивные сочетания, называющие вид наказания (ср. «В обыкновении же есть и употребление *гражданских наказаний*» [ПСЗ XVIII, 201]; «...сечение розгами, батогами, плетью и кнутом, хотя б в ссылку или на поселение преступника не посылать, почитается без сомнения *телесным наказанием...*» [ПСЗ XXII, 1060]; *денежное наказание* «...сверх того *наказанием денежным* и сносным

заклЮчением наказан будет...» [ПСЗ V, 364]; «*Наказания смертные* чинятся застрелением, мечем, виселицею, колесом, четвертованием и огнем» [ПСЗ V, 364]; «Кто когда ошельмован или в публичном наказании был, оный во флот Его Величества допущен да не имеет быть...» [ПСЗ VI, 81]⁶; «...подлежать будут *смертной казни* и ссылке в каторжную работу...» [ПСЗ VIII, 99]; «...отныне *каторжная казнь* назначалась за смертоубийство и воровство-грабеж...» [ПСЗ XXV, 742]; «Ивану и Петру Гурьевым – *политическую смерть*, то есть положить на плаху и потом, не чиня экзекуции, послать вечно в каторжную работу...» [ПСЗ XVI, 93]; «...обвиняемый за преступление подлежит лишению жизни или лишению чести, или *торговой казни*...» [ПСЗ XX, 239]; «...виноватых штрафовать *денежным штрафом*...» [ПСЗ XVII, 1011]; «...сего Сентября 15 дня *публичная экзекуция* последовала...» [ПСЗ XVI, 897]; «*Тюремное заключение* есть следствием решительного судей определения и служит вместо наказания» [ПСЗ XVIII, 219]; «...такowym за преступления чинить *ссылкою вечною* на галеры или *временною*...» [ПСЗ IX, 453]; «...*вечную ссылку* на каторгу... учинить присуждено...» [ПСЗ XIII, 462]⁷.

Объектные сочетания, называющие объект действия, восстанавливающего норму, преимущественно в названиях законодательных актов (ср. «*О наказании воров* за три татьбы кнутом...» [ПСЗ III, 112]; «...о *конфискации* корчемнаго вина...» [ПСЗ IX, 808]).

В заключение необходимо отметить, что появление общих для терминологических групп схем функционирования специальных номинаций в текстах уголовного права XVIII в. является следствием сознательной формализации юридического подъязыка. Синтагматические связи, характер которых обусловлен не только языковыми, но и логическими законами (сочетаемость терминов уголовного права XVIII столетия ограничивается признаковыми и объектно-субъектными компонентами ситуации), обеспечивают адекватность системы терминов и системы номинируемых понятий. Именно поэтому подобные сочетания носят устойчивый характер, нередко переходя в качество составных специальных наименований.

В целом мы можем говорить о процессе формирования терминосистемы как о качественно новом этапе развития подъязыка российского права.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.

Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – С. 82 – 94.

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы и структура. – М, 2006.

Источники

ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи. Т. I, III – XXII, XXV, XXVI. – СПб., 1830.

Пш. КСБ. – Посошков И. Книга о скудости и богатстве. – М., 1842.

Словари

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13. – СПб., 2007.

Примечания

¹ Терминология как стихийно складывающаяся (сложившаяся) совокупность терминов организуется по принципам общенародного языка [Лейчик 2006: 107].

² Атрибутивные сочетания данного типа функционируют в подязыке уголовного законодательства XVIII в. как составные специальные наименования.

³ Подобные сочетания являются составными специальными наименованиями, самостоятельно функционирующими в текстах уголовного законодательства XVIII в.

⁴ Подобные сочетания мы можем квалифицировать как составные термины.

⁵ Данный тип сочетаний самый многочисленный, нами зафиксированы также следующие примеры: *нижний, вышний, польский, военный, уездный, городской, земский, третейский, генеральный, словесный суд*.

⁶ Словарь русского языка XVIII в. фиксирует также наименования *церковное наказание* и *словесное наказание* [СРЯ XVIII в. 13, 210].

⁷ Атрибутивные сочетания данного типа в законодательных актах XVIII в. функционируют как составные специальные наименования.

**ЛЕКСИКА ПЬЕСЫ А. О. АБЛЕСИМОВА
«МЕЛЬНИК–КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ»
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(метрологическая лексика)**

Комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват», впервые поставленная на сцене в 1779 году, до сих пор пользуется у читателей и зрителей огромным успехом, важной составляющей которого является народно-разговорная языковая стихия. Язык комической оперы А. О. Аблесимова рассматривается нами как одна из первых попыток сблизить книжную и разговорную стихии, положить начало формированию литературного языка нового типа, созданного на народной основе.

Герои комической оперы традиционны для русского народного театра и комедий XVIII века – это двое положительных влюблённых, их помощник-плут, комическая пара стариков-родителей. Аблесимов, житель Москвы, но по происхождению галичанин, в своей пьесе удивительно естественно воспроизводит народный быт, изображает повседневный уклад жизни русской деревни. Мотив торга и платы за удачное сватовство – один из ведущих в произведении, он тесно связан с образом главного героя мельника Фаддея.

Предмет нашего исследования – метрологическая лексика, заметная в числе других лексических групп: названия денежных единиц – *гривенка, деньги, денежки, копейка, полтинка, рубль*, приспособления для хранения денег – *мошна*, мера веса – *четверть доброй ржи*, мера жидкости – *крючок, сулейка* (последние два названия мы рассматривали ранее).

Самая частотная и важная для портретной характеристики героев тематическая группа (ТГ) «Названия денежных единиц», включающая лексику ЛСГ, называющей денежные единицы и одно слово *мошна* из ЛСГ, обозначающей приспособление для их хранения. Выбор этой группы не случаен, он напрямую связан с развитием сюжета, образами главных героев – мельника Фаддея и Филимона, между которыми завязываются денежные отношения: сначала Фи-

лимон обещает мельнику вознаграждение за гадание о пропавших конях, а потом сулит деньги за помощь в сватовстве. Почти весь объём рассматриваемой нами лексики сосредоточен в репликах мельника и частично Филимона, присутствует в их речи на протяжении всего действия пьесы.

Слово *гривенка* звучит в устах Фаддея, когда он договаривается с матерью Анюты Фетиньей о «ворожбе» на жениха: *Мельн. Поворожитка!.. ведь даром не ворожат (подставляет ей руку), кладика сперва гривенку денег, да поподчивай бражкой, так и пойдет дело* [Аблесимов: 29]. Во времена Аблесимова в разговорной речи слово употреблялось только с семантикой ‘денежная единица’, которое оно имеет в пьесе, и обозначало монету, находящуюся на четвертой ступени удаления от начала денежного счета. *Гривенке* предшествовали полушка, деньга и копейка. В «Словаре русского языка XVIII века» слово *гривенка* зафиксировано с двумя значениями. Первое из них – ‘единица веса, равная фунту’ [СРЯ XVIII в.5: 235] с лексикографическим знаком, обозначающим «слово (вариант, форму), выпавшее из употребления», то есть в разговорном языке второй половины XVIII века это значение уже активно не функционировало. Второе – ‘мелкая серебряная монета достоинством в 10 копеек’ [СРЯ XVIII в.5: 235] с иллюстрацией текста и ссылкой на комическую оперу Аблесимова, было достаточно распространенным.

Из всех слов рассматриваемой группы лексема *деньги* наиболее частотна, она является доминантной в данной ЛСГ, так называют различные денежные номиналы герои произведения. Мельник Фаддей, требуя немедленной платы за предстоящую «ворожбу» на пропавших коней, употребляет слово *деньги* с особой экспрессией бережности, ласки – *денежки*, в шутиливой песне, обращенной к Филимону: *Мельн. В тот черёд, //Наперёд //Эти басни не под нужу, //Вынь-ка машину-та наружу, //И пустова не болтай, //Да нам денежки считай* [Аблесимов: 14]. Оба героя по окончании колдовского ритуала, умело инсценированного мельником, поют куплеты, в которых Филимон восхваляет доброту Фаддея: *Фил. Ты нам дедушка помога, //У кого кручины много* [Аблесимов: 19], в песне же мельника звучат другие, корыстные интонации, он с удовольствием помогает, тем, кто щедро платит: *Мельн. Я тем, детушки, помога, //У кого есть денег много* [Аблесимов: 18]. Не случайно именно в

куплетах мельника Фаддея лексема *деньги* повторяется четыре раза, он поет, не замечая вопросов Филимона до тех пор, пока тот не даёт ему ещё денег: *Фил. Да вот! Пожалуй, я и еще дам тебе денег, только отгадай мне (даёт ему денег)* [Аблесимов: 19]. Фасмер отмечает, что слово *деньги* – иноязычного происхождения [Фасмер I: 499], оно было заимствовано древнерусским языком из татарского и встречается, по свидетельству И. И. Срезневского, в славянских грамматиках XIV века [Срезневский I: 653]. В этот период лексема *деньги* обрела окончательное значение – ‘металлические или бумажные денежные знаки’. Во времена Аблесимова слово было общеупотребительным [СРЯ XVIII в.6: 97], уже имело то звучание и значение, которое ему свойственно сейчас и зафиксировано в словарях современного русского языка [МАС I: 386].

Слово *копейка* в пьесе Аблесимова представлено в форме род. п. множ. ч., употребляется единично в речи Филимона, который договаривается с мельником о плате за «ворожбу»: *Фил. Ну, коли так, изволь пожалуй: мы вам и наперёд дадим посильно место копеек* [Аблесимов: 14]. В произведении семантика слова совпадает с современной – ‘мелкая монета’. Филимон обещает Фаддею дать сильную плату, соразмерную с его колдовскими способностями, а не мелкие монеты – копейки. Интересное разъяснение, свидетельствующее о включении данной монеты в систему денежных единиц, дает лексеме *копейка* В. И. Даль: ‘единица русского денежного счета; в гривне десять копеек, в рубле сто; в копейке две деньги или четыре полушки’ [Даль II: 133]. Сейчас монета достоинством в одну копейку – наименьшая единица денежной системы, во времена Аблесимова она находилась на некотором удалении от начала денежного счета, так как самой мелкой денежной единицей была медная монета «полушка». Несмотря на изменение ценностного значения самой монеты, сейчас, как и в XVIII веке, слово *копейка* является общеупотребительным.

Слово *полтина* встречается в произведении в речи мельника дважды с уменьшительным суффиксом *-к-*, придающим слову разговорный характер – *полтинка*: *Мельн. (особо). Ладно, ты без полтинки-та от меня не отъедешь* [Аблесимов: 14]. Мельник, сосватав Анюту за Филимона, в финальной сцене пьесы вместе с хором поет куплеты, в которых радуется удачному сватовству и скорому вознаграждению: *Мельн. Как женится на девочке детинка, //То придет*

мне в карман от них полтинка [Аблесимов: 51]. Слово *полтина*, как и уменьшительное от него *полтинка*, в XVIII веке принадлежало сфере литературного языка. Это слово обозначало монету, достаточно ценную, удаленную от начала счета, и по номиналу больше гривен. Сейчас слова *полтина*, *полтинка* не изменили своего семантического наполнения, называют монету достоинством в пятьдесят копеек, хотя и намного менее ценную, чем во времена Аблесимова, правда, в наши дни так именуют бумажную купюру в пятьдесят рублей. До сих пор слова актуальны в современном русском разговорном языке [МАС III: 270].

Слово *рубль* в произведении встречается единственный раз в куплетах Филимона, которые звучат после его договора с мельником о сватовстве. Фаддей в предстоящем деле сулит Филимону удачу, словно одаривает дорогим, долгожданным подарком: *Мельн. Я тебе жену добуду, //Иль я мельник в век не буду! //Фил. Чудеса ты всё творишь, //Как рублём меня даришь* [Аблесимов: 21]. Это слово новгородского происхождения в разные исторические эпохи обозначало денежную единицу различной ценности [Срезневский III: 183; СРЯ XI-XVII в.22: 229]. Только к XVI веку на московской почве за *рублём* закрепилось денежное выражение, свойственное ему и во времена первой постановки «Мельника» А. О. Аблесимова. В. И. Даль разъясняет денежное достоинство рубля: ‘общая у нас монетная единица, десять гривен, сто копеек’ [Даль III: 534], это значение совпадает с современным [МАС III: 736]. Слово *рубль* во второй половине XVIII века, как и сейчас, именовало национальную российскую валюту, являлось общеупотребительным и распространённым.

Лексему *мошна* мы рассматриваем как слово дальней периферии, сопутствующее для слов ЛСГ «Названия денежных единиц», оно обозначает ‘приспособление для хранения денег, кошелек’. В пьесе встречается один раз в куплете мельника, вынуждающего Филимона без лишних слов платить за услуги «ворожея»: *Мельн. В тот черёд, //Наперёд //Эти басни не под нужу, //Вынь-ка мошну-та наружу, //И пуста не болтай, //Да нам денежки считай* [Аблесимов: 14]. Слово с этой семантикой, известное славянским памятникам письменности с XII века [Срезневский II: 180], во времена Аблесимова не изменило своего содержания, было распространённым, употреблялось в разговорном языке русских крестьян. В. И. Даль

указывает значение у слова *мошна*: 'кошель, сумка, киса, мешочек денежный, на вздержке или с завязкой' [Даль II: 300]. Сейчас слово имеет значение 'мешок для денег; кошель' [МАС II: 306], но оно вышло из активного запаса языка и является устаревшим, неупотребительным в живой народной речи. Слово *мошна* до сих пор функционирует в разговорной речи в переносном смысле со значением 'деньги, богатство' [МАС II: 306] и как корневая морфема в составе словообразовательного гнезда: *мошенник, мошенница, мошенничать, мошеннический, мошенничество, мошенство* [МАС II: 306].

Широкое включение А. О. Аблесимовым в комическую оперу «Мельник – колдун, обманщик и сват» метрологической лексики даёт нам ценный материал для изучения народно-разговорного языка XVIII века.

Литература

Аблесимов А. О. Мельник-колдун, обманщик и сват. – СПб., 1887.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М., 2003.

МАС – Словарь русского языка в 4-х томах. – М., 1981-1984.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка в 3-х томах. – СПб., 1893.

СРЯ XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1-. – М., 1975.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-. Л., 1984.

Т.М. Николаева
Казань

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ

Семантико-стилистические преобразования при всем разнообразии их проявлений – всегда исторически обусловленный процесс, исследование которого позволяет вскрыть внутренние закономерности исторической эволюции лексем, ее системность, обусловленность факторами культурологического характера.

Одним из важнейших периодов развития, формирования и становления русского литературного языка является конец XVIII – на-

чало XX веков, который, с одной стороны, характеризуется «переходным состоянием...внутренних противоречий, постоянных колебаний» [Сорокин 1966: 20], а с другой – системным упорядочением лексического состава, которое особенно ярко проявляет себя в двух направлениях: 1) преобразование отношений между церковнославянскими и русскими элементами, способствующее появлению лексической вариантности, 2) адаптация заимствований, которые, подвергаясь семантизации, активно участвуют в процессе складывания общеязыковой нормы.

Существование лексической вариантности определяется, прежде всего, распадом церковно-книжного стиля в середине XVIII века, чему способствовала нейтрализация церковнославянизмов, проведенная авторами демократической сатиры и протопопом Аввакумом на начальном этапе формирования языка нации. В результате появляются лексические варианты двух генетически родственных, но ранее стилистически разных языковых единиц. Указанная вариантность была обусловлена и потребностями в новых номинациях, вызванных бурным развитием социально-экономической, общественной и культурной жизни страны. Во второй половине XVIII столетия начинают складываться новые соотношения в стилистической системе литературного языка, основанные на семантико-стилистическом параллелизме слов, которые устанавливаются в результате утраты стилистической маркированности высокого, торжественного. Особенно выразительны были в этом отношении глаголы, способные образовывать длинные синонимические ряды, например: *восстать* – *воспрянуть* – *возбудить* – *пробудить*, где первые три глагола оказываются объединенными приставкой *-воз / -вос*, которая была стилистически маркированным церковно-книжным элементом и тем самым придавала производящим основам стилистическую маркированность. На раннем этапе, как свидетельствует «Словарь русского языка XI-XVII вв.», указанные глаголы были объединены общностью исходного значения – ‘будить от сна, поднять’. В эпоху Киевской Руси глагол *восстати* (*встати*) уже функционировал с трансформированным значением ‘выступить, подняться против кого-л, на кого-л.’: *Вставшее* [Здесь и далее курсив мой. – Т.Н.] новгородци избиша варягы (Лавр.лет., 140, 1201). По аналогии с *восстати* глагол *возбудити* в XVI веке стал обозначать ‘побудить к каким-л. действиям’ Несомненно, семантическая адек-

ватность исходного значения всех четырех глаголов, входящих в синонимический ряд, способствовала их сближению, определяя в глаголе *воспрянуть* новое значение. Однако этот процесс начался только в XVIII веке. Своеобразным переходом к приобретению глаголом *воспрянуть* новой семантики явилось использование М.В. Ломоносовым его фонетического варианта в известной «Оде на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны»: «На трон взошла Петрова дочь... О утра час благословенный! Мы в скорбной темноте заснули. Но в радости от сна *воспрянули*...». Яркую публицистическую окраску глагол *воспрянуть* приобретет в творчестве А.С. Пушкина – «Россия *воспрянет* ото сна», а впоследствии – в известном пролетарском гимне «*Воспрянет* род людской».

Глагол *пробудить*, составляющий древнюю семантическую параллель глаголам синонимичного ряда, по аналогии с ними в конце XVIII века развивает новое, вторичное значение ‘вызывать, порождать, усиливать’, что, однако, не фиксирует «Словарь Академии Российской», но что находит свое отражение в более позднем «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 года. В существовании нового, семантизированного значения убеждают научные и художественные тексты того времени: «Бедствия *пробуждают* в душе множество прекрасных свойств (К.Н.Батюшков), «Восторги дух мой *пробудили*» (Е.А.Боратынский).

Таким образом, можно утверждать, что политическая ситуация, конца XVIII – XIX века вызвала к жизни новое, публицистическое звучание глагольных образований *восстать* – *воспрянуть* – *возбудить* – *пробудить* с трансформированным типовым значением ‘порождать, вызывать, усиливать, побудить к чему-либо’, которое было реализовано в жанре революционной публицистики и гражданской лирике.

В современном русском языке наблюдается семантический распад синонимического ряда: с публицистической семантикой используется лишь глагол *восстать*, хотя сегодня его можно отнести к архаизмам; *возбудить*, пережив вторичную семантизацию, используется для передачи нервного и физиологического состояния; *воспрянуть* функционирует в сочетании с существительным *дух* в творительном падеже как средство создания иронии; малоупотребительный глагол *пробудить* помечен в современных словарях как «устаревший».

2) Процесс адаптации заимствований в конце XVIII – XIX веках отличался неоднозначностью: с одной стороны – засилье французского, с другой – стремление избавиться от излишних иностранных слов, с третьей – семантические преобразования неродной лексики. Последнее нуждается в обязательной конкретизации на материале, свидетельствующем о различного рода семантико-стилистических трансформациях. Так, лексема *патриот* встречается впервые в эпоху Петра I в значении ‘сын отечества’: «Того ради побужден некоторый верный *патриот* из Российского народа... сие рассуждение на свет выдать» [Смирнов: 222]. В первой половине XIX века, наряду с сохранением основного, указанного значения, лексема приобретает специализированную семантику – ‘отечестволюбец, любитель отечества, рачитель, ревнитель о пользе отечества’ [Яновский: 285], которая ассоциируется с революционными идеями о свободном человеке, гражданине, что находит свое отражение в творческом наследии А.Н.Радищева и декабристов. К 20-м годам XIX века лексема приобретает больший объем, обозначая в реакционных кругах русского общества лиц либеральных взглядов, убеждений. Однако у А.С.Пушкина *патриот* используется с окраской иронии, сарказма: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества... имеют некоторые понятия о статистике только той губернии, в которой находится их поместье, со всем тем почитают себя *патриотами*, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке» [Словарь языка Пушкина: 284]. Подобное стилистическое маркирование способствовало тому, что именно в Пушкинскую эпоху появляются сочетания, в которых *патриот* сопровождается публицистически острым оценочным атрибутом с отрицательной экспрессией: *самозванный, невпопад усердный, квасной, восторженный*. Впоследствии подобные сочетания использовал В.Г.Белинский, и это обстоятельство сыграло свою роль в приобретении словом *патриот* в конце XIX столетия негативной окраски. Во всяком случае, в словарях эту лексему ставили в кавычки в знак неприятия ее с позитивным значением. Об этом писал И.А.Бодуэн де Куртенэ: «Теперь принято различать *патриота* без кавычек и *патриота* в кавычках». В Предисловии к Словарю Вл.Даля он замечает: «Слова *патриот, патриотизм* получили огромный и карательный оттенок [Бодуэн де Куртенэ, 2: 9] и дает следующий комментарий: «*Патриот*-любитель отечества, ревнитель о благе его,

отчизнолюб» и в скобках (презрительно: *патриот* своего отечества): «Итальянские хулиганы-*патриоты* сыграли немалую роль и во времена Наполеона». У А.М.Горького в «Жизни Клима Самгина» семантика этого слова находит свое отражение со знаком минус: «Переезжайте в Петербург. У меня там есть хороший знакомый, видный адвокат, неославянофил, т.е. империалист, *патриот*, немножко идиот».

Еще более тернистый путь прошла лексема *революция*, прежде чем приобрести гражданское звучание. Малоизвестен тот факт, что первоначально она адаптировалась на русской почве, обозначая астрономическое понятие – «течение звезд» и была запрещена к употреблению имп. Павлом I в специальном Указе, адресованном Академии наук (Об этом более подробно [Виноградов: 194]). В кон. XVIII – нач. XIX столетий слово пережило семантическую трансформацию и могло обозначать не только ‘внезапную перемену в правлении какого-то народа, произведенную сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей’ [Яновский: 516], но и вообще ‘*переворот* в любой сфере человеческой деятельности’. Именно такой семантикой наделяет его М.Фасмер, возводя к латинскому *revolution*. Насколько лексема *революция* трудно адаптировалась на русской почве с указанным значением, свидетельствуют следующие высказывания известных деятелей того времени. Из писем К.Н.Батюшкова к Н.И.Гнедичу: «И эти люди хотят сделать *революцию* в словесности... систему новую, глупую» [Батюшков: 127]. Особенно явный протест выражен в следующих строках А.С.Шишкова: «Слову «переворот» дано... знаменование французского *revolution*. Никогда в Российском языке доселе не означало оно сего понятия» [Шишков: 184-185].

Остается только недоумевать, почему «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года, отражающий состояние русской литературной лексики начала XIX века, не отмечает в слове *переворот* значение *революции*, а трактует его как *мятеж*, *бунт*. *Революция* начинает функционировать с семантикой «насильственный переворот» лишь во второй половине XIX века. Это тем более непонятно, что на семантику данного слова не могла не повлиять Великая французская революция 1789 года. В.Г.Белинский избегает трактовать *революцию* как *мятеж* или *бунт*, имея в виду их нега-

тивную окрашенность, и использует ее для обозначения явлений и понятий общественно-политической жизни.

Словари последних десятилетий XIX века определяют лексему *агитатор* как 'бунтовщик, повстанец, подстрекатель' (См. [Дубровский: 5], [Орлов: 30]), а также 'возмутитель, волнующий умы ложными известиями' [Михельсон: 15]. В Словаре Даля дается также неодобрительная, отрицательная трактовка – 'волнователь, подстрекатель, зачинщик мятежа, смутчик'. Однако уже в самом начале XX века снимается негативная маркированность слова *агитатор*. В положительном аспекте используется данная лексема в публицистике В.И.Ленина: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный *агитатор*, но также и коллективный организатор». Словари, изданные в первые десятилетия XX столетия, последовательно отразили этот стилистико-семантический сдвиг от минуса к плюсу: *агитатор* – 'человек, возбуждающий общество действовать во имя каких-либо идей или целей, имеющих общественное значение' [Семславин: 8], *агитация* – 'побуждение народных масс к коллективному выражению своих желаний или совместным действиям' (См. [Гавкин: 11], [Майданов: 15]).

Историко-культурологический подход к исследованию семантико-стилистических трансформаций убеждает в том, что реализация семантического потенциала слова, способного к ассоциативному переосмыслению, особенно ярко давала о себе знать в период формирования и становления русского литературного языка эпохи нации и сыграла чрезвычайно важную роль в организации словарного запаса. В современном русском языке многие из слов с трансформированным значением заняли доминирующее положение и активно участвуют в коммуникативных процессах.

Литература

- Сочинения К.Н.Батюшкова. – Т.3. – СПб, 1886.
Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А.Бодуэн де Куртенэ. – М: АН СССР, 1963. – Т.2.
Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. / В.В.Виноградов. – М: Учпедгиз, 1938.
Гавкин, Н. Карманный словарь иностранных слов / П.Гавкин. – СПб, 1905.
Дубровский, Н. Полный толковый словарь / Н.Дубровский. – СПб, 1871.
Майданов, Н. Новый словарь иностранных слов. – Одесса, 1907.
Михельсон, А. Объяснительный словарь иностранных слов. – СПб., 1891.

Орлов, А. Полный филологический словарь / А.Орлов. – М., 1889. – Т.1.

Сеславин, Д.А. Карманная энциклопедия и словотолкователь. – СПб, 1902.

Смирнов, Н.А. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху // Сборник Отделения русского языка и словесности. – 1910. – Т.88. – №2.

Сорокин, Ю.С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М.; Л: Наука, 1966.

Шишков, А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. – СПб, 1803.

Яновский, Н. Новый словотолкователь по азбучному порядку расположенный / Н.Яновский. – СПб, 1806. – Ч.3.

В. Н. Калиновская
Санкт-Петербург,
Ли Чень
КНР

ПРОБЛЕМА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ И ЕЕ РАЗРЕШЕНИЕ В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX В.»*

Начальный этап формирования русского литературного языка, по общему мнению историков языка, характеризовался повышенной лексической вариативностью, возникшей вследствие «слияния разногенетических источников», что также усугублялось «состоянием словообразовательной системы языка», совпавшим по времени с чрезвычайно активными номинативными процессами. В условиях относительной свободы словотворчества, все более сдерживаемой к концу века нормативными устремлениями, возникает довольно большое количество параллельных образований уже на новой словообразовательной базе.

Авторы «Словаря русского языка XVIII в.» (они же инициаторы другого лексикографического проекта – исторического словаря русского языка XIX в.), ставя задачи показа динамики семантической системы языка, отмечали в качестве самой существенной и яркой

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-00151а «Словарь русского языка XIX в.»: формирование словника».

приметы эволюции системы «процесс дифференциации подобнозначного» [1: 29]. Начавшись во второй половине XVIII века, он получил продолжение в следующий период. Таким образом, проблема вариантности в «Словаре русского языка XIX в.» – это во многом наследство, доставшееся от прошлого. Одной из задач, стоящих перед составителями «Словаря русского языка XIX в.», является отражение завершающего этапа процесса: выход слова (или значения) из употребления, изменение его семантического и стилистического статуса. Словарь XIX в., продолжая традицию исторического словаря предшествующего периода, предусматривает использование различных приемов показа этих динамических характеристик: это значки выхода, в том числе новации XIX века в пределах описываемого периода, изменения употребительности в сторону расширения или снижения, введение отсылочного определения (*То же, что ...*), указывающего на парадигматические отношения [2: 56-57]. Отсылки другого типа (например, *Ср., См.*) в данном конкретном случае проектом не предусмотрены. Положение проекта о размещении словообразовательных вариантов «в отдельных словарных статьях» как раз призвано подчеркнуть семантическое и стилистическое размежевание дублетов и вариантов (то есть новое состояние лексико-семантической системы языка, отличное от предшествующего). Использование отсылочных определений поэтому приобретет особый смысл. Такое представление языкового материала, с одной стороны, высветит историю слова как отдельной «особи», с другой – впишет ее в контекст эволюции целых лексических пластов. Поскольку словообразовательная вариантность, в основном, будет представлена суффиксальными параллелями (◀ *аферист*, ▶ *аферщик*, ◀ *бомбист*, ◀ *бомбоносец*; ◀ *костюмер*, ▶ *костюмист*; ◀ *меркантильный*, ▶ *меркантилический*; ◀ *аферировать*, ◀ *аферить*; ◀ *афишировать*, ◀ *афишичать*), то проследить эту связь между рядом расположенными в словаре словами будет нетрудно. Противоречие между положением о характере представления вариантов и задачами типологизации процессов, однако, существует, и оно связано с дифференциальным характером Словаря, поскольку те звенья лексической системы, которые без изменения перешли в следующий период, не найдут отражения в нем. Возможно, в каких-то случаях появится необходимость расширения зоны справочного отдела

словарной статьи. В настоящее время это дискуссионная проблема для составителей словаря и она обсуждается.

В связи с показом динамических устремлений языка встает вопрос о норме, механизмах ее формирования, и в данном случае особенного внимания от составителя словаря потребует отбор иллюстративного материала. Достаточно яркое представление о колебаниях нормы дают примеры, показывающие присутствие обоих вариантов либо в одновременных текстах одного автора, либо употребление разных вариантов у современников, что также обусловлено свободой выбора: *филигранный-филиграновый* (*Я не знаю другого литературного произведения, где бы так чувствовалась потребность сузить портал сцены, чтобы применить поговорку: «в тесноте, да не в обиде», где необходимо дать, до мельчайших подробностей, верную эпохе обстановку и филиграновую работу актеров, подобную картинам Мейсонье – где является Федор, и широкий размах и мазок кисти Репина, – где действует монументальная фигура кн. Ив. Петровича Шуйского. Ленский – Пчельникову 1896; Все те нюансы, вся та филигранная работа, заготовленная художником и которую, может быть, он впоследствии и покажет, очень часто ускользает от исполнителя на первом представлении пьесы, т.е. на ее генеральной репетиции. Ленск. Заметки актера 1894); *кулацкий-кулаческий* (*Несмотря на все эти кулацкие замашки, Смольков несомненно любил театр, чему я имел довольно веские данные. Ленск. Пережитое 1895; Это культуртрегер кабацкого пошиба, – горячился Серженька, – жилетка, гармоника, дутые сапоги, сладкая водка.. <...> В нем кулак сидит, зерно кулаческое. А. Амфитеатров «Бабы и дамы», Кельнерша 1895).**

В историческом словаре, в какой-то степени прогнозирующем тенденцию в динамике нормы, важно показать синтагматическую обусловленность предпочтения того или иного варианта (см. лексическую сочетаемость в последней паре: ◊ Кулацкие замашки.). Подобную причину дифференциации в употреблении словообразовательных вариантов можно увидеть в следующих разножанровых контекстах одного автора: *..из ближайших к сцене мест <при появлении бенефицианта> зрительного зала дождем сыплются маленькие венки и букеты. Это получило даже своеобразный термин: «делать закидку».* Ленск, Псм. в редакцию «Новостей дня» 1895; *Вот почему во всех этих приветствиях, подношениях, закидывании ак-*

теров цветами и венками я всецело обвиняю актеров, которые своими поклонами, подбеганиями к авансцене, кивками и улыбками на все стороны поощряют публику шуметь все больше и больше. Ленский – А.И. Южину 1895. Обыгрывание злободневного речевого оборота *делать закидку* в публицистическом тексте – пример функционально-стилистической дифференциации разговорного и книжного (в данном случае нейтрального литературного *закидывание*) по происхождению вариантов.

Примером своеобразного «балансирования» нормы на протяжении всего периода может служить употребление словообразовательных вариантов в аналогичных контекстуальных условиях: *Англизирование есть зоо-хирургическая операция, производимая над хвостом лошади для того, чтобы она могла носить его поднявши, и казаться сытее и лучше подобранною*. Плюшар Энци. лекс. 1835; *Англизация есть хирургическая операция, состоящая в подрезывании сухих жил мускулов, осаждающих хвост лошади, и в отсечении нижней части репицы .. Англизация идет более к заводским лошадям*. Сл. Крайя 1847; *В настоящее время англизирование все более и более выходит из употребления, потому-что оно не придает обыкновенным лошадям красивого и благородного вида восточной лошади, а часто производит эффект, совершенно противоположный тому, которого хотели достигнуть*. Березин Энци. Сл. 1874.

Тенденция к семантической дифференциации традиционно абстрактных словообразовательных формантов -ость, -ство, -ние, сопровождаемая постепенной их типологизацией, прослеживалась с конца XVIII века. Включение в иллюстративную часть словарной статьи каждого из вариантов (например, **директорство-директорствование**) цитат, свидетельствующих об их употреблении одним автором, может послужить выявлению дифференциальных компонентов в семантике слова: *Радуюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и набираетесь здоровья для предстоящего директорствования*. Чайковский – Танееву, 13 июня 1885 г. (Если исключить период твоего директорства (когда, особенно под конец, ты иногда жаловался на судьбу и предавался мерлехлюндии), то будущего твоего биографа будет необыкновенно приятно поражать всегдашнее отражение бодрого, здорового, оптимистического отношения к задачам жизни. Чайковский – Танееву, 27 июня 1891 г.

Выявление семантических различий между словообразовательными вариантами с целью представления в словаре динамических характеристик слова составляет одну из наиболее сложных лексикографических задач. Ее решение предполагает комплексное изучение слова как самостоятельной единицы языка и как системного явления.

Литература

Л.Л. Кутина. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты ее показа в лексикографии //Проблемы исторической лексикографии. Л.: Наука, 1977. – С. 27-39.

Словарь русского языка XIX века. Проект. – СПб.: Наука, 2002.

С.А. Эзериня
Санкт-Петербург

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВОГО ВРЕМЕНИ (на материале «Словаря русского языка XVIII века» и «Словаря русского языка XIX века»)

Как известно, эпоха XVIII–XIX вв. является определяющей в становлении русской национальной научно-технической терминологической системы. Начиная с этого времени лексико-семантический пласт терминов начинает занимать значительное место в русском языке, в том числе в его общелитературной форме. Очевидно, что данный тип лексики не может не находить отражения в различного типа лексикографических источниках, в том числе в исторических словарях. Однако формат исторического словаря, как полного, так и дифференциального типа, в кодифицировании терминов имеет свои принципиальные особенности, отличные от толковых словарей, а также других нормативных лексикографических источников.

Так, в проекте Словаря русского языка XVIII века Ю.С. Сорокин справедливо отмечает, что «для исторического словаря не могут считаться определяющими следующие критерии отбора: а) употребление слова только в специальных контекстах, ибо последние – один из основных источников Словаря; б) тип исходного

языкового ареала терминованной системы (иноязычный источник, местные говоры, индивидуально-авторское новообразование); в) положение слова в терминологической системе или в номенклатурном ряду (с учетом иерархических зависимостей в терминологии, родо-видовых отношений, субординации классификационных рядов и пр.), если оно существенно расходится с реальным речевым употреблением данного времени; г) единичность и массовость термина, стойкость и нестойкость терминологизации; д) перспективность термина с точки зрения последующих состояний терминологических систем и языкового узуса» [6: 24]. Подобный подход расширяет, по сравнению с толковым словарем, круг терминологической лексики, подлежащей обязательному описанию в словаре. В то же время это не означает автоматического включения в словарь словаря любого лексического факта из данной группы, даже если он отмечен в каком-либо из специальных источников или справочников XVIII века. Таким образом, согласно Проекту исторический словарь широкого профиля в силу своей специфики не ставит «задачи систематически полного описания всех или избранных терминологических систем и номенклатур и установления формирующей их связи с определенными системами понятий» [6: 24]. Авторский коллектив словаря, исходя из значительной неустойчивости русской лексической системы указанного периода, недостаточной объективной кодифицированности словоупотребления, а также высокой доли его социально-групповой субъективности, постулирует индивидуальный, с учетом специфических культурно-исторических условий подход к каждой лексической единице, поскольку «в задачу Словаря входит прежде всего объективная демонстрация того, что было в речевом употреблении данного времени» [6: 19].

XIX век – век продолжающегося бурного мирового развития научной и технической мысли и ее материального воплощения, в т.ч. и в России. Вследствие данных экстралингвистических процессов в русском языке происходит как пополнение старых терминологических систем, так и формирование новых, лексика которых в определенной степени должна найти свое отражение в «Словаре русского языка XIX века».

Согласно Проекту словаря, опирающегося на дифференциально-динамический подход к отражению русской лексической системы XIX века, «отбор терминологической лексики связан с характерным

для XIX века процессом популяризации научных знаний (через журналы, научно-популярные издания, рекомендации, рассчитанные на неспециалистов, и т.д.) и вызванное этим процессом проникновение научной терминологии в общенародный язык, образование расширительных и образно-расширительных значений, отрыв нового значения от старого, терминологического, образование омонимов и т.д.» [7: 32].

В соответствии с этим в словаре предполагалось привести пять основных групп терминов, отвечающих следующим характеристикам:

– термины, функционирующие в нескольких терминологических системах;

– термины разных систем, имеющие общие понятийные признаки (е.g. *орбита* – термин астрономический (*орбита небесного тела*) и анатомический (*глазная орбита*));

– термины, имеющие непосредственную этимолого-понятийную связь с донаучным, общеязыковым значением (е.g. *область* – Сл. В.И. Даля: «1. Страна, земля, государство... 2. Край под особым управлением, неназванный губерниею (политико-административный термин – С.Э.)... 3. Однообразные пласты земной толщи, где бы они не встречались (геологический термин – С.Э.)»);

– термины, встречающиеся в пределах одной терминологической системы, но имеющие соответствия в общенародном языке (переносные, расширительные, образно-расширительные) (е.g. *атом* (физический термин) развивает в XIX в. расширительное переносное значение '*малейшая частица чего-л.*', не кодифицируемое лексикографическими источниками XIX в., но представленное в художественных текстах: [*Александр*] сидел дома, в кабинете, один, упиваясь блаженством, анализируя его, разлагая на бесконечно малые атомы. Гончаров. Обыкновенная история.);

– термины, входящие в общенародный язык путем развития новых (переносных и переносно-образных) значений и обычно образующие производные (е.g. *паразит* (биологический термин) ⇒ *паразитный* (~ая должность, ~ое учреждение, ~ый дух), *паразитически*, *паразитический* (вести паразитическое существование на теле народа), *паразитичный*, *паразитарный*, *паразитизм*, *паразитность*) [7: 33-34].

Таким образом, Проект резко сужает круг терминов, имеющих шанс получить лексикографическое описание в «Словаре русского языка XIX века».

При работе с конкретным лексическим материалом обнаружилось, что вследствие такого подхода к терминологии за пределами описания в словаре оказывается ряд лексических и лексико-семантических явлений и единиц, важных для лексикографического показа как с точки зрения объективного представления различного рода динамических процессов, наблюдаемых в формирующемся русском языке данной эпохи (что, согласно Проекту, является основной задачей исторического дифференциального словаря), так и того культурно-исторического фона, на базе которого это формирование происходит.

Значимость и необходимость более широкого представления терминологической лексики в «Словаре русского языка XIX века» определяется целым рядом факторов, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие.

1. Исходя из ведущего дифференциального принципа, «Словарь русского языка XIX века» должен отразить не только входящие в лексическую систему языка, но и уходящие в XIX в. лексические и семантические единицы русского языка XVIII века и предшествующих эпох. Так, к примеру, в этот период из русского языка уходят такие термины, как *ассекурат* и *банкетель* (финанс.), *аускультант*, *балотовать/балетовать* ('баллотировать'), *безухер* (офиц.) и др. Фиксация факта выхода из русской лексической системы того или иного термина позволяет отследить либо выход из употребления самой реалии, которую отражает соответствующий термин, либо замену исходного термина на другой, зачастую русский и впоследствии широкоупотребительный, эквивалент (*аускультант* → *вольнослушатель*, *безухер* → *тамозженник* и т.д.).

2. Невключение терминов в «Словарь русского языка XIX века» приведет к нарушению существующей преемственности и лексикографических традиций русских исторических словарей и по отношению к словарям XX и XXI веков, поскольку именно в XIX – на рубеже XX в. складывается современная, активно функционирующая и поныне базовая терминология подавляющего большинства научных дисциплин, и ее опущение в словаре приведет к возникновению осязаемой лексикографической лакуны.

3. Одной из задач «Словаря русского языка XIX века» также является отражение общих словообразовательных потенций русского языка XIX в.; в этих целях предусматривается широкий показ его адаптивных возможностей для усвоения заимствованной лексики на собственной русской фонетико-грамматико-словообразовательной базе. Согласно Проекту для объективного представления такого рода процессов в словник словаря должны будут войти и разного рода окказионализмы. Во всех этих случаях терминологическая лексика может оказаться одним из наиболее показательных языковых пластов.

Проиллюстрируем сказанное на примере словообразовательного гнезда с корнем *гипно-*. Так, описанию в корпусе словаря подлежат следующие лексемы: *гипногенный, гипноз, гипнотизатор, гипнотизация, гипнотизёр, гипнотизировать, гипнотизирующий, гипнотизм, гипнотический, загипнотизировать, загипнотизироваться*. Однако в него не попадут такие интересные, характерные именно для данного периода бытования языка лексические факты, как *аутогипноз, гипнобатезис* и *гипнобатия* ('сомнамбулизм'), *гипнологика, гипнологический, гипнология, гипнотизирование, гипнотизируемый* и *гипнотизированный* (субстантиваты), *гипнотик* ('человек, подверженный воздействию гипноза'), *гипнотика* ('снотворные средства'), *гипнофренаторный, гипнофренология* (бытовавшее в середине XIX в. представление о возможности распознавания психических заболеваний по форме черепа), *послегипнотический* и др.

4. В соответствии с Проектом в «Словарь русского языка XIX века» активно вводятся производные от географических названий, входящие в состав устойчивых терминологических сочетаний. Работа с лексическим материалом показала, что для большей части единиц данной группы прилагательных представление в «Словаре русского языка XIX века» фактически явится их первой с диахронической (а иногда и современной) точки зрения лексикографической фиксацией. Например, *аму-дарьинский* (~ий *елец* – Никольский), *балтиморский* (~ая *желть* – ТЭ), *балхашский* (~ий *окунь* – Никольский), *закавказский, закаспийский* (~ий *геккон* – Никольский) и т.п.

5. В Проекте также специально оговаривается включение как новых, так и выходящих из употребления названий различных пле-

мен и народностей [7: 27]. Для указанной эпохи эти наименования (особенно новые) нередко представляют собой этнографические термины на грани с экзотизмами. Например, *банту* (Энци. Гранат), *балт(ы)* (Сл.Акад. 1891 – ‘житель остзейских губерний, остзеец немецкой национальности’) и др.

6. Очень показательной группа терминологической лексики является и с точки зрения демонстрации лексической и лексико-морфологической вариативности (отражение данного процесса также относится к принципиальным задачам «Словаря русского языка XIX века»). Для некоторых единиц вариативность сохраняется вплоть до настоящего времени (*ассимиляция* и *ассимилирование*), в других случаях произошло выравнивание терминологической системы в пользу одного из гомогенных вариантов (*астероида*, *астроида* и *астероид*) либо выход из употребления гомогенных вариантов в пользу лексической единицы иного генезиса (так, для плодового кустарника *ирга* вплоть до конца XIX в. бытовали официальные ботанические названия *амеланхиер* и *амеланшье*, представлявшие собой русскую языковую адаптацию латинского наименования данного растения).

7. На базе лексики различных терминологических систем русского языка XIX века также находит свое отражение такое лексико-семантическое явление, как диахроническая омонимия. Именно здесь мы в первую очередь сталкиваемся с т.н. «сложными друзьями переводчика» и имеем возможность их показа; такие языковые факты выявляются в сопоставлении языковых единиц XIX века с современным русским литературным языком. Например, *астральный* (в сочетании *~ая лампа* – «лампа, свет которой падает сверху» – Сл. Михельсона), *астры* (Сл. Яновского – ‘украшения женской прически в форме звезд’); *дерматин*¹ (*геол.* ‘минерал, образующий кожеобразную оболочку на серпентине и известковом шпате’ – Сл. Михельсона) и *дерматин*² (*техн.* ‘род односторонней клеенки, применяемой в качестве заменителя кожи’ – первая фиксация в Сл. Ушакова).

Для отражения расширенного списка терминологической лексики требуется специальный лексикографический прием, поскольку не представляется возможным перегружать основной корпус филологического исторического словаря такого рода единицами. Поэтому составители «Словаря русского языка XIX века» приняли решение

пойти на своего рода компромисс и прибегли к формированию дополнительного списка слов с неполным (минимальным) описанием как приложения к основной части словаря.

В настоящее время авторским коллективом словаря составлен пробный список терминологической лексики на букву «А», ведется работа по разработке унификационных правил и способов представления различных групп терминологической лексики, по определению уровня детализации при описании ее семантики, набора необходимых помет и т.п.

Список сокращений

Никольский – Никольский А.М. Гады и рыбы.

Сл. Акад. 1891 – Словарь русского языка. /Сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. 1. СПб., 1891.

Сл. *В.И. Даля* – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

Сл. *Михельсона* – Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов.

Сл. *Ушакова* – Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова.

Сл. *Яновского* – Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту.

ТЭ – Техническая энциклопедия.

Энци. *Гранат* – Настольный Энциклопедический Словарь товарищества А. Гранат.

Литература, словари

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. – СПб., 1863–1866.

2. *Михельсон А.Д.* Объяснительный словарь иностранных слов. – М., 1891.

3. Настольный Энциклопедический Словарь товарищества А. Гранат. – Т. 1–8. – 1896–1901.

4. *Никольский А.М.* Гады и рыбы. По Брэму и другим источникам. – Вып. 1–5. – СПб., 1902.

5. Словарь русского языка. /Сост. Вторым отд. Акад. Наук. – Т. 1. – СПб., 1891.

6. Словарь русского языка XVIII века. Проект. – Л.: Наука, 1977.

7. Словарь русского языка XIX века. Проект. – СПб.: Наука, 2002.

8. Техническая энциклопедия. – Т. 1. – СПб., 1896.

9. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 1–4. – М., 1935–1940.

10. *Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. – СПб., 1803–1806.

ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТНОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ
В «ПРОСТРАННОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ» Н.И. ГРЕЧА

Учение о лексико-грамматических разрядах появилось сравнительно недавно. Однако основы его были заложены задолго до этого. Уже в ранних восточнославянских грамматиках встречаются некоторые термины лексико-грамматических разрядов [Мечковская: 68]. В XIX веке теоретического обоснования лексико-грамматических разрядов еще не было, а следовательно, не были сформированы и соответствующие морфологические концепты, но несмотря на это практически их рассматривали. Таким образом, при исследовании лексико-грамматических разрядов внимание лингвистов обращалось на объектное содержание.

Н.И. Греч в «Пространной русской грамматике» описывает систему лексико-грамматических разрядов, которая во многом близка современной теории. Грамматист еще не употребляет термин «лексико-грамматические разряды», но суть понятия сохраняется. Термины лексико-грамматических разрядов Н.И. Греча по специфике содержания довольно разнородны.

Лексико-грамматические разряды имен существительных

Н.И. Греч, описывая разряды имен существительных, объединяет логические и грамматические характеристики. Так, он выделяет предметы чувственные, которые в свою очередь подразделяются на *одушевленные* и *неодушевленные* (ср. с конкретными именами в современной грамматике), *умственные* и *отвлеченные*. К лексико-грамматическим разрядам существительных, по мнению ученого, относятся *собственные*, *нарицательные*, *вещественные* и *собираательные существительные* [Греч: 105-106].

«Чувственные предметы» суть существа, подлежащие какому-нибудь из наших чувств» [Греч: 105].

Подобный термин не используется в современной грамматике, однако отдельные моменты в трактовке Н.И. Греча позволяют соотнести его и соответствующее понятие с конкретными именами существительными. Примеры слов, которые Н.И. Греч относит к данному разряду, подтверждают это положение.

Трактовка Н.И. Гречем чувственных предметов довольно своеобразна. По мнению ученого, это такие предметы, которые воспринимаются органами чувств. Заметим, что в сочетании терминологического характера *чувственные предметы* Н.И. Греч использует не слово *существительное*, а *предмет*. Таким образом, в толкование грамматического понятия (лексико-грамматического разряда) вливается струя предметно-логических характеристик. Близка к концепции Н.И. Греча позиция А.Х. Востокова, который разделяет существительные на *предметы видимые* (ср. *чувственные*), в свою очередь подразделяющиеся на *одушевленные* и *неодушевленные*, *предметы в уме представляемые*, *духовные* и *отвлеченные* [Востоков: 18-19].

В грамматике Н.И. Греча *чувственные предметы* подразделяются на *одушевленные* и *неодушевленные*, это и позволяет соотнести их с конкретными существительными. «*Чувственные предметы*: А) одушевленные, имеющие способность чувствовать и произвольно перемещать свое место; например: человек, червь. Б) неодушевленные, неимеющие чувствования и неперемещающие произвольно своего места; например: вода, дом» [Греч: 105].

Автор описывает и морфологические свойства одушевленных и неодушевленных существительных. В параграфе о склонении Н.И. Греч отмечает совпадение у одушевленных существительных мужского рода форм родительного и винительного падежа, а у неодушевленных именительного и винительного [Греч: 157].

Таким образом, при характеристике Н.И. Гречем *чувственных предметов* пересекаются предметно-логические и морфологические признаки, с преобладанием первых.

«*Умственные предметы* суть существа, которые мы объемлем только чувством, или представляем себе в уме; душа, час, время» [Греч: 105]. «*Отвлеченные предметы* суть качества предметов воображаемые в виде существ; белизна, красота...» [Греч: 105-106].

У Н.И. Греча нет термина «абстрактные», или «отвлеченные имена существительные» в его современном понимании. Вместо первого и наряду со вторым, но в ином значении, употребляются термины «умственные» и «отвлеченные предметы». Примеры, приведенные в определениях, позволяют соотнести данные термины с абстрактными именами существительными. Таким образом, в объектном плане наблюдается совпадение с позицией современной грамматики. Ср.: *душа, белизна и др.* [Греч: 105-106]

Концептуальное содержание несколько отличается от современного. По мнению Н.И. Греча, подобные существительные образуют не один, как в современной грамматике (ЛЭС: 500), а два разряда. Причем основания для подобного деления даются другие. Ср. трактовку современной грамматики и позицию Н.И. Греча: с точки зрения современной грамматики, существительные отвлеченные – это существительные, называющие понятия, которые обозначают действие или признак отвлеченно от производителя действия или носителя признака (Розенталь, Теленкова: 141). У Н.И. Греча данные понятия толкуются с использованием предметно-логических характеристик, также во втором определении, обращается внимание на словообразовательные особенности («*качества предметов в виде существ...*»). Н.И. Греч подметил тонкое различие между этими понятиями, однако оно в большей степени смысловое, грамматические свойства разрядов не затрагиваются.

К любопытным выводам подводят сами примеры Н.И. Греча. Примеры обоих разрядов отличаются. В первом разряде в качестве примеров рассматриваются производные имена существительные (см. *душа, час, время*), второй разряд включает существительные, произведенные от прилагательных и глаголов (*красота, белизна, гулянка*). Показательны примеры второго разряда, отаггективные и отглагольные существительные. В современной теории номинативных классов рассматриваются предикатные имена существительные: признаковые имена и имена действия, которые именуют обычно признаки и действия [Арутюнова: 76; Золотова: 223; Пазельская: 72; Яцкевич 2004: 96-97]. Примеры Н.И. Греча *красота, белизна* соотносятся с признаковыми именами, а *гулянка* – с именами действия.

При трактовке *отвлеченных предметов* Н.И. Греч пишет об отсутствии у них форм множественного числа, а также указывает некоторые исключения [Греч: 118].

Итак, распределяя слова лексико-грамматического разряда отвлеченных имен существительных между «умственными» и «отвлеченными предметами», Н.И. Греч использует смысловые и словообразовательные показатели.

Лексико-грамматические разряды имен прилагательных

Н.И. Греч рассматривает качественные, относительные, или притяжательные, а также обстоятельственные прилагательные.

«Имена прилагательные выражают такое свойство предмета, которое он имеет сам собою, независимо от других предметов, и называются неотносительными или качественными в тесном смысле» [Греч: 179]. В качестве примеров приводятся слова типа *хороший, красивый, синий*.

Объясняя сущность разряда качественных имен прилагательных, Н.И. Греч применяет факультативный термин «неотносительные». Этот термин встречается только в дефиниции качественных прилагательных, в грамматике Н.И. Греча употребительнее термин «качественные». Термин «неотносительные имена прилагательные» помогает понять сущность данного грамматического явления, подчеркивает доминанту качества в таких прилагательных. Для Н.И. Греча характерно также и то, что при систематизации материала он часто прибегает к бинарному принципу, оппозиции, в данном случае наличествует оппозиция относительные – неотносительные прилагательные.

Таким образом, при характеристике понятия качественные прилагательные Н.И. Греч привлекает не только семантику, но и прием вариативного наименования данного явления.

Относительные или притяжательные имена прилагательные

«Имена прилагательные изображают принадлежность, отношение предмета к другому, от коего он зависит, и тогда именуются относительными или притяжательными (отцев дом).

Относительные или притяжательные имена бывают по происхождению: личные, происходящие от имени одного известного лица (царев, женин), и родовые, происходящие от имен, означающих целый род предметов одушевленных, или наименований народа, соловия (царский, женский, и верблюжий), и наконец произведенные от имен предметов неодушевленных (золотой, сосновый)» [Греч: 179].

В академических грамматиках рассматриваются две основные группы имен прилагательных: качественные и относительные, последние из которых включают в себя и притяжательные имена прилагательные [Грамматика русского языка 1960, 1: 301]. Наличие оппозиции в «Пространной русской грамматике» Н.И. Греча неотносительные (то есть качественные) – относительные имена прилагательные позволяет говорить об аналогичной системе лексико-грамматических разрядов имен прилагательных. Н.И. Греч вводит деление на «личные и родовые» прилагательные (притяжательные и относительные соответственно). Ср.: *«личные, происходящие от имени одного известного лица...»* у Н.И. Греча и «обозначают принадлежность определенному лицу» в академической грамматике [Грамматика русского языка 1960, 1: 301]. В обоих случаях можно говорить о конкретной референции.

Такое членение относительных и притяжательных прилагательных в грамматике Н.И. Греча отметил еще В.В. Виноградов. По его мнению, ученый удачно использовал деление на «родовые и личные», подметил отличные функции этих разрядов. «Родовые» прилагательные обладают относительной качественностью, а назначение «личных» – в индивидуализирующем указании, выделении [Виноградов: 160]. Несмотря на это достижение Н.И. Греча, в критической литературе встречается большее количество позитивных оценок идеи А.Х. Востокова, который позже четко разграничил разряды относительных и притяжательных прилагательных [Востоков: 52-54].

При распределении слов на разряды «личные» и «родовые» Н.И.Греч не учитывает явления полисемии. Например, слово *верблюжий* в зависимости от контекста рассматривается по-разному. Прилагательное *верблюжий* можно причислить к разряду притяжательных прилагательных (например, *верблюжий горб*, то есть при-

надлежащий верблюду) и к разряду относительных (*верблюжий пух*, то есть пух от верблюда, от верблюжьей шерсти).

Итак, Н.И. Греч выявил два вида прилагательных по характеру отношений, однако реальное соотношение значений притяжательных прилагательных является более сложным.

«Имена прилагательные означают какое-либо обстоятельство предмета, находящееся не в нем самом, внешнее, случайное, и в сем случае называются обстоятельными (весь, многий, иной, вчерашний)» [Греч: 179]. К таким прилагательным Н.И. Греч относит слова, с точки зрения современной грамматики, характеризующиеся как разные части речи: местоимения и прилагательные. При описании данного понятия обращается внимание на семантические показатели: называют обстоятельства. Однако при этом Н.И. Греч не учитывает грамматических свойств.

Лексико-грамматические разряды имен числительных

Н.И. Греч рассматривает порядковые, количественные, количественные дробные и собирательные числительные.

«Имя числительное порядочное означает порядок, в котором один предмет за другим следует» [Греч: 211].

К числу порядковых имен числительных Н.И. Греч относит слова, обозначающие порядок при счете и склоняющиеся по типу прилагательных, то есть традиционно рассматриваемые в составе данной группы.

На сегодняшний день существуют расхождения во взглядах лингвистов на вопрос о статусе данного грамматического явления. В академических грамматиках порядковые числительные не выделяются в особый лексико-грамматический разряд, а подобные слова рассматриваются в составе имен прилагательных [Русская грамматика, 1: 540; Грамматика русского языка 1952, 1: 281]. Школьные учебники признают существование такого лексико-грамматического разряда [Баранов: 151].

Итак, с одной стороны, Н.И. Греч рассматривает разряд порядковых числительных. С другой, если вспомнить его позицию в отношении статуса имени числительного в системе частей речи (числительные не составляют в понимании грамматиста особой части речи), точка зрения автора в решении данного вопроса не совсем

однозначна. По наличию термина «порядочные числительные» Н.И. Греч приближается к школьной трактовке, то есть вроде бы признает такой разряд. По определению им статуса числительного, выделению «имен числительных-существительных» и «числительных-прилагательных» можно говорить и о близости его толкования к академическим грамматикам.

«*Имя числительное количественное* означает число предметов» [Греч: 211].

Количественные числительные, с точки зрения Н.И. Греча, включают в себя разнородные примеры: *один, два, оба, сто, пара, дюжина*. Некоторые из них ученый в то же время приводит в качестве примеров собирательных числительных, например: *пара, дюжина* [Греч: 212]. Так, уже на уровне примеров количественных числительных в «Пространной русской грамматике» видим расхождение с современной позицией. Однако в этом плане Н.И. Греч в какой-то мере недалек от современных трактовок. В современной грамматике собирательные числительные считаются подразрядом количественных [Чеснокова: 46]. В качестве объектов Н.И. Гречем рассматриваются не только числительные, но и так называемые счетные имена существительные, обладающие количественным значением (*пара, дюжина*). Особенность понятия *счетные имена существительные* состоит в наличии у таких существительных значения «определенного количества как единицы счета» [Соина: 69]. В примерах количественных числительных Н.И. Греча обращает на себя внимание слово *оба*, которое в современной лингвистике интерпретируется как местоимение. Таким образом, у Н.И. Греча объектное содержание термина «имя числительное количественное» установлено иначе.

Думается, что при подборе примеров Н.И. Греч особый акцент делал на лексико-семантических свойствах подобных слов, их количественную семантику. На грамматических свойствах внимание языковеда заострено не было.

Лексико-грамматические разряды местоимений

Н.И. Греч выделяет личные, относительные, вопросительные, неопределенные, возвратные, указательные, притяжательные, определительные местоимения.

«Отношения, выражаемые местоимениями могут быть троякими, то есть: предмета говорящего, предмета, к которому речь обращается, и предмета, о коем в речи говорится: от сего происходят три грамматические лица, выражаемые местоимениями личными».

Местоимения первого и второго лица непременно означают предмет личный или олицетворенный, предмет третьего лица может быть неличный, вещественный, отвлеченный» [Греч: 224].

В грамматике Н.И. Греча даются образцы данного лексико-грамматического разряда, аналогичные примерам современной грамматики (*я, ты, он*). Однако с позиций современной грамматики местоимение *он* рассматривается как лично-указательное [Скобликова: 73]. Но, например, в сравнении с позицией М.В. Ломоносова объект термина *личные местоимения* установлен Н.И. Гречем максимально приближенно к объекту современной грамматики. М.В. Ломоносов рассматривает слова *я, ты, он* в числе указательных [Ломоносов: 168].

В концептуальном плане отличие термина «личные местоимения» от соответствующего термина современной грамматики связано с определением Н.И. Гречем функции местоимений вообще, т.е. замещением (об этом см. анализ неопределенных и определительных местоимений). В то же время языковед указывает и на другую функцию личных местоимений. Дефиниция данного термина позволяет говорить о том, что Н.И. Греч при определении функций личных местоимений выходит за рамки своей концепции по местоимениям. Отдельные моменты в толковании этого термина можно соотнести с категориальным значением местоимений, принятым в современной грамматике, а именно: с выражением субъективно-объектных отношений [Пешковский: 156]. Местоимение – это «часть речи, слова которой указывают на все то, что имеет отношение к непосредственному акту речи» [Совр.русс.яз.: 440]. Для речевой ситуации характерно наличие таких компонентов: говорящий, или субъект речи, слушающий, или адресат, и то, о чем идет речь, или объект. Н.И. Греч вместо этих терминов использует сочетания терминологического характера (*предмет говорящего, предмет, к которому речь обращается, и предмет, о коем в речи говорится*). В толковании личных местоимений Н.И. Гречем отмечается их особая функция, в современной грамматике называемая реляционной

(ЛЭС: 349). Данный термин указывает на то, что идеи Н.И. Греча при определении объекта термина и уточнении функции личных местоимений близки и авторам современной грамматики.

«Есть в языке слова, которые заменяют имя существительное или прилагательное неопределенным, неясным, иногда отрицательным образом (некто, нечто, никто, ничто, что-либо, кто-нибудь). Они называются неопределенными местоимениями» [Греч: 227]. Под один лексико-грамматический разряд Н.И. Греч подводит не только местоимения неопределенные, но и отрицательные. В дефиниции термина, правда, говорится о том, что такие местоимения заменяют имя неопределенным, иногда отрицательным образом, то есть автор вообще не выделяет лексико-грамматического разряда отрицательных местоимений. Из-за этого и появляется расширенное понимание объекта термина *неопределенные местоимения*.

В связи с расширением Н.И. Гречем объектного содержания термина *неопределенные местоимения* был немного затронут и его концептуальный план: отрицательные и неопределенные местоимения относятся языковедом к одному разряду. Кроме того, за неопределенными местоимениями сохраняется функция замещения.

Наблюдения позволяют говорить о преобладании в «Пространной русской грамматике» Н.И. Греча лексико-семантического принципа. Раскрытие сути конкретного лексико-грамматического разряда осуществляется с опорой именно на этот критерий, привлекаются и морфологические признаки. Иногда наблюдается смешение в одном лексико-грамматическом разряде слов других разрядов или даже других частей речи. Однако опора на семантику и использование в дефинициях терминов предметно-логических характеристик способствует перспективным идеям, благодаря чему Н.И. Греч приближается к идее выделения номинативных классов (*«чувственные предметы»*, *«умственные и отвлеченные предметы»*).

Литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
Баранов М.Т. и др. Русский язык: учебник для 6-го класса. – М., 2002.
Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М., 1972.
Востоков А.Х. Русская грамматика. – СПб., 1844.
Грамматика русского языка. – М, 1952.
Грамматика русского языка. В 2 т. – М., 1960. – Т.1.
Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

- Греч Н.И. Пространная русская грамматика. – СПб., 1827.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
- Ломоносов М.В. Российская грамматика. – СПб., 1755.
- Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. – Минск: Университетское, 1984.
- Пазельская А.Г. Аспектуальность и русские предикативные имена//ВЯ. – 2003. – № 4. – С. 72-90.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 2001.
- Русская грамматика. В 2 т./ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1980. – Т.2.
- Скобликова Е.С. Местоимения: различия трактовок//РЯШ – 1996. – № 6. – С. 72-77.
- Современный русский язык/Под ред. Л.А. Новикова. – СПб., 1999.
- Соина Г.И. Счетные имена существительные в русском языке// РЯШ. – 1974. – № 5. – С.68-72.
- Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке: Семантика. Функции. – Ростов-на-Дону, 1997.
- Яцкевич Л.Г. Категориальные значения частей речи. – Вологда, 2004.

Н.В. Скрыбина
Санкт-Петербург

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XIX ВЕКА

XIX век – век неизмеримой, по сравнению с прошлым, интенсивности общественно-политической жизни, формирования новых идеологических направлений, развития науки, превращения литературы в особо влиятельную общественную силу [15: 10]. Так происходит окончательная секуляризация медицинской науки, что способствует включению такой ее отрасли, как хирургия «в семью медицинских наук» [19: 27, 297]. Закрепление новых знаний и умений невозможно без формирования научной и специальной терминологии. В данной статье предметом анализа стала медицинская лексика с корнем *эфир-*. Источником для исследования послужили научные труды Н.И. Пирогова и его письмо с Крымской войны (1853-1856) к доктору К.К. Зейдлицу. Были привлечены научные труды Н.И. Пирогова: «Начала общей военно-полевой хирургии» (1865) и «Отчёт о

путешествии по Кавказу» (1849, русское изд.). Для сравнения мы обратились также к сочинению современника Н.И. Пирогова – Н.В. Маклакова «Об употреблении в оперативной медицине паров серного эфира» (1847).

С хирургической практикой в указанный период времени было неразрывно связано начало применения методов обезболивания, поэтому важно обратить внимание на формирование названий анестетических веществ и специфику обозначения производимых с их помощью процедур. В 1846 году впервые было испытано американским зубным врачом Мортонем обезболивающее вещество «эфир», применённое впоследствии Ф.И. Иноземцевым в практике отечественной медицины [6: 3, 310].

Слово *эфир* в истории русского языка имеет специфическую судьбу. Оно было известно достаточно давно: зафиксировано в Минеях XI в как заимствование из греческого языка [4], отмечается в памятниках XIII и XV вв. в значении 'небо, воздух' [13: 5, 65].

В Словаре Академии Российской первого издания *Ефир* определяется как *'тончайшая стихия, о которой полагают, что она все пространства мира наполняет'* [12: 2, 1028].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» у слова *Ефир* отмечается специальное употребление: 2) *В химии: спирт весьма тонкий, извлекаемый из алкоголя посредством серной или селитряной кислоты.* [16: 2, 475]. В.И. Даль значение слова определяет с некоторыми добавлениями: *Эфир и ефир. Вещество, подобное деланному эфиру, сильно пахучее и летучее, добываемое из растений, цветов и листьев; оно соединяется с чистой извинью и с жирными веществами. Розовое масло, или эфир* [3: 4, 1094]. Таким образом, видно, что развитие термина шло параллельно с процессом познания известных свойств материи.

Из статьи в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, посвящённой эфирным маслам, можно заключить о причине перехода прежнего абстрактного понятия в разряд вещественных: *Название эфирных масел было дано этим веществам в то время, когда химия находилась в младенчестве и этим названием хотели показать, что вещества эти, с одной стороны, сходны с жирными маслами – жирны на ощупь, плавают на воде и дают на бумаге и тканях просвечивающее пятно – а с другой стороны, они, как эфир летучи...* [19: 81, 205]. В этой же энциклопедии слово *эфир* употреблено в медицин-

ском смысле: *Эфир – общее и местное анестетическое средство. Открытие анестетических свойств эфира принадлежит американскому врачу Карлу Мортону, впервые испытавшему эфирный наркоз в 1846 году.* [19: 81, 230]. Мы можем предполагать, что в основу наименования химического вещества и впоследствии наркотического средства была положена идея летучести.

Слово *эфир* в составе специального медицинского термина встречается у Н.И. Пирогова единственный раз: *Я опоражниваю кишку простым клистиром, ...вставляю в неё шприцовку, заключающую 6-8 унций серного эфира...* [3: 2, 49]. В текстах Н.И. Пирогова обнаружены производные *эфирный* (*Наблюдения над действием эфирных паров как болеутоляющего средства в хирургических операциях ординарного профессора Н.И.Пирогова (1849)*) [10: 3, 15] и *эфирнопаровой* (*Если же она [почечная колика] наступает от прохождения через мочеточник сростков или посторонних частиц, то я советую употребить мои эфирнопаровые клистиры, которые в 4 встретившихся мне случаях почечной колики уняли тотчас же жесточайшие страдания (1865)*) [3: 2, 49]. Прилагательное *эфирный* употреблено в качестве химического термина (в составном терминологическом наименовании). Во втором случае вновь образованное сложное прилагательное входит в состав медицинского термина.

Другие встретившиеся в текстах Н.И. Пирогова производные с корнем *эфир-*: *эфированный* и *эфирование* – указывают на связь с глагольной основой. Глагол *эфировать* не зафиксирован ни в одном из упомянутых выше лексикографических источников: *Тем не менее, однако же, я могу сказать вообще никогда не эфировали долее получаса и то с промежутками, даже в самых продолжительных операциях, каково вылуцение плечевой кости, соединённую с перевязкой подключичной артерии, ниже кожицы [ключицы]* [7: 73]. Глагол этот имеет значение ‘производить наркотизацию оперируемого пациента эфиром’. В указанном тексте глагол употреблен не только в личной форме, но и в форме краткого страдательного причастия: *Сто хирургических операций под влиянием эфирных паров было произведено нами на поле сражения при осаде Салтов и только в двух случаях был употреблён изобретённый мною способ эфирования через прямую кишку. Во всех прочих случаях больные были эфированы посредством вдыхания.* (1849) [7: 72]. Примером вхож-

дения глагола в систему русского языка может служить появление префиксального образования совершенного вида: *Целые полчаса мы должны были очищать рану от соломы и нечистоты; потом наэфировав больного, мы наложили 13 швов и соединительную повязку* [7: 145].

Приведем примеры употребления производного существительного: *Я первый испытал анестезирование на поле сражения при осаде Салтов в Дагестане в 1847 году. Предложенный мною в то время способ эфирования через прямую кишку оказался неудобным для военного времени ... (1865)* [7: 384]. Обращают на себя внимание две лексические единицы *эфирование* и *анестезирование*, которые образованы от соответствующих глаголов по одинаковой модели. В один ряд с ними можно поставить также лексему *хлороформирование*: *Три врача и пара солдат при операциях главные действующие лица.. Один следит за пульсом во время хлороформирования, другой прижимает артерию, третий оперирует; два или три солдата держат больного (К.К. Зейдлицу, 1855)* [8: 99].

Появление этих единиц объясняется, прежде всего, наличием немецких параллелей: *ätherisieren* 'наркоотизировать эфиром', *anästhesieren* 'анестезировать, обезболить', *chloroformieren* 'хлороформировать' [14: 88, 57]. В середине XIX в. процесс усвоения иноязычных заимствований был связан с необычайно значительным расширением круга глаголов на *-ировать* и на *-изировать*, что привело в 60-е гг. XIX в к формированию словообразовательной модели, по которой глаголы в описываемый период возникали не только от чисто русских основ [17: 296]. Обе эти тенденции способствовали закреплению указанных глаголов в русском языке и формированию на их базе собственно русских новообразований. Так, существительное *эфирование* возникает на русской почве от глагола *эфировать* (глагол *эфиризировать* не зафиксирован) и при переводе труда Н.И. Пирогова на французский язык, см.: «*Recherches pratiques et physiologiques sur l'étherisation*» (труд Н.И.Пирогова, изданный на французском языке, 1847) [10: 3, 491]; при переводе работ на тему анестезирования эфиром на немецкий язык пользовались аналитическим сочетанием: *Neue Methode der Einführung der Aether-Dämpfe zum Behufe chirurgischer Operationen*, Bull. de la classe physico-mathem. de l' Academie imper. Des Sciences de Saint-Petersburg, t. VI, №7, 1847 [7: 354].

Примечательно, что в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) отмечено существительное *эфиризация*, бывшее в употреблении в 60-х гг. XIX в.: *А другой [бабе] я зуб вырвал. Этой я предложил эфиризацию... только она не согласилась. Тург. Отцы и дети.* [14: 17, 1957].

В пользу общеупотребительного характера данного существительного свидетельствует случай его ранней фиксации в сочинении П.Ю. Ниммерта: *Россия первая оказала важнейшую услугу оперативной полевой хирургии, доказав опытом возможность и чрезвычайную пользу эфиризации на поле сражения (П.Ю. Ниммерт, Краткое обозрение успехов и усовершенствований, сделанных в оперативной хирургии в последнее десятилетие, записки по части врачебных наук, 1848, ч.1, кн.3, с.31)* [7: 32]. Однако, как следует из анализа нашего материала, Н.И. Пирогов предпочел форму *эфирование*, образованную по традиционной для русского языка словообразовательной модели.

Следует отметить, что в текстах Н.И. Пирогова находим также употребление страдательного причастия *эфированный* в функции субстантивированного существительного, в этой роли оно выступает как медицинский термин: *Дыхание с потерей сознания слабеет. Эфированный иногда дышит едва заметно, но нередко при начинающейся потере сознания следуют несколько глубоких вдыханий одно за другим* [7: 83].

Что касается дальнейшего развития производных от наименования анестетического препарата *эфир*, то БАС фиксирует такие лексические единицы, как *эфиромания* ‘сильное болезненное влечение к употреблению (вдыханию) эфира’, *эфироман* ‘человек, постоянно употребляющий эфир как наркотик, страдающий эфироманией’, пополнившие разряд слов с компонентами *-ман* и *-мания*, получивших словообразовательную активность в XIX веке: *Они проделали опыт несколько раз, но не успели сделаться эфироманами, потому что весь запас волшебной жидкости вышел. Купр. Мелюзга* [16: 17, 1958]. По-видимому, возникновению этих лексем способствовало развитие медицинского знания о действии наркотического вещества на организм.

В труде врача и писателя Н.В. Маклакова «Об употреблении в оперативной медицине паров серного эфира» (1847) представлены образования с корнем *эфир-*, восходящие, судя по характеру осно-

вы, к немецкому источнику: **эфиризация** (Некоторые немецкие писатели теперь убеждены, что эфиризация (насыщение крови эфиром) столь же полезна для человечества, как и сила водяных паров) [5: 3]; **эфиризовать** (Ни в коем случае не должно доводить больного до значительного развития явлений 3-его периода, более обманчивого, как мы уже сказали, в эфиризации по способу г. Пирогова, а напротив стараться эфиризовать больного не более, как сколько требует продолжительность предпринимаемой операции) [5: 114] и его формы **эфиризуемый** (Этим растяжением целого желудочно-кишечного канала, которое укорачивает грудную полость и препятствует свободному движению грудобрюшной преграды, некоторым образом объясняется, почему животные, эфиризуемые по способу г-на Пирогова, умирают при учащённом и весьма коротком, а не при глубоком и редком дыхании, как это бывает при эфиризации чрез вдыхательные аппараты [5: 88]; **эфиризование** (Профессор Пирогов производит эфиризование следующим образом: сперва он очищает нижнюю часть кишечного канала посредством обыкновенного промывательного и потом вводит в прямую кишку эластическую трубку; наружный конец этой трубки он укрепляет в отверстии клизмопомпы, которую окружает капсула из белой жести, наполняемая горячею водою. [5: 82]. Любопытно, что и у данного автора мы встречаем глагольные формы, образованные от глаголов совершенного вида, которые могли появиться только на русской почве: **наэфиризованный** (Этим обстоятельством вполне объясняются открываемые в животных, наэфиризованных по способу профессора Пирогова, непомерное кровеналитие (*hyperaemia*) существа печени, растяжение желчевых сосудов и желчного пузыря с его протоками обильною желчью, которая изливается в значительном количестве и в двенадцатиперстную кишку, и окрашивает, чрез поглощение её пигментов, соприкасающиеся с нею ткани) [5: 87]; **обэфиренный** (Обэфиренная кровь, сообщая в определённом количестве частицы эфира нервам, наконец производит то же явление, как и непосредственное соприкосновение их с разведённым эфиром) [5: 33-34]. У того же автора обнаружены **эфирология** и **эфиропатия** (Посмотрите, если какой-либо досужий писатель не обогатит нас новою медицинскою наукою, которую назовет эфирология или эфиропатия) [5: 3], которые можно рассматривать как

результат чрезвычайной словообразовательной активности семантического неологизма *эфир*, своеобразной языковой игры.

В ряду слов с корнем *эфир*- интерес представляет обозначение некоторого патологического состояния: *эфиризм* (*Изменение деятельности узловой нервной системы, выражающееся упомянутой неправильностью движений сердца .. и сопровождаемое особенным покалывающим чувством в ладонях и пальцах рук, что, по видимому, указывает на изменение в нём состояния его животного электричества; обильным отделением уже не водянистого, но кисло-пахучего реагирующего кислоты пота, трепетанием сердца (pulsatio cordis). Совокупность явлений этого периода, который может продолжаться от 11/2 суток до 4-х дней, мы почитаем приличным называть собственно эфиризмом (Etherismus), от которого организм, по истечении данного времени и при определённых патологических проявлениях со стороны материи и её движения, собственными силами освобождается для возвращения к первобытному нормальному состоянию*) [5: 54-55].

Распространение слов с суффиксом *-изм* и соотносимых с ними существительных с суффиксом *-ист* в русском литературном языке приходится на последние десятилетия XVIII века и последовательно нарастает на протяжении XIX в. Переломным моментом в судьбе этих разрядов в системе русского словообразования оказываются 30-е гг. XIX в. Среди существительных с соотносительными суффиксами *-изм* и *-ист* получают развитие группы слов, обозначающих те или иные направления общественной жизни и мысли и последователей этих направлений. В 40-60-х гг. продолжается рост этих разрядов слов и расширение их употребительности в различных жанрах и стилях литературной речи [17: 263]. В современном русском языке из существительных на *-изм*, не соотносящихся с существительными на *-ист*, следует отметить существительные, обозначающие отвлечённые свойства, качества с возможностью для последних обретения предметных значений (*пароксизм, аневризм, дальтонизм*) [17: 250]. Образования с суффиксом *-изм* в медицинской терминологии имеют специфические значения с негативной семантикой: 1) 'отравление' (*йодизм* – отравление йодом); 2) 'болезненное состояние' (*алкоголизм* – болезненное пристрастие к спиртным напиткам); 3) 'отклонение от нормы' (*гигантизм* – гигантский рост) [4: 146]. Таким образом, значение термина *эфиризм* у

автора XIX века можно определить в широком смысле как 'болезненное состояние, вызванное действием эфира на организм'.

Анализ языка научных произведений Н.И. Пирогова свидетельствует о заслуге знаменитого хирурга в становлении некоторых терминов, что подтверждается цитатой из энциклопедии, где об авторстве Пирогова в применении термина говорят кавычки, в которые заключено слово: *Им [Пироговым] был предложен ряд новых методов эфирного наркоза (внутривенного, интратрахеального, прямокишечного), созданы приборы для «эфирования»* [1: 33, 77].

Сравнивая употребление терминов с корнем *эфир-*, применяемых для обозначения одних и тех же понятий двумя учеными, можно сделать заключение о существовании в языке одновременно двух вариантов: один можно характеризовать как собственно научный книжный термин, другой же можно рассматривать в качестве обиходного, возможно, авторского новообразования. Примером такого книжного варианта может служить и следующая форма, отмеченная в энциклопедическом издании: *Этеризация – (лат.) вдыхание эфира больным для приведения его в бесчувственное состояние: ныне заменена хлороформом* [11: 4, 407].

Подытоживая полученные данные относительно лексических новообразований с корнем *эфир-* в русском литературном языке XIX века, можно сделать некоторые предварительные выводы:

1) Слово *эфир* проникает в русский язык ещё в XI веке, изначально обозначая понятие, относящееся к одной из сфер мироздания. С этим значением слово переходит из средневековья в новую эпоху. В основу номинации анестезирующих веществ на основе эфира была положена идея летучести.

2) Попадая в разряд вещественных существительных, сначала в группу терминов, обозначающих химические реалии, а потом и медицинские, у лексемы проявляется большая словообразовательная активность как на русской почве, так и в западноевропейских языках, при образовании неоклассических терминов. Многочисленные производные обогатили круг специальной лексики, либо закрепившись в качестве специальных терминов, либо получив широкое распространение в качестве обиходных.

3) Производные *эфиромания* и *эфироман* употребляются и в настоящее время, входят в число актуальной лексики, обозначающей негативные социальные явления.

Литература

- Большая советская энциклопедия. – Т. 33. – М., 1955.
- Большой немецко-русский словарь. Изд. 8-е. – М., 2001. – 1040 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, 2-е изд. – Т.1-4. – СПб., 1880-1882 (М., 2001).
- Латинский язык и основы терминологии. Изд. 3-е. – М.: Медицина, 1982. – 336 с.
- Маклаков Н.В.* Об употреблении в оперативной медицине паров серного эфира. – М., 1847. – 121 с.
- Малая медицинская энциклопедия. В 6-ти тт. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
- Пирогов Н.И.* Отчёт о путешествии по Кавказу. – М., 1952. – 359 с.
- Пирогов Н.И.* Севастопольские письма и воспоминания. – М., 1950. – 652 с.
- Пирогов Н.И.* Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции /Под общ. ред. акад. А.Н. Бурденко. – Ч.1-2. – М.; Л., 1941-1944.
- Пирогов Н.И.* Собрание сочинений в 8 томах. – М.; Л., 1959.
- Русский энциклопедический словарь. – Т.IV. – СПб., 1879.
- Словарь Академии Российской. – СПб., 1789-1794.
- Словарь русского языка XI-XIII века. – Вып. 1-26. – М., 1975-2002. Изд. продолжается.
- Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1-17. – М.; Л., 1950-1965.
- Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб.: Наука, 2002. – 209 с.
- Словарь церковнославянского и русского языка. – Т.1-4, 1847. Репринтное изд. В 2-х кн. Изд. СПбГУ. – СПб., 2001.
- Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. – М.; Л., 1965. – 566 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – Т.1. – СПб., 1893-1903.
- Чернявский М.Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии. – М.: Медицина, 1975. – 336 с.
- Энциклопедический словарь /Под ред. проф. И.Е. Андреевского. Издатели Ф. Брокгауз (Лейпциг) и И.А.Ефрон (С.-Петербург). Тт. 1-82, 1890-1907.

ЛЕКСЕМА *БИЛЕТ* В СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ (на материале русского языка XIX века)*

Работа над научно-исследовательским проектом Словаря русского языка XIX века является логическим продолжением работы над Словарем русского языка XVIII века. Одной из наших исследовательских задач является изучение семантических процессов, характеризующих развитие языковой системы этого периода. Появление большого числа новых явлений и предметов действительности, обусловленных изменениями общества, мышления и культуры, привело к актуализации номинативной языковой деятельности и явилось одним из важных факторов развития словарного состава в этот период.

Одним из продуктивных способов номинации следует признать образование составных наименований с мотивированными обозначениями, что позволяет передавать большой круг вновь появляющихся реалий на базе одной лексемы. Развитие данного процесса хорошо прослеживается на материалах, включающих сложные образования с лексемой *билет*, функционирование которой основано на наличии глубокого и устойчивого понятийного центра.

Слово *билет* вошло в русский язык непосредственно из французского *billet* и через немецкий *Billett* в начале XVIII века и употреблялось в следующих значениях: «бумага, записка, жетон какого-л. назначения» («бумага с официальным распоряжением, приказом», «пропуск, разрешение (для проезда, прохода, вноса чего-л.)», «пропуск на какое-л. зрелище, увеселение; письменное приглашение куда-л.», «свидетельство о чем-л.», «письменное объявление, сообщение», «квитанция», «записка, короткое письмо», «бумажка с какой-либо пометой, номером»); «денежный, бумажный знак; ценная бумага». [1, 22-23]. Все выделенные значения основаны на значении, заключенном в латинском слове *Billā*, – записка.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-00151а «Словарь русского языка XIX в.»: формирование словника».

Многообразие употреблений, применений слова *билет* в XIX веке привело к образованию большого числа составных наименований, различающихся по способам и формам связи. Наиболее частотными являются адъективные сочетания: прилагательное + существительное (*коночный билет, входной билет, свадебный билет, сотенный билет и др.*).¹

Управление реализуется через сочетания с формой родительного падежа (*билет почетного посетителя, билет приглашения, билет прямого сообщения, билет приказа общественного призрения*), с предлогами *на, для* (*билет на звание почетного члена, билет на воды, билет для входа в Эрмитаж, билет на танцы, билет на вещи, билет на прииски*) и реже с предлогами *в, из, о, по* (*билет в купальню, билет в сто пятьдесят тысяч, билет из цензуры, билет о выносе, билет по вкладам*).

Разные по типу словосочетания могут передавать одно и то же понятие: цензурный билет – билет из цензуры; выходной билет – билет выхода; входной билет – билет для входа; подписной билет – билет подписчика; пригласительный билет – билет приглашения; билет для пропуска (через границу) – пропускной билет; лотерейный билет – билет в лотерею; концертный билет – билет на концерт.

– *И потому, – сказал он <Милорадович>, – спрашиваю вас, как вы смели напечатать книгу, не получив на то билета из цензуры? Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856). Цензурный билет выдается из комитета по отпечатании книги и по сличении печатного экземпляра с одобренной рукописью, а печатается книга по такой рукописи без всякого билета. Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856).*

При возникновении сложного понятия, которое передается многокомпонентным сочетанием, в речи возникает необходимость более краткого языкового оборота, что может приводить к стяжению словесного выражения. Ср. *Билет на торговые и промышленные заведения, билет на право торговли, билет на торговлю, билет на торг.*

Следует отметить, что сочетания, включающие лексему *билет*, неоднородны по способу объединения значений и своему семантическому объему.

¹ Адъективные сочетания представлены более, чем в 200 контекстах в собранных материалах.

1. Характерное явление – возникновение парадигм составных наименований, построенных на отношении род – вид в определенной сфере употребления. Например, *билет местного сообщения* – *билет прямого сообщения*. Такие наименования составляют ряд, в котором перемена одного слова определяет различие выражаемого ими объема понятия.

Билеты бывают обыкновенные, т. е. такие, которые дают право проезда по одной какой-либо железной дороге, на которой взят этот билет, и так называемые билеты прямого сообщения, которые дают право для проезда по нескольким железным дорогам, хотя бы дороги эти проходили и в других государствах, но соединены были с той, на которой берется билет. Билеты первого рода называются иногда билетами местного сообщения, делаются почти на всех железных дорогах по однообразной системе Эдмондсона. [2: 843]

Железнодорожный билет (общее значение) – абонементный, багажный, круговой, льготный, обратный (обозначение ряда конкретных типов билетов).

2. Семантический объем понятия может определяться и факторами внеязыковой реальности. Например, льготные билеты в настоящее время дают привилегии при оплате проезда более широкому кругу лиц (школьникам, студентам, пенсионерам и т.д.).

Билеты льготные выдаются только лицам, составляющим семью служащего. Выдача таких билетов производится бесплатно или за самое небольшое вознаграждение – не более 25 % стоимости билета. В обоих случаях выдача эта ограничена; так, напр., в Главном общ. российск. ж. д. бесплатная выдача ограничивается шестью поездками для семейств агентов и тремя для холостых, а на Юго-Запад. дорогах – известной суммой от получаемого жалованья и с уплатой 25 % стоимости. [2: 844]

3. Составное наименование может возникать в процессе калькирования при заимствовании понятия. Например, *billet circulaire* – *круговой билет*.

Гольдштейн говорит, что будто поездка высчитана в 1400 руб. и что он купил круговой билет по Дании и Англии, когда этого вовсе не было определено. Дневник А. С. Суворина 14 августа 1896 г.

Думаю, что Вы успеете съездить в Льеж, если можно вернуться в воскресенье, или не брать обратного билета и не возвращаться

в Париж (лучше всего, пожалуй, сейчас же взять круговой билет на 45 дней Париж-Льеж и т.д.) В. И. Ленин Письмо Красикову 5 апреля 1905 г.

Помимо терминологии транспорта, сочетания со словом *билет* широко употреблялись в XIX веке в сфере финансовой и военной. К области финансовой терминологии следует отнести сочетания *банковский б.*, *вкладной б.*, *деPOSITный б.*, *закладной б.*, *кредитный б.*, *ломбардный б.* Первое слово в свободных устойчивых сочетаниях могло определять материальную ценность билета (в значениях «бумажный денежный знак» и «свидетельство, выдаваемое кредитными установлениями в приеме денег, внесенных для приращения процентами» [3]) – *рублевый б.*, *трехрублевый б.*, *десятирублевый б.*, *двадцатипятирублевый б.*, *четвертной б.*, *сотенный б.*, *стورублевый б.*, *пятипроцентный б.*, *тысячефранковый б.*, *вкладной б.*

..пятнадцать тысяч в билетах второго восточного займа. Н. А. Лейкин Приемка приданого 1879-1898 г.

..билет приказа общественного призрения. А. Ф. Писемский Массоны 1880 г.

..триста тысяч именными билетами опекунского совета. А. Ф. Писемский Массоны 1880 г.

..билет в сто пятьдесят тысяч серебром. Г. П. Данилевский Беглые в Новороссии 1862 г.

Жесткая регламентация жизни военных приводила к необходимости подчинения строгому контролю, вследствие чего реалиями их жизни были билеты *запасно-отпускные*, *билеты на отлучку*, *предельные билеты*, *синие билеты*, *увольнительные билеты*.

Воинские чиновники из дворян при увольнении их от службы получают от своего начальства до получения указов об отставке особые билеты на отлучку для свободного жительства, офицерам же и чиновникам, зачисляемым в запас, выдается особый запасно-отпускной билет, служащий им видом на жительство. [2: 843]

17. Виды на жительство чинам запаса и ратникам ополчения первого разряда выдаются на цветной бумаге и не иначе, как по представлении ими увольнительных или запасно-отпускных билетов. Собрание законодательства Российской Империи. Т.14. Устав о паспортах.

В русском языке XIX века слово *билет* употреблялось в значении – «документ, удостоверяющий личность человека; вид паспор-

та». К этому значению восходят такие составные образования, как адресный б., медицинский б. (разг. желтый б.), отпускной б., б. на жительство, волчий б.

Я ... вынул из кармана свой университетский отпускной билет и подал сердитому господину. И. Гончаров Воспоминания. Вся статья вертится на отвлеченных умозрениях; Киреевский составляет себе какую-то химическую формулу европейской образованности и потом, отвернувшись от действительных фактов, смотрит только на эту формулу, передвигает и перетасовывает ее ингредиенты и подводит такие итоги, которые столько же похожи на действительность, сколько список примет, означенных в отпускном билете, похож на живого владельца этой бумаги. Д.И. Писарев Русский Дон-Кихот. 1862

Составные сочетания с лексемой билет широко употреблялись в повседневной жизни, функционально обслуживая сферу этикета. Широкое распространение имели визитный б. (в XVIII в. – визитерный б.), похоронный б., свадебный б., пригласительный б., б. почетного посетителя, б. для входа на бал, б. для входа в музыкальный клуб, б. в Публичную библиотеку.. и др.

..членский билет в купеческий клуб.. Д. В. Григорович Недолгое счастье 1884 г.

..билет для входа в Московский музей.. А. Ф. Вельтман Приключения, почерпнутые из моря житейского.

..билеты на лотерею с балом, спектаклем.. И. А. Гончаров Фрегат «Паллада» 1855 г.

..пригласительный билет на погребение Гречева сына.. В. А. Жуковский Письмо к С. Л. Пушкину 1837 г.

..почетные билеты на концерты и балы.. А. Г. Достоевская Воспоминания 1911-1916 гг.

Часть составных наименований, включающих лексему билет, вышла из употребления в современном языке в связи с исчезновением понятий, ими обозначаемых: скорбный б. («надпись над кроватью больного в больницах» [4]), адресный б., квартирный б. и др.; некоторые из них не вышли за рамки узкопрофессиональной сферы, но сохранились в языке – лесорубочный билет (разрешение на право рубки леса). Другие, сохранив внешнюю форму, стали обозначать иную реалию – месячный билет.

Наблюдения над закономерностями употребления многокомпонентных наименований с лексемой *билет* позволяют оценить динамические потенции слова, выделить способы и формы связи в смысловой структуре таких сочетаний. Функционирование лексемы *билет* в составных наименованиях представлено в данной статье выборочно; материалы документов, мемуаров, дневников, художественных произведений содержат еще множество иных сложных образований, передающих особенности эпохи XIX века, исторические детали жизни русского народа.

Литература

1. Словарь русского языка XVIII века: Вып. 1-15. – Л.; СПб., 1985. Вып.2.
2. Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. – Т.6. – СПб., 1891.
3. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Вып. I. – СПб., 1891.
4. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

Н.В. Большакова
Псков

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ XIX в.

Путевые заметки, или письма, опубликованные в различных периодических изданиях в период с 1835 по 1866 гг. как очерки о впечатлениях, полученных их авторами от посещения Пскова и его окрестностей [Булгарин, Мацкевич, Отто, Погодин, Якушкин], представляют собой комплекс уникальных историко-культурных источников, ценность которых состоит в том, что они созданы как результат непосредственного наблюдения над общественной жизнью, городским и крестьянским бытом, содержат в себе зарисовки о культурных, хозяйственных, этнографических, фольклорных, а также языковых особенностях псковичей в середине XIX в. Подготовка к публикации текстов путевых заметок, время создания которых отдалено от нас более чем на полторы сотни лет, требует от публикатора введения комментария, как языкового, так и культурологического.

Лингвистический комментарий проводится нами в двух направлениях: во-первых, необходимы пояснения к некоторым особенностям авторского языка, во-вторых, предметом комментария выступают те народно-разговорные слова и выражения, которые записаны авторами от местных псковских жителей и воспроизведены в текстах.

Народная речь отражена в изучаемых произведениях неравноценно. Так, текст Н.П. Погодина лишен каких-либо местных речевых особенностей; заметки Ф.В. Булгарина содержат единичное малоинформативное упоминание о фонетических чертах диалектной речи крестьян, живущих в псковско-белорусском пограничье; Д.И. Мацкевич в одном из очерков воспроизводит местные названия ветров, известных на Псковском озере, к сожалению, вне контекстов и без объяснения семантики. Зато Н.К. Отто и особенно П.И. Якушкин записывали целые диалоги и монологические высказывания псковских местных жителей – крестьян, рыбаков, ямщиков, горожан.

С целью системного представления особенностей народной речи по данным последних двух источников составлен объяснительный словарь с учетом специфики источника. Приведем для иллюстрации фрагменты словаря к «Путевым письмам» П.И. Якушкина, которые дают представление о тематическом разнообразии лексики и фразеологии.

АЛЕБАСТР # *лебастр, лебастру*. Род гипса. *А в Устье-погост, в Назимовское село [направляюсь], коли знаешь, купил лебастр в деревне Дубнике близ Изборска, да купил-то я задешево, лебастр был копейки по три пуд, а много-много три с половиной... А мужык-то тыщчник... думал-думал — взялся доставить лебастру.*

БЕГАТЬ # *бегал*. Часто совершать переходы водным путем. *Наш корабль небольшой, тяготы не сделает, ...да к тому же мне все тут знакомы: лет каких сорок с лишком бегал на своей ладейке со Опскова на Юрьев.*

ВЗДЫМАТЬ # *вздымает*. Делать рыхлым, разрыхлять. *А лебастр нынче в цене: в Лифляндии много берут для земли: вздымает — назему класть не надобно!*

ДУША: ♦ Душа картит. О состоянии тревоги, беспокойства. *Так еду я в прошлом, нет, в запрошлом году об эту пору, еду я в Юрьев, и вот в самой Головы попадается мне Ванька Сутугин, из наших*

же... сощом угодил не туда, да и засел. Знамое дело, не оставить человека в напасти... а поветрь, поветрь... *душа картит*, что не выехал!

ЗАПРОШЛЫЙ # *запрошлом*. Предшествующий только что прошедшему, позапрошлый. *Так еду я в прошлом, нет, в запрошлом году об эту пору, еду я в Юрьев, и вот в самой Головы попадается мне Ванька Сутугин, из наших же... сощом угодил не туда, да и засел.*

ЗУБОТЫЧИНА: ♦ Скушать (сколько) зуботычин. Получить удары кулаком по лицу, по зубам. *Сейчас [окружной] послал за мужиком, тот было туда-сюда, да как зуботычин сколько скушал — признался!*

ПЕЧАТНЫЙ: ♦ Сажень печатная. Мера длины, равная трем аршинам (≈2 м 13,36 см), утвержденная казенной печатью. ... *будара по дну двенадцать сажен и от носу до кормы — четырнадцать, а по бокам так семнадцать, да от краю до днища две сажени печатных; так, стало, в воде-то она сидит при полном грузе восемь пядь, два аршина, значит.*

ПОВЕТРЬ # *поветрь, поветри*. Попутный ветер. *Провозился я с Ванькой часа четыре, поветрь и прошла, и простоял я девять суток, ровно девять суток. А работникам ты все-таки плати. ... тянутся, коли поветри нет, паруса ставить нельзя... {Во сколько времени можно доехать до Юрьева?} Как бог даст: коли хорошая поветрь, в неделю добежишь.*

Сравнительный анализ с данными Псковского областного словаря (ПОС) показывает, что объяснительный словарь к путевым заметкам может стать существенным дополнением к материалам ПОС, где не нашли отражения слова *алебастр* (в фонетическом варианте с отсутствием начального гласного), *бегать* применительно к передвижению судна, *вздымать* – о почве, вариант фразеологизма *душа картит* (ср. в ПОС *за́ душу картит*), отсутствует выражение *скушать (сколько) зуботычин* (при многочисленном лексическом совпадении: *запрошлый* и др.).

Тексты путевых заметок содержат ценные культурно-исторические и этнографические сведения, комментарии к которым требуют более развернутой формы, чем словарная дефиниция. Так, изображая «чухонскую» деревню на территории современного Изборского края, Н.К. Отто дает описание ее неперменного атрибута:

«Посреди деревни стоял кабак, или круг (ber Krug), как его зовут немцы. Все эти круги в остзейских губерниях строятся как бы по одному плану, представляя длинное здание с навесом и посредине. Всякий проезжий и прохожий знает уже, что это кабак, хотя на нем нет ни вывески, ни приколоченной, порыжевшей от времени и покрывившейся на сторону елки. Вокруг кабака разбросаны были избы чухон, походившие скорее на вигвамы или шалашы». Обращает на себя внимание вскользь брошенное автором замечание о елке, которая выступает в качестве приметы питейного заведения. Отсутствие какого-либо комментария дает основание считать эту примету явлением обычным для описываемого периода. Словари литературного языка в своем лексическом составе не фиксируют каких-либо сведений, отражающих связь старого кабака с образом хвойного дерева.

В славянской мифологии ель прочно соединена с потусторонним миром, выступая одним из символов похоронно-поминального обряда, в «верованиях восточных славян ель имеет отношение также к области народной демонологии», т.к. часто выступала «местом пребывания лешего, а также черта, русалки и др. демонологических персонажей» [Славянские древности: 183-184]. Однако не эта функционально-семантическая роль ели стала определяющей в символикации деревенского кабака как места, где человек, предаваясь пьянству, теряет высокое, божественное, начало. См. в другом фрагменте заметок Н.К. Отто наблюдения над поведением крестьян во время праздника Ивана Купалы: *«Под вечер эта корчма закипела народом, пришедшим сюда встречать канун Иванова дня. И чухны, и русские принимали живое участие в этом веселье, которое кончилось шумною картиной вакханалий. Парни и даже прекрасный пол то и дело забегали в круг и возвращались оттуда все в более и более веселом расположении духа. Нестройные песни прерывались безобразным кривляньем...».*

Отмеченная Н.К. Отто характерная деталь явилась следствием введенного Петром I указа от 20 декабря 1699 года, согласно которому предписывалось украшать здания ветками ели (или срубленными деревцами) в честь нововведенного праздника Нового года. «После смерти Петра, судя по всему, его рекомендации были основательно забыты, но в одном отношении они имели довольно забавные последствия, добавив к символике ели новые оттенки. Царские предписания сохранились лишь в убранстве питейных заведений,

которые перед Новым годом продолжали украшать елками. По этим елкам (привязанным к колу, установленным на крышах или же воткнутыми у ворот) опознавались кабаки. Деревья стояли там до следующего года, накануне которого старые елки заменяли новыми. Возникнув в результате петровского указа, этот обычай поддерживался в течение XVIII и XIX веков» [Душечкина: 61].

Показательно, что обширная литература по истории кабаков в России (которую мы здесь не приводим), где исследовано устройство, виды кабаков, государственная политика, регулирующая производство и сбыт спиртного в различных регионах, не содержит, тем не менее, информации о символическом использовании ели в качестве приметы этого рода заведений. Источники же, фиксирующие народную речь XIX — нач. XX вв., свидетельствуют о прочности символической связи деревенского кабака с елкой, что отразилось в переносной образной семантике самого слова *елка* и целом блоке паремий, основанных на метонимической соотнесенности наименования сельского питейного заведения с этим растением: *ёлкин, иван-ёлкин* — шутч. ‘кабак, на который в обычае ставить елку’; *идти под елку* — ‘в кабак’; *елка (кабак) чище метлы дом подметет* [Даль I: 518-519]; *Ёлка* — 14. ‘кабак’: *♦ Ёлку поднять, поднимать* — ‘пьянствовать’: *Ёлка упала, пойдем поднимать* <...> Болх. Орл., Сахаров [с примеч. «в деревнях кабаки обозначаются привязанными на кол елками»], 1901; *♦ Под ёлку (ходить), под ёлкой (быть, находиться)* — ‘ходить в кабак, быть, находиться в кабаке’. Соликам. Перм. 1905—1921. *Ёлкин* — шутл. 1. ‘кабак’: *Пойдем-ка к ёлкину для праздника выпьем.* Канд. Волог. 1854; *Он идет к ёлкину выпить.* <...> Вят. Васнецов. Твер., Пск. *♦ Иван ёлкин: Видно, у Ивана ёлкина была в гостях, что из стороны в сторону пошатываешься.* Канд. Волог. 1854; 2. ‘состояние опьянения’: *Ёлкин, шельма, вышиб из памяти.* Вят. Васнецов <...> 1907 [СРНГ 8: 343].

Таким образом, исследовательская часть, сопровождающая публикацию «псковских» путевых заметок XIX века, формируется из двух типов комментария. Народно-разговорная лексика с отражением особенностей произношения и грамматики, записанная от местных жителей, с которыми встречаются путешественники, получает лексикографическое описание в объяснительном словаре, составленном по текстам путевых заметок Н.К. Отто и П.И. Якушкина. Середина XIX века относится уже к тому периоду, когда народная

речь и традиционная народная культура в целом становится объектом научного интереса, хотя систематическое обследование различных регионов еще не проводится. И наши авторы лишь фрагментарно фиксируют особенности диалектной речи. В определенном смысле исключение составляет П.И. Якушкин, который как опытный фольклорист и этнограф видит в языке народа проявление его умонастроений и духовной сущности. Пути следования путешественников нередко пролегают по сходным маршрутам Псковщины. К этому времени уже формируется комплекс объектов, имеющих культурно-историческую и природную ценность: это сам Псков с его древностями, Псковско-Чудское озеро, Псково-Печерский монастырь и прилежащие к нему земли Изборского края, пушкинские места. Это обстоятельство определяет тематические схождения в путевых записках разных авторов, что позволяет провести развернутый сопоставительный лингвистический анализ лексики отдельных тематических групп: этнонимов, народных названий ветров, названий промысловой рыбы и т.д. Описанный в работе пример, хотя и не проистекает из особенностей народной речи, но продуцирует комплекс лексико-фразеологических единиц, отражающих динамику символического наполнения образа ели.

Литература

Булгарин Ф.В. Путевые заметки на поездке (!) из Дерпта в Белоруссию и обратно весной 1835 г. // Северная пчела. 1835. №№ 140—215 (с пропусками нек. номеров).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978-1980.

Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология и литература. – СПб.: Норинт, 2002.

Мацкевич Д. Псков // Северная пчела. 1848. №№ 212—215; *Он же.* Святогорский монастырь и село Михайловское // Северная пчела. 1848. №№ 212–215; *Он же.* От Петербурга до Витебска. (Отдельное издание всех путевых заметок автора: Киев, 1856 г.).

Отто Н.К. Поездка в Псков и его окрестности // Северная пчела. 1861. №№ 162—175.

Погодин М.П. Псков (из дорожных заметок) // Псковские губернские ведомости. 1866, №№ 50–51. (отдельный оттиск – в 1881 г.).

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-18. – Л. (СПб.): Изд-во ЛГУ (СПбГУ), 1967-2007.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999.

Словарь русских народных говоров. Вып.8 / Гл. ред. Ф.П. Филин. Ред. Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1972.

Якушкин П.И. Путевые письма. II. Из Псковской губернии // Якушкин П.И. Соч. / Вступ. статья и коммент. З.И. Власовой. – М.: Современник, 1986. – С. 95-153.

М.Н. Приемышева
Санкт-Петербург

АРГОТИЗМЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.*

Стилистической особенностью языка художественной литературы является то, что для объективного отражения действительности или решения концептуальных авторских задач он может включать элементы разных стилей и разных языковых подсистем, как, например, диалектизмы, просторечие, жаргонизмы, арготизмы и т.п.¹

Б.А. Ларин, характеризуя употребление профессионализмов и диалектизмов в языке писателей 20-30 гг. XX в., выделяет несколько типов их использования: 1) «коллекционерский», основанный на восприятии этой лексики как «экзотичной» (назначение такого использования этой лексики – декоративное); 2) «стихийное включение», отражающий «прочные связи писателя с описываемым классом»; и 3) отражение «семантической идиомы» того или иного диалекта (в том числе социального). Именно последний тип обусловлен «поиском наиболее эффективных средств при создании образа», и именно при таком использовании нелитературной лексики последняя передает не только социальную, но и идеологическую специфику описываемого социального класса².

В этой связи определенный интерес представляют тексты русской литературы XIX в. Диалектизмы, просторечие, социальные диалекты в той или иной форме эпизодически появляются в поздних романтических текстах XIX в. и регулярно употребляются во второй половине XIX в. в произведениях, направленных на максимально реалистическое отражение действительности. И если по ряду пара-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-00151а «Словарь русского языка XIX в.»: формирование словника».

метров функции диалектизм, просторечия и арготизмов могут рассматриваться как общие, то в отношении к языку XIX в. использование такой зоны социальных диалектов, как арго³, имеет свои специфические особенности.

Исследуя функции арго в языке современной французской литературы, Э.М. Береговская отмечала: «Косвенным свидетельством широкого распространения арго вне сферы его первоначального бытования служит увеличение притока арготизмов в художественную литературу..., а главное, способы введения арготизмов в ткань литературного произведения»⁴.

Несмотря на то что тайные и условные языки еще имели и имеют некоторое распространение в XX в., их социальная роль и значимость в этот период несопоставимы с их местом в социолингвистической ситуации в веке XIX в. Этот объект, широко распространенный в речи целого ряда социальных групп, ввиду жесткого социального расслоения, был экзотичен и мало известен широкому кругу читателей. Поэтому в большинстве случаев включением таких слов или фрагментов выполнялась еще и информативная (или псевдоинформативная) функция: писатель, помимо традиционных художественных задач дополнительной социальной характеристики персонажа или среды, брал на себя ответственность ознакомления читателя с совершенно новым языковым материалом народной неофициальной культуры. Литература XIX в. подготовила читателя конца этого века к тому, что язык социально-низких сфер народной жизни существенно противопоставлен литературной норме, в то время как в XX в. это уже очевидный факт. И если арготические вкрапления в текстах XIX в. обязательно комментируются и «переводятся» в сносках, то в языке литературы XX в. этот объект уже в целом знаком читателю и перевода, как правило, не требует. Формальным проявлением информативной функции будем считать наличие сносок, комментирующих арготические вкрапления в художественный текст.

Важным наблюдением Э.М.Береговской⁵ будем также считать то, что арготизмы редко используются единично, обычно их включение в текст осуществляется целыми «блоками». Использование не единичных арготизмов, а целых «арготических блоков» – это, таким образом, также некая дополнительная концептуализация использо-

вания данного типа лексических средств в языке художественной литературы.

Не все тексты, направленные на отражение жизни определенных социальных групп, имеющих свои особые лексические «терминосистемы», имеют соответствующую лексику. Более того, не в каждом художественном произведении, где фигурируют социальные группы, имеющие свои языковые коды, автор стремится нам до конца реалистично передать всю информацию о них. Функционально-значимым следует считать объём, характер использования и способы введения данной лексики.

Арготизмы в русской художественной литературе появляются с конца 30-х гг. XIX в., особенно широко они начинают использоваться после 60-х гг., что само по себе показательное с историко-социальной точки зрения.

Следует, вероятно, различить две различные задачи писателей в этот период: 1) создание реалистической, достоверной характеристики *персонажа*, для чего используются специфические языковые средства как дополнительная его социальная характеристика, и 2) введение «арготического блока» (Э.М.Береговская) в большом объеме с целью создания реалистической картины описываемой *ситуации, событий, социального мира*.

Первая задача решалась преимущественно в первой половине XIX в. Язык как средство дополнительной характеристики индивидуального образа был свойственен позднему романтическому и раннему реалистическому художественным произведениям. Вторая задача реализуется двояким образом с 60-х гг. XIX в. Но повторимся, что можно с определенной долей вероятности утверждать, что на протяжении XIX в. наблюдается *историческая обусловленность* функций арготизмов в художественных произведениях социальными тенденциями развития общества. Рассмотрим это на ряде примеров.

Вспомним разговор Вожатого с хозяином постоялого двора в «Капитанской дочке» А.С.Пушкина: «Отколе бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо». Ну, а что ваши?

– Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп

в гостях, черти на погосте. – «Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...»

Я ничего не мог тогда понять из этого *воровского разговора*; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года»⁶.

Язык Пугачёва в «Капитанской дочке» традиционно связывают с народно-фольклорным, пословичным. Ю.М.Лотман, например, в этой связи отмечал: «Крестьянский уклад жизни оваян своей поэзией: песни, сказки, легенды пронизывают всю атмосферу повествования о народе. Особое место занимают пословицы, в которых выкристаллизовалось своеобразие народной мысли. Исследователи неоднократно обращали внимание на роль пословиц и загадок в характеристике Пугачева...»⁷. Или: «Речь Пугачева построена на национальной разговорной основе, на ее *наиболее типичных формах*...»⁸.

Пушкин с определенной долей достоверности передает нам образец настоящего раннего «воровского» языка, то есть прагматика речи Пугачева оказывается гораздо сложнее. Коротко проследим за этой традицией.

Анализируя «Смеховой мир» Древней Руси XVII в., Д.С.Лихачев обращает внимание на речь вора в «Сказании о крестьянском сыне»: «Когда вор начинает разбирать кровлю на клетки, он произносит: «Простирали небо, яко кожу, а я крестьянскую простираю кровлю». Спускаясь на веревке в клеть, он говорит: «Сниде царь Соломон во ад и спиде Иона во чрево китово, а я в клеть крестьянскую» и т.д.»⁹. Здесь языковое «шутовство» усложнено сатирой на церковную службу, но показательным оказывается факт необходимости острого «языкового» комментирования происходящего.

Аналогичен в стилистическом отношении фрагмент из сборника И.Новикова «Похождения Ивана Гостина сына» («О лукавом нищем»). Рассказчик, подразумевая пытки нищего и его товарища в Сыскном приказе, говорит: «...как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было вылезть, отведены были в Сыской приказ к суду, где мазали их по спинам долгою об одном конце плетью, а после парили сухими вениками и трусили зажженные на тела листья, и хотя баня была и не топлена, но вельми жарка пока-

залась, а потому и винулись во многих татьбах и разбоях. <...> По окончании спросов... отвели их в такое место, где роют землю и ищут того, из чего делаются деньги и откуда никто назад не возвращается»¹⁰.

Наиболее ярким примером для сравнения может служить язык автобиографии Ваньки Каина, частично переданный и в романе Матвея Комарова о нем. Ср., например, пословичные рифмованные перифразы Ваньки Каина из его автобиографии: «Принес (краденые вещи) к ней; и притом сказал: *только и ходу из ворот да в воду* (чтобы никому не объявляла)»; «сказал, отдавая деньги: *«вот тебе луковка попова! Облуплена готова! Знай почитай, а умру поминай!»*; в ответ на вопрос «где был?», ответ: *«наши вислоухи во дворе сторожки, а ты будь сын грибами, а держи язык за зубами»*, «Выпимши говорили *пол да серед сами съели, печь да палаты в наем отдаем, а идущим по сему мосту тихую милостыню подаем* (то есть мошенники) и *ты будешь брат нашего сукна епанча* (то есть такой же вор)!»¹¹. Комментируя речь Ваньки Каина, В.В. Сиповский отмечает: «Самый стиль Ваньки скован народными пословицами, воровскими прибаутками... Поговорки и пословицы всегда к услугам Ваньки, когда ему приходится изобразить свое настроение или чувство, – т.е. как раз в тех случаях, когда легче всего и свободнее выражается личность человека. Ванька невольно прикрывается ее общими формулами, говорит языком народа или воровской шайки и никогда не возвышается до своего собственного...»¹². В. Шкловский речь Ваньки Каина также считает пронизанной «пословично-прибауточными» каламбурами¹³.

Очевидно, что ранняя воровская речь еще не освободилась от народно-пословичной перифрастической языковой формы. Именно это мы наблюдаем и в речи Пугачева.

Но в XIX в. в художественной литературе это, пожалуй, первая художественная импликация воровского языка на той его стадии, когда еще воровское слово-знак не приобрело статус слова – социального признака. То есть перед нами псевдо-«арготический блок», однако использованный в функции дополнительной характеристики персонажа. Очевидно, что «семантическая идиома» (Б.Ларин) речи Пугачева передана Пушкиным очень достоверно и реалистично, так как стилистика его речи позволяет рассматривать ее двоякообусловленной.

В этот же период, 30-40-е гг., мы видим пример использования уже собственно арготизмов как в функции создания дополнительной социальной характеристики персонажа, так и в информативной функции¹⁴: автор *через лексический комментарий* внизу страницы знакомит нас с неизвестной читателю лексикой. С целью дополнительной характеристики социального статуса героя вводит слова воровского условного языка в свое произведение «Живой мертвец» (1839) В.Ф. Одоевский. В этом произведении автор пока еще неумело и неточно использует слова и фразы воровского арготизма (пока еще не жаргона) явно с целью большей подлинности характеристики персонажей, знающих «музыку». Филька, камердинер Василия Кузьмича, оказывается заправским вором. Автор, чтобы подтвердить этот факт, вводит в повесть разговор Фильки и «товарища Фильки» по улице, содержащий элементы воровского арготизма: «[Товарищ Фильки]. – Ну, да где ж ты научился *по музыке ходить*, что ты из жуликов что ли?....

[Филька] *Клёвый маз* был покойник...только, знаешь, большой руки. Знаешь, к нему хаживали просители со *стуканцами*...» и т.п.

«[Товарищ Фильки]. – Пстойка – никак *стрёма!*»...¹⁵

Несмотря на то что автор использует слова «воровской музыки», их употребление очень искусственно, автор пытался увязать в единое смысловое целое имеющийся у него лексический запас слов. Но цель здесь уже двойная: помимо характерологической функции имеет место и функция сугубо информативная: автор, обладая данной социально-лингвистической информацией, стремится познакомиться с нею читателя.

В середине XIX в., особенно в 60-е гг., в России появляется сразу несколько произведений, в которых авторы, описывая некоторые малознакомые широкому читателю социальные сферы русской жизни, обращают так или иначе внимание и на их язык. Во-первых, это художественные произведения, в которых максимально широкий охват жизни определенных социальных групп оказывается главной целью писателя, и собственно «язык» этих групп занимает важнейшее место в их характеристике, и, во-вторых, художественные произведения, где условные языки социальных низов являются *фоновыми* элементами реалистического отображения действительности.

Роман В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864-1867) до сих пор является чуть ли не основным источником по изучению

воровского арго XIX в. Количество лексического материала в романе столь велико, что он потребовал самостоятельного осмысления. Так в 1899 г. в Известиях ОРЯС публикуется словарь арготической и жаргонной лексики этого романа¹⁶.

В «Биографии» писателя, представленной в I томе его Собрания сочинений 1899 г. Ельцом Ю.А., приводятся воспоминания И.Д. Путилина, начальника Петербургской полиции в 1866-1889 гг., тогда еще простого квартального надзирателя: «Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в нищенские костюмы... он вместе со мной присутствовал на облавах в различных притонах; при нем, нарочно при нем, я допрашивал в своём кабинете многих преступников и бродяг, которые попали потом в его роман. Наконец, я самолично давал ему для выписок дела сыскного отделения...»¹⁷. Очень мощным и убедительным аккордом подлинности духа описываемой жизни оказывается *argot* петербургских мошенников. Частично материал автор собирал сам, большую же часть его использовал из словарика, составленного И.Д. Путилиным¹⁸.

Другой известный русский писатель, А.И. Мельников-Печерский, ставя перед собой цель описания быта и нравов жителей Поволжья середины XIX в., в романах «В лесах», «На горах» также с энциклопедической и, подчеркнём, лингвистической четкостью пытался воссоздать нам фрагменты жизни раскольников и представителей одной из многочисленных религиозных сект России – хлыстов. Пожалуй, только в этих романах мы встречаем образцы офенской речи. Именно из него, что потом подтверждается этнографическими публикациями, мы узнаем о том, что офенский язык был в очень популярен и в среде *раскольников*. Вспомним эпизод из романа А.Мельникова «На горах»: «..прибежит в лавку.. какой-нибудь паренёк и... крикнет хозяину:

– Хлябы'шь в дудоргу ханды'рит пельми'ги шишля'ть!..

И хозяин вдруг встревожится, бросится в палатку... Кто понял речи прибежавшего паренёк, тот, ни слова не молвив, сейчас же из лавки вон. Тут и другие смекнут, что чем-то нездоровым запахло, тоже из лавки вон. Сколь бы кто ни учился, сколько б ни знал языков, ежели он не офеня или не раскольник, ни за что не поймет, чем паренёк так напугал хозяина. А это он ему по-офенски вскричал: «Начальство в лавку идет бумаги читать»¹⁹.

Интересно в художественном и концептуальном отношении использование нищенского условного языка в романе Д. Григоровича «Переселенцы». Во-первых, это произведение – достаточно достоверный источник по лексике нищих (информативная функция). Во-вторых, разговоры на кантюжном языке призваны существенно повысить реалистическую значимость произведения в целом, свидетельствовать об истинном знании писателя описываемого «низового» мира. Но, на наш взгляд, в этом произведении впервые в русской литературе у «арготического блока» появляются дополнительные функции, связанные с общей концепцией произведения.

Так, мы имеем образцы разговоров нищих на условном языке:

« – Ступайте на деревню; мало ли дворов... там и ночуете, сказала Грачиха.

– Были, касатка, да лунёк много добре, лютые такие, к рыму не подпускают, – заметил полсмеиваясь козлячий голос. – Пусти, тетка; сушак свой; меркош, не зеть ничего; отцепи, мася; пошли бы дальше да лошади стали, – добавил он...

– Не впервые у тебя ночуем; пусти! – буркнул бас...

– Перебушки растерял, вершать нечем, без котюра стал! – пояснил козлячий голос»²⁰.

Однако не меньшим диссонансом на общем фоне крестьянской, полной проблем и лишений жизни звучит французский язык в разговоре хозяев барской усадьбы. За счет его использования и в дальнейшем за счет вкраплений французской речи хозяев усадьбы создается эффект параллелизма описываемых социальных миров. Знаменательно по концептуальной установке и содержание первых разговоров на условном нищенском и французском языках. В первом случае трое нищих-слепцов просят на ночевку в избу Грачихи, местной знахарки и «ведьмы». Во втором – трое господ Белицыных (брат с сестрой и кузиной) пафосно и критически обсуждают обстановку в барском доме, в который они приехали отдохнуть впервые за много-много лет. Язык нищих и французский язык дворянства становятся символами двух полюсов социальной жизни. Оба мира контрастируют с основным фоном произведения – обычной крестьянской жизнью: и мир нищих, и мир дворян ей одинаково чужды²¹.

Таким образом, в 60-е гг. XIX в. появляется ряд романов, в которых целью авторов было познакомить читателей с малоизвестными социальными группами, а средством этого, в частности, выступает

лексика их условных или тайных языков. Такое функциональное использование арготической лексики, на наш взгляд, в последующей литературной традиции не имеет продолжения.

Однако в этот же период намечается и иная тенденция использования арготизмов, которая постепенно сливается с традицией включения *жаргонизмов* в ткань художественного произведения и продолжается в XX в. Демократические тенденции в русской литературе способствовали тому, что эпоха «героев» постепенно превращалась в эпоху «персонажей». Со страниц произведений зазвучала многоголосица русской бытовой жизни. Использование арго и жаргонов на страницах художественных произведений наглядно показывает, что социальная жизнь становится в различных ее проявлениях главной целью реалистического произведения. *Фрагменты, реплики* условных языков торговцев, ремесленников, рабочих мы встречаем на страницах рассказов и повестей А. Лейкина «Апраксинцы», «Биржевые артельщики», В. Крестовского «Лихачи» («Петербургские типы»), Никиты Некрасова «Петрунька» («Петербургские вертепы и притоны. Рассказы из жизни погибших в волнах житейского моря»), Н. Лескова, Н. Свешникова «Спиридоны-повороты» и некоторые другие. Это, как правило, уже реплики из толпы, фоновые разговоры второстепенных персонажей: социальный регистр уже обобщается и размывается.

Фоновым материалом предстает перед нами язык «каторги» в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, «В мире отверженных» П.Ф. Якубовича, «Сахалин (Каторга)» В.М. Дорошевича и др. В 90-е гг. XIX в. А. Свирский, в частности, отмечал: «было время – и оно не за горами, – когда этим миром <тюремным> совсем не интересовались у нас.... Но с недавнего сравнительно времени произошел существенно резкий поворот в тюремной политике государства: принцип исправления стал господствующим ее началом. В тюремные места заключения *начали все чаще заглядывать люди пера, опыта и власти...*»²².

Таким образом, функции арготизмов в языке художественной литературы XIX в. определенным образом образуют историческую преемственность. Важным и показательным в истории отражения социальных тенденций оказывается для литературы XIX в. сам факт появления арготизмов на страницах художественных текстов.

В ранний период – 30-40-е гг. – арготический материал используется как средство дополнительной социальной характеристики героя. То, что материал является для читателя новым, позволяет говорить о выполнении им информативной функции. При учете неполной достоверности в отражении этого материала, можно предположить, что эти вкрапления выполняют и «коллекционерскую» (декоративную) функцию.

В 60-е гг. появляется сразу несколько крупных произведений, в которых арготический материал является важнейшей дополнительной характеристикой целых социальных сфер. Можно утверждать, что *целенаправленное* использование арготического материала позволяет решить художественно-реалистические цели автора, а сама лексика становится *важнейшей дополнительной идеологической характеристикой* какой-либо социальной группы. Обилие достоверных источников у авторов в процессе работы над произведениями позволяет также говорить и об информативной функции: большая часть таких произведений может сейчас считаться источниками по изучению арго и других типов тайных языков. В 60-х гг. XIX в., и особенно широко в 90-е гг., можно наблюдать систематическое, но *эпизодическое* включение в художественные тексты арготизмов и уже жаргонизмов с целью создания *дополнительной фоновой* характеристики той или иной *социальной сферы*.

А в целом, вероятно, важной ролью художественной литературы XIX в., как литературы реалистической, было общее знакомство читателей с языками представителей неофициальной России.

Примечания

¹ Ср.: «Писатели ищут свежих слов. Они ищут средств усиленной выразительности, а непривычные «чужие» слова внушают часто иллюзию повышенной экспрессивности». Ларин Б.А. Диалектизмы в языке советских писателей // Литературный критик. 1935. № 11. С.216.

² Ларин Б.А. Указ. соч. С.216-217.

³ Под *арготизмом* мы понимаем единицу арго – условного, тайного (часто искусственного) языка, который был социально-символическим языковым кодом определенных социальных групп, аналога которого в литературе XX в. уже фактически нет. В отличие от арготизмов *жаргонизмы* – единицы стилистически-сниженной речи некоторых социальных корпораций, сообществ, единств (профессиональных, возрастных и т.п.): именно эта лексика активно употребительна как в литературе XX в., так и достаточно употребительна в литературе XIX в. Например, бурсацкий жаргон в «Очерках бирсы» Д.И. Помяловского, каторжный жаргон в романах Ф. Достоевского «Записки из

мертвого дома», П.Мельшина «В мире отверженных», В.Дорошевича «Сахалин (Каторга)» и т.п.

⁴ *Береговская Э. М.* Движение в лексическом составе французского арго с середины XIX до середины XX-го века // Проблемы диахронии в изучении романских языков. – Минск, 1967. – С.15.

⁵ См., например, *Э.М. Береговская.* Арготический блок и его функции в стиле современной французской прозы // Филологические науки. 1974. № 2. С. 60-69. Подчеркнем, что под термином арго автор использует тот языковой объект, который в данной статье мы определили как жаргон.

⁶ *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. 4-е изд. – Л.: Наука, 1978. Т. I-X. Т. VI. С. 270-271.

⁷ *Лотман Ю.М.* Идейная структура «Капитанской дочки» // Ю.М.Лотман. Пушкин. Статьи и заметки. – СПб.: Искусство-СПб., 1997. С. 215.

⁸ *Воробьев В.* Язык Пугачева в повести «Капитанская дочка» А.С.Пушкина // Русский язык в школе. – 1953. – № 5. – С.23. (курсив наш. – М. П.)

⁹ *Лихачев Д.С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – СПб., 2001. – С.371.

¹⁰ Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII в. – М., 1989. – С. 443. Отрывок также цитируется в работах В.Сиповского, Д. Лихачева.

¹¹ *История* славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. 1785. (место издания не указано). С. (соответственно) 18,20, 4.

¹² *Сиповский В.В.* Из истории русского романа XVIII в. (Ванька Каин) // Известия ОРЯС. – Т. VII. – Кн.2. – СПб., 1902. – С. 140.

¹³ *Шкловский В.* Матвей Комаров – житель города Москвы. – Л., 1929. В этой связи нельзя не вспомнить и сказку, рассказанную Гриневу Пугачевым, об орле и вороне. Аналогичная же «остроумная иносказательность» встречается, например, и в песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка..», которую поют казаки в «Капитанской дочке» и которая в автобиографии Каина приводится среди его любимых песен. Ср. о виселице: «Я за то тебя, детинушка, пожалуй Среди поля хоромами высокими, Что двумя ли столбами с перекладиной».

¹⁴ Однако в данном случае можно рассматривать такое употребление арготизмов и как «коллекционерское» (декоративное, экзотичное) (Б.Ларин): передана только социальная характеристика персонажа.

¹⁵ *Одоевский В.Ф.* Живой мертвец // Соч. кн. В.Ф.Одоевского. – Ч. III. – СПб., 1844. – С. 113-114., курсив источника.

¹⁶ *Смирнов Н.* Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа В.С.Крестовского «Петербургские трущобы» // Известия ОРЯС АН. – 1899. – IV. – Ст. 1065-1087.

¹⁷ *Елец Ю.Л.* Биография Всеволода Владимировича Крестовского // В.Крестовский. Собрание сочинений в 8-тт. СПб., «Общественная польза», 1899-1905. Т. I. С. XII.

¹⁸ Ср. «Впоследствии, при выходе в свет романа, автор намерен сделать более подробное исследование о байковом языке с приложением словаря, первоначального составленного г. Путилиным и ныне во многом дополненного самим автором». В.С. Крестовский. Ерши (Отрывок из романа «Петербургские трущобы») // Эпоха. 1864. № 1. С.525.

¹⁹ Мельников-Печерский П.И. На горах. – Т. I. – М., 1956. – С. 537.

²⁰ Григорович Д.И. Переселенцы // Д.И.Григорович. Сочинения в 3-х тт. – Т. III. – М., 1988. – С. 210.

²¹ Заметим, что и в романе Вс.Крестовского «Петербургские трущобы» наряду с воровским аргом (условным языком, данным в переводе в сносках), в сносках даются переводы разговоров лиц из «высшего света» на немецком и французском языках. Вероятно, задача отражения «социального параллелизма» также ставилась писателем. Однако этот возможный художественный принцип уступает социальной реалистичности описываемого, и интерес писателя именно к «байковому языку» преобладает.

²² Свирский А.И. В стенах тюрьмы. Очерки тюремной жизни. – Ростов-на-Дону, Тип.И.Тер-Абрамян, 1894. – С.5.

М.Ю. Россихина
Брянск

О СУДЬБЕ РУССКИХ ШКОЛЬНЫХ ЖАРГОНИЗМОВ XIX ВЕКА

В 2007 году появился «Словарь русского школьного жаргона XIX века» О.А. Анищенко [1]. С помощью мемуарной, исторической и эпистолярной литературы автору удалось представить нам «школярский» жаргон позапрошлого века. Школьным жаргоном О.А. Анищенко называет специфическую лексику учащейся молодежи дореволюционной России, «условный» язык гимназистов, кадетов, студентов, семинаристов и др.

Жаргон школяров XIX века отличается от современного молодежного жаргона тем, что сфера его использования была ограничена рамками одной гимназии, одного училища, одного университета. Конечно, встречалась ненормативная лексика, которой пользовались учащиеся нескольких учебных заведений, но это было скорее исключение, чем правило. А современный молодежный жаргон – это общемолодежный тайный язык, понятный и доступный практически каждому молодому человеку. Этому способствует невероятная мобильность молодых людей и безграничные возможности Интернета. Разумеется, есть определенная часть современных жаргонизмов, которые встречаются, например, только у школьников или только у студентов, иногда только в одной школе или в одном вузе, в одном городе или одной области. Но это лишь небольшая часть многотысячного лексикона современной молодежи.

Цель нашего исследования – проследить судьбу школьных жаргонизмов XIX века, выяснить, исчезли они или до сих пор употребляются, сохранили или изменили свое прежнее значение. Ведь «... слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, сегодняшнее восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно – два десятилетия» [4: 63]. Чтобы посмотреть, какими жаргонизмами прошлого оперирует современная молодежь, мы провели сравнительный анализ лексики из словарей О.А. Анищенко [1] и Т.Г. Никитиной [7]. В «Словаре русского школьного жаргона XIX века» О.А. Анищенко зафиксировано более 1000 словарных единиц, 183 из них вошли в толковый словарь «Молодежный сленг» Т.Г. Никитиной. Из этих 183 жаргонизмов только 7 употребляются в тех же или близких к ним значениях.

Вот эти слова: *предки* «родители», *камчатка* «последние парты в классе», *казенщик* «прогульщик», *засохнуть* «замолчать», *классуха* (тогда «классная дама», сейчас – «классная руководительница»), *козерог* (тогда – «кадет младших классов», сейчас – «студент-первокурсник»), *отшить* (тогда – «прекратить дружить», сейчас – «прогнать кого-то», прекратить общение), «прервать отношения»).

Некоторые жаргонизмы прошлого расширили свое значение. Так, например, *бурсаками* раньше называли учащихся духовных училищ и русских студентов Дерптского университета, а сейчас *бурсак* – это школьник или студент любого учебного заведения. Часть школяризов XIX столетия, сохранив свое прежнее значение, приобрела в XXI веке одно или несколько новых значений. Так, лексема *лебедь* употребляется не только в своем первоначальном значении «двойка», но и ещё в двух: «проститутка» и «презерватив»; *долбёжка* «бездумное, механическое заучивание», это теперь «нудная, однообразная работа», «нудная назидательная речь», а также «состояние наркотической абстиненции». Глагол *завянуть* не только сохранил своё прежнее значение «замолчать», но и приобрел еще значение «сдаться, отступить, отказаться от своих намерений, требований, претензий»; *ёрш* «водка с пивом» сохранил это значение в современном разговорном языке [8: 153] и в жаргоне уголовников [6: 179], а в словаре Никитиной Т.Г. он зафиксирован со значением «мужской половой орган».

Подавляющее большинство одинаковых жаргонизмов употребляется в совершенно иных значениях. Так, *пишом* гимназисты позапрошлого века презрительно называли «воспитанника младшего отделения», а сейчас *пишик* – это «коктейль-пиво, заправленное аэрозолем». *Бабушка* из «воспитанницы, которая старше всех в классе» превратилась в «пожилого опытного гомосексуалиста», а *бабушка* во множественном числе (*бабушки*) – это уже «деньги».

Такие разные по своей семантике исторические жаргонизмы, как *корова* «ученик, получивший единицу», *коза* «доносчик, жалобщик», *матрешка* «ученик с привлекательной внешностью», в современном молодежном жаргоне являются шутливыми наименованиями девушек.

В XIX веке *башкой* школяры называли способного ученика, а в анализируемом словаре Т.Г. Никитиной *башка* – это «головка мака» с пометой «из речи наркоманов». Здесь следует отметить, что из-за большой подвижности современной жаргонной лексики в разных словарях регистрируются разные значения этих лексических единиц. Например, упомянутый выше жаргонизм *башка* в «Толковом словаре русского школьного и студенческого жаргона» [3: 35] приводится со значением «отличник».

Сопоставление школьного жаргона прошлого и настоящего О.А. Анищенко проводила, используя материал именно этого словаря [2].

Если обратить внимание на то, какие дополнительные или новые значения приобрели школяризмы XIX века в современном молодежном жаргоне, то нужно отметить, что многие из них связаны с темами «компьютер» и «наркотики». Яркий пример тому жаргонизм *банка* «удар, побои». В современном жаргоне он не только сохранил свое значение, но получил еще 8 новых [6: 36-37], среди которых одно из жаргона наркоманов, называющих банкой «стандартную меру наркотического вещества, идущую на дальнейшую переработку» и одно из жаргона программистов, где банка – «персональный компьютер». Появление значений, связанных с компьютером и наркотиками, неудивительно. В XIX веке их не было, поскольку отсутствовали сами понятия «наркотик» и «компьютер». Сейчас же лексика, связанная с этими понятиями, настолько популярна среди молодежи, что она собрана даже в отдельные словари [4]. Многие исследователи видят причину языковых изменений в смене поколений

[11: 276], и судьба школьных жаргонизмов XIX века наглядно это подтверждает.

Очень популярна в жаргонном вокабуляре современной молодежи еще одна тема. Эта тема – секс, в которой лидируют названия половых органов. С ней связаны новые значения таких старых школяризмов, как *слон*, *малыш*, *лягушка*, *лебедь*, *туз*, *ёрш* и др. В XIX веке эта тема была табу. И если даже предположить, что студенты или семинаристы в своем кругу пользовались подобной лексикой, то отразить ее в своих воспоминаниях они, конечно, не могли.

Школяризмы прошлого встречаются не только в современном молодежном жаргоне, многие из них перешли в разряд просторечных или разговорных, и их можно найти в «Толковом словаре русского языка» [8]. Это такие слова, как *однокашник* «товарищ по учению, по воспитанию», *ноль* «о ничтожном, незначительном человеке», *надуть* «обмануть», *отдуть*, «избить», *оболтус* «бездельник», *ответый* «безнадежный», *обставить* «обогнать» и др. Встречаются здесь и фразеологические сочетания типа *разводить антонимиш* «заниматься болтовней», *нести ахинею* «болтать вздор», *втереть очки* «вводить в заблуждение» и др.

Из ряда жаргонизмов, выражающих, по свидетельству Н.Г. Помяловского, [9] понятие кражи в бурсацком языке (*сбондить*, *сляпсить*, *стибрить*, *объегорить*, *спереть*, *стилибонить*), слово *спереть* сохранилось в том же значении («украсть») как просторечный вариант [8: 511], *объегорить* употребляется в русском разговорном в значении «обмануть, перехитрить» [8: 441].

Всем нам хорошо известное слово *лафа* – жаргонизм из языка семинаристов, где он употреблялся в значении «лихо» [9: 34]. Теперь *лафа* в молодежном жаргоне и речи уголовников имеет значение «счастье, удача; беззаботная жизнь» [6: 311]. Со значением «свободно и хорошо» оно зарегистрировано и в «Толковом словаре русского языка» как просторечный вариант [8: 320]. Этот факт свидетельствует о том, что в современном языке часто стирается грань между жаргонизмами и коллоквизмами, т.е. жаргонная лексика зачисляется в разряд разговорной. Заметим, что аналогичное явление наблюдается и в других языках [10: 234-237].

Лишь небольшая часть известных нам школяризмов позапрошлого века вошла в современный нормативный язык. Это, например, такие слова, как *второгодник*, *отличник*, *перемена*.

Итак, изучение истории русских школьных жаргонизмов XIX века показывает, что одни из них стали нормативной лексикой, другие с теми же или совершенно иными значениями употребляются в различных жаргонах или в разговорной речи, а третьи в современном языке вообще не встречаются.

Литература

1. *Анищенко О.А.* Словарь русского школьного жаргона – М.: ЭЛПИС, 2007.
2. *Анищенко О.А.* Школьный жаргон XIX и XXI вв.: семантические и словообразовательные параллели // Социальные варианты языка. – Н. Новгород, 2007. – С. 262-266.
3. *Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. – М. 2005.
4. *Грачев М.А.* Жаргон и татуировки наркоманов. – Н. Новгород, 1996.
5. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Вселенная в алфавитном порядке. – СПб., 2000.
6. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000.
7. *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг. – М.: Астрель, 2003.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2003.
9. *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы. – Л.: Художественная литература, 1971.
10. *Россихина М.Ю.* Молодежный сленг как исторический феномен (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Брянского гос. ун-та – № 2. – 2007. – С. 234-237.
11. *Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д.* Теория языка. – М.: Флинта: Наука, 2004.

И.Н. Катаева

г. Сокол, Вологодская обл.

НАИМЕНОВАНИЯ ШУЛЕРСКИХ ИГРАЛЬНЫХ КАРТ ПО ВНЕШНЕМУ ВИДУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Лексика жаргона игроков в карты на протяжении XIX века функционировала в языке с разной степенью активности, что зависело от степени распространенности данного явления. Подчеркнем также, что карточный жаргон фактически не встречался в источниках XVIII в., поэтому данный лингвистический объект является новым для XIX века.

Рассматриваемая ТГ *наименования шулерских игральных карт по внешнему виду в русском языке XIX - начала XX вв.* представляет собой объединение однословных и устойчивых СН шулерских игральных карт по внешнему виду, встречающихся в текстах XIX – начала XX вв.

В данной ТГ выделим 4 подгруппы: 1) наименования очковых карт; 2) наименования карт, склеенных особым образом; 3) наименования карт, обрезанных или согнутых особым образом; 4) наименования именных карт.

Такой принцип разделения лексических единиц выбран с учетом того, что изготовление шулерской колоды карт отличалось от изготовления обычной колоды карт для игры. Наименования очковых карт анализировались нами ранее, рассмотрим наименования 2-4 подгрупп.

Наименования карт, склеенных особым образом

В языке карточных игроков уже существовало наименование *атласные карты* в значении 'изготовленные из непромокаемой атласной бумаги'. Значение СН *атласные карты* в шулерской игре - 'карты с наклеенным на изнанку атласом, которую из-за искусного рисунка на ворсе по необходимости можно выдать за валета или даму, даму или короля и т.д.'. Ср. *У нас были и более сложные штучки. Я, например, первый ввел в употребление атласные карты. - Атласные карты? - переспросил студент. - Ну да. На карту наклеивается атлас. Трением о сукно ворс пригибается в одну сторону, на нем рисуется валет. Затем, когда краска высохла, ворс переворачивают в другую сторону и рисуют даму. Если ваша дама бита, вам нужно только провести картой по столу* [8. IV: 354].

В своем искусстве обыгрывать шулеры использовали *двойные фигуры*, которые склеивались из двух лицевых сторон двух различных фигур и одной изнаночной. В специальной литературе 20-60-х годов XIX века функционирует СН *двойные фигуры*, где главный компонент *фигуры* имеет значение – 'игральные карты от валета до туза', зависимый компонент *двойные* – 'состоящие из двух равных половин разных фигур'. Значение СН – 'фигура, которая склеивается из двух лицевых сторон двух различных фигур и одной изнаноч-

ной'. Контекстуальным синонимом СН двойные *фигуры* является субстантив *маски*. Ср. *Ну вот у меня и резервные фигуры, или маски. Извольте видеть: вот на одной карте король и дама, на другой валет и король и т.д. Это делается из двухголовых фигур. Крашенный листок сдирается, разрезывается, и головы переменяются* [1: 267].

В своей речи шулеры употребляли вторично номинативное название *мельница*, обозначающее двуличневую склеенную карту, образовавшееся способом метафорической номинации на основе сходства с вращением лопастей мельницы или вертушкой. Ср. *Берут две фигуры, положим валета и даму; одна из них расклеивается совсем; другая, дама, до половины и складывается вдоль: валет задней стороной приклеивается одной половинкой к изнанке изображения дамы, другой стороной к изнанке ее изнанки. Средняя подвижная сторона, чтобы размах был короче, обрезается по самую печатную коемку со всех трех сторон* [6: 77].

Контекстуальным синонимом *мельницы* является *двуличка* – 'двуличневая склеенная карта' [3. II: 318], образовавшееся из СН *два лица* путем суффиксальной деривации (на основе мотивирующего числительного *два*, существительного *лицо* и суффикса –к-(а)).

Значение лексемы *двусторонка* – 'двойная склеенная карта с очками или фигурой с лица и с изнанки' отличалось от значений лексем *мельница* и *двуличка*. Ср. *Берут две карты, например девятку и десятку; расклеивают их и потом склеивают одну с другой задками; образуется на одной стороне девятка, а на другой десятка. В игре ее употребляют так: прикрыв другой картой, объявляют, что идет нижняя карта столько-то. Она лежит десяткой кверху. Если десятка дана, то верхняя карта отнимается; если же дана девятка, то она оборачивается вместе с верхней картой и вскрывается девятка* [6: 78-79].

Жаргонизм *двусторонка* образован из СН *две стороны* путем суффиксальной деривации (на основе мотивирующего числительного *два*, существительного *стороны* и суффикса –к-(а)).

Жаргонизм *оборотка* зафиксирован В. Далем в значении 'двойная склеенная карта с очками или фигурой с лица и с изнанки', является синонимом слова *двусторонка* [3. II: 611] и образован из СН *оборотная сторона* путем суффиксальной деривации (на основе мотивирующего прилагательного *оборотный*, существительного *сторона* и суффикса –к-(а)).

СН *карта с карманом* зафиксировано у В. Даля в значении 'раздвоенная карта, в которую всовывают крупную ассигнацию и выдергивают ее, если карта выиграла' [3. II: 93]. Первая фиксация – 1860 год. В СН слово *карман* выступает в значении 'углубление на изнаночной стороне карты для укладывания золотых монет'. Значение СН *карта с карманом* – 'разрезанная на середине изнанки карта для укладывания монет'. Ср. *Карта расклеивалась до половины вдоль, на середине изнанки делается разрез поперёк, потом опять склеивается, но только по самым краешкам, вишневым клеем; таким образом, на изнанке карты образуется карман, в который укладываются золотые монеты в один ряд* [6: 82-83]. Контекстуальным синонимом СН *карта с карманом* является жаргонизм *мешок*. Ср. *Вот мешки: карта, извольте видеть, расклеена в середине, и в ней оставлено пустое место, куда кладутся ассигнации* [1: 268].

Наименования игральных карт, обрезанных
или согнутых особым образом

Игральные карты в шулерской колоде, обрезанные или согнутые особым образом, также имели свои названия. Это специфические единичные жаргонные наименования, экспрессивные, принадлежащие к стилистически сниженной ситуации общения (*клины, бочонки, вырезки, коробки, горбы*). Основным способом семантического переноса в этих лексемах является метафора.

Клины – 'карты, обрезанные клином с целью обмана в игре'. *С математической точностью вся колода обрезается с одного боку вдоль: сверху на одну треть линии, снизу не более как на человеческий волосок; таким образом колода делается клинообразной, что совершенно неприметно для незнающего... Клины употребляются только в тех играх, в которых карты не сдаются* [6: 36].

Бочонок (бочонковые карты) – 'карта, обрезанная овалом с двух сторон в длину, с целью обмана в игре'. *Левая рука удержит карты, овалом или бочонком обрезанные, а правая вынет все прочие, так что бочонки останутся внизу колоды все вместе. Потом колода распускается веером, пропустя одну исподнюю карту, пускается за каждый бочонок по две карты* [4. I: 69]. *Сыгравши в бостон две пули, остался в изрядном выигрыше, ибо, подложив бочонковые карты, играл на верное* [4. I: 68].

Вырезки – карты, вырезанные внутрь посередине с боковых сторон, с целью обмана в игре'. Известные карты (9 карт одной масти и 3 фигуры бубен) срезаются в длину к обоим концам, в виде бочонка, овально, прочие (вырезки) слегка выкачиваются посередине; при тасовке легко вытаскивать за середину бочонки, а за концы – вырезки [3. I: 121].

Коробок – известная шулеру карта, согнутая пополам вдоль'; шулерский прием с использованием такой карты. Иногда банкир употреблял так называемый коробок; он состоит вот в чем: посогнув вниз всю подобранную колоду, оставить ее в таком положении, потом отделив половину и приноровя так, чтоб внизу была та самая карта, под которую надобно, чтоб понтер сделал съемку, посогнув в противную сторону, дабы когда нижняя часть положится на верхнюю, то между ними осталось пространство [4. I: 37-38].

Горб – известные игроку карты, согнутые пополам вдоль и поперек'. Почти то же, что коробок, но вся колода делится на два разряда, один выгибается горбами вдоль, другой поперек карты [3. I: 377]. Часть колоды сламывается или сгибается горбом [3. II: 166].

Наименования именных карт

В речи шулеров 20-х годов XIX века, по нашим наблюдениям, существовало четыре группы *именных карт* или *именок* (*имянок*), каждая из которых имела свое название: *верхушковые карты*, *наколотые карты*, *коемка*, *теневые карты*, *верховка-тень*.

Конкретизирующим значение данного СН компонент *именной* мотивируется словом *имя* – 'название, наименование, слово, которым зовут, означают особь, личность' [3. II: 43]. В свободном употреблении значение прилагательного *именной* 'к имени относящийся, поименный, имена содержащий, личный' [3. II: 43], значение компонента СН *именной* – 'отмеченный крапом или наколкой, разный для каждой или для некоторых карт колоды'. С любым рисунком на изнанке карта может стать *именной*, т.е. отличной от другой, *меченой*, *примеченной* или *подмеченной* и узнаваемой шулером, если применить *крап*, *наколку*. Первой фиксацией устойчивого СН *именные карты* считаем 1826 год. Я имел при себе в запасе только

две колоды именных карт, почему и стал на них метать банк [4. II: 247].

В речи игроков именные карты назывались *имянками* (пособие Д. Зоркина) или *именками* (Словарь Даля), образовавшимися из СН *именная карта* путем суффиксальной деривации (на основе мотивирующего прилагательного *именной* и суффикса *-к-(а)*). К *имянкам* относятся также и карты, собранные по крапу. Для этого берут пятьдесят и более колод одинакового крапа и разбора; в них на уголках отыскивают какую-нибудь натуральную особенность [3: 38-39].

Именными, исходя из контекстов, назывались *меченые*, *примеченные* или *подмеченные карты*. Значение этих устойчивых СН можно определить как 'карты, меченные острым ногтем указательного пальца во время игры'. Иногда играют на подмеченные, то есть на свои карты [1: 265]. Всякие меченые или примеченные карты называются *имянками*... [6: 38-39]. Так называемые меченые карты отличаются от описанных наколотых только тем, что пометка нужной для следующего раза карты производится во время игры. На ней он делает маленькую пометку ногтем около самого ее края [7: 62].

Коемка – 'карта, отмеченная по рубчику черточкой'.

Это делают так: на одной карте, на рубчике передней и задней сторон, делают коемку не длиннее дюйма, синими или красными чернилами, судя по тому, какой крап на картах колоды... [14: 18-19].

Жаргонизм *коемка* образовался способом метафорической номинации на основе сходства со свойствами предмета, а именно, *коемки* – 'края, кромки, полосы по краю чего-либо' [3. II: 75].

Установить значение СН *верхушковые карты* сложно. В текстах значение СН *верхушковые карты* зафиксировано однократно: В *ситцевых картах у тузов в левом углу цветок, у короля листочек, у дамы половина цветка, у валета половина листочка, у десятки – четверть цветка, у девятки – веточка и т. д.* [4. II: 145]. В свободном употреблении значение прилагательного *верхушковый* 'находящийся вверху', значение компонента СН *верхушковый* – 'верхний узор на изнанке карты'. Значение устойчивого наименования *верхушковые карты* можно определить как 'карты с нанесенными узорами на левом верхнем углу изнанки, отличными друг

от друга'. Карты различались узорами на верхушках и назывались *верхушковыми*.

Конкретизирующий значение данного СН *наколотые карты* компонент *наколотый* мотивируется глаголом *накалывать* – 'метить карту иглой до игры'. Значение устойчивого СН – 'отмеченная иглой изнанка карты'. Ср. *Все тузы в колоде по середине или к одному которому месту наколоты были булавочкой с изнанки, таким образом на лицевой стороне делалось оцутительное возвышение, фигуры также были наколоты, но для отличия уже в другом месте* [4. II: 145].

Значение СН *теневые карты* в специальной литературе объяснялось следующим образом: *Шесть каких угодно карт каждой масти отглаживают гладкой костью по изнанке вдоль карты, до половины поперечной ширины, отчего та сторона карты получает лоск... от свечей делается на поверхности отглаженных карт подобие тени вдоль по отглаженному месту* [14: 14-15].

В свободном употреблении значение прилагательного *теневая* – 'менее освещенная, находящаяся в тени', значение элемента СН – 'менее освещенная сторона карты'. Значение устойчивого наименования *теневые карты* можно определить как 'карты, отглаженные костью по изнанке до половины стороны, для отбрасывания тени'.

В отдельной словарной статье В. Даль указывает, что существовал особенный крап, который назывался *верховка – тень*. Значение СН определим как 'верховое расположение крапленной карты, шулерский крап которой определялся только по возможной отбрасываемой тени'. *Это был самый тонкий способ крапа, при котором не прибавлялось ни одной точки, а в известных местах проходил тот же узор и той же краской, отчего он против света показывал тень*. [3. I: 185]. Учитывая, что в Словаре В. Даля *верховка* – 'меченая крапленная карта', в сложном наименовании *верховка-тень* ведущим является *верховка*, это слово несет основную смысловую нагрузку, а *тень* выступает как приложение, поясняющее это понятие. *В середине крапятся карты для верховки. Вы не знаете верховки?... Извольте видеть: вы пускаете в оборот свои карты и, понтируя, знаете всегда, что лежит наверху, а этим избавляетесь от потери сонников* [1: 265].

Применительно ко всем наименованиям игральных карт по внешнему виду в текстах употребляется СН *верная колода* в значении 'колода карт, приготовленная для обыгрывания наверное, т.е. шулерски'. *Я также понимаю, почему вы сказали этому фушеру, что вы его ударите по лицу, если колода после проверки окажется верной* [8. IV: 354]. *У себя Потап раскрыл потертый чемодан, вынул из потайного дна «верную» колоду и, развалиясь, крикнул полового* [16. I: 281]. В начале XX века СН *верные карты* – 'выигрышные карты' – приобретает второе значение 'карты из шулерской колоды'. *Так началась игра. Ловкие руки Потапа словно летали над столом, разбрасывая верные карты, и, отдав первые ставки, он стал брать, складывая деньги под табачницу* [16. I: 282].

Становление группы 'наименования шулерских игральных карт по внешнему виду' происходит в 20 годы XIX века. Отдельные единицы из состава ТГ появляются в 40-60 годы XIX века. Завершается формирование группы в 90 годы XIX – 10-е годы XX вв. Динамика лексического состава данного множества заключается в формировании устойчивых СН, увеличении объема групп (вхождения новых наименований) на протяжении всего XIX века, проникновения жаргонизмов – тайного, конспиративного языка, непонятого для непосвященных, в различные источники, закрепление их в письменной речи (*втирать очки, верные карты, верная колода*).

По способу лексической номинации – это специфические единичные наименования (являющиеся вторично номинативными единицами), принадлежащие к стилистически сниженной ситуации общения, обязательно экспрессивные. В рассмотренном лексическом множестве употребляется несколько способов номинации: словосложение: *верховка – тень*; синтаксическая деривация: *атласные карты, карта с карманом, теневая колода; именные карты, крапленые или краповые карты, верхушковые карты, наколотые карты, теневые карты, двойные фигуры, верные карты, верная колода и т. д.*; метафорическая номинация: *коемка, мельница, верховка, коробки, горбы, вырезки, клины*; суффиксальная деривация: *двусторонка, двуличка, насыпанка, именная и др.*

Литература

1. Булгарин Ф. В. И. И. Выжигин // Булгарин Ф. В. Сочинения. – М.: Современник, 1990.
2. Гоголь Н.В. Игроки. // Собрание сочинений. М., 1984. Т. IV. – С. 151-189.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. – М.: 1978.
4. Жизнь игрока, описанная им самим или открытие хитрости карточной игры. Т. 1 – 2. – М., 1826–1827.
5. *Жихарев С.П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала: В 2-х т. – Л., 1989.
6. *Зоркин Д.* О плутнях карточной игры. — СПб.: тип. Штаба отд. корп. внутр. стражи, 1860.
7. Как нас обыгрывают в карты. – М., 1909.
8. *Куприн А.И.* Ученик // Куприн А.И. Собрание сочинений в 6-и томах. Т. 4. – С. 345-358.
9. *Лермонтов М.Ю.* Тамбовская казначейша // Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х томах. – М.: Правда, 1988. Т. 2. – С. 529-550.
10. *Лесков Н.С.* На ножах // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 томах. – М., 1989. Т. 8-9.
11. *Лесков Н.С.* Некуда // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 томах. – М., 1989. Т. 4.
12. *Лихачев Д. С.* Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 311 – 360.
13. *Максимов М.* Московские тайны, рассказ сыщика. – М., 1862.
14. Мать шулерству или окончательное изобличение плутней карточной игры. СПб., 1861.
15. *Пушкин А.С.* Пиковая дама // Пушкин А. С. Избранные сочинения. В 2-х томах. – М., 1978. – Т. 2. – С. 491-510.
16. *Толстой А.Н.* Собрание сочинений в 10 т. Повести и рассказы 1908-1911. – М., 1958. – Т.1.

Э.Л. Трикоз
Вологда

ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (на материале текстов второй половины XIX века)

Вторая половина XIX века – период социально-политических, экономических, культурных преобразований в судьбе России, для истории русского языка – это период существенных изменений в лексической, семантической, стилистической системе. Как правило, коренные изменения в общественно-политической жизни страны стимулируют активное переустройство в системе современного лексикона. Динамическое состояние языка способствует обновлению прежде всего лексики.

Говорящий в условиях языковой перестройки эксплицитно оценивает происходящие изменения, «ословливая» новые явления окружающего мира, которые запечатлеваются в лексиконе. Через рефлексию языковая личность «реагирует, распознает и фиксирует вербально продуктивные характеристики слова» [Вепова: 416]. Она сосредоточивает свое внимание на непонятной стороне лексики, оценивает непривычность нового языкового явления (новизну слова, новый оттенок в семантике, грамматические и лексико-грамматические особенности у единиц (синтагматика лексем)) на уровне обыденного языкового сознания, оценивая эти особенности в динамике.

Языковая рефлексия на слово выявляет стадии социализации (принятие в обществе) и лексикализации (закрепление в языковой системе), которые оно проходит в языке [Вепова: 417]. Рефлективы на лексические инновации этого периода, выбранные нами из письменных текстов второй половины XIX века, позволяют выявить стадии жизни слова в языке, обнаружить динамику развития словарного состава, основные ее процессы.

В обыденном языковом сознании существует свое лингвистическое время, поэтому актуальным для пользователя языка является хронологическая характеристика лексической единицы, «субъективность ощущения новизны» (Тогоева С.И.). В процессе принятия в лексикон и освоения заимствования, например, в языковом сознании новое слово прежде всего фиксируется как событие, как факт культурно-исторической жизни. Достоевский пишет о слове «стусеяться»: «...ввел и употребил это слово в литературе в первый раз – я. Появилось это слово в печати в первый раз 1-го января 1846 года, в «Отечественных записках», в повести моей «Двойник, приключения господина Голядкина» [Достоевский: 23: 65]. Новизна, необычность слова вызывает определенные модальные оттенки значения «удивления», «неожиданности», и новые слова в рефлексивах получают определения – *странное, диковинное, таинственное* и др. [Вепова: 417]. Именно через эти реакции проявляется внутреннее ощущение говорящим динамики процесса заимствования или неологизации.

Рефлективы фиксируют описание основных семантических компонентов слова (как совершенно неизвестного для носителя языка, обозначающего новую реалию, так и уже существующего). Эта ин-

формация позволяет преодолеть трудность понимания слова в современном для говорящего контексте. «Современная летопись» сообщает, что «из среды саратовских штундистов...выделилась новая секта так называемых «череззаборников». Последние, основываясь на словах Спасителя...причисляются к вора и разбойникам всех, кто выдает себя за пастыря овец Христовых...и потому совершенно отрицают православное духовенство, а также видимые храмы и таинства» [Новая секта «череззаборники» //Совр. летопись. 1899. № 22. с. 84]. Как представляется, рефлексивы, выявляя новые значения слов, образные, переносные, отражают процесс семантических изменений в лексической системе русского литературного языка, динамику развития внутреннего значения слова.

Рефлексивы, фиксируя появление новых слов или значений, содержат информацию о ранних усвоителях инновации и отстающих [Вепрева: 418], о сфере активного ее использования, о социальных и профессиональных пристрастиях к ней: «Из этого письма твоего молитвенника ты можешь видеть, что пустынный Воейков *закургузил* (это новое слово, которое я недавно вперил...)» [Переписка Л.Н.Толстого.: 97]. В другом примере автор замечает о заимствованном из английского языка слове «джентльмен»: «Это слово у нас опошлилось и понимается превратным образом. На языке наших литераторов «джентльмен» почти сделался синонимом сухого и необщительного франта...По идеям большинства, человек, достойный этого лестного, завидного... титула *gentleman*, есть не что иное, как холодный фат, скрывающий свою безотрадную пустоту под изяществом манеры и холодностью речи» [Письма иногороднего подписчика об англ. литературе и журналистике (письмо второе) // Современник. – 1853. – Т. 38. – С. 217]. Так, вербализованные реакции говорящих опосредованно могут сообщать о том, что слова имеют определенную сферу функционирования, могут переходить из лексикона одной социальной группы в другой и др. Таким образом процесс дифференциации стилей и закрепления за определенным стилем речи системы средств выражения находит свое отражение в рефлексивах.

Сложный процесс формирования лексических норм русского литературного языка, отделения словаря литературного языка от просторечного, жаргонного, диалектного; литературной речи от разговорно-бытовой отчетливо проявляется в метаязыковых высказы-

ваниях. Просторечная, жаргонная лексика в речи образованного носителя языка получает стилистический комментарий и сопровождается иногда личностной оценкой, рациональной или эмоциональной. В очерке Писемского «Питерщик» находим: «...швыряй, пожалуй, молоко... а мы, признаться сказать, не очень к нему привычны. Мы так вот даром его не надобно!... Когда даже бабы едят, так просто *моторит*» [Писемский: 100]. В примечании к выделенному слову автор приводит синоним «тошнит». «Перед государем поставлены огромные ширмы, и за этими ширмами собираются лица, удостоенные... чести разговором своим забавлять государя во время курения кальяна... Лица эти получили в Петербурге прозвание «кальянщиков», и множество генерал-адъютантов, флигель-адъютантов и придворных добывается всевозможными интригами... поступить в почетный круг кальянщиков» [Долгоруков: 117]. Здесь выделено «словечко» светского жаргона, характеризующее язык приближенных государя. «Потом Введенский уже чересчур часто употребляет просторечие: у него действующие лица не пьют, а *запускают за галстук*, не дерутся, а *куксят* друг друга; один господин высокого роста назван *долговязый верзило*...» [Письма иногороднего подписчика в ред. «Современника» о русской журналистике // Современник. – 1850. – Т. 21. – С. 94].

Рефлективы отражают процесс конвенциализации лексической единицы, ее включение в широкий социокультурный контекст. «В конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов я просто-напросто ощущал, что подо мной горит земля. Я не жил в то время, а реял и трепетал при звуках: «гласность», «устность», «свобода слова», «вольный труд» и т.д., которыми был полон тогдашний воздух» [Салтыков-Щедрин: 5: 280]. «И во-первых, словом «*байронист*» браниться нельзя. Байронизм хоть был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества. Байронизм явился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния» [Достоевский: 26: 113]. Рефлективы являются ярким свидетельством того, что слова, появившись в языке, обрастают новыми фактами, которые имеют определенную значимость для языковой личности в тот или иной исторический период.

В рефлексивах фиксируется и процесс перехода слов из активного запаса в пассивный. Обыденное языковое сознание легко отде-

ляет устаревшие и забытые языковые явления от современных и модных: «Современный ученый славист без особых затруднений отличит древнюю рукопись..., написанную в Болгарии или Сербии, от рукописи, написанной каким-нибудь русским *писателем*, как назывался в эти старые времена переписчик» [Вступ. лекция лектора русского языка в Варшавском ун-те П.А.Кулаковского.// Русь. – 1884. – № 21. – С. 54]. «Выражаясь модным тогда словом, возможность *ликвидировать* свои дела, то есть обращать в текущий товар рынка землю-кормилицу, стоявшую до сих пор неподвижно на трех китах...» [Марков Е. Земля и человек земли // Русь. 1884. – № 11. – С. 33]. «Довольно толковать о принципах, об общих началах! Подавайте чего-нибудь конкретного (это слово теперь в моде)» [Москва 15 ноября.// там же. 1885. – № 22. – С. 2]. Метаязыковые высказывания, отмечая модность слова, тем самым указывают на высокую частотность лексической единицы в речи носителей языка, массовость ее употребления и активность использования.

Итак, рефлексивы отражают обыденное языковое сознание носителя языка, в котором суммируются элементарные знания о языке как системе, фиксируются ядерные зоны знания о динамике языка. Посредством комментария или интерпретации речевой инновации говорящий в своем сознании проводит анализ происходящих в языке изменений, оценивая их.

Языковая рефлексия на инновации в области лексики параллельно выявляет новые явления и процессы, происходящие на других уровнях языка. Следовательно, она касается всех уровней языка и отражает общую динамику языковых процессов.

Литература

- Вепрева И.Т.* О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи.// Русский язык сегодня. Вып. 2. – М., 2003. – С. 416 – 425.
- Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. – Памфлеты эмигранта 1860-1867 гг. – М., 1992.
- Писемский А.В.* Рассказы. – М.: Советская Россия, 1984.
- Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями.* – М., 1990.
- Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч. в тридцати томах. – Л., 1984.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений в 10 томах. – М., 1988.

«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА» И ПРОБЛЕМА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ*

Как известно, «слово может быть как единицей языка, так и единицей речи» [5: 141]. Наблюдающийся в современном языкознании поворот от лингвистики языка к лингвистике речи, когда изучение языковых явлений в рамках языка как абстрактной системы все больше заменяется исследованием живой речи, конкретных текстов, как нельзя точнее подтверждает целесообразность одного из принципов создания исторического «Словаря русского языка XIX века»: «Словарь, отражающий эволюцию нормы, обязан интерпретировать факты речи, фиксируемые текстами XIX в.» [4: 36].

Учитывая данное положение при разрешении одной из первостепенных при составлении Словаря задач, отборе единиц для словника, исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой включения в него окказиональных слов¹ как лексических единиц речи.

Проект «Словаря русского языка XIX века» не слишком подробно останавливается на путях решения данной проблемы [4: 36–37], но совершенно очевидна общая установка на широкое представление окказиональной лексики в составе словника, соответствующая концепции исторического словаря, в котором не должно быть «резкого ограничения узувального от окказионального» [6: 13]. Следовательно, исторический словарь, демонстрируя динамику, языковые изменения, преодолевает ригоризм нормативного словаря, отказывающегося от многих лексических новообразований.

Таким образом, при составлении словника авторы ориентируются на максимальную его полноту, включая наряду с широкоупотребительным понятием *обломовщина* отмеченные в единичных контекстах лексемы *штольцовщина*, *катковщина*: *это не наша родная*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-00151а «Словарь русского языка XIX в.»: формирование словника».

¹ В лингвистической литературе до сих пор существует терминологический разнобой в толковании понятий «неологизм», «потенциальное слово», «окказиональное слово». Данная дискуссия остается за рамками настоящей статьи.

обломовщина, виноватая только разве тем, что не дает на себя сесть верхом *штольцовщине* (А. Григорьев. Литературные скитальчества, 1864); *Катков с своей катковщиной вводит повсеместный раздор* (Н. Лесков. Божедомы, 1868); параллельно с общепотребительными *байронист*, *обломовец* отмечаются и лексикографируются единичные *аксаковец*, *байроновец*, *гетевец*, *каткист*, *шелленгист*: *Неужели Сенковский попал в гении, в равно байроновцы и равно гетевцы (как говорит Фита)?* (А. Бестужев – К. Полевому, 1834); *..все в природе есть целость – не так ли ..как тебя, шеллингист, или гегелист?* (В. Одоевский. Саламандра, 1841); *Что же мне начальство? Я не каткист, или не аксаковец: я всем доволен и рад стараться..* (Н. Лесков. Божедомы, 1868).

Данный принцип отбора лексики, т. е. максимально возможный учет слов, встретившихся в источниках XIX века, должен коррелировать с тем важнейшим принципом исторического словаря, о котором говорил один из авторов концепции «Словаря русского языка XIX века» Ю.С. Сорокин: «существенное значение имеет учет словообразовательных возможностей и направленности семантических сдвигов, первоначально обнаруживающихся в индивидуальной и групповой речи» [6: 13]. Будучи фактом речи, окказионализм обычно задан системой языка, демонстрируя разнообразные ее возможности – семантические: *Скажите, что за лицо Брамбеус, от которого вся фамилия «Сев<ерной> пчелы» в домашнем своем журнале катается с восторга. То, что читал я, так старо и подснежно!* (А. Бестужев – К. Полевому, 1834), словообразовательные: *Как прежде Рудин работал фразой, только чтобы «заявить», так и базарствующий Рудин в существе дела тоже все холопочет «заявиться»!* (Н. Лесков. Сев. Пчела, 1863, № 142); *Господа полькёры, вальсёры, мазуркёры и редовисты! Из Парижа, из садов Мабилья изпод смычка Мюзара, кланяется вам новый танец, скотииш (skotish) по имени* (И. Кокорев. Новый танец, опубл. 1858); *шумят, и гамят, и не снят* (Н. Полевой. Клятва., 1832); *Что же касается до Баратынского – я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе.* (А. Бестужев – А. Пушкину, 1825); *Молодцы же ловят бабочек, или просто шляются в приятных местах, или, наконец, «концертничают». Подражание дьяконам и архиерейским певчим, как известно, составляет самое высокое эстетическое наслаждение возрастающего всероссийского купечества известного сорта*

(Н. Лесков. Русское купечество по отношению к находящимся при них торговым мальчикам; 1862) и грамматические (*У меня была астрономка. Прожила со мной под одной крышей несколько суток. В большой дозе эта особа – покорно благодарю! Легче таскать из глубокого колодезя воду, чем беседовать с ней.* (А. Чехов – А. Суворину, 1895); *вот уже второй месяц слежу и ни одного свеженького женского экземплярчика! Все старинные завсегда тайки.* (Н. Лейкин. Шуты гороховые, 1879).

Оказавшись в русле активных словообразовательных и семантических процессов, характеризующих динамичный русский язык XIX века, данные лексемы органично вписываются в ряды (*байроничать – концертничать; базарствовать – рудинствовать; байронство – мефистофельство; гегелизм – дидротизм – катковизм – сенсимонизм – шеллингизм* и т. д. и т. п.) или словообразовательные гнезда (*байронизм – байронист – байронствовать // байронство – байроновец – байронить – байроничать; катковец – каткист – катковизм – катковицина – катковствовать* и под.) и позволяют отразить характер отношений в лексической системе языка определенного этапа его развития.

Поскольку «речь испытывает воздействие всех факторов исторической и общественной среды, в которой функционирует язык, и поэтому является проводником исторических влияний» [3: 105], окказиональные слова аккумулируют т. н. «фоновые знания». Среди них важнейшим является знание тех культурных и социальных условий, в которых создавался и воспринимался конкретный окказионализм. Подобные единицы носят название культурно обусловленных окказионализмов, часто они образованы от имен собственных: *В речи Дюма каждая фраза была гасконада, каждая мысль – нелепая претензия и каждое слово – уморительное самохвальство* (П. Анненков. Парижские письма, 1848); *На сих днях я ещё сделал две отчаянные попытки добыть работу и убедился, что мой «катковизм» мне загородил все двери.* (Н. Лесков — П. Щебальскому, 1876); *«Новых людей» Чернышевского он <Н. Лесков> признает значительно возвышающимися над «рудинствующими и базарствующими импотентами»* (Фаресов. Ист. Вестник, 1895, №4).

«Слово в речи, – писал В. В. Виноградов, – помимо своих и переносных значений несёт ещё и потенциальную энергию быть выражением или отображением побочных, ассоциативно связанных с

ним образов, чувств, идей» [1: 62–63]. Естественно, что интерпретация культурно обусловленных окказионализмов, вобравших в себя особенности истории и культуры носителя языка, возможна только на базе внеязыкового фонового знания, т. е. комплекса культурно-исторических ассоциаций. Комплекс подобных ассоциаций, возникающих в связи с тем или иным словом у первичного носителя языка, образует коннотативный компонент лексического значения. К сожалению, в практике отечественной лексикографии ему не уделялось должного внимания. Комплексный диахронический словарь призван восполнить этот пробел.

Например, в № 2 журнала «Москвитянин» за 1848 г. обнаруживается публикация «Еще искандеризмы», являющаяся продолжением опубликованного в № 1 «Словаря солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы». Окказионализм *искандеризм* – «примета времени»: денотат поясняется контекстом, а общая оценка складывается из информированности реципиента о характере литературно-идеологических споров середины XIX века. Окказионализм представляет собой конденсат смысла: *искандеризм* – это варваризм, т. е. заимствованное слово, избыточное для языка, поскольку ему в исходной системе соответствует исконное слово. Неслучайно автором слова и словаря, составленного по произведениям А. И. Герцена (Искандера), был С. П. Шевырёв, который не принимал революционных взглядов Герцена, а его язык оценивал как средство выражения протеста против российской действительности.

Введение в научный оборот нового с точки зрения современного носителя языка материала предполагает использование в «Словаре русского языка XIX в.» такого элемента словарной статьи, как историко-культурный комментарий: «Историко-культурный комментарий – *факультативная* часть словарной статьи. Она появляется только в тех случаях, когда семантика заголовочной единицы (ее значение, одно из значений, идеологические, социальные и пр. осмысления, характерные для исследуемого периода) представляет интерес для историко-культурного комментария на фоне широкого культурного контекста XIX в. или когда комментирование помогает выделить факторы, влияющие на динамику слова в лексической системе данного периода, дает возможность сообщить пользователю словаря новые, интересные для него сведения» [4: 138]. Закономер-

ным случаем включения в словарную статью историко-культурного комментария является культурно обусловленный окказионализм, когда речь идет о событиях и фигурах, малоизвестных современному читателю или поиск соответствующей информации о которых требует серьезных усилий, например: *Во-вторых, наконец научился писать корреспонденции для «Русских ведомостей». Вот уже вторую поместили почти без перемен (с самым легким обихождением)*. (В. Короленко – М. Саблину, 1890). Комментарий к выделенному слову может иметь следующий вид:

☞ От фамилии Заходер (нижегородский корреспондент «Русских ведомостей», очень боявшийся цензуры). Шутливый термин, придуманный Н.Ф. Анненским (1843–1912), русским экономистом, общественным деятелем, сотрудничавшим в различных журналах.

Приведенный пример представляет собой комментарий смешанного типа – он и историко-культурный, и историко-филологический, т. е. показывающий историю возникновения и развития конкретного слова.

В речевой практике, в частности в непринужденном разговорном стиле общения, особенно ошутима настроенность на словопроизводство. Огромный материал подобного рода представляют личностно ориентированные источники — письма, дневники, мемуары, благодаря которым активно пополняется источниковая база и картотека Словаря. Ценность подобного рода источников заключается в том, что в них часто дается авторская оценка как явлений, так и отдельных слов и особенностей их употребления, ср. указание на место функционирования слова в следующем примере: *..у нас в Замоскворечье уютный сад называется просто без затей – ахтильным* (И. Кокорев. Замоскворецкие новости, опубл. 1858).

Традиционно среди характерных признаков окказионализмов отмечается их принадлежность отдельному лицу, вследствие чего их часто называют индивидуальными образованиями. Далеко не всегда мы можем знать, кому конкретно принадлежит тот или иной окказионализм, хотя письменные источники часто способствуют решению этого вопроса. Одной из причин, побуждающих носителей языка, обычно художников слова, к созданию индивидуально-авторских образований, является потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему собственную характеристику, оценку. В отношении культурно-исторической ситуации XIX века

проблема индивидуальных окказиональных образований часто напрямую связана с исследованием такого культурно-речевого феномена, как языковая рефлексия. Затрагивая проблемы развития языка в целом, отдельных его подсистем, проблемы взаимодействия языка и общества, языка и культуры, подобные исследования способствуют реконструкции мировоззренческих установок личности и общества. Индивидуальная языковая рефлексия определяет значимые фрагменты в политической, экономической, культурной, в частности литературной, сферах общества, ср. напр.: *Прямота и откровенность вольтерьянизма с его ненавистью к топасайле и дидротизма с фанатическим поклонением чувственности слышатся пренаивно в подобных сценах* (А. Григорьев. Литературные скитальчества, 1864); *Ключников, независимо от меня, читал своего рода филиппики (a propos — Белинского гонения надо назвать Шевыревику) .между тем Шевырев, черствя в самолюбии и педантизме, смешил и досадовал народ* (Н. Станкевич — Т. Грановскому, 1838).

В связи с этим представляется целесообразным пересмотреть отношение к отдельным (в некоторых случаях хорошо известным, несмотря на их отсутствие в каких бы то ни было толковых словарях русского языка) лексемам и внести коррективы в отдельные положения Проекта словаря. Например, указывая на необходимость ограничения окказиональной лексики, предлагалось исключать единичные образования шуточного характера, в частности глагол *германидоротеизировать* (А.И. Тургенев) [4: 37]. Однако данный пример представляет типичный случай индивидуальной рефлексии, тот особый культурно-речевой, оценочный взгляд на значимые для русской культуры прецедентные имена и тексты: *От скуки, признаюсь, беру перо и германидоротеизирую* [т. е. пишу в стиле поэмы Гете «Герман и Доротея – прим. изд.]. *Как тебе мое новое слово?* (А. Тургенев – М. Бакунину и А. Ефремову, 1840). Кроме того, данное слово с легкостью поддается толкованию.

Наконец, стоит сказать еще об одном типе окказионализмов, характерном прежде всего для художественной речи. Именно в ней возможны отступления от нормы, которые, являясь важным текстообразующим средством и создавая прием языковой игры, превращаются в особую норму, эстетически значимую. Подобные слова, как правило, включаются в словари языка отдельных авторов, однако отдельные лексемы – в силу их исключительной семантической

емкости и эстетической ценности – могут стать фактом «Словаря..»: *клеветон* ‘фельетон, содержащий клевету’ ... и *сейчас в публицистские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон вышел.* (Н. Лесков. Левша, 1881); *С «Левшой и блохой» трудно будет Вам справиться. Тут знания немецкого просторечия недостаточно. Что Вы сделаете с созвучиями и игрой слов: «клеветон» вместо фельетон, «спираль» вместо спертый воздух, «досядательная укушетка» и т. п.* (Н. Лесков – К. Грeve, 1888).

Окказиональные слова иногда называют потенциальными словами, и данный термин представляется в определенном смысле удачным: не претендуя на вхождение в систему языка, окказиональные слова вместе с тем могут стать ее единицами. «То, что живет в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей жизни, но дано как намек в системе языка, прорывается наружу в ... явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное». [2: 4] Динамический характер отражаемых в «Словаре русского языка XIX в.» фактов подчас не позволяет строго разграничивать слова «речевые», разового употребления, и слова «языковые», воспроизводимые, общеупотребительные; граница между двумя классами слов оказывается размытой. Расширение источниковой базы словаря, а также системное изучение описываемой лексики позволит уточнить некоторые вопросы, связанные с проблемой окказиональных слов, а «Словарю русского языка XIX в.» стать «недостающим звеном» русской исторической лексикографии.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. – М.; Л., 1935
2. *Винокур Г. О.* Маяковский новатор языка. – М., 1943.
3. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. – М., 1968.
4. *Словарь русского языка XIX в.* Проект. – СПб., 2002.
5. *Солнцев В. М.* Язык как системноструктурное образование. – М., 1971.
6. *Сорокин Ю. С.* Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 4–27.

**СЛОВАРЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(к постановке проблемы)**

Русская академическая лексикография, как и французская лексикография, с самого начала была пронизана принципом историзма, и в этом отношении она во многом близка французской лексикографии. Как известно, французская лексикография отличается не только тем, что Словарь Французской Академии неоднократно дополнялся и переиздавался, но также и тем, что история французской лексикографии располагает отдельными словарями для каждого века в истории культуры Франции.

Сегодня русская лексикография в значительной степени приблизилась к этому идеалу. В Москве в Институте русского языка им. В. В. Виноградова идет к завершению Словарь XI-XIV вв. (СДЯ). С разной степенью корректирования продолжается издание Словаря XI-XVII вв. (СРЯ XI-XVII), в Санкт-Петербурге продолжается создание Словаря XVIII в. (СРЯ-XVIII), опубликован проект Словаря XIX в. (СРЯ-XIX), вышел уже третий том Словаря обиходного языка Московской Руси XVI-XVII вв. (СОРЯ).

На этом фоне становится актуальным начало обсуждения принципов академического Словаря русского языка первой половины XX в.

По различным объективным причинам в ССРЛЯ АН (БАС-1) в 17 томах слабо представлена лексика русской литературы первой половины XX века.

Что представляет собой русская литература первой половины XX века? Сейчас как будто бы уже всеми признано, что существует единая русская литература первой половины XX века с ее временными ответвлениями в лице Русского Зарубежья. Литература Русского Зарубежья – это литература а) первой волны эмиграции (1917-1940 гг.); б) второй волны эмиграции (1941-1945 гг.); в) третьей волны (1960-1988 гг.). Русская зарубежная литература – это литература на едином русском литературном языке.

В 1990 г. произошло воссоединение зарубежной русской литературы и русской литературы в Отечестве. Обе литературы восходят к русской классической литературе, к единой русской литературе.

Литература русской эмиграции 20-40-х годов XX в., как писал Г. Струве – «это временно отведенный в сторону поток общерусской литературы». Например, ни в Большой словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге до недавнего времени, ни в БАС-1 не нашла отражения лексика произведений Вяч. Иванова, З. Гиппиус, Г. Иванова, Тэффи, М. Алданова, Г. Газданова, Н. Берберовой, Б. Зайцева.

Русская зарубежная литература 20-30-х гг. XX в. – это литература русского ареального рассеяния от Парижа, Берлина, Софии и Белграда до Харбина и США.

А разве достаточно полно представлена в ССРЛЯ АН лексика русской советской литературы 20-30-х гг. XX в. (М. Кузмин, И. Сельвинский, М. Волошин, Л. Андреев, М. Зощенко)?

Среди прозаических жанров в Словаре найдет свое место лексика романов, повестей, рассказов, новелл, очерков, эссе, фельетонов, мемуаров, дневников, писем, детской литературы. Без литературы Серебряного века не понять и русской литературы 20-30-х гг. XX в. в целом. Лексика авторов Серебряного века должна также найти отражение в таком словаре.

Насколько сложнее с научными текстами. В первой половине XX века русская специальная терминология всех наук достигла высокого уровня развития. Включение ее в Словарь даже в ограниченном объеме нереально. Здесь есть и другая опасность. Научные термины 20-30-х гг. XX в. требуют точных определений, соответствующих уровню знания именно данного периода. Нетрудно представить, что это совсем особая задача, которая вряд ли может входить в задачи академического словаря литературного языка.

Литература до конца 20-х гг. XX в. – это множество литературных групп и журналов: «Синий журнал», «Аргус», «Книжный угол», «Мир искусства», «Золотое руно» и др; оставляем в стороне множество газет, выходивших в СССР и за рубежом.

По-видимому, язык журналистики и публицистики как язык газет и журналов на русском языке, выходивших в России, позднее в СССР и за рубежом – это все же особая задача.

Каковы хронологические рамки такого словаря? Нижний предел Словаря первой половины XX в. хорошо задан в проекте Словаря русского языка XIX в. Верхний предел очевиден: это 1939-1940 гг. — время вторжения фашистской Германии в Польшу; падение Парижа, разгром русских эмигрантских журналов, обществ, начало Второй мировой войны и Великой Отечественной войны.

Нередко в основу хронологических рамок того или иного словаря предлагают положить периодизацию этапов развития системы языка. Однако этапы эволюции системы в лексике не совпадают с хронологией развития системы в морфологии и синтаксисе. Система в морфологии устойчива, в лексике подвижна. Понятие системы в лексике зависит также от жанров литературы и типов текстов. Обращаясь к эпохе средневековья, мы видим, что даже в рамках одного века система языка деловых памятников XVI века, летописей и текстов конфессиональных различны.

Не может быть положена в основу хронологических рамок Словаря и периодизация эволюции разных литературных жанров.

В описании значений слов Словарь первой половины XX в. продолжит лучшие традиции русской академической лексикографии. В будущем Словаре будет значительно больше указаний на случаи особой лексической и синтаксической сочетаемости слов, на образное употребление слова у тех или иных авторов. Именно последний аспект, несколько приближающий проектируемый Словарь к словарям языка писателя, требует в перспективе особого внимания. То же можно сказать и о функционально-стилистической характеристике слова.

Из проблем, требующих особого внимания, назовем также опасность определения значения слова вне учета реальной синхронической и исторической обстановки ситуации, модернизации в интерпретации смысла, подстановки исторических и психологических представлений XXI в.

Сопоставляя и анализируя материалы Словаря XIX века, Словаря первой половины XX века и Словаря второй половины XX века, а также ССРЛЯ АН в 17 томах, мы можем и сможем постепенно очертить основные этапы и периоды развития лексико-семантической системы русского языка.

Задача Словаря русского языка первой половины XX в. — это история русской культуры, отраженная в значениях слова.

Список сокращений

БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка АН СССР. – Т. 1-17. – М.; Л., 1948–1965.

БАС-3 – Большой академический словарь русского языка РАН / Научный координатор А.С. Герд. – Т. 1-10. – М.; СПб, 2004–2008.

СДЯ – словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. – Т. 1-8. – М., 1988–2008; (издание продолжается).

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / Отв. ред. О.С. Мжельская. – Вып. 1-3. – СПб., 2004–2008.

СРЯ XI-XVII – словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1 / Гл. ред. С.Г. Бархударов; ред. Г.А. Богатова. – М., 1975; т.28 / Гл. ред. В.Б. Красько. – М., 2008.

СРЯ-XVIII – Словарь русского языка XVIII в. / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. – Вып. 1. – Л., 1984; Вып. 17. – СПб., 2008.

СРЯ-XIX – Словарь русского языка XIX в. Проект / Отв. ред. З.М. Петрова. – СПб., 2002.

Л.Р. Абдулхакова
Казань

ДЕЕПРИЧАСТИЕ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XX ВЕКА: РЕКОМЕНДАЦИИ ГРАММАТИК И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТЕ

В процессе своего развития в качестве самостоятельной грамматической категории русское деепричастие в течение длительного периода вырабатывало формальные показатели, что, отчасти, послужило основанием для некоторых исследователей относить время его формирования к XVIII столетию. Однако и в современном русском литературном языке в значительном количестве случаев сохраняются возможности вариантного образования форм, что вызывает необходимость определить причины и условия варьирования, а также особенности функционирования вариантов.

Синонимичные (=вариативные) образования получают неоднозначную оценку в разных грамматических руководствах, даже относящихся к одному и тому же периоду. Так, формы деепричастий на *-а*, образованные от глаголов СВ II спряжения, в Грамматике русского языка расцениваются как устаревшие и малопродуктивные. Отдельные образования такого типа закреплены в составе устойчивых фразеологических сочетаний: ‘бежать *сломя* голову’, ‘работать *спустя* рукава’ и под. Лишь для небольшой группы глаголов

I спряжения с основой на согласный более предпочтительными признаются деепричастия на *-а(-я)*, чем на *-ши*: *обретя, отвезя, пронеся*, и др. Более употребительными считаются также формы на *-а* от некоторых возвратных глаголов: *нахмуясь, обидясь, прислонясь* [Грамматика 1953].

Однако в Грамматике русского литературного языка [1970] и Русской грамматике указывается, что «обычно эти формы на *-а* употребляются как варианты наравне с формами на *-в, -вши(сь), -ши*» и образуются «от многих глаголов II спр. и некоторых глаголов I спр. с основой на согласный» [Русская грамматика 1980: 1-674]. Между тем это мнение не совпадает с позицией авторов двух нормативных словарей современного русского языка – Грамматического словаря русского языка и Орфоэпического словаря русского языка. В первом образовании деепричастий на *-а* от глаголов СВ ограничивается I спряжением, а другие глаголы остаются за пределами синонимии *-а/-в* и имеют в качестве нормативных только формы на *-в* (*заметив, наклонив* и под.) [Зализняк 1980: 85]. Сходная ситуация представлена во втором словаре: деепричастия на *-а* называются «нестандартными» и возможными только для глаголов СВ I спряжения на *-сти, -зти* (*приведя, отвезя* и под.), при этом варианты формы с суффиксом *-ши* для указанных глаголов не приводятся. Что касается деепричастий на *-а*, образованных от глаголов II спряжения, то они характеризуются как стилистически не нейтральные и употребляющиеся преимущественно в художественной речи [Орфоэпический словарь 1985: 700], хотя приведенные примеры использования подобных образований не дают оснований говорить о какой-либо стилистической маркированности, ср.: *Наклонясь к моему уху, Тихон Иванович едва шевелил губами* (Фесенко); *...а он сидел, низко склонясь над столом, и рисовал чертей* (АрдаMATский).

По мнению Л.К. Граудиной, вариантность деепричастий СВ на *-я/-в* «вызвана смешением временных значений, т.е. тем, что значение настоящего времени, которое закреплено за суфф. *-а, -я*, в употреблении деепричастий СВ стирается и эти формы могут употребляться со значением прошедшего времени» [Граудина 1980: 221]. Более определенно охарактеризовано место образований на *-я*: «Варианты на *-я* стойко закрепились и являются нормативными у деепричастий с возвратной частицей *-сь*» [там же: 222].

Действительно, общая тенденция развития синонимии рассматриваемого типа (*увидя-увидев*) заключается в постепенном сокращении синонимичных форм, по сравнению с XIX – началом XX вв. Формы на *-в* заняли устойчивое положение в современном русском литературном языке, они не воспринимаются как книжные, хотя и формы на *-а* не спешат полностью сдавать своих позиций. Они особенно активны у возвратных глаголов II спряжения, а также у ряда невозвратных глаголов, таких, как *увидеть, завидеть, услышать* и некоторых других, например: *Облачась в профессорские очки, старик разворачивает газету* (Леонов); *...закусив губу и необычно выпрямься, Курилов смотрел на него* (там же); *Родимцев вдруг встал, увидя идущего к нему из полумрака человека в плащ-палатке* (Гроссман) и: *Вавилов, увидев, то Крымов проснулся, наклонился к нему* (там же); *Новиков, услыша вой падающей бомбы, пригнулся* (там же) и: *Услышав шум ключа в замке, Людмила Николаевна сказала мужу...* (там же); а также: *Слушая начальника штаба, Паулюс сидел, ссутуля плечи, как-то не по-генеральски* (там же).

Отсутствие стилистической маркированности названных форм приводит к тому, что они могут свободно варьироваться в пределах одного контекста, у одного и того же автора. Можно лишь отметить, что в поэтических текстах выбор формы на *-а* для деепричастия, приходящегося на конец строки, иногда определялся рифмой, ср., например, у М. Волошина: *поверя – потеря, не утоля – земля, расточа – с плеча, распая – земля*, тогда как в середине строки возможны деепричастия и на *-в*, и на *-а*, например: *Она же птичий крик Вдруг издала и, правде снов поверя, Спустилась в зеркало чернеющих пучин...Смертельной горечью была мне та потеря; Не придя к конечному пределу И земной любви не утоля, Твоему страдающему телу Причащаюсь, темная земля.*

Иначе складывалась судьба деепричастных форм с суффиксом *-вши*, которые практически единодушно расцениваются авторами грамматических трудов как стилистически маркированные и употребляющиеся для придания контексту разговорно-просторечной окраски. Правда, в этом случае несколько выделяется позиция А.А.Зализняка, который в своем Грамматическом словаре указывает не на дифференциацию возможных образований, а, скорее, на их равноправное положение: «Деепричастия на *-вши* имеют параллельную форму на *-в*» [Зализняк 1980: 85]. По мнению Л.К.Граудиной,

отношения между формами на -в и -вши «обусловлены тенденцией к экономии – отказу от более длинных и теперь уже звучащих архаически деепричастных форм на -вши и -ши» [Граудина 1980: 222].

Действительно, деепричастия с суффиксом -вши использовались многими авторами на протяжении всего XX в., причем говорить об их стилистическом характере не всегда возможно. Такие формы встречаются в научных трудах, в художественной прозе, в поэтических текстах, например: *Гоголь пошел дальше Пушкина в приближении языка литературы к языку народа.., отразивши на нем и свои личные особенности своего воспитания и образования* (Будде); *Собразивши, что идти к обедне уже поздно, он даже обрадовался* (Бунин); *Однако, проживши год одиноко, Турбин стал вспоминать об отце с тоской и нежностью* (там же).

Форм с суффиксом -вши было достаточно много в литературном языке начала XX в. до 20-30-х годов у самых разных писателей – И. Бунина, А. Неверова, Вс. Иванова, В. Катаева, К. Федина, В. Шкловского и др. [Граудина 1980: 223].

Следует, впрочем, обратить внимание и на то, что у отдельных писателей второй половины столетия также может проявляться бóльшая склонность к употреблению указанных форм, например, их немало у В.Гроссмана, В.Астафьева, В.Распутина, С.Антонова: *Родимцев, зябко поднявши прикрытые шинелью плечи, ...внимательно, в упор смотрел на музыканта* (Гроссман); *Проживши тридцать да еще с гаком годочков, ясно, что они немало перелились друг в друга и тем уже стали роднее* (Распутин); *Прочитавши добросовестно целые «портянки» стихов, Александр Николаевич поинтересовался: «Можно начистоту?»* (Астафьев); – *Ой, батюшки, тошнехонько, – бормотала она вслух, потерявши осторожность* (Антонов); *Он лежит под кустом, запахнувши фуфайку на груди и обнявши ружье. Он стит* (Турчик).

Значительное количество деепричастий с суффиксом -вши встречается в поэтической речи, особенно в поэзии первой половины XX в. (у Н. Гумилева, А. Белого, А. Ахматовой и др.): *Так в небе, внезапно прорезавши тьму, Мелькает золотая комета* (Гумилев); *В час зари на небосклоне, Скрывши лик покровом белым Он стоит в литой короне Гребнем грозно-онемелым* (Белый); *В безумьи заломивши руки, Он бьется в безысходной муке* (Волошин, с. 29). Об отсутствии признаков ‘разговорности’ или, напротив, ‘архаичности’

у рассматриваемых форм вполне отчетливо говорит, на наш взгляд, их контекстуальное окружение. С другой стороны, в рамках одного стихотворения могли быть использованы разные деепричастные формы, например: *Свивиши тучи в кудель и окутав горные щели, Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя* (Волошин); *Красавец Огюст, На стол уронив табакерку, Задев этажерку, Обнявши подругу за талью, склонился на бюст* (Белый).

Довольно много подобных форм в стихотворениях А. Ахматовой, причем и здесь они не имеют стилистической маркированности и могут чередоваться с образованиями другого типа, ср.: *Когда умру, не станет он грустить, Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!»; Но скоро там, где жидкие березы, Прильнувши к окнам, сухо шелестят, – Венцом червонным заплетутся розы, И голоса незримых прозвучат и: Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной, Но гибелью ли жажду утолить.*

Приведенные примеры дают основание говорить о стилистической равнозначности форм на *-вши* с формами на *-в* и об их использовании в поэтических строках с целью создания или поддержания определенного стихотворного ритма и размера.

Наряду с приведенными случаями стилистически нейтрального употребления рассматриваемых образований в рамках поэтических текстов, следует обратить внимание и на возможности придания контексту с помощью форм на *-вши*, наряду с другими образованиями, стилистической окраски, например, особой интонации разговорной речи простого человека, не искушенного правилами литературного употребления. Такой представляется функция подобных образований в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В нем образ автора сливается с образом главного героя, и язык его повествования фактически становится отражением речи Шухова, в которой уместны и разговорные формы, не всегда принятые литературной нормой, например: *И, со стола взявши, протянул пайку. А на пайке – сахару черпачок опрокинут холмиком белым* (с. 16); *82-я бригада, какая ямки долбала без угреву полдня, – она-то первые места по гудку и захватила. Теперь и поевши не уйдет – уходит ей некуда* (с. 46).

С такой же функцией в этом произведении употреблены и другие деепричастия, не соответствующие по форме нормам современного литературного языка: *Считается инвалид, легкая работа, а ну-*

ка поди вынеси, не пролья (с. 4); С Фетюкова станет, что он, миску стережа, из нее всю картошку выловил (с. 11); –Кривлянье! – ложку перед ротом задержса, сердится X-123 (с. 52).

Кроме того, формы на -вши могут придать контексту ироническое звучание, которое часто присутствует при их использовании в фельетонах:

Ибо – вы только подумайте, а, подумавши, ужаснитесь, до чего же распоясались эти хвалители: «великий русский поэт Мандельштам» (кошмар!) (Рассадин); А в больницу заходил к своей родственнице, поссорился с ней и в сердцах ушел, не снявши халата (Известия, 1988, фельетон).

Крайне редким можно назвать употребление в современном русском литературном языке деепричастий с суффиксом -учи (-ючи). Они, как правило, являются стилистически маркированными, однако эта окраска существенно менялась на протяжении XX в., о чем, в частности, свидетельствуют материалы разных грамматик. Так, в Грамматике русского языка указывается: «...образования на -учи (-ючи) воспринимаются как архаические, или как употребленные в целях стилизации под народную или старинную речь» [Грамматика 1953: 1-525]. Между тем в Русской грамматике дается совершенно иная оценка этих образований. Отмечается, что они возможны лишь от глаголов, имеющих разговорную или просторечную окраску, а в художественной и публицистической речи они «имеют стилистически сниженный характер» [Русская грамматика 1980: 1-672].

На фоне других форм с суффиксом -учи выделяются деепричастия *идучи* и *едучи*, для которых в течение длительного времени было характерно стилистически немаркированное употребление. К тому же для глагола *есть* – это единственно возможная форма деепричастия. Эти формы чаще других встречаются в современном языке, при этом их стилистическая окраска сведена до минимума, ср.¹: *Одна моя корреспондентка сообщает, что хранит «счастливую брошку», которую 35 лет тому назад она надела, идучи на «страшный экзамен» (Ильина); По его же словам, осанка палестинских евреек гордая, лица правильны и благородны, походка легкая и вместе твердая; они особенно картинны, идучи с мехами на голове к родникам и колодцам* (Давыдов); Мне это наскучило, и я*

¹ Знаком * отмечены примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpota.ru).

однажды, едучи на литературный вечер, сказала Федору Михайловичу* (А.Г. Достоевская).

Говоря о стилистических целях употребления рассматриваемых образований на -учи, можно отметить указанный в грамматиках разговорный характер этих форм, с чем связано их частое использование в прямой речи или для придания повествованию непринужденной интонации: *Я там, в окопах сидючи, так приспособился, что германские пули голой рукой ловлю, да им же обратно и посылаю...** (Саша Черный); *Не возрадовался бы твой покойный отец, глядючи на тебя!* (Шолохов); – *И душа моя изболится, глядючи на вас... – И он поцеловал жену и долго не отпускал от сердца любимицу свою, единственную дочку (Фадеев).*

Кроме того, такие деепричастия использовались и продолжают использоваться для некоторой архаизации языка или стилизации под народную речь, выступая наряду с другими средствами: *Сидючи под иконами, скушал он просфорку божию и пальцем подозвал сподвижников своих, палачей Могучего и Глазова (Пикуль); У ворот стояли и посмеивались, глядючи на них, двое недавно, видать, подошедших храбров из князьей дружины – в кожухах поверх кольчуг** (Лукин); *Вспомните: голод, война, горе – пели! Идучи на покос, в поле на работу – пели... (ЛГ, 1988).*

Формы на -учи могут способствовать также созданию иронического звучания контекста: *у, захотели эти русские, в своем медвежьем углу сидючи, прославить каких-то своих угодников Божиих** (В. Лебедев); *Во-первых, он удалил из Кабинета министров степашинского предшественника Вадима Густова, который, сидючи в «Белом доме» с кризисной осени, ничем себя не «запятнал» – ни хорошим, ни плохим (КП, 1999); И правда, казалось, умница Баев, сидючи в конторах, не тратил силы, а копил их всю жизнь – такой он был теперь сытенький, кругленький, нацеленный еще на двадцать лет осмеченной жизни** (Шукшин).

В поэтическом языке подобные образования выступали как ритмическое и рифмообразующее средство, ср.: *Весна! Не отлучайтесь
Сегодня в город. Стаями По городу, как чайки, Льды раскричались,
таючи (Пастернак).*

Формы на -учи (-ючи) отличает также тенденция к адвербиализации, которая находит отражение в склонности таких образований к одиночному употреблению (без зависимых слов), а также синтак-

сически – в отсутствии обособления подобных форм: *Не следует считать, что участники преступной группы кейфуючи собирали с автоматов дань и сибаритствовали* (Известия, 1987); *Обращаясь к россиянам, Президент жалеючи предложил нам на время Олимпиады отнести мысли о политике «на второй план»* (КП, 1998); *Я до того сидючи спала** (Распутин). Эта тенденция нашла отражение в формировании устойчивых оборотов, таких как ‘жить *припеваючи*’, ‘работать *играючи*’, ‘идти *крадучись*’ и под., ср.: *Пристыди его кто-нибудь, ну, старший сын, например, запрети ходить туда... Да нет, как запретишь? Он бы крадучись стал ходить. Он теперь не мог без этого* (Шукшин); *...купить бы тот дом на пригорке за каштановой аллеей и зажечь с Родионом припеваючи. Да разве дадут припеваючи?* (Плисецкая).

Таким образом, можно говорить о том, что в современном русском литературном языке синонимичные формы деепричастий, неоднозначно оцениваемые учеными, характеризуются значительными возможностями разнообразного использования – от нейтрального употребления до создания стилистически разноплановых контекстов.

Литература

- Грамматика русского языка. – В 2 т. – Т. 1. – М.: АН СССР, 1953.
Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л.К.Граудина. – М.: Наука, 1980.
Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1980.
Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. – М., 1985.
Русская грамматика. – В 2 т. – Т. I. – М., 1980.

Л.Н. Третьякова
Москва

ФОРМИРОВАНИЕ «ВОЕННЫХ» ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

«Военные» фразеологизмы составляют фрагмент языковой национальной картины мира русских, т.к. русские веками подвергались нападению агрессивных соседей и вынуждены были воевать.

Рассмотрим фразеологизм *сложить голову*, который является одним из древнейших выражений современного русского языка. Эта фразеологическая единица возникла в среде воинов, в древнерусской боевой практике. Мы встречаем ее в летописях, в «Слове о полку Игореве», «Задонщине». Фразеологизм *сложить голову* составляет необходимую принадлежность древнерусской военной риторики: в военных речах, зафиксированных в летописях. В одной, наиболее ранней, а именно в обращении князя Святослава к своим воинам мы наблюдаем формирование фразеологизма, т.е. переход от прямого значения к переносному: «Аще моя голова ляжет, то промыслите собою. – Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». «Свои главы сложили» – мы понимаем это выражение в переносном смысле – «умрем, отдадим жизнь за князя, за родину».

Наряду с выражением *голову сложить* в древнерусском языке в таком же переносном значении употреблялись словосочетания *голову покласти*, *голову положить*, *голову складывати*, *голову скласть*, *голову приложити*, *повалити головой* и некоторые другие. Эти словосочетания отмечены И.И. Срезневским в «Материалах для Словаря древнерусского языка».

Степень употребительности их неодинакова. Чаще всего встречаются *голову сложити* и *голову положить*. Летописи дают очень много примеров использования этих оборотов, особенно часто в прямой речи: обращениях князей друг к другу, к дружине, дружины к князю. Например: «Такоже мужи Александрови исполнишася духа ратна, и бяху об сердца им акы лвом, и рокша: «О, княже наш честный и драгий, ныне присле время положитя главы своя за тя» (Новгородская 1-я лет. младшего извода). В «Слове о полку Игореве» оборот включен в патриотический призыв Игоря Святославовича к своей дружине: «Хочу бо, рече, копие преломити конец поля Половецкого; с вами, русици, хочу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

В памятниках древнерусской литературы слово *голова* встречается в полногласной и неполногласной форме (*глава*) приблизительно с одинаковой частотой. Оборот с неполногласным вариантом – *глава* – постепенно выходит из употребления, сохраняясь в церковно-книжных и отчасти поэтических стилях языка. Этому способствовало развивающееся расхождение в значениях между словами *глава* и *голова*. Только за полногласным вариантом сохранилось

значение символа жизни, существования, здоровья. В этом значении слово *голова* обычно употребляется в словосочетаниях *сложить, положить голову, заплатить головой, пропала моя голова, не сносить головы*. По-видимому, в XVII веке оборот с полногласным *голова* стал литературной нормой. Словарь Академии Российской 1789 – 1794 гг. уже не отмечает устойчивого сочетания с неполногласным *глава*, а приводит только *положить голову (свою)*, сопровождая пометой «простореч.», указывающей на то, что в это время оборот уже являлся широко известным.

Итак, в старых памятниках оборот *сложить (положить) голову* являлся как бы формулой верности, преданности князю, дружине, церкви, царю, службе.

Теперь *сложить (положить) голову* – распространенный оборот в современном русском языке, широко употребительный в художественной литературе и публицистике, во всех видах устной и письменной речи.

Сложить голову – это быть убитым на войне, например: «...может быть уже сложил голову за землю родную сын твой, отец, муж, брат» (Фадеев. Молодая гвардия). Сложить голову можно в борьбе за достоинство и честь. В «Песне про царя Ивана Васильевича...» М.Ю. Лермонтова Иван Грозный говорит, посылая на казнь купца Калашникова, вступившегося за честь своей жены и убившего на поединке опричника Кирибеевича: «А ты сам ступай, детинушка, / На высокое место лобное, / Сложи свою буйную головушку». О тех, кто стал жертвой насилия или стихийного бедствия, также можно сказать, что они *сложили (или положили) голову*: «...все положили головы, все сгибли – кто положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынеся позора...» (Гоголь. Тарас Бульба).

Фразеологизмы являются одним из видов прецедентных языковых единиц. Они требуют осмысления на двух уровнях: на уровне языка и на уровне культуры. При языковой доступности ФЕ весьма сложны в смысловом отношении даже для иностранцев, владеющих русским языком на продвинутом этапе.

Присутствие ФЕ оживляет текст, способствует более лёгкому пониманию сложных экономических и политических явлений и понятий, привлекает и удерживает внимание, насыщает текст выразительными образами, способными надолго сохраниться в памяти,

оказывает воздействие на ассоциативное понимание, являясь одним из инструментов воздействия, а подчас и манипулирования сознанием и мыслительным процессом, служит эффективным средством выражения личной позиции автора, выступает в роли уплотнителя информации.

Изучение «военных» ФЕ важно для воспитания патриотизма через родной язык, а для иностранцев – для познания «загадочной» русской души.

***В.В. Шмелькова**
Пенза*

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ XX ВЕКА

Последние десятилетия XX века по масштабам влияния событий общественной жизни на словарь сопоставимы с самыми сложными, переломными эпохами. Эти кардинальные изменения, произошедшие в России, вызвали «бурные и вихреобразные языковые явления» [Скляревская: 5].

Среди активных процессов в лексике русского языка нашего времени следует отметить процесс лексической деархаизации – возвращения в активное речевое употребление устаревших (в той или иной степени) слов.

Активизация в конце XX – начале XXI столетия достаточно большой группы лексики (современные словари фиксируют несколько сотен слов) – явление в русском языке, характерное для нашего времени.

Исторический подход к изучению слова отмечает следующую его эволюцию: момент появления, утрата новизны и переход слова в разряд нейтральных, появление оттенка устарелости, выход из активного употребления и переход в разряд устаревших. Но, переходя в разряд устаревших, слова не исчезают совсем. Они продолжают жить в текстах. Устаревшая лексика всегда достаточно активно использовалась в художественной литературе для создания исторического колорита эпохи, как средство речевой выразительности в публицистике. Таким образом, в определенные исторические моменты

устаревшая лексика может актуализировать свое значение и начать активно функционировать в речи, поэтому «возрождение», возвращение некогда устаревшего слова в активное употребление – всегда новый этап в жизни этого слова.

Авторы «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» выделяют следующие тематические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников: 1. Политика, социальное устройство, идеология; 2. Экономика, финансовое дело; 3. Армия, охранительные органы; 4. Техника, автоматизация; 5. Спорт, игры; 6. Медицина; 7. Религия, верования; 8. Массовая культура; 9. Музыка современной массовой культуры; 10. Молодежная субкультура; 11. Предметы одежды и головные уборы; 12. Предметы обихода; 13. Кушанья, напитки; 14. Ткани, материалы; 15. Предметы и способы ухода за лицом и телом, косметика; 16. Область паранормальных явлений [Скляревская: 6].

Лексика, некогда утраченная, а в наше время возвратившаяся в употребление, относится в основном к 1–3 (*департамент, коммерсант, акциз* и др.), 7 (*милостыня, прощёное воскресенье* и др.), а также – 11–14 (*боа, редингот* и др.) группам. Характерными процессами для других выделенных групп стали процессы заимствования и ассимиляции иноязычной лексики и т.д.

Ценность большей части возвращенной лексики бесспорна. Это огромный пласт культуры, часть традиционного сознания народа. Лексическая деархаизация, в отличие от употребления устаревших элементов в текстах нашего времени, характеризуется тем, что вернувшееся в современное речевое употребление слово теряет свою ярко выраженную стилистическую окрашенность, временную маркированность и становится достаточно нейтральным, хотя на начальном этапе деархаизации лексическая единица экспрессивна, т.к. реалия часто попадает в иную культурную ситуацию, а слово – в новый контекст. (Например, *Модный ресторатор Аркадий Новиков раскрывает секреты VIP-застолья* (КП, 2.12.06) *Ресторатор Алексей Орлов инвестирует 14 миллионов долларов в региональные проекты* (Вести, 10.12.06). Ср. *Ресторатор* – устар. Владелец, содержатель ресторана – [БАС, т. 12].

Возвращению в узус лексики, бывшей какое-то время малоупотребительной и неупотребительной, способствует установка общест-

ва на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории. При этом лексические историзмы, выступающие в функции номинации новых реалий современной жизни (*дума, гимназия, губернатор*), в основном используются для заполнения возникших в результате архаизации советизмов лакун, а также для того, чтобы подчеркнуть особенность, оригинальность этой реалии. Это и заставляет обращаться к прецедентам истории.

В конце XX – начале XXI века сформировалась некоторая установка общества на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в советский период.

Достаточно большую группу слов в советское время составляли относительные историзмы, т.е. слова, которые были историзмами по отношению к советской действительности, но оставались актуальными для определения реалий жизни капиталистических стран (*рента, предприниматель, коммерсант* и др.). З.Ф. Белянская называет их «лексикой двойной социальной соотнесенности» [Белянская: 15]. В конце XX века эти слова перестали быть историзмами и по отношению к российской действительности.

Активно и сознательно проводимые в советское время атеистические мероприятия наложили табу на лексику религиозную и церковную, и даже словари этого времени должны были подчеркнуть несовременность, ограниченность употребления такой лексики, например, *Успение* «2. Церковный праздник в память смерти богородицы (15 августа ст. стиля)». [БАС, т. 16]. Словарная статья содержит дату празднования только по старому стилю. *Православие* – христианское вероучение, сложившееся в Византии, в отличие от господствующего на Западе католицизма, являвшееся официальной религией в России [БАС, т. 11].

Словари русского языка конца XX – начала XXI века фиксируют большое количество «возвращенной» конфессиональной лексики. Не случайно и то, что в период с конца восьмидесятых годов было издано множество энциклопедий, словарей, целью которых было лишь разъяснение православных понятий и терминов. В этом была насущная необходимость, потому что люди часто не понимали значений слов. «В русской истории за годы советской власти эта лексика была отодвинута на периферию лексической системы и прак-

тически вытеснена из языкового сознания людей, – пишет автор «Словаря православной церковной культуры» Г.Н. Складарская. – Словарь ставит своей задачей в какой-то мере восстановить этот массив лексики, один из важнейших в русской культуре и духовной жизни нашего народа» [Складарская 2002: 5].

Таким образом, возвратившаяся в активное употребление в результате деархаизации лексики, некогда устаревшая или сознательно отодвинутая в пассивный словарный состав, достаточно быстро заняла своё место в лексической системе современного русского языка. В наши дни процесс деархаизации можно считать в основном завершённым, и завершение его – один из признаков некоторой стабилизации лексической системы современного русского языка.

Новые слова, новые значения слов, возвращённые лексические единицы, отражающие динамические процессы, связанные со стремительными общественными переменами, которые произошли и происходят в России, активно пополняют лексику русского языка и составляют неотъемлемую часть современной языковой картины мира русской лингвокультурной общности.

История русской лексики отразилась в словарях XX века. Об этом свидетельствуют пометы хронологического характера в толковых словарях русского языка (*устаревшее, до революции, в царской России, до ликвидации безработицы в СССР и т.п.*). Словари нового времени (Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения – 1998; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия – 2005; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика – 2006 и др.) отразили реалии нового времени, новую языковую ситуацию.

Литература

Белянская З.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы). АКД. – Л.: 1978

Складарская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. – М.: 2006

Складарская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб., 2000.

Н.С. Морозова
Северодвинск

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ ДЕНОТАТИВНОГО КЛАССА <СНЕГ> В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА И Н.А. НЕКРАСОВА

В литературе XIX века четко выделяются два литературно-эстетических метода отображения действительности – романтизм, возникший в первой четверти века, и реализм, пришедший вслед за романтическим мировосприятием. Отметим, что в определенный период развития литературы оба направления могут сосуществовать параллельно, что находит отражение в творчестве отдельных писателей.

Отнесение автора к тому или иному течению не есть формальность в классификации огромного количества литераторов, а является следствием выражения автором своего мировидения средствами языка. Показателями своеобразного мировосприятия поэта являются особенности использования слов и их сочетаний, выразительных приемов языка, характер созданных автором образов.

В послепушкинский период развития русской литературы ярким выразителем романтических настроений стал Ф.И. Тютчев, для которого был характерен «очень романтический взгляд на природу» [Маймин 1976: 148]. Стремление отобразить реальность жизни, быт простого человека, его невзгоды характерно для творчества Н.А. Некрасова, являющегося, по мнению В.С. Баевского, представителем гоголевского направления в поэзии [Баевский 1994: 188].

Сравнительно-сопоставительный анализ освоения писателями объекта реальности, его изображения в индивидуально-авторской картине мира может стать способом выявления особенностей мировосприятия писателей. В данном случае был выбран значимый для русского человека объект – снег как вид атмосферных осадков. Сведения о данном (как и любом другом) явлении природы отражаются в объектно ориентированных языковых единицах, представляющих собой организованную совокупность (денотативный класс по

Т.В. Симашко) [Симашко 1999]. С целью сравнить, как отражается выбранный нами фрагмент действительности в поэтических произведениях Тютчева и Некрасова, был выявлен состав эстетически освоенных компонентов денотативного класса <снег> (далее – ДК <снег>). Так, в поэтическом языке Тютчева нам встретилось 20 случаев использования лексем данного ДК: *снег* (9 раз), *вьюга* (4), *снежный* (3), *снеговой* (3), и *метель* (1). В произведениях Некрасова употребляются лексемы *снег* (43 раза), *вьюга* (10), *снежный* (7), *метель* (6), *снежок* (4), *сугроб* (3), и по одному разу встретились слова *белоснежный*, *снеговой*, *снежно*, *метелица* (всего 77 словоупотреблений). Нетрудно заметить, что состав выявленных нами компонентов ДК <снег> заметно различается в поэтическом языке Тютчева и Некрасова (соответственно 20 к 77). Количественное расхождение мы объясняем, во-первых, разным объемом художественного наследия поэтов, во-вторых, произведениями разных жанров. Так, к примеру, перу Некрасова принадлежат поэмы, поэма-эпопея, тогда как произведения Тютчева в большинстве случаев представляют собой лирические стихотворения. В-третьих, расхождение можно объяснить и идейным замыслом произведений, который, в свою очередь, является следствием литературно-эстетических взглядов автора.

Для определения семантического своеобразия рассматриваемого объекта окружающей действительности в поэтическом осмыслении Тютчева и Некрасова проводится анализ контекстуального окружения выявленных лексем. Изучение материала протекает в трех направлениях: 1) определение эстетически освоенных свойств снега; 2) анализ репрезентации поэтического осмысления снега; 3) выявление актуальных для обоих авторов характеристик снега, используемых при создании художественных образов.

При изучении материала было обнаружено, что многие признаки снега, присущие обыденной картине мира, – ‘падать’, ‘покрывать поверхность’, ‘приходить в движение под силой ветра’, ‘отражать свет’, ‘таять’ – находят отражение в художественной картине мира обоих авторов. Вместе с тем, признаки снега получают своеобразное эстетическое освоение в поэтическом языке Тютчева и Некрасова.

Изображение падающего снега замечено нами только в произведениях Некрасова. Это свойство снега может уточняться как посредством семантики глагола-предиката, так и за счет включения в предложение дополнительных компонентов, в том числе и образных

средств. Например, *В щели рам дул ветер, порошил снежок* (о мелком снеге), *Снег лепешками крупными валится* (о крупном снеге).

В поэтическом языке обоих авторов находит эстетическое освоение свойство снега 'покрывать поверхность'. Анализ позиции лирического героя способствует определению особенностей изображения снежного покрова. Тютчевский герой наблюдает за снежными горными вершинами: 1) *Но который век белеет / Там, на высях снеговых?*; 2) *Рок <...> / Выходил за ним [Байроном] на снежные вершины*; 3) *Здесь воздух колет. Снег обильный / На высотах и в глубине*). А лирический герой Некрасова в большинстве случаев фиксирует свое внимание на «земных» просторах: 1) *Край подземного богатства / Снеговых степей*; 2) *Поля, луга зеленые / Попытались под снег*. Более того, Некрасов, в отличие от Тютчева, вовлекает своих персонажей в реалистичную ситуацию: 1) *Крестом осенился и начал / Лопатой снег разгрести*; 2) *Случилось в глубоком сугробе / Полсутки ему простоять*; 3) *В снегу до колен его ноги*; и др.

При описании снежного покрова оба поэта отмечают его естественный цвет, что выражается в использовании авторами слов *белый*, *белеть*, *белоснежный*. Например, у Тютчева находим 1) *Еще в полях белеет снег*; 2) *Кедр одинокий под снегом белеет*, у Некрасова: 1) *Равнины белеют под снегом*; 2) *За клином огляделась я: / Равнина белоснежная*. Однако в изображении поэтами зимнего пейзажа можно наблюдать и некоторые различия: Некрасов воссоздает и холодную красоту природы, и мрачный пейзаж, а для Тютчева зима всегда предстает в ярких, жизнерадостных красках. В большинстве контекстов Некрасова зимний пейзаж окрашен мрачными тонами и угнетенным эмоциональным состоянием: 1) *Снежно – холодно – мгла и туман...*; 2) *Пустыня белая; над гробом / Неталый снег лежит сугробом, / То солнце тусклое блестит, / То туча черная висит*. Заметим, что в данных стихах, построенных на приеме синтаксического параллелизма, интонационно выделяются определения (*тусклое и черное*), находящиеся в постпозиции по отношению к определяемому слову и в одинаковой позиции относительно друг друга.

Более радужными красками воссоздана зима у Тютчева: 1) *Среди снегов Полунощи глубокой, / Под блеском хладных зорь, под*

свистом льдистых вьюг; 2) *Но который век белее т / Там, на вы-
сях снеговых? / А заря и ныне сеет / Розы свежие на них!*
3) *Сквозь лазурный сумрак ночи / Альпы снежные глядят.* Благо-
даря использованию слов с общей семой 'яркий, сияющий' автору
удается воспроизвести зрительный образ снега в солнечную погоду:
Яркий снег сиял в долине.

В произведениях обоих авторов получает эстетическое освоение
свойство снега 'находиться в движении под действием силы ветра',
которое воплощается в описании вьюги и метели. При изображении
зимнего ненастья в поэтическом мире Некрасова актуализируются
два свойства непогоды: звук, создаваемый порывами ветра, и спо-
собность снега, гонимого ветром, заметать все вокруг. Например:
1) *Но след их вьюга замела;* 2) *Хорошо ли метели / Лесные тропы
занесли;* 3) *Зимняя вьюга шумит;* 4) *Бушует вьюга.* В некоторых
случаях поэт передает одновременно зрительные и звуковые ощу-
щения в полном согласовании с эмоциональным состоянием лири-
ческого героя, которое подчеркивается наречиями: *Сурово мете-
лица выла / И снегом кидала в окно, / Невесело солнце восхо-
дило.*

В поэзии Некрасова вьюга и метель связываются с неблагопри-
ятными моментами в жизни лирического героя, с его негативными
эмоциями: *По-прежнему вьюга крутится. / Какое ей дело до наших
скорбей?* В контекстуальном окружении лексем *вьюга* и *метель* со-
держатся слова, обозначающие отрицательные эмоции (*ужасно,*
буйный, тревога), угнетенное душевное состояние (*скорбь, одино-
чество, горе*), громкие и неприятные звуки (*вой, стон, выть, визг-
ливый*). Например, 1) *Слышишь дикие стоны волков / И визгливое
пенье метели...*; 2) *Слышал ты в январской ночи / Метели пронзи-
тельный вой* и т.п. В ряде случаев образы вьюги, метели непосред-
ственно включаются в обобщения более широкого плана, отражая
душевное состояние лирического героя, его размышления: 1) *Под
песню-вьюгу зимнюю / Окрепла дума лютая;* 2) *И путь мой заносят
метели* и др.

Образ вьюги и метели в изображении Тютчева не сопровождается
негативными эмоциями, скорее, наоборот, лирический герой ис-
пытывает наслаждение, покой, в разбушевавшейся природе ему
слышатся убаюкивающие звуки, это подтверждает и семантика
употребляемых поэтом слов: *сон, спать, забыться* (сном). Напри-

мер, в предложении *Кедр одинокий <...> сладко заснул <...> в инистой мгле / И сон его вьюга лелеет* впечатление душевного комфорта создается оценочным эпитетом *сладко*, семантикой слова *лелеять*, а также поддерживается использованием приема звукописи. Повтор звуков [л–н–л–н–м–л–н–л–л] создает эффект убаюкивающей мелодии.

В поэтических произведениях Тютчева и Некрасов отражается и такое свойство снега, как 'таять', однако получает оно различное эстетическое воплощение. Лирический герой Тютчева – наблюдатель, подмечающий разнообразные изменения, происходящие в природе и человеке с наступлением весны: *Блестят и тают глыбы снега, / Блестит лазурь, играет кровь...* Тогда как герой поэзии Некрасова, простой мужик, крестьянин смотрит на весну через призму практической жизни, фиксирует поэтапное превращение снега в воду, для него важен растаявший снег как влага, обеспечивающая урожай, он переживает, если *вода не убирается, / Земля не одевается / Зеленым ярким бархатом.*

В произведениях Некрасова при использовании компонентов ДК <снег> в образных средствах (тропах) заметно влияние фольклорной эстетики. Например, актуализируется естественный цвет снега, что получает выражение в сравнительной конструкции: *Она бела, как снег ваш холодный*; в метафорическом эпитете: *И силы прибавлялося, / Чем чаще я касалася / До белой снежной скатерти.* Заметим, что в первом случае употребляется ставшее традиционным для языка поэзии сравнение, заимствованное поэтами из фольклорной эстетики. В другом случае, при описании героя поэмы «Кому на Руси жить хорошо?», Демушки, автор обращается к фольклорному приему эстетизации внешности, характерному для лирических песен. Ср.: у Некрасова: *Как писанный был Демушка! / Краса взята у солнышка, / У снегу белизна, / У мака губы алые* и в фольклоре: *Лицом бела, как снег, щеки алы, аки цвет.*

Влияние фольклорных традиций наблюдается и в описаниях зимнего времени года, в частности, в представлении его в виде злой старухи, ведьмы, что, как известно, было присуще славянам издревле [Афанасьев 1988: 122]. К данному образу обращается лишь Тютчев. Однако в его изображении негативные черты злой ведьмы утрачиваются: у него зима *хлопочет / И на весну ворчит*, а весна (*прекрасный ребенок*) ей в глаза *хохочет*. Смену одного вре-

мени года другим автор рисует как народную игру в снежки, участником которой являются Зима и Весна и за которой с интересом наблюдает лирический герой: *Взбесилась ведьма злая / И, снегу захватя, / Пустила, убегая, / В прекрасное дитя... / Весне и горя мало: / Умылася в снегу / И лишь румяней стала / Наперекор врагу.*

Традиционный образ претерпевает еще большую трансформацию в тех случаях, когда зима описывается как волшебница: *Чародейкою зимою / Околдован, лес стоит <...> / Не мертвец и не живой – / Сном волшебным очарован.* Стихотворение «Чародейкою-зимою...» передает «состояние полного покоя, тишины, блеска, легкости снежного покрова, вызывающие обычно представление о зачарованном царстве» [Григорьева 1980: 93].

Одним из традиционных мифологических представлений, нашедших отражение в стихотворениях изучаемых авторов, является восприятие зимы как времени года, когда в природе все засыпает или умирает [Афанасьев 1988]. Из двух толкований зимы для Тютчева характерно изображение сна природы, а для Некрасова – смерти. Например, у первого читаем: 1) *Сосны и ели / Всю зиму торчат, / В снегах и метели / Закутавшись, спят;* 2) *Альпы снежные гладят <...> До восшествия зари / Дремлют грозны и туманны;* 3) *Еще в полях белеет снег, / А воды уж весной шумят – / Бегут и будят сонный брег.*

В произведениях Некрасова тема смерти звучит настойчиво в результате использования местоимений со значением ‘всеобщности’: 1) *Как будто весь мир умирает: / Затихье, снежок, полумгла;* 2) *Исчезло все среди снегов.* С темой смерти связано употребление лексем *гроб, кладбище, крест, саван, погребать, погребальный, потонуть*, часть из них используется в составе тропов, другие в прямом значении: 1) *Как саваном, снегом одета, / Избушка в деревне стоит;* 2) *Вместо грязи покрыто кладбище / Белым снегом;* 3) *Кладбище не то, что поля: / Из снегу кресты выходили.* 4) *Снежная пыль <...> / Под собой погребает ковыль, / Всемогущей зиме помогая;* 5) *Кляча еле идет <...> Через белый покров погребальный;* 6) *Деревни в снегу потонули.* Звучание темы смерти может усиливаться тогда, когда в сильной позиции стихотворной строки оказываются рифмующиеся слова *гроб* и *сугроб*: *Пустыня белая; над гробом / Неталый снег лежит сугробом.* Отметим, что лексема *сугроб* отсутствует в поэтическом языке Тютчева, но встречается в

поэзии Некрасова, помимо названных выше, также и в другой ассоциативной связи: *сугроб – могила*. Подчеркнем, что фольклорная связь зимы со смертью в поэзии Некрасова проявляется регулярно, это выражается в повторяющихся сравнениях и метафорах *снежный покров – саван*: 1) *На белом, снежном саване / Ни талой нет талиночки*; 2) *Земля <...> как мертвец без савана* и т.д.

Сопоставление произведений двух авторов показывает разные пути поэтического осмысления и эстетического освоения объекта реальности. Дальнейшее накопление и изучение материала позволит выявить закономерности в освоении выбранного фрагмента действительности поэтами разных литературных периодов, определение актуальных для поэзии признаков снега.

Литература

Афанасьев А.Н. Живая вода и вщее слово/ Сост., вст.ст., коммент. А.И. Баландина – М.: Советская Россия, 1988. – 508с.

Баевский В.С. История русской поэзии: 1730–1890 гг. Компендиум. Изд. 2, испр. и доп.– Смоленск: Русич, 1994. –303 с.

Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева. – М.: Наука, 1980. – 248 с.

Маймин Е.А. Русская философская поэзия. – М.: Наука, 1976. – 190 с.

Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира: докт. диссертация. – Северодвинск, 1999.

Источники

1. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 т. Т.1–5.– Ленинград: Наука, 1982.

2. Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 т. – Т. 1: Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1984. – 495 с.

Л.В. Савельева
Петрозаводск

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ («СКРИПКА РОТШИЛЬДА» А. П. ЧЕХОВА)

При всем том, что каждый художественный текст уникален, в том числе в информационном, структурном и коммуникативном планах, нельзя не обратить внимания на некие этнокультурные составляющие, которые играют заметную роль в создании того, что

принято называть национальным своеобразием литературного произведения. Так, в общих чертах в традициях французской классики хорошо известно особое внимание к социальному и историческому контексту, формирующему личность (например, творчество О. Бальзака, Г. Флобера, Г. Мопассана), что было очень понятно, в частности, русскому читателю, но воспринималось в некотором удалении от моральных оценок. Напротив, национальное своеобразие английской литературы отличается большей дистанцированностью от социально-исторических проблем и представляет более всего частные картины нравов, семейные хроники, романы интриги, разработку социально-бытовых типов (примеры – произведения Ч. Диккенса, У. Теккерея, Томаса Гарди, сестер Бронте, Дж. Голсурси). Для итальянской литературы характерна романтическая поэтизация национально-освободительного движения (А. Мандзони, Р. Джованьоли) и веризм как стремление изобразить крупным планом личность из народных низов, выразить демократические симпатии авторов (Джованни Верга, Луиджи Капуана и др. итальянские новеллисты XIX века).

Что же касается своеобразия вершин русского словесного творчества, то оно более всего ощущается как «правдоискательство», составившее, по определению выдающегося историка культуры Д. С. Лихачева [Лихачев 1999: 18], «главное содержание русской литературы с XI века», а также выраженное, по его же словам, «хоровое начало» нашей культуры (русские православные философы называли это начало *соборным*). Иначе говоря, высокий нравственный заряд и соотнесение своего *я* с окружающими были изначально присущи русской художественной мысли.

В аспекте этих типологических черт словесно-эстетического осмысления действительности обратимся к одному из художественных текстов классика русской литературы А. П. Чехова, который, на наш взгляд, передает национальные акценты в построении своей эстетической модели мира.

Не оспаривая других возможных подходов к анализу прозаического текста, проиллюстрируем один из них, в котором главенствующую роль играет композиция [Федотов 1994: 64 и след.]. Как нам представляется, именно такой подход более прост и позволяет наиболее адекватно оценить мастерство автора «Скрипки Ротшильда» в реализации своего идейно-эстетического замысла.

1. Композиция как система образов

В центре рассказа Чехова – маленький человек, гробовщик из захолустного городишка Яков Матвеевич Иванов (его уличное прозвище *Яков Бронза* намекает на его голубую мечту о заказе богатого гроба). Жил он бедно, в небольшой старой избе, где помещались его семья и все его жалкое хозяйство. Чтобы ярче раскрыть этот главный образ, Чехов строит систему других персонажей по зеркальному принципу: и Марфа, жена Якова, и Ротшильд, его товарищ по любительскому оркестру, позволяют полнее раскрыть характер Якова.

Яков Бронза – скупой, озлобленный, агрессивный человек, обижающий тех, кто слабее его. Он вообще недоброжелателен к окружающим: к жене, к товарищу, к евреям из оркестра. Сам толком не понимая почему, он все время *«рычал и бранился»* [Здесь и далее цит. Чехов 1956: 356–365]. Он давно уже как машина, только считает расходы и доходы. Лишь одно человеческое чувство жило в душе Якова – любовь к музыке и скрипке.

Рядом с Яковым жизнь Марфы очень безрадостна. Женская доля Марфы оказалась очень печальной и потому, что она потеряла своего единственного *«младенчика с белокурыми волосиками»* – дочку, которая совсем ненадолго осветила ее жизнь. Целых пятьдесят два года она преданно ухаживала за мужем, относясь к его скрипке *«с благоговением»*. Когда же она лежала смертельно больная, Яков впервые увидел ее радостной, с ясным лицом, как будто она была счастлива, уходя от него и его гробов.

Ротшильд – такой же бедняк-музыкант с фамилией богача, которую ему дали, наверное, в насмешку. Он всегда прощал Якову оскорбления и обиды, считая его талантливым скрипачом. Будучи очень безобидным и добрым, от оскорблений Ротшильд может только плакать и убегать, и даже его угрозы: *«Ви у меня в окошке полетите»*, *«Ви у меня через забор полетите»* – смешны и безобидны. Его жалобная флейта заставляла тосковать черствую душу обидчика, а значит, Яков тоже чувствовал его талант. Ротшильд, добродушный и мягкий человек, не держит зла на Якова Бронзу, улыбается и кланяется при встрече с ним.

2. Композиция с точки зрения сюжетосложения

Экспозиция рассказа – описание городка, его жителей, быта и занятия главного героя Якова. Чехов изображает интерьер единст-

венной комнаты его старой избы, где помещались «он, Марфа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстак и все хозяйство». Чехов описывает не только доходы и ежедневные мелкие заботы, огорчения гробовщика, но и его тяжелый, неприятный характер, его постоянные мысли об убытках, его непонятные, несправедливые «ненависть и презрение к жидам и особенно к Ротшильду».

Завязка действия подсказана в тексте рассказа: «Шестого мая прошлого года Марфа вдруг занемогла». Болезнь жены, а потом выражение радости и счастья на лице умирающей вызвали в черствой душе Якова совершенно новое чувство: «ему стало жутко», когда он понял, «о т ч е г о у нее такое лицо».

Развитие действия: попытка Якова вылечить жену (поездка к фельдшеру, настойчивые просьбы Якова), смерть жены, похороны Марфы, сильная тоска и первые признаки нездоровья Якова; ссора с Ротшильдом.

Очень важную роль в композиции играет пейзаж на реке. Это та прекрасная жизнь, которая могла бы быть у Якова. Пригнала сюда Якова страшная тоска. Река сверкала на солнце «так, что на нее больно было смотреть». В воздухе носились звуки птичьих голосов: «с писком носились кулики, кричали утки», всюду ключом била жизнь: плавали утки и гуси, выходила из купальни какая-то женщина, с криком носились мальчишки. Яков увидел старую ветвистую вербу, о которой вспоминала Марфа перед смертью, «и вдруг в памяти Якова, как живой, вырос младенец с белокурыми волосами, выросла и верба. О ней он подумал жалостно: «Как она постарела, бедная»». Это была жалость и к Марфе, и к себе, и к «младенчику», и ко всей своей дурной жизни.

Но перемены в душе Якова еще борются с привычными мечтами о доходах и мыслями об «убытках». В развитии действия рассказа отражаются метания души Якова между высоким и низким. Высокое – это гармония любимой музыки, самоосуждение, жалость к жене, забота о ее лечении, светлые мысли о жизни «без ненависти и злобы». Низкое – это привычные денежные подсчеты, мелочные мысли о цене похорон, взрыв жестокости по отношению к доброму Ротшильду.

Можно сказать, что историю души Якова, которую пробудила от сна смертельная болезнь жены, Чехов изображает как бы трагиче-

скими зигзагами. Беспольный поход к фельдшеру и смертельная болезнь Якова приближают кульминацию.

Кульминацией рассказа выступает импровизация Якова на скрипке, когда он сидел на пороге своей жалкой избы и играл *«сам не зная что, но вышло жалобное и трогательное»*. Внутренний монолог Якова говорит о его раскаянии, он жалеет свою бесцельную жизнь, которая прошла без пользы для него и для других людей. Он впервые л а с к о в о говорит с Ротшильдом, называет его б р а т о м , и они вместе плачут, и *«слезы Якова брызнули на скрипку»*, а *«слезы Ротшильда закапали на зеленый стюртук»*. Музыка соединяет и возвышает эти две человеческие души.

Развязка сюжета – это решение Якова отдать скрипку Ротшильду, его предсмертное завещание, которое он высказал священнику.

В эпилоге рассказа изображается жизнь скрипки и музыки Якова после его смерти. Это лучшая часть души Якова, и она живет в игре Ротшильда, вызывая в душах других людей гуманные чувства. Но особенно возвышает людей, до слез, самая *«скорбная и унылая»* мелодия, которую сочинил Яков, когда он стал уже другим человеком, когда он уже понял, в чем был главный «убыток» его жизни.

Название рассказа *«Скрипка Ротшильда»* (но не Якова Бронзы) подчеркивает не только победу добра над злом, но и неумирающую, вечную жизнь искусства.

3. Композиция как система точек зрения

Повествование, реализующее только точку зрения субъекта речи, даже если этот субъект – автор, не может воссоздать объективную реальность объемно и полно, поскольку истина многолика по своей природе. Понимая это, в своем рассказе А.П.Чехов одно и то же явление – супружескую жизнь Якова и Марфы – рисует не только как авторское изложение последовательных событий и действий, но и с разных, противоположных точек зрения самих супругов. Та бездна непонимания жены, которая только раз, но во всю силу открылась Якову, заставила его пересмотреть свое отношение к Марфе не как к привычной детали домашнего быта, а как к человеку со своим взглядом на мир и на него, Якова. Это стало поворотным моментом сюжета и началом пробуждения его души, началом его возрождения. Вторым поворотным моментом стало осознание им своей несправедливости к Ротшильду в результате их сближения и слияния взглядов на мир, бессловесно высказанных в общей мело-

дии, тоскующей и рвущейся из души каждого из музыкантов. В эпилоге авторский голос и авторская оценка изложенных событий выходит на передний план, но и здесь она ясна не сама по себе, а потому, что подкрепляется бессловесной, но такой красноречивой скрипичной партией Ротшильда.

4. Композиция как система мотивов

Стержневым мотивом рассказа выступает *нравственное перерождение* Якова Бронзы перед смертью, которое началось с того, что он впервые посмотрел на прожитые годы глазами умирающей жены.

С этим мотивом тесно переплетаются два других. Первый – мотив *возвышающей силы музыки*. С самого начала душа Якова как бы спала, но музыка не давала ей совсем умереть. Музыка спасала Якова от тоски и скуки жизни, она же помогла ему перед смертью победить свою озлобленность, мелочность, непонимание близких ему людей. Любимая скрипка позволила ему испытать счастье взаимопонимания, когда они с Ротшильдом вместе плакали, слушая ее звуки. Второй – мотив *бессмысленности национальной розни* людей, ведь самым близким и понимающим человеком в жизни Якова оказался **еврей** Ротшильд. И только он передал людям память о том лучшем, что было в Якове, – о его таланте, о его раскаявшейся душе. Тесная взаимосвязь структурного и добавочных мотивов определяет своеобразие и уникальность художественного замысла этого текста.

В целом же, в вечной проблеме жизни и смерти и философском осмыслении истинной цели жизни рассказ Чехова звучит *очень по-русски*. Это проявляется в следующем.

1. Этическая позиция автора, его идейно-эстетическая оценка событий. Как известно, образ автора В. В. Виноградов признавал связующим звеном всех уровней текста, в котором концентрируется идейное, композиционно-структурное и языковое единство произведения. «В *образе автора*, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переход от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения» [Виноградов 1960: 23]. Не подлежит сомнению преобла-

дающая основная эмоция автора – *остро щемящее чувство встревоженной совести, вызванное крайностями национального характера*: тупой озлобленной жестокостью героя и его искренним, глубоким раскаянием накануне смерти. Встревоженная совесть, очистительный катарсис, страстный накал самоосуждения, хорошо известные нравственной позиции большинства русских писателей (Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Достоевского, Есенина, не говоря уж о мучениках совести Гоголе и Льве Толстом) и проявившиеся во многих шедеврах их творчества, стали этнокультурной доминантой «этой святой русской литературы» (Томас Манн), которая «всегда звала в светлую лазурь идеала» [Венгеров 1994: 24] и в русле которой строится авторская модель мира в чеховском тексте. В душе даже такого несправедливо-грубого и невежественного героя, как Яков Бронза, еле теплилась божья искра правдоискательства, и она разгорелась в очистительное пламя, одержавшее свою духовную победу.

2. Безусловное и абсолютное признание высокой этической миссии искусства. Оно изображено в возвышающей душу Якова музыке – во-первых, в воспитательной роли скрипки Ротшильда – во-вторых, и, наконец, высокая миссия искусства, на этот раз художественного слова, торжествует в действенной обращенности самого рассказа Чехова к широкой читательской публике.

Пушкинская мысль о том, что *«гений и злодейство – вещи несовместные»*, определила на долгие годы ракурс изображения человека искусства, и музыканта в частности, в русской литературе. Причем это не только пушкинский гениальный Моцарт или романтически одинокий колосс Иоганн Бах в изображении В. Одоевского, но и целая плеяда героев Тургенева (здесь и виртуозы-певцы из деревенского кабака: одухотворенный замечательным певческим даром, «художник по душе», мастеровой Яшка-Турок и его достойный, хотя и побежденный соперник «рядчик из Жиздры» («Певцы» из «Записок охотника»), потомственный музыкант-виолончелист Лемм («Дворянское гнездо»), вдохновенная пианистка с трагической судьбой Сусанна Ивановна (повесть «Несчастливая»), отставной театральный тенор Панталеоне («Вешние воды»), и многие др. на редкость притягательные образы; «русская графинечка» с редким певческим талантом Наташа Ростова и безвестный нищий скрипач на улицах Швейцарии в изображении Льва Толстого («Люцерна»); Петр По-

пельский, который в изображении В. Г. Короленко осознает свой общественный долг как человек искусства («Слепой музыкант»); романтически роковой и пленительный образ невзрачной гувернантки, высокоодаренной певицы, в повести Куприна «Впотьмах» и пр. Галерею образов очень легко умножить. Нередко яркая *этическая* оценка природной музыкальности оттеняется бездушным музцированием лжегероев с их псевдопривлекательностью (так, омерзительный фагот г. Ратча, персонажа «Несчастной» Тургенева, в этом сродни сладкому итальянскому тенору из толстовской «Крейцеровой сонаты», а также бурному камнепаду в фортепианной игре «Котика» из чеховского «Ионыча»).

Как правило, сама душевная близость в пространстве русской классической литературы проявляется в общности глубоких музыкальных переживаний. Так, случайное скопление людей разных социальных и психологических типов в орловском деревенском кабаке на глазах читателя рассказа Тургенева резко преобразуется в ходе народно-песенного состязания, когда от голоса певца «всем сладко становилось и жутко», в единый замерший от восторга, страстно-участливый организм: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны». Та же традиция изображения *единения душ в изображении музыкального переживания* отчетливо прослеживается в «Семейном счастье» Льва Толстого: *вершины* супружеского взаимопонимания и духовной гармонии влюбленных в его мире связаны с общим глубоким восприятием музыки вообще и определенной моцартовской сонаты в частности.

3. *Выдвижение в качестве положительного героя фигуры Ротшильда, забитого и безответного еврея* (невольного обвинителя и судьи русского по национальности Якова Бронзы, воплощающего в себе тупую скуку и расчетливое зло русской провинциальной жизни) – это тоже одна из примет *национальной открытости русской ментальности*, ее «всечеловечности», по известному определению Ф.М.Достоевского.

К *отвергнутому, несчастному племени* евреев в характеристике автора принадлежит по матери и талантливая пианистка Сусанна из повести «Несчастливая» Тургенева, что еще и еще усугубляет трагическое одиночество незаконнорожденной дочери русского барина в окружающем мире. Обаятельный образ этой героини, ее

горькая судьба вызывает у рассказчика и самого автора горячее сочувствие и резкое неприятие не только ее гонителей, но и оскорбившего ее недоверием, оказавшегося недостойным ее возлюбленного. Встревоженное и обостренное чувство совести в культурном пространстве русской классики порождается несправедливым национальным недоверием и отверженностью не только евреев (здесь нужно вспомнить хотя бы публицистику В. Г. Короленко, «Гамбринус» и «Свадьбу» А. И. Куприна), но и циничным, потребительским отношением к малым народам Кавказа («Бэла» М.Лермонтова, «Хаджи Мурат» Л. Толстого). Представители горских народов изображены в них с глубоким душевным тактом, неизменным уважением и участием даже в ситуации военных действий. В новелле «Максимка» К. Станюковича дружелюбие и открытость простых русских матросов, вчерашних крестьян, простираются и на межрасовые взаимоотношения, которые высвечиваются бескорыстной любовью и искренней привязанностью к попавшему в беду негритянскому мальчику.

В целом, иррациональная ненависть и презрение к носителям других культур всегда воплощались в классической русской литературе только как особо неприглядная *часть обывательской мерзости* русской жизни, вне понимания и интересов которой находится радостное многоцветье этнических культур человечества.

Таким образом, в рассмотренном нами художественном тексте А. П. Чехова невозможно видеть пафос «толерантности» (новомодное слово, но значащее необыкновенно мало: всего лишь «терпимость», подчас граничащую с равнодушием). Нет, всем концептуально-эстетическим содержанием рассказа, его композицией, системой образов, сюжетом и стилистикой он вызывает к взаимоуважению, взаимопониманию, *братской взаимолюбви*, даже к единению душ, то есть к тому, что обычно называют русской соборностью [Булгаков 1991: 145; Колесов 1991: 123 и след.; Есаулов 1993].

Литература

- Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. – М., 1991.
Венгеров С.А. В чем очарование русской литературы XIX века? (Речь, произнесенная в Москве 22 октября 1911 года на праздновании столетнего юбилея Общества Любителей Российской Словесности) // Русская словесность. – 1993. – №2.

Виноградов В.В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи // Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: изд. ПетрГУ, 1993.

Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. – Л., 1991.

Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999.

Федотов О.И. Введение в литературоведение. – М.: Academia, 1998.

Чехов А.П. Скрипка Ротшильда // А.П. Чехов Собр. соч. в 12 томах. Т. 7. – М., 1956.

Л. А. Чернова
Коломна

РОЛЬ ИМЕННОГО ПРЕДИКАТА В РАСКРЫТИИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ (ПО РАССКАЗУ А.П.ЧЕХОВА «НА ПОДВОДЕ»)

В рассказе А.П.Чехова «На подводе» дается социальный портрет простой сельской учительницы Марьи Васильевны из российской глубинки, обремененной заботами о школе, учениках, об экзамене, о дровах для школы, о хлебе насущном. Героиня принадлежит к словию людей, которым некогда думать о призвании, так как все их время и силы отнимают текущие заботы:

Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадном труде не имеют даже утешения думать, что они служат идее, народу, так как все время голова бы в а е т н а б и т а мыслями о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях.

Именной предикат в форме причастия («набита») выражает признак по действию глагола «набить что-то чем-то» с оттенком значительного количества содержания, а глагол-связка «бывает» констатирует наличие признака, который обнаруживается постоянно, что подтверждается синтагматической связью именного предиката с обстоятельством членом «все время».

Однообразие жизни, низкое жалование, постоянная озабоченность, невозможность изменить жизненную ситуацию, нравственное бесправие и бессилие сделали Марию Васильевну боязливой, неженственной:

И от такой жизни она постарела, огрубела, стала некрасивой, угловатой, неловкой, точно налили ее свинцом, и всего она боится, и в присутствии члена управы или попечителя школы она встает, не осмеливается сесть, и когда говорит про кого-нибудь из них, то выражается почтительно: «они».

Однородный ряд выделенных предикатов в форме прилагательных представляет набор негативных внешних и внутренних признаков изображаемого лица, а глагол-связка «стала» выражает процесс их окончательного приобретения.

Условия жизни невольно формируют негативное мироощущение героини:

Утром холодно, топить печи некому, сторож ушел куда-то; ученики поприходили чуть свет, нанесли снегу и грязи, шумят; все так неудобно, неуютно.

Безличный предикат «холодно» выражает негативное физическое состояние и душевный неуют; предикативы «неудобно», «неуютно» символизируют состояние физической, душевной, эмоциональной скованности, дискомфорта.

Вышестоящие лица характеризуются как некомпетентные, малограмотные, некультурные, зачастую бесполезные:

Председателя трудно застать в управе, а если застанешь, то он говорит со слезами на глазах, что ему некогда; инспектор бывает в школе раз в три года и ничего не смыслит в деле, так как раньше служил по акцизу и место инспектора получил по протекции; училищный совет собирается очень редко и неизвестно, где собирается; попечитель – малограмотный мужик, хозяин кожевенного заведения, неумен, груб и в большой дружбе со сторожем, – бог знает, к кому обращаться с жалобами и за справками.

Предикат, оформленный как именное словосочетание («малограмотный мужик»), имеющее разговорную стилистическую окраску с негативным (пренебрежительным) оттенком, не соответствует наименованию характеризуемого лица (попечителя) и представлению о важном чиновнике; предикативы «неумен», «груб» также откровенно негативно характеризуют манеру поведения и обращения чиновника с подчиненными.

Жизнь еще молодой сельской учительницы Марьи Васильевны ограничена сложившимся за тринадцать лет стереотипом дел: шко-

ла, дорога в город и обратно; школа и опять дорога. Ее бытие спрессовано в сплошное настоящее, не имеющее ни прошлого, о котором героиня уже давно забыла (обеспеченная жизнь в Москве, в большой квартире, среди любящих родственников), ни будущего, которое невозможно себе представить при сложившихся обстоятельствах. Образ жизни героини оценивается автором открыто негативно:

Жизнь трудная, неинтересная, и выносили ее подолгу только молчаливые ломовые кони, вроде этой Марьи Васильевны; те же живые, нервные, впечатлительные, которые говорили о своем призвании, об идейном служении, скоро утомлялись и бросали дело.

Именные предикаты в адъективной форме («трудная», «неинтересная») отображают соответствующий уровень жизни героини, порождающий безразличие к себе:

Вот уже тринадцать лет, как она учительницей, и не сочтешь, сколько раз за все эти годы она ездила в город за жалованьем; а была ли весна, как теперь, или осенний вечер с дождем, или зима, – для нее было все равно, и всегда неизменно хотелось одного: поскорее бы доехать.

Именной предикат в субстантивной форме («учительницей») без глагола-связки является компонентом разговорной эллиптической конструкции, соответствующей доверительной форме авторского повествования; предикат, оформленный в виде фразеологизованной конструкции («было все равно») с разговорным оттенком, выражает абсолютное безразличие героини к природе и погоде и органично вписывается в авторскую речь, предметом которой является мироощущение главного действующего лица.

Изображаемая автором жизнь Марьи Васильевны проходит неизменно, статично, без каких-либо видов на позитивные изменения. В рассказе «На подводе» представлен лишь один ее эпизод – рядовая поездка Марьи Васильевны из города в глухое село Вязовье, где находится ее школа, но этот эпизод раскрывает образ жизни, мыслей героини, ее заботы и переживания. Темами ее постоянной мыслительной работы являются школа, ученики, экзамен, чиновники, плохие дороги, дрова, сбор денег на дрова. Мрачные мысли сопровождаются дорожными неприятностями:

И ей было досадно на земскую управу, в которой она вчера никого не застала; А дорога все хуже и хуже ...; Тут уж сворачивать негде, колеи глубокие, и в них льется и журчит вода.

Здесь безличный предикат «было досадно» способствует передаче нескрываемого негативного чувства Марьи Васильевны; предикат в форме компаратива («хуже») с повтором и усилительной частицей «все» углубляет неприятное впечатление от поездки; предикат в адъективной форме («глубокие») создает ощущение опасности, ожидающей путников на весенней проселочной разъезженной дороге.

На протяжении всего рассказа тревожные мысли Марьи Васильевны только дважды приобретают позитивное направление: сначала при виде помещика Ханова, встретившегося на пути, затем – при виде проходящего курьерского поезда, в вагоне которого она видит даму, очень похожую на мать. При этом Марья Васильевна испытывает давно забытые чувства радости, счастья, восторга, приобщение на мгновение к теплой домашней обстановке:

Да, никогда не умирали ее отец и мать, никогда она не была учительницей, то был длинный, тяжелый, странный сон, а теперь она проснулась...

Выделенные именные предикаты отражают виртуальную реальность, поэтому их семантика противопоставлена семантике предикатов, соответствующих реальной действительности. Прием такой антитезы необходим, чтобы показать способность героини к проявлению живых чувств, готовность к счастью, к внутренней свободе, к самоуважению.

Встреча с Хановым вызвала волнение в душе Марьи Васильевны: он экзаменовал ее школу, был внешне привлекателен и снисходителен к ученикам:

Этот Ханов, мужчина лет сорока, с поношенным лицом и с вялым выражением, уже начинал заметно стареть, но все еще был красив и нравился женщинам; Она привыкла видеть у себя экзаменаторов холодных, рассудительных, а этот не помнил ни одной молитвы и не знал, о чем спрашивать, и был чрезвычайно вежлив и деликатен, и ставил одни пятерки; «Он в самом деле красив», – подумала она, взглянув на Ханова.

Дважды употребленный предикатив «красив» передает разные точки зрения: в первом случае автор высказывает свое собственное мнение при описании внешности героя, и глагол-связка использует-

ся в форме прошедшего времени в соответствии с повествовательным временем текста; во втором случае выражается точка зрения героини, и предикатив без связки включается в структуру ее мыслительного процесса. Другие предикативы («был вежлив и деликатен») также отражают положительную оценку Марьи Васильевны, которая отмечает демократичность поведения Ханова. В ее размышлениях о Ханове сквозит симпатия к этому человеку и вместе с тем непонимание того, что он не использует преимуществ своей обеспеченной жизни: нравится женщинам, но живет в глуши один; ездит по дурной дороге вместо того, чтобы сделать хорошую; считает себя полезным человеком, а жертвует школе одни только глобусы. Марья Васильевна сочувствует Ханову, так как видит его беспомощность и, возможно, неумение жить:

Он добр, мягок, наивен, не понимает этой грубой жизни, не знает ее так же, как на экзамене не знал молитв; Около старого Семена он казался стройным, бодрым, но в походе его было что-то такое, что выдавало в нем существо уже отравленное, слабое, близкое к гибели; Марье Васильевне стало страшно и стало жаль этого человека, погибающего неизвестно для чего и почему, и ей пришло на мысль, что если бы она была его женой или сестрой, то всю свою жизнь, кажется, отдала бы за то, чтобы спасти его от гибели; В сущности, вся жизнь устроена и человеческие отношения осложнились до такой степени непонятно, что, как подумаешь, делается жутко и замирает сердце; И непонятно, – думала она, – зачем красоту, эту приветливость, грустные, милые глаза бог дает слабым, несчастным, бесполезным людям, зачем они так нравятся.

Однородный ряд предикативов с позитивной семантикой («добр, мягок, наивен») позволяет экспрессивно выразить расположение Марьи Васильевны к Ханову, ее уверенность в его положительных качествах. Предикаты в адъективной форме («казался стройным, бодрым») выражают субъективный взгляд героини, так как обозначенные положительные качества обнаруживаются не сами по себе, а при сравнении их обладателя со старым кучером Семеном. Безличные предикаты «стало страшно», «стало жаль», «непонятно» выражают невольные чувства Марьи Васильевны по отношению к Ханову.

Предикат в форме условного наклонения («была бы женой или сестрой») позволяет передать ирреальность указанных признаков и сожаление героини по этому поводу.

Предикат в форме причастия («устроена») констатирует необратимость установившегося порядка вещей, невозможность сближения двух одиноких людей, что подтверждается также последующим примером:

Жизнь устроена так, что вот он живет у себя в большой усадьбе один, она живет в глухой деревне одна, но почему-то даже мысль о том, что он и она могли бы быть близки и равны, кажется невозможной, нелепой.

Предикаты в адъективной форме («кажется невозможной, нелепой») передают субъективное мнение героини.

Марья Васильевна, простая сельская учительница, считает себя социально не равной Ханову, помещику, но она видит также его человеческие изъяны: он слабый, несчастный, бесполезный человек.

Поездка на подводе обошлась Марье Васильевне недешево:

Калоши и башмаки были полны воды, низ платья и шубки и один рукав были мокры, и текло с них; сахар и мука оказались подмоченными – и это было обиднее всего, и с отчаяния Марья Васильевна только всплескивала руками и говорила:

– Ах, Семен, Семен!.. Как ой же ты, право!..

Предикативы «были полны», «были мокры» представляют собой достоверную констатацию фактов; предикат в форме полного причастия («оказались подмоченными») свидетельствует о необратимости обнаруженного признака и безысходности сложившейся ситуации. Предикат в форме превосходной степени прилагательного («обиднее всего») сосредоточивает внимание на внутреннем состоянии героини, а местоименный предикат «какой» с имплицитной семантикой и разговорной стилистической окраской заключает в себе проявление чувства досады Марьи Васильевны на кучера, который в спешке завез ее в холодную реку, в результате чего испортились купленные в городе продукты.

Таким образом, в рассказе А.П.Чехова «На подводе» изображена однодневная поездка сельской учительницы Марьи Васильевны из города в глухое село как некая социальная модель реальной действительности, при этом в представлении языковой картины мира существенную роль играют именные предикаты, целью которых является организация негативного фона для описания происходящего с героиней и позитивного фона – для изображения ее прошлого.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССА ВЕРБАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА

Исследуя многочисленные модели построения коммуникативного уровня языка в культурном сознании современной эпохи, отечественная и зарубежная лингвистика выделяет категорию эффективного воздействия словом.

Манипуляция представляет собой особый вид психологического влияния, косвенно или прямо обеспечивающего принуждение одного субъекта общения другим с целью совершения конкретных поступков. Процесс вербального манипулирования развивается на основе скрытого воздействия, когда говорящий использует особый арсенал речевых средств, внушая слушателю выполнение каких-либо действий, заставляя участвовать в реализации собственных желаний адресанта. Причём эти намерения таковы, что они идут в разрез с точкой зрения адресата информации. Он о них даже не подозревает.

Часто манипулятор, не раскрывая задуманного перед партнёром по общению, воспринимает своего собеседника не как полноценную личность, обладающую правом на выражение собственного «я», а скорее как средство для достижения корыстных идей, преследуя личные интересы. Тем самым в таком неравноправном процессе общения один из участников диалога изначально игнорирует точку зрения другого, превращая слушателя в жертву манипулятивного приёма.

Как нам кажется, манипулятивное воздействие говорящего на слушателя следует рассматривать как интеллектуальное состязание со свойственным ему расчётом, личной корыстью, использованием «запрещённых приёмов». Более того, если проследить эволюцию лингвистического центра манипулятивного приёма, то можно закономерно выделить начальный, срединный и заключительный этапы его формирования. Ключевым направлением вербальной манипуляции становится желание говорящего человека подчинить себе слушателя, возложить на него ответственность за решение определённых

ных проблем. При этом манипулятор занимает выгодное для себя положение. На наш взгляд, в языке художественной прозы Антона Павловича Чехова можно выделить ряд особенностей, где персонажи осуществляют речевые манипулятивные действия по отношению к своим собеседникам.

Обратимся к анализу тех фрагментов произведений А.П. Чехова, которые содержат элементы речевого воздействия (манипулятивные тактики).

«– Милый мой метр-д’отель! – говорила Ольга Ивановна, всплескивая руками от восторга. – Ты просто очарователен! Господа, посмотрите на его лоб! Дымов, повернись в профиль. Господа, посмотрите: лицо бенгальского тигра, а выражение доброе и милое, как у оленя. У, милый!

Гости ели и, глядя на Дымова, думали: «В самом деле, славный малый», но скоро забывали о нём и продолжали говорить о театре, музыке и живописи» [Попрыгунья].

Так у Чехова изображена ситуация манипулирования сознанием людей, приглашённых в дом Ольгой Ивановной. С помощью глаголов «посмотрите», «повернись», а также образных выражений, используемых в качестве сравнения («лицо бенгальского тигра», «выражение... как у оленя») героиня рассказа внушает своим гостям определённое оценочное представление о муже, готового во всём угодить своей супруге. Воздействие словами, составляющими характеристику человека, оказалось настолько сильным, что пришедшие обыватели как будто безапелляционно приняли «навязанное» им мнение, пусть даже в самых ярких чертах.

Другой пример: *«– Я не знаю, при чём вы тут? – спросила она, презрительно усмехнувшись и пожав одним плечом. – Вас никто не просит.*

– И вас никто не просит, однако же, вы в м о ё м доме устроили целый комитет! – сказал я.

– Меня просят, а вас, поверьте, никто и никогда не попросит. Идите, помогайте там, где вас не знают.

– Бога ради, не говорите со мною таким тоном» [Жена].

В чеховском произведении приведён диалог мужчины и женщины, в основе которого является борьба за отстаивание своих прав. Повествователь акцентирует внимание читателей на репликах агрессивно настроенной женщины, речь которой изобилует «атакующими»

щими» фразами («Вас не просят»). Адресант также использует в общении с мужчиной-адресатом местоимения с категорично отрицательной модальностью («Вас никто и никогда не попросит»). А предложение последней реплики принимает форму «вежливой» грубости за счёт употребления глаголов повелительного наклонения («идите, помогайте там, где вас не знают»). В результате чего персонаж-рассказчик вынужден занимать оборонительную позицию, во-первых, напомнив своему партнёру по общению, что некрасиво обижать человека в стенах его собственного дома, и, во-вторых, открыто обратившись к гневно настроенной собеседнице с просьбой изменить интонацию голоса на более спокойную.

Иногда манипулятор неосознанно (при этом, не произнося вслух никаких слов) скрывает от собеседника, вовлечённого в речевой акт, свои коммуникативные намерения.

«Иван Маркович предлагает слушателям уяснить себе: что такое собственно преступление? Преступление есть безнравственное действие, имеющее в своём основании злую волю. Но свободна ли человеческая воля? На этот вопрос наука ещё не дала положительного ответа. Учёные держатся различных взглядов. Например: новейшая школа Ломброзо не признаёт свободной воли и каждое преступление считает продуктом чисто анатомических особенностей индивидуума.

– Иван Маркович! – говорит умоляюще полковник. – Мы говорим серьёзно, о важном деле, а вы – Ломброзо! Умный человек, подумайте: для чего вы всё это говорите? Неужели вы думаете, что все эти погремушки и ваша риторика дадут нам ответ на вопрос?» [Задача].

Адресант, в роли которого выступает Иван Маркович, старается убедить своих собеседников в правоте собственной точки зрения, логично и аргументированно ссылаясь на «авторитет». Но встречает непонимание со стороны слушателя, который скептически относится к упоминаемой говорящим позиции очень известного учёного. Тем самым полковник как оппонент Ивана Марковича перехватывает лидерство в споре и манипулятивно сводит аргументы своего партнёра по общению к абсурду, придавая серьёзным вещам несерьёзную (используется слово, которое чаще всего характеризует сферу детских игрушек) оценочную окраску («все эти погремушки»).

Ещё пример:

«Но в то же время она вспомнила, что я лакей, низшее существо... Проходимец с всклокоченными волосами, с красным от жара лицом, быть может, пьяный, в каком-то пошлом пальто, грубо вмешался в её интимную жизнь, и это оскорбило её. Она сказала мне сурово:

– Вас не спрашивают. Подите отсюда прочь.

– О, верьте мне! – сказал я с увлечением, протягивая к ней руки. – Я не лакей, я такой же свободный, как и вы!

Я назвал себя и быстро, быстро, чтобы она не перебила меня или не ушла к себе, объяснил, кто я и зачем тут живу» [Рассказ неизвестного человека].

Говорящий персонаж описывает ситуацию непонимания человека или нежелания понять того, с кем ведёшь разговор. Читателю чеховского произведения представлена сцена, когда враждебно настроенный адресант находит в своём лексиконе такие слова, что вербальная манипуляция превращается в оскорбительную выходку не умеющей сдерживать своих чувств женщины. Лексические единицы «лакей», «низшее существо», «проходимец», «пьяный» не только задевают достоинство, личность слушателя, но и характеризуют резкий, грубый, непозволительный с точки зрения речевого этикета тон человека, их произносящего. Рассказчик как человек, загнанный в угол, спешит спасти свою репутацию, обратить внимание агрессивно настроенного партнёра по общению на свою невиновность, вынужден торопливо рассказать всю правду о себе и своих поступках.

Успех воздействующего словесного приёма предопределён во многом тем, как манипулятор способен искусно использовать в собственное благо «слабые стороны» своей жертвы. Рассмотрим фрагмент:

«– Ах, боже мой! – зашептала встревоженно Дуняша, отворяя дверь. – Не говорите так громко и не стучите ногами. Ведь барин из Парижа приехал! Нынче под вечер вернулся!

При слове «барин» Жирков сделал шаг назад от двери, и им на мгновение овладел малодушный, чисто мальчишеский страх, какой испытывают даже очень храбрые люди, когда неожиданно наталкиваются на возможность встречи с мужем» [Неприятная история].

По нашему мнению, писатель иронизирует над метаморфозой, произошедшей в поведении своего персонажа. Чехов, призывавший всем своим творчеством «по капле выдавливать из себя раба», указывает на то, как всего лишь одно слово, сказанное горничной, может мгновенно повлиять на «холопское» сознание обывателя, поставить человека в угодливое положение. Комизм манипулятивной ситуации усиливается и тем, что автор вводит в повествование гиперболический случай, заимствованный из анекдотов о «бесстрашном» любовнике, который испытывает неловкость от предстоящего общения с супругом своей возлюбленной.

Итак, язык художественного произведения у Чехова содержит элементы речевого воздействия одного персонажа на другого. Автор вводит в композиционную структуру рассказа ситуации, основанные на манипуляции поведением и даже сознанием людей. Отдельные лексические единицы (чаще всего – глаголы и оценочные прилагательные), используемые адресантом речи, помогают читателю отчётливо понять истинное отношение говорящего персонажа к своему собеседнику, а также представить логику дальнейших поступков адресата полученной информации (от молчаливо безропотного услужения до защиты своей чести, вынужденного создания вербальной самообороны). Процесс вербального манипулирования принимает вид тайного воздействия, при котором истинные намерения говорящего человека во многом вызваны тем, насколько хорошо осведомлён и как компетентно разбирается в содержании обсуждаемого вопроса его собеседник.

А. И. Фомин
Санкт-Петербург

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ В. В. РОЗАНОВА

Изучение розановского наследия после его возвращения в русскую культуру сразу же стало интенсивным, а с приближением 150-летия рождения – и вовсе лавинообразным. Удивительно, но лингвисты не вдохновились розановскими текстами в той степени, как их коллеги по гуманитарному цеху – философскими, религиозными, эстетическими идеями Розанова [1]. Странно это не только

потому, что проза Розанова принадлежит к вершинам русской литературы, но и потому, что особенности *нового* текста, созданного Розановым, дают неоценимые возможности для исследования русского языка, в том числе и для изучения истории литературного языка.

Несмотря на ряд работ, посвященных языку и стилю Розанова, его тексты явно не вошли в «регулярный» научный оборот русистики. Нет и словарных описаний розановских текстов. Автор настоящей статьи, не покушаясь на создание словаря (что, несомненно, есть дело коллектива), попытался выполнить некоторую работу, подготавливающую создание «словаря языка писателя». Предлагаемая статья и есть сообщение об отдельных результатах лексикографического описания произведений жанра «листьев».

Заметим, что в так называемую «Листву» входит значительное число ныне изданных произведений; их общий объем превышает 100 п. л. Однако эти тексты воспроизведены по рукописям, которые не были подготовлены к печати самим Розановым. К «авторизованным» же произведениям относятся: «Уединенное» (1912), «Опавшие листья. Короб 1-й» (1913), «Опавшие листья. Короб 2-й и последний» (1915). Этот перечень можно дополнить подготовленным Розановым в 1917 г. к верстке начальным фрагментом книги «Сахарна»; лексика указанных произведений и стала объектом нашего описания.

Результатами этой работы стали: 1) полный словоуказатель знаменательной лексики, насчитывающий почти 11.300 словарных статей; 2) частотный словарь, включающий слова, употребленные 10 и более раз; 3) показательные для идиостиля выборки стилизаций, диалектизмов, использованных древних форм, грубо-просторечной лексики; 4) выборки устойчивых явлений идиолекта – розановских «новаций»: субстантиваций, неологики [2], регулярных девиаций грамматической формы слова. Материал этих «новаций», относящихся к идиолекту, представляет, с нашей точки зрения, значительный интерес, поскольку 1) дает основания к заключениям «от идиолекта к идеологии» автора [3], 2) развернут к потенциам языковой системы.

О значимости «новаций» в розановском тексте говорит соответствующая статистика: общее количество лексем словоуказателя, выделенных в отдельные статьи, составляет почти 11300 единиц; в то же время указанные выше «новации» составляют в сумме более

900 слов. Таким образом, розановские «новации» составляют 8% от общего объема знаменательной лексики. Указанную величину считаем значительной, помня об удельном весе неизбежно присутствующего в любом тексте «упаковочного материала».

Собранный материал, как можно представить из численных показателей, значителен по объему и разнообразен, потому ограничимся лишь несколькими (но типическими и показательными) случаями. Прежде всего, чтобы избежать далее дробных отсылок к свойствам розановского текста, коротко назовем его важные для дальнейшего изложения качества:

– Отчетливо выраженный *именной* характер, свидетельствуемый целым рядом явлений: множественными субстантивациями; активностью отглагольных существительных (имен действия); частотностью приставочных глаголов совершенного вида, используемых в перфектном значении; частотностью личных и безличных предикативов, «перенимающих» у глаголов функцию предиката. Это же свойство раскрывается в сторону языкового сознания как стремление к опредмечиванию процессов и явлений, к дальнейшему выведению их на сущностный («ноуменальный», по излюбленному определению Розанова) уровень.

– Насыщенность текста *качественными* характеристиками, что отражается в частотности слов с определенными лексико-грамматическими характеристиками (качественных наречий и прилагательных); в активности грамматических девиаций, имеющих системный характер. Имеются в виду краткие формы и формы сравнительной степени относительных прилагательных и формы множественного числа абстрактных существительных («наделяющие» отвлеченным качеством ряды предметов). Важность качественных характеристик как сущностная черта идиолекта соотносится с качеством как «основной (для русской ментальности – А. Ф.) категорией в плане характеристики внешнего мира» [4]. Названные качества в формально логической последовательности следовало бы представлять в обратном порядке: фиксируется и «снимается» признак, далее этот же признак интерпретируется как предмет. Выбранный же порядок следует *реалистическим* установкам нашего автора. Действительность для Розанова создана и воспроизводится как совокупность осмысленных сущностей (оттого, в частности, показательна активность субстантивированных форм).

– Свойственное Розанову свободное обращение с предписываемой узусом языковой формой ради достижения смыслового требуемых смыслов. За небрежением *формой* стоит «предпочитающее» внимание к явлениям сущностного порядка, – черта в наибольшей степени придающая розановскому тексту «национальную» окраску.

Примеры некоторых показательных «новаций».

1. Субстантивации.

Отличительная черта розановского текста – активность субстантивации, но не как стилистического приема, а как характерного свойства идиолекта. С этой точки зрения, субстантивация – *последовательный* перевод признаков слов в план предметности. Однако такая субстантивация не просто смена категориального значения лексико-грамматического класса. Нередко субстантивированное слово входит в новую для него систему смысловых отношений.

Ср. некоторые примеры: *На «образ мыслей» я нисколько не хотел бы влиять; «на убеждения» – даже «и не подумаю».* Тут мое глубокое «все равно» (К1: 148) [5]; *В сущности, я ни в чем не изменился с Костромы (лет 13). То же равнодушие к «хорошо» и «дурно».* Те же поступки по мотиву «любопытно» и «хочется» (К1: 154); *О мое «не хочется» разбивался всякий наскок. Я почти лишен страстей. «Хочется» мне очень редко. Но мое «не хочется» есть истинная страсть. От этого я так мало замешан, «соучаствую» миру (К1: 138).* Материал показывает, что количественно среди субстантивируемых слов преобладают узуальные для системы формы среднего рода качественных прилагательных: *Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси (С: 18); Заметьте, что уже теперь теснится, осмеивается, пренебрежительно оскорбляется все доброе, простое, спокойное, попросту добродетельное (К1: 167).* Признак переходит в качество, что осуществляется не формальными средствами словообразования, а сменой синтаксической позиции слова с опорой на смысл контекста. Сопутствующий эффект – слово, ставшее обозначением качества одновременно обозначает и носителя этого качества [6]. Такая диффузность семантики выводит субстантиваты из круга средств, специализированных для выражения понятия. В то время как номинация качества предполагает понятийную ориентацию, субстантивированные формы не

имеют соответствующей денотативной отнесенности [7]. Их толкование возможно с помощью близких синонимов, но не с помощью родо-видовых категорий, тогда как их соотносимость с целым рядом реалий очевидна. Ср.: *Я любил ее, как грех любит праведность, и как кривое любит прямое, и как дурное – правду* (К2: 322).

2. Неологика.

Одна из содержательных черт именного строя – интерпретация действия как процесса – проявляется в использовании отглагольных существительных на *-ни(е)*. Эта модель чрезвычайно активна в розановской неологике. Ср.: *Линяет, линяет человек. Да и весь мир в вечном полинянии* (К1: 179). Особенность употребления у Розанова в том, что процессность не затеняет субстанциального характера неологизма. Ср.: *Но вот, что «проходит лик печати», – это довольно явственно в распространяющемся и неустранимом гнушении ею, которое замечается всюду* (К2: 330). Эта черта особенно заметна при использовании множественного числа неологизма. Ср.: *Мир живет великими заворожениями. Мир вообще есть ворожба* (К2: 369).

В числе неологизмов розановского текста – значительная по объему группа отвлеченных существительных, образованных с помощью продуктивного суффикса *-ость*. Определим смысловое наполнение этой модели «образования слов с отвлеченным значением свойства, качества, состояния» [8] как выведение снятого признака на предметный уровень. В употреблении неологизмов на *-ость* есть интересная и важная статистическая (не абсолютная) закономерность: абсолютно используются слова, образованные от прилагательных и сохраняющие «чистую» семантику признака; ср. пример: *Суть не в «левости», а в что болваны* (К2).

Слова же с «унаследованной» от соответствующих причастных форм перфектностью и потенциальностью используются в сочетании с родительным падежом обладателя соответствующего качества или обстоятельственными конкретизаторами. Ср.: *Загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабац отрицания и проклятия – это в России такой ужас, не победив который нечего думать о школах, ни даже о лечении больных и кормлении голодных* (К1: 182); *...была минута для вмешательства светской власти, блюдущей справедливость и необижаемость среди слов и корпораций и переслоек духовенства* (С: 44).

Обе рассмотренные группы неологизмов – отвлеченные существительные на *-ость* и на *-ниj(e)* – относятся к книжно-литературным средствам языка, активным в профессиональной и научной речи, в терминологии. Соответственно их ориентированность на план понятийных значений, заданная словообразовательной моделью, реализуется в определенной функциональной сфере, иначе говоря, понятие как «содержательная форма слова» в этих лексических единицах социализировано. Взятые условно вне контекста такие формы относятся именно к «понятийным» ресурсам системы. Но в индивидуальном творчестве слово как будто бы меняет содержательную направленность. Ср.: *Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в таком задыхании* (У: 49).

3. Девиации формы.

Тенденция к символизации понятийно ориентированного слова хорошо видна на примере формальных девиаций, активных розановском тексте. Здесь отметим лишь использование форм множественного числа существительных с отвлеченным значением. Принято считать, что такое употребление переводит значение отвлеченного существительного в исчисление конкретных проявлений предметно названного признака. Ср.: *...некоторые «духовные абсолютности» так и остались навеки скрыты от тех, кто вечно торжествовал, побеждал, был наверху* (У: 51); *...а все-таки «мелочной лавочки» из души не вытрешь: все какие-то досады, гнев, самолюбие; и грош им цена, и минута времени; а есть, сидят...* (К1: 174); *Жизнь происходит от «неустойчивых равновесий». Если бы равновесия везде были устойчивы, не было бы и жизни* (К1: 104).

Множественное число отвлеченных существительных – другой способ уйти от «понятийной» ориентированности слова при сохранении отвлеченной семантики.

С точки зрения значимости рассмотренные «новации» являются «напряженными» точками текста: нарушающие узус субстантивации, неологизмы, девиации формы всегда создают смысловые смещения более или менее значительного контекста. Такие узлы в тексте суть непременно «наполненные» фрагменты, обладающие динамикой смысла и отражающие при этом сущностные характеристики идиостиля. Динамический ориентир этих «напряженных» фрагментов, как показал материал, един – это движение от *понятийно-дискурсивного* к *символическому*. При этом, что чрезвычайно важно,

эти семантические переходы располагаются в сфере непосредственно не рефлекслируемой грамматической семантики [9]. В отличие от лексических значений как средств прямой номинации привносимая семантика словообразовательных и словоизменительных моделей указывает на *фоновое* присутствие «тенденции к символу». Последнее же, в свою очередь, указывает на то, что такая «символическая направленность» *укоренена* в языковом сознании [10]. Мы распространительно толкуем эту «тенденцию к символу», рассматривая Розанова как *факт русского языка*. Иначе говоря, наблюдаемые закономерности идиолекта для нас суть свидетельства ориентированности русского сознания на символическую, а не понятийную интерпретацию действительности.

Примечания

1. На юбилейной московской конференции 2006 г. на более чем полторы сотни докладов пришлось лишь два языковедческих. Между тем еще В. В. Виноградову принадлежит глухой (по условиям времени) призыв к изучению розановской «Листвы». См. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – С. 21.

2. Говоря в данном случае о «неологике» (а не об «авторских окказионализмах»), имеем в виду значимость, регулярность и воспроизводимость этих единиц, ставших устойчивыми компонентами идиолекта.

3. Значимость заключений «к идеологии» предполагает дальнейшую цель лексикографического описания – идеографический словарь автора и, в целом, экскурс в русскую языковую ментальность.

4. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб., 2007. – С. 49.

5. Здесь и далее сокращенно обозначены произведения Розанова: К1 – Опавшие листья. Короб 1-й; К2 – Опавшие листья. Короб 2-й и последний; С – Сахарна; У – Уединенное. Страницы указаны по изданиям: для У, К1, К2 – В. В. Розанов. Уединенное. – М., 1990; для С – В. В. Розанов. Сахарна. – М., 1998.

6. Здесь возникает явление, близкое к феномену безличных односоставных предложений (типа *светает, дождит*), объединяющих носителя и его предикативный признак и столь плохо «перевариваемых» формальной логикой.

7. На соответствующую особенность форм среднего рода прилагательных указывал Ф. И. Буслаев, отмечавший соединение в этих формах «отвлеченности и неопределенного способа выражения» (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959. – С. 422).

8. Грамматика русского языка. – М., 1953. – Т. I. – С. 254; В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972. – С. 109–110.

9. Как писал М. И. Стеблин-Каменский, «наша мысль никогда не сосредоточена на грамматическом значении, а оно само «всегда как бы заслонено в нашем сознании лексическими значениями». Цит. по: Стеблин-Каменский М. И. Об ос-

новых признаках грамматического значения // Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. – СПб., 2003. – С. 602, 605.

10. Выходя за пределы рассмотренного материала, заметим, что смысл розановского текста вообще создается в движении от «понятия» к «символу». Интересно, что эта тенденция фактически соответствует движению содержательных форм слова: «обогащение смыслом» в *образе*, выстраивание четких дефиниций в *понятии*, «сбрасывание» сущностной характеристики в *символ* (Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. – СПб., 2004. – С. 66–69).

Л. Г. Яцкевич
Вологда

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ Н. А. КЛЮЕВА

Поэтическая лексикография достигла значительных успехов в последнее десятилетие (см. список литературы и словарей). Особенно много появилось авторских частотных словарей [Минц, ПСК, ЧСАТГ, ЧСРЧ, ЧСРА, ЧСРТ, ССД]. Словари данного типа позволяют представить поэтическую картину мира того или иного автора, выявить ключевые слова и связанные с ними сквозные поэтические образы. О практической значимости частотных словарей поэтов для стилистических исследований писали многие лингвисты [Гаспаров 1988; Гаспаров 1996; Гребенников; Минц; Поцепня; Хроленко 1997, 2000; Николаев, Солоненко 2006 и др.].

В данной статье рассматривается одно из направлений лингвостилистического исследования творчества Н.А. Клюева – изучение тематической структуры поэтического языка по данным частотного словоуказателя [ПСК 1]. В первом выпуске «Поэтического словаря Николая Клюева» в частотный словоуказатель включены 14625 лексем, извлеченных в результате сплошной выборки из 16-и источников, в которых представлено всё поэтическое творчество Клюева (не учтена только поэма «Кремль, которая вышла позднее и проза автора) [ПСК 1: 8–160]. Особо представлен частотный словарь имен собственных [ПСК 1: 164–179].

Структурирование словаря поэтического текста может осуществляться с различной целью и на основе различной методики. Так, например, широкое распространение получила кластерная методи-

ка, разработанная курской школой лингвофольклористики для исследования словаря произведений устного народного творчества [Хроленко 2000; Бобунова 2004]. Ранее словарь Н. Клюева уже подвергался тематическому структурированию по отдельным тематическим группам слов: в статье М.В. Богдановой – тематическая парадигма «Изба» [Богданова 1999]; в статьях и диссертации С.Х. Головкиной – термины родства [Головкина 1999], в статьях и диссертации С.Б. Виноградовой – тематическая группа «Вода и водное пространство» [Виноградова 1999, 2000], в статьях Л.П. Панковой – ТГ «Время» [Панкова 1999], в работах Л.Г. Яцкевич – ТГ «Человек» [Яцкевич 1999; Яцкевич, Головкина, Виноградова 2005]. Интересные наблюдения содержатся в статье В.И. Николаева и В.Г. Солоненко, посвященной наблюдениям над частотой употребления слов из обширной ТГ «Мир природы» в поэзии Н. Клюева, А. Блока и С. Есенина [Николаев, Солоненко 2006].

В первом выпуске «Поэтического словаря Николая Клюева [ПСК 1], наряду с частотными словоуказателями, приводятся основные тематические парадигмы слов (ТП) данного словаря. В одну такую парадигму включены слова, обозначающие явления одной тематической сферы и имеющие общий (интегральный) семантический компонент в содержании своих лексических значений. Однако по своей лексико-семантической структуре ТП разнообразны, что определяется как характером обозначаемой тематической сферы, так и способом семиотического структурирования реалий данной сферы. Далее рассматриваются основные типы ТП.

1. Названием парадигмы, обозначающим интегральный признак, является одно из слов данной парадигмы.

Тематические парадигмы *первого типа*. Интегральный компонент обозначен в названии парадигмы словом, которое является ключевым в плане содержания и в плане частоты употребления. Это наблюдается в ТП «Сон», «Красота», «Свет», «Камни», «Вино», «Жизнь», «Запах», «Земля», «Огонь». Например:

СОН (386 употреблений)

Сон 107, уснуть 34, уснувший 1, уснувши 1, просонки 14, спросок 5, спросонка 1, сонь 4, сонный 1, сонно 1, спать 36, спящий 1, спаться 4, засыпать 3, иыспаться 1, разоспавшийся 1, почивать 3, опочивать 1, храпеть 4, всхрапнуть 4, храп 5, храпя 1; < вампиры-

сны 1, вороны-сны 1, рыбарь-сон 1, сон-веретенце 1, сон-картинка 1, сестрица-сонь 1, сонь-липуша 1.

Бессонница 1, недремлющий 1, неусыпно 1.

Дрема 13, дремать 12, задремать 6, дремлющий 5, дремотный 5, дремливый 4, дремота 2, дрёма 2, дремля 1, задремав 1, задремавший 1, задрематься 1, зевота 1, посоловеть 2.

Усыпить 2, усыплять 1, снотворный 2, баюкать 24, убаюкать 6, убаюкивать 2, убаюканный 1, баюканье 1, баюкая 1, баю 2, бай-бай 1, баю-баюшки-баю 1, баюшки-баю 1, заколыбелить 1.

Сновидение 2, сниться 14, присниться 6, кошмар 1, сновидец 1, сонник 1.

Проснуться 9, пробудиться 6, пробудившийся 1, пробудившись 1, будя 1, добудиться 1, непробудный 2, очнуться 3.

Зыбка 35, колыбель 11, колыбельный 5, перина 10, перинный 1, перинушка 1, кровать 1, койка 1; < изголовьице-сноп 1. колыбельно-знакомый 1, колдунья-зыбка 1 [ПСК 1: 185].

Тематические парадигмы *второго типа*. Интегральный компонент обозначен в названии парадигмы словами-синонимами, которые являются ключевым в плане содержания и один из них или оба – в плане частоты употребления. Например:

ПУТЬ, ДОРОГА (856 словоформ)

Путь 33, перепутье 5, распустье 3, путина 2, первопуток 9, пути-мосты 1, пути-сузёмки 1, попутный 5, распутица 1, путеводительный 1, путеводный 1; *тропа* 32, тропка 6, тропинка 13, тропина 2, тропа-дороженька 1, тропиночка 1, тропка-невидимка 1; *дорога* 48, дороженька 6, дорожный 4, придорожный 4, подорожный 4, дорожка 5, дорога-путинушка 1, подорожие 2; проселок 15, стежка 5, стежка-вьюн 1, шлях 4, стезя 2, тракт 1, мостина 1, мостовичина 1, пути-мосты 1, волок 6, брод 2, аллея 1, бульвар 1; < путеводно-млечный 1.

Путешествие 35, странствие 2, странствовать 1, поход 8, походный 1.

Бездорожье 1, бездорожный 1, заториться 1, блуждающий 1, блуждая 1, заблудиться, плутать 1, заплутать 1, заплутав 1, лабиринт 3, распутица 1.

След 34, бесслевица 1, бесследье 3, следе 1, следок 1, бесследно 1, колея 2. <...> [ПСК 1: 229–231].

Далее в эту парадигму включены еще несколько подпарадигм, которые в данной статье не приводятся. См.: [ПСК: 229–231]. Доминирующим по частоте употребления словом в этой парадигме является слова *дорога* и однокоренные с ней слова – всего 76 употреблений. Ср.: слово *путь* и родственные с ним слова имеют – 62, слово *тропа* и родственные с ней слова – 56 употреблений. Таким образом, доминирует в текстах слово *дорога*.

Тематические парадигмы *третьего типа*. Интегральный компонент обозначен в названии парадигмы словом, которое является ключевым в плане содержания, но не в плане частоты употребления: «Армия», «Брак», «Время», «Пространство», «Небо», «Цвет», «Звук», «Запах», «Искусство», «Ткани», «Металлы», «Тело», «Возраст». Например:

ЦВЕТ (1421 словоформа)

Цвет 4, цветной 4, расцветиваться 1.

Белый 154, белизна 5, бель 4, белоснежный 3, убелиться 3, убелённый 1, убеляя 1, белить 2, белоцветный 2, белянка 2, пробель 2, беленько 1, белешенький 1, белопенный 1, сахарно-белый 1, белесый 4, ярь 12.

Красный 130, краснеть 1, красным-красна 1; *алый* 47, заалеть 4, алеть 3, аленький 2, алость 2, алоцветный 2, алёшенький 1, тучно-алый 1; *пурпурный* 6, пурпур 2, пурпуровый 2, пурпурно-горящий 1; *рудяный* 6, рудеть 3, рудой 3, рдеть 3, зардеть 2, зардеться 1; *червоный* 4, чермный 2, червлёный 1, червлец 1; *пунцовый* 1; *багряный* 23, багрянец 2, багрянородный 2, багровый 11, багроветь 1, багрец 6; *макасовый* 1; *розовый* 19, бледнорозовый 1, зарозоветь 1.

Чёрный 82, чернота 4, чернить 2, почернелый 1, чернёшенький 1, вычернить 1, черномазый 4; смоль 2 [ПСК 1: 201–202].

В данную парадигму входят ещё несколько подпарадигм с более низкими частотами [ПСК 1, 201–202]. Доминирующим по частоте употребления является слово *белый* (154), за ним следует слово *красный* (130), однако, если сопоставлять частоты слов всей цветовой зоны белого (199) и красного (299), то в целом более частотны слова красной цветовой зоны.

Тематические парадигмы *четвертого типа* объединяют слова, относящиеся к одной тематической сфере, но обозначающие противопоставленные или даже противоположные явления. В этом случае ТП озаглавлена ключевыми словами – антонимами. Например, это

характерно для ТП «Бытие – Небытие», «Сила, Мощь – Слабость, Бессилие», «Память – Забвение», «Дружба – Вражда», «Правда – Ложь», «Свобода – Неволя», «Созидание – Разрушение». Например:

ПАМЯТЬ – ЗАБВЕНИЕ (146 словоформ)

Помнить 26, память 21, памятка 3, подготовить 1, памятный 1, вспомнить 9, воспоминание 2, вспоминать 2, вспомнить 1, вспомнать 1, поминать 2, помянуть 9, поминание 1, запомнить 4, запомниться 1, припомнить 2, напоминать 1, напомнить 1, незапамятный 1; < пестунья-память 1, память-стекло 1.

Забывать 25, забвение 10, забыв 3, забыть 1, позабыть 7, позабыв 1, позабывший 1, позабыться 1, позабытый 3, незабытый 1, всезабытый 1 [ПСК 1, 190].

Наиболее частотной является подпарадигма «Память» (91), ср. «Забвение» (54).

Особо следует выделить в данном типе ТП трехчленной структуры: «Рождение – Жизнь – Смерть», «Здоровье – Болезнь – Исцеление», «Встреча – Прощание – Разлука». Например:

ВСТРЕЧА – ПРОЩАНИЕ – РАЗЛУКА (182 словоформы)

Встреча 11, встречать 7, встретить 4, встретиться 2, встреча 1, повстречать 1, повстречаться, навстречу 4; *привет* 6, приветный 6, приветить 2, приветствовать 1; *посетить* 4, посещать 1, пришелец 7.

Гость 53, гостя 5, гостыюшка 1, гостейка 1, гостьба 1, гостибье 1, гостеприимный 2, погостить 2; < гости-бражники, 1; гости-воины 1, гости-недуги 1, ненаеда-гость 1, дед-гость 1; *пришелец* 7.

Прощание 1, проститься 3, простясь 1, прощаться 4, прощальный 2, распрощаться 1, распрощаться 1, провожать 1, провожающий 1.

Разлука 18, разлучить 3, расставаться 1, расстаться 1, расстань 2, разойтись 1, отдалиться 1, покинуть 5, покинув 3, покидать 2, покинутый 1, оставив 1, оставленный 1; < замужество-разлука 1, родитель-разлучник 1.

Возвратиться 1, возвратный 1, возвратясь 1, воротиться 5, воротить 1, невозвратно 3 [ПСК 1: 191–192].

Наиболее частотной в данной парадигме является подпарадигма «Гость» (78), затем – «Встреча» (58).

Тематические парадигмы *пятого типа* обозначены несколькими словами, которые являются ключевыми как в плане содержания, так и в плане частоты употребления и выражают родовые понятия под-

парадигм. «Вода И Водное Пространство», «Слово. Речь. Знак», «Человек. Люди», «Ум. Разум. Рассудок», «Слава. Почёт», «Судьба. Удача», «Потеря. Утрата». Например:

СУДЬБА, УДАЧА (110 словоформ)

Судьба 45, *судьбина* 5, *судьбинушка* 1, *судина* 1, *судинушка* 1, *суждено* 1, *сужден* 1; < *судьба-змея* 2, *ворон-судьба* 1, *горе-судьба* 1, *карлица-судьба* 1, *лебедь-судьба* 1, *полюдь-судьба* 1, *туман-судьба* 1, *судьба-виноград* 1, *судьба-старуха* 1, *судьба-удилище* 1, *судьба-цветок* 1, *судина-осень* 1.

Доля 16, *долюшка* 4, *недоля* 2, *бездольный* 1.

Удел 7, *жребий* 5, *жеребий* 2, *чин* 1.

Рок 4, *участь* 4, *начертанный* 1 *урочный* 4.

Удача 3, *неудача* 1, *неудачливый* 1, *неудачный* 1, *беда-худоба* 1, *напасть* 1.

Кара 1, *карающий* [ПСК 1: 193].

II. *Названием парадигмы является слово или словосочетание, не отмеченное в словаре Н. Клюева, но отражающее интегральную сему в значении слов данной парадигмы слов.*

Исследователи уже отмечали, что поэт обычно употребляет названия конкретных явлений и предметов и избегает обобщенных родовых обозначений [Николаев, Солоненко; Трофимов]. В силу этого при тематическом структурировании его словаря обнаружилось большое количество парадигм, в которых интегральная сема не имеет обозначения в словаре поэта. В этом случае для названия ТП мы использовали метаязык.

Тематические парадигмы *шестого типа* обозначаются словом, выражающим родовое понятие, но не отмеченном в словаре поэта: «Вещество», «Космос», «Письменность», «Оружие». Например:

ОРУЖИЕ (200 словоформ)

Ручное и охотничье оружие

Огнестрельное: ружье 8, *пулемёт* 4, *пулемётный* 2, *винтовка* 1, *карабин* 1, *браунинговый* 1, *выстрелить* 1, *паля* 1; < *друг-пулемёт* 1, *пулемётно-суровый* 1, *товарищ-наган* 1.

Рубящее, колющее: меч 18, *нож* 17, *ножик* 4, *ножище* 1, *ножовый* 1, *штык* 11, *сабля* 5, *лезвие* 4, *кинжал* 2, *палаш* 1, *пика* 1, *ятаган* 1, *мечный* 1, *меч-кладенец* 1, *кладенечный* 1; < *гор-linkка-нож* 1.

Ударные: булава 3, *дубина* 1, *палица* 1, *кистень* 1; < *чудо-кистень*.

Метательное: копьё 7, копьеносный 1, сулица 1..

Артиллерийское

Огнестрельное: орудие 1, пушка 4, пушечный 2, пищальный 1;
◁ боров-пушка 1, пушка-ворон 1.

Метательное: катапульта 1.

Снаряды, боеприпасы: стрела 12, порох 2, фугас 1, пуля 10;
◁ пуля-сорока 1.

Детали, части оружия, орудий: дуло 5, обойма 1.

Воинские доспехи, обмундирование: кольчуга 10, кольчужник 1, кольчужный 1, щит 10, шолом 8, броня 3, латы 2, доспех 1, забрало 1, каска 1, ранец 1, шинель 1, шишак 1.

Материал, качество оружия: кладенец 3, булатный 3, каленово-острый 2.

Военная техника, транспорт: броневик, эшелон 1 [ПСК 1: 235]

Тематические парадигмы *седьмого типа* обозначены несколькими словами, которые выражают родовые понятия подпарадигм, но не все отмечены в словаре поэта. «Мораль. Честь. Совесть», «Количество. Число. Счёт. Мера», «Труд. Дело. Ремесло», «Искусство. Творчество», «Вместилище. Сосуд». Так, например, в составе ТП «Мораль. Честь. Совесть» (188 словоформ) есть только слова *честь* (11) и *совесть* (4), а слово *мораль* отсутствует.

Тематические парадигмы *восьмого типа* обозначены родовыми описательными номинациями, не отмеченными в словаре поэта: «Органы чувств», «Чувства, эмоциональные состояния и их проявления», «Растительный мир», «Социальное пространство», «Общественное и государственное устройство», «Крестьянский быт», «Индустриальная культура», «Духовный мир. Вера. Церковь». Как правило, это обширные по словарному составу ТП, включающие подпарадигмы с высокочастотными словами.

Каждая тематическая парадигма слова, в свою очередь, структурирована. При определении внутренней структуры учитывались не только тематический, но и лексико-семантический и словообразовательный критерии (см. примеры выше: ТП «Сон»; «Цвет»; «Память – Забвение»; «Встреча – Прощание – Разлука»; «Судьба, Удача»; «Оружие»). В результате это позволило определить системы однокоренных слов и синонимические и антонимические ряды. Например, в ТП «Любовь и её проявления» включаются 19 слов, однокоренных со словом *любовь*: *любовь* 76, *любимый* 21, *возлюбленный*

15, *любый* 14, *полюбить* 9, *возлюбленный* 7, *любя* 6, *влюблённость* 4, *разлюбить* 3, *любить* 2, *полюбовный* 2, *любовный* 1, *любящий* 1, *возлюбивший* 1, *возлюбить* 1, *любовать* 1, *облюбованный* 1, *полюбие* 1, *полюбиться* 1, *сполюбить* 1. Слово *милый* включается в ряд языковых и речевых синонимов, состоящий из 12 слов с общим значением «вызывающий расположение, приязнь»: *милый* 56, *любый* 14, *дорогой* 14, *блезный* 10, *возлюбленный* 7, *умильный* 4, *жадобный* 3, *ненаглядный* 3, *любезный* 2, *бажонный* 1, *приятный* 1, *разлюбезный* 1, *облюбованный* 1. К этому ряду примыкает синонимический ряд имён существительных с близким оценочным значением: *лапушка* 4, *разлапушка* 3, *касатик* 2, *миляга* 1 [ПСК 1: 190].

* * *

Стилистически значимую информацию дают наблюдения над сравнительной частотой употребления в поэтических произведениях Н. Клюева слов различных тематических парадигм. Ниже указаны по мере убывания частоты наиболее частотных ТП в словаре поэта:

1. ДУХОВНЫЙ МИР. ВЕРА. ЦЕРКОВЬ: 3029 употреблений;
2. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР: 2973 употреблений;
3. ТЕЛО: 2149 употреблений;
4. ТРУД. ДЕЛО. РЕМЕСЛО: 1820 употреблений;
5. ПТИЦЫ: 1686 употреблений;
6. СТРОЕНИЕ. ЖИЛИЩЕ: 1645 употреблений;
7. ВРЕМЯ: 1630 употреблений;
8. ВОДА И ВОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО: 1559 употреблений;
9. ЧУВСТВА. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ: 1435 употреблений;
10. ЦВЕТ: 1421 употребление;
11. НЕБО: 1381 употребление;
12. ЖИВОТНЫЕ: 1365 употреблений.

Сравнение между собой высокочастотных ТП выявляет тематические предпочтения в поэзии Н. Клюева. Так, названия птиц (1686 употреблений) употребляются гораздо чаще, чем названия зверей и домашних животных (1365 употреблений); лексика духовной сферы (3029 употреблений) гораздо частотнее, чем соматическая лексика (2149 употреблений) или слова, называющие чувства и эмоциональные состояния и их проявления (1435 употреблений).

Распределение частот по ТП не соответствует в полной мере распределению частот по отдельным словам разных ТП. Далее приводится список наиболее частотных слов по убыванию частоты: *душа* (203), *сердце* (178), *белый* (154), *песня* (145), *изба* (130), *красный* (130), *лесной* (126), *земля* (123), *крыло* (122), *заря* (116), *сон* (115), *солнце* (114), *стать глаг.* (112), *стих* (112), *кровь* (111), *год* (106), *мать* (99), *слово* (98), *день* (97), *поле* (97), *звезда* (95), *родной* (95), *светлый* (92) [ПСК 1: 112]. Это неполное соответствие объясняется тем, что лексический состав разных тематических парадигм различен по объёму.

На формирование тематических парадигм в словаре Н. Клюева оказала влияние грамматическая структура словаря. Знаменательные части речи распределены по частоте употребления в составе словаря следующим образом: *имя существительное* – 46,75 % слов, 39,9 % употреблений; *глагол* – 20,75 % слов, 11,76 % употреблений; *имя прилагательное* – 19,87 % слов, 14,94 % употреблений; *причастия* – 3,68 % слов, 1,2 % употреблений; *наречия* – 3,42 % слов, 3,69 % употреблений; *деепричастия* – 2,74 % слов, 0,66 % употреблений; *имя числительное* – 0,43 % слов, 0,45 % употреблений; *местоимения* – 0,39 % слов, 5,1 % употреблений; *категория состояния* – 0,36 % слов, 0,22 % употреблений.

Эти данные подтверждают мнение многих исследователей о субстантивном стиле поэзии Н. Клюева. Так, И.В. Трофимов отмечает «исключительность, даже избыточность предметной плотности в поэзии Клюева» [Трофимов: 111]. Следует также отметить высокий коэффициент лексического разнообразия частей речи, что выявляется при сравнении количества слов и количества употреблений. Здесь лидируют глаголы (20,75 % слов, 11,76 % употреблений); а местоимения, как и следовало ожидать, имеют самый низкий коэффициент лексического разнообразия (0,39 % слов, 5,1 % употреблений).

Количественные данные и тематические парадигмы, представленные в первом выпуске «Поэтического словаря Николая Клюева», послужат базой для дальнейших исследований языка и стиля поэта. Особый интерес представляет исследование функциональных парадигм в поэтической речи Клюева, которое осуществляется на основе предварительного определения состава тематических парадигм [Яцкевич, Головкина, Виноградова 2005].

Литература

Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2004. – 240 с.

Богданова М.В. Тематическая парадигма изба в поэзии Н.А. Клюева // *Клюевский сб.* Вып. первый. – Вологда, 1999. – С. 39–43.

Виноградова С.Б. Тематическая парадигма «пространство» // *Клюевский сб.* Вып. первый. – Вологда, 1999. – С. 44–47.

Виноградова С.Б. Номинация водного пространства в творчестве Н.А. Клюева: лингвопоэтические аспекты. Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Вологда, 2000.

Гаспаров М.Л. Художественный мир писателя: Тезаурус формальный и тезаурус функциональный (М.Кузмин. «Сети», ч. III) // *Проблемы структурной лингвистики.* – М., 1988. С.125–136.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Головкина С.Х. Лексико-семантическая система терминов родства и свойства в поэзии Н. Клюева // *Клюевский сб.* Вып. первый. – Вологда, 1999. – С. 60–75.

Головкина С.Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева (в лексикографическом аспекте). Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Вологда, 1999. – 21 с.

Гребенников А.О. Частотный словарь и образ мира писателя // *Словоупотребление и стиль писателя.* Вып. 3: Межвуз. сб. / Под ред. Д.М. Поцепни. – СПб: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 156–163.

Григорьев В. Велемир Хлебников в четырехмерном пространстве языка (избранные работы: 1958-й – 2000-е годы). – М.: «Языки славянской культуры», 2005.

Николаев В.И., Солоненко В.Г. Мир природы в поэзии Н.А. Клюева // *XXI век на пути к Клюеву: Материалы Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики».* – Петрозаводск, 2006. – С. 143–152.

Панкова Л.П. Задачи и принципы описания лексико-семантической системы темпоральной лексики в поэзии Н.А. Клюева. Тематическая парадигма «время» в поэзии Н.А. Клюева // *Клюевский сб.* Вып. первый. – Вологда, 1999. – С. 48–59.

Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб., 1997.

Поцепня Д.М. «Словарь языка русской поэзии XX века и история поэтического языка // *Словоупотребление и стиль писателя.* Вып. 3: Межвуз. сб. / Под ред. Д.М. Поцепни. – СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 109–118.

Трофимов И.В. Предметный мир эпоса Н.А. Клюева («Погорельщина») // *XXI век на пути к Клюеву: Материалы Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики».* – Петрозаводск, 2006. – С. 111–118.

Хроленко А.Т. Проблемы фольклорной лексикографии // *Диалектная лексика.* 1977. – Л.: Наука, 1979. – С. 229–241.

Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: Пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура». – Курск: Изд-во ГУИПП «Курск», 2000.

Яцкевич Л.Г. Тематические парадигмы в поэтическом словаре Н.А. Клюева // Клюевский сб. Вып. первый. – Вологда, 1999. – С. 33–38.

Яцкевич Л.Г., Головкина С.Х., Виноградова С.Б. Поэтическое слово Николая Клюева. – Вологда: Изд-во «Русь», 2005. – 248 с.

Словари

Грот Я. Словарь к стихотворениям Державина // Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т. IX. СПб, 1883. – С. 356–444.

Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии: (Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). М., 2004.

Изотов В.П. Словарь поэзии Владимира Высоцкого: А, Х. Орел, 2001.

Кожневникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. Вып. 1: «Птицы». М., 2000.

Кольцов А.В. Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / Подгот. Р.К. Кавецкой и др.; под ред. Р.К. Кавецкой. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.

Миц З.Г. Частотный словарь «Стихов о Прекрасной Даме» А; Частотный словарь «первого тома» лирики Ал. Блока // З.Г. Миц. Поэтика Ал. Блока. – СПб.: Искусство–Саб, 1999. – С. 568 – 722.

Павлович Н. Словарь поэтических образов: В 2 т.: На материале русской художественной литературы XVIII – XX веков. М.: Эдиториал, 1999.

Перцова Н. Словарь неологизмов Велемира Хлебникова. М.; Wien: Hansp-Lave, 1995.

Полухина В., Пяри Ю. Словарь тропов Бродского: (На материале сботника «Части речи»). Тарту, 1995.

Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева. М.: Наука, 1973.

Туралина Н.А. Словарь образных средств С. Есенина: Словарь. Таблицы. Комментарий. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1998.

Туралина Н.А. Метафора В. Маяковского: Словарь. Таблицы. Комментарий. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1997. – 192 с.

Шаров С.А. Частотный словарь русского языка. [http:// www.artint.ru/frqulist.asp](http://www.artint.ru/frqulist.asp).

Шоу Д.Т. Конкорданс к стихам А.С. Пушкина: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 2000.

Сокращения

ОССЯП – Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина. Вып. 1 / Сост. В.А. Гречко, С.Н. Переволочанская, Е.А. Широкова, И.В. Воденисова; Под ред. В.А. Гречко. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000.

ПСК – Поэтический словарь Николая Клюева. Вып. 1: Частотные словоуказатели / Сост.: Богданова М.В., Виноградова С.Б., Головкина С.Х., Смольников С.Н., Яцкевич Л.Г. – Вологда, 2007.

РАЛ – Русская авторская лексикография XIX–XX вв. / Сост.: Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, Л.Л. Шестакова. – М., 2003.

СПЯЦ – Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. / Сост.: И.Ю. Беляева, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. – М.: Дом-музей М. Цветаевой, 1996–1999.

СЯП – Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Гл. ред. В.В. Виноградов: [Предисл. В.В. Виноградова]. М.: ГИС, 1956–1961.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: Григорьев В.П., Шестакова Л.Л., Бакеркина В.В., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. Руков. проекта и гл. ред. В.П. Григорьев. Т. 1: А–В, м., 2001. Т. 2: Г–Ж. М.: Языки славянской культуры, 2001–2003.

СЯРПШ – Словарь языка русских произведений Шевченко: В 2 т. / Сост. В.М. Брицын и др.; Ред. и.К. Белодед. Киев: Наук. Думка, 1985–1986.

УСППН – Указатель слов в поэтических произведениях Н.А. Некрасова / Сост. В.А. Паршина; Отв. Ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: Яросл. пед. ин-т, 1983–1993. – Вып. 1–3.

ЧСАТГ – Частотный словарь автобиографической трилогии М. Горького / Авт. – сост. П.М. Алексеев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

ЧСРЧ – Частотный словарь рассказов А.П. Чехова. / Авт.- сост. А.О. Гребенников; Под ред. Г.Я. Мартыненко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

ЧСРА – Частотный словарь рассказов Л.Н. Андреева. СПб., 2003.

ЧСРТ – Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / Сост. З.Н. Великодворская, Г.С. Галкина, Г.В. Куперман, В.М. Цаппикова. – Тула: Тульский пед. институт, 1978.

ССД – Шайквич А.Я., Андрущенко в.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М, 2003.

М. В. Богданова
Вологда

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА СЛОВ «ЖИЛИЩЕ. СТРОЕНИЕ» В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ Н. КЛЮЕВА

В 2007 году был опубликован составленный коллективом преподавателей кафедры русского языка Вологодского педуниверситета под руководством проф. Л. Г. Яцкевич 1-й выпуск «Поэтического словаря Н. Клюева», посвященный количественной характеристике словаря поэта. Во введении к этому выпуску сказано, что авторы стремились учесть своеобразие поэтической речи Н. Клюева и пришли к выводу, что словарь должен состоять из нескольких словарей различного типа, которые бы поэтапно отражали разные аспекты его культурно многогранного и семантически многослойного языка. [ПСК, 5–6]

Первым этапом изучения языка поэта является составление частотных словоуказателей с помощью ЭВМ – алфавитного и построенного по убыванию частоты, которые дают полное представление о

том, какие лексические единицы содержатся в текстах Н. Клюева. Авторы словаря считают, что такие справочники имеют большую информативную ценность. «Объем словника свидетельствует о колоссальном лексическом богатстве языка писателя. Количественные характеристики, которыми снабжается каждое слово словоуказателя, позволяют определить группы лексики, наиболее интересные для анализа, для выявления образной картины мира поэта». [Головкина 1999: 24]

Помимо частотных словоуказателей в словаре представлены тематические группы слов, которые отражают наиболее значимые фрагменты картины мира поэта. Тематический подход к материалу позволяет выявить поэтические центры, «средоточия» поэтической мысли поэта [Головкина 1999: 25–26].

Тематические парадигмы включают слова, обозначающие явления одной тематической сферы и имеют общий, интегральный семантический компонент в содержании своих лексических значений. Количественные характеристики этих тематических групп (ТГ) позволят в дальнейшем провести содержательный анализ лексического состава поэтического словаря Н. Клюева и сделать стилистические выводы.

Среди названных в словаре ТГ, объединенных в более крупные группы: «Мир человека», «Бытие», «Мир природы», «Духовный мир. Вера. Церковь» и «Мир культуры», – самыми частотными являются ТГ: «Растительный мир» (2973 словоформы), «Тело человека» (2149 словоформ), «Труд, дело, ремесло» (1820 словоформ), «Птицы» (1686 словоформ), «Жилище. Строение» (1645 словоформ).

Последняя из этих групп взята нами для анализа. Выбор именно этой группы слов не случаен. Прежде всего, важен количественный ее состав, близкий по объему к ТГ «Труд, дело, ремесло» (1820 словоформ). Эти две ТГ, наряду с группами «Питание (750 словоформ), «Вино» (158 словоформ), «Вместилища. Сосуды» (360 словоформ), «Оружие» (200 словоформ), можно объединить тем, что они называют конкретные предметы материальной культуры – все то, что непосредственно окружает человека в его повседневной жизни, что создано его руками. Всего в поэзии Н. Клюева 4933 словоформы входят в эти группы, что составляет около трети всего словника Н. Клюева, включающего 14 625 лексем.

Анализ внутренней статистической структуры ТГ «Жилище. Строение» позволяет выявить взаимосвязь между ее подгруппами и расставить акценты в этом фрагменте поэтической картины мира Н. Клюева: для него важнее не общие названия жилищ и построек – 148 словоформ, а названия *крестьянских* жилищ – 249 словоформ, их внутренних помещений – 125 словоформ. При этом особое внимание он уделяет русской *печи* – 233 словоформы. Дополняют картину крестьянского жилища подгруппы «Хозяйственные постройки» – 133 словоформы и «Пространство около жилища» – 76 словоформ. Всего, таким образом, для описания крестьянского жилища поэт использует 816 словоформ – половину всего состава тематической группы.

Описывая крестьянское жилище, поэт активно использует северно-русскую диалектную лексику. Используя материалы к словарю северно-русской лексики в произведениях Н. Клюева, собранные Л.Г. Яцкевич [ПСК 2005: 86–117], можно выделить такие слова: *брусовой, брусовой, брусяной, выструг, загуменье, матица, муравчатый* (о печи), *накатный, ободворный, овинник, оконница, повалуша, подзор, подлабочье, полати, половичина, поруб, предызбица, прируб, рундук, светелка, светлица.*

Анализ данной ТГ выявляет словообразовательное богатство словаря Н. Клюева. В каждой подгруппе основу составляют ряды однокоренных слов.

1. *Общие названия жилищ и построек* – ряды однокоренных слов:

дом (44) – *домашний* (8), *домик* (6), *домишко* (2), *домашность* (1), всего 61 словоформа; *терем* (32) – *теремок* (4), *теремной* (1), *чудо-терем* (1), *гробик-теремок* (1), всего 39 словоформ; *хоромы* (11) – *хоромина* (1), *хоромный* (1), всего 13 словоформ; *жилье* (10) – *жилице* (3), *нежилой* (1), всего 14 словоформ.

2. *Названия крестьянских жилищ* – ряды однокоренных слов:

изба (124) – *избяной* (41), *избушка* (15), *избенка* (2). Особенно примечательно обилие сложных слов от слова *изба*, единичных по словоупотреблению, но очень хорошо показывающих своеобразие и оригинальность поэтического мышления Клюева: *кудесница-изба, изба-богатырица, изба-молодка, избы-горы*. Всего в словообразовательный ряд от слова *изба* вошло, таким образом, 191 словоформа. *Сруб* (18) – *срубец* (3). Всего 21 словоформа.

3. Ключевыми в группе «*Помещения в избе*» являются ряды однокоренных слов: *горница* (17) – *горенка* (25), *клетка-горенка* (1), всего 43 словоформы; *светлица* (10) – *светелка* (17), *светелочка* (1), всего 28 словоформ.

4. Богат и словообразовательный ряд от слова *печь*:

печь (49) – *запечный* (23), *печной* (16), *печка* (12), *печурка* (12), *печище* (3), *позапечный* (2), *запечь* (1), *печушка* (1). Здесь тоже, как и у слова *изба*, много сложных, окказиональных поэтических новообразований: *печь с развальцем*, *печь с хайлом*, *духовидица-печка*, *печка-лебедка*, *печка-многознайка*, *кормилица-печь*, *мать-печь*. Всего в словообразовательный ряд от слова *печь* вошло 126 словоформ.

Такое же своеобразие поэтического видения мира проявляется и в сложных производных от слов: *лежанка* (29) – *лежанка-единорог*, *лежанка-телогрейка* (всего 31 словоформ); *печурка* (12) – *печурки-бельма*, *колдунья печурка*, *печурки-веки* (всего 15 словоформ).

5. В подгруппе «*Жители*» в качестве ключевых выступают словообразовательные ряды: *хозяйка* (16) – *хозяйушка* (1), *баба-хозяйка* (2), *хозяйка-земля* (1), всего 20 словоформ; *хозяин* (12) – *хозяйский* (1), *хозяин-лесник* (1), всего 14 словоформ.

6. В названиях *хозяйственных построек* словообразовательные ряды образуют слова: *гумно* (22) – *загуменный* (6), *гуменный* (2), *загумень* (1), всего 31 словоформ; *овин* (17) – *овинный* (9), *деды-овины* (1), всего 27 словоформ; *хлев* (15) – *хлевушек* (8), всего 23 словоформы; *сени* (7) – *сенцы* (5), всего 12 словоформ; *баня* (8) – *банный* (2), *банька* (1), всего 11 словоформ.

7. Анализируя тексты, описывающие *пространство вокруг избы и строительные материалы*, выделяем ряды однокоренных слов: *рубленый* (4) – *срубленный* (4), *новорубленный* (1), всего 9 словоформ; *клецки* (1) – *по-клецки* (1), всего 2 словоформы; *бревно* (6) – *бревенчатый* (13), всего 19 словоформ; *брус* (1) – *брусной* (2), *брусовый* (1), всего 4 словоформы.

В группе «*Составные части строений и характер постройки*» особого внимания заслуживают слова, называющие части именно северной избы: *матица* (12); *конек* (11); *шелом* (8) – *шеломок* (1), *шолом-голова* (1), всего 10 словоформ.

Помимо количественной характеристики этой ТГ важна и содержательная, образная: это одна из ключевых групп в системной организации словаря поэта, поскольку ведущие слова ее парадигмы – *изба* и *печь* (вместе с производными от них словами они включают 320 словоформ) – выражают суть мировоззрения поэта, воспевающего «Русь избяную». *Изба* у Клюева воспринимается как жизненный и духовный центр существования русской северной деревни, а также как одна из основ творческого мира поэта. Это, по словам Л. Г. Яцкевич, исследовавшей вместе с С. Б. Виноградовой концептуальные архетипы слова *мир* в поэзии Н. Клюева, «дом мира, «свой» культурный мир, жилище вечных святых, в котором они сохраняются и охраняются от тьмы кромешной. ... «Отчий дом» – это единственная возможность противостоять стихии, мраку, небытию. ... Понимание крестьянской культуры как мирового центра лежит в основе поэтической аксиологии Клюева, организует лексико-семантическую структуру его поэтического словаря» [Яцкевич, Виноградова 1999: 84]. А слово *печь* поэт определил как «сердце избы» – это центр, вскруг которого сосредоточено все, что связано с внутренним миром поэта, с долгими думами его о жизни, о самом сокровенном и тайном.

Слова анализируемой ТГ органически вплетаются в общую поэтическую систему поэта, тесно взаимодействуя с другими ТГ, поскольку в большинстве случаев они образно переосмысливаются, получая в тексте метафорические, метонимические и символические значения. Л.Г. Яцкевич отмечала, например, ее взаимодействие с ТГ «Человек» [ПСК, 181–226].

Создавая олицетворенный образ *избы*, поэт использует слова ТГ «Тело человека»: *рот, голова, уши, сердце*:

(1) *А что ты, изба, пошатилася,
С парежа-угара, аль с выпивки,
Али с поздних просонков расхамкавишь,
Вплоть до ужина чешешь пазуху,
Не запрешь в о рот – рта беззубого,
Креня в сторону шолом – голову?*
[Клюев 1977: 264]

(2) *Напрасно с тавнями ушей
Я хлопал, напрягая слух,*

*В дом головы не лился дух,
И в сердце – низенькой светлице,
Как встарь, молчальницы-сестрицы
Беззвучно шили плат жемчужный.*
[Клюев 1991: 41]

*(3) А сердце – изба,
Бревна слеплены в лапу,
Там горница – ангелов пир.*
[Клюев 1913: 33]

Метафорическое значение и у слова *сердце*, и у слов *изба*, *горница*.

Парадигма *изба – шолом – полати* переплетается с парадигмой *вселенная – небеса – Млечный Путь – душа – Судьба*, сочетаясь с символами «небо» (святость) и «вода» (тайна, потаенность, сокровенность).

Например:

*Беседная изба – подобие вселенной:
В ней шолом – небеса, полати – Млечный Путь,
Где кормчому уму, душе многоплачевной
Под веретенный клир усладно отдохнуть.
Неизреченный Дух и несказанна тайна
Двух чаш, двух свеч, шести очей и крыл!
Беседная изба на свете не случайна –
Она Судьбы лицо, преддверие могил.*
[Клюев 1977: 300]

Символические образы возникают у слов *жилье*, *чум*, когда они включены в поэтическую фразу со словом *сердце*:

*(1) Сердце, сердце, русской удали жилье,
На тебя ли воры точат лезвие...*
[Клюев 1977: 340]

*(2) Да сердце – завьюженный чум –
Тревожит таинственный шум.*
[Клюев 1913: 26]

Печь была главным оберегом для семьи. Компонентами своего значения 'кормить', 'согревать' это слово связано со словом *мать*:

(1) *Дремля, присядьте у печурки –*

У материнского сосца.

И под баюканье снегурки

Дождитесь вечного конца.

[Клюев 1977: 349]

(2) *У матери-печи одно на уме –*

Теплынь уберечь да всхапнуть в полутьме.

[Клюев 1977: 273]

(3) *Отвечала лежанка-телогрейка*

Она речью крещеной человечьей...

[Клюев 1977: 240]

Таким образом, ТГ «Жилище. Строение» представляет собой одну из наиболее частотных и емких по семантическому богатству и образности групп слов, относящихся к миру материальной культуры человека. Она определяет «средоточие» поэтической мысли и передает суть мировоззрения Н. Клюева как певца русского Севера.

Литература

Головкина С.Х. Принципы, задачи и структура «Поэтического словаря Н.Клюева. – В кн.: Клюевский сборник. Вып. I. – Вологда, «Легия», 1999.

Яцкевич Л.Г., Виноградова С.Б. Концептуальные архетипы слова «мир» в поэзии Н.Клюева // Клюевский сборник. Вып. I. – Вологда, «Легия», 1999.

Яцкевич Л.Г., Головкина С.Х., Виноградова С.Б. Словесные образы и символы. // Поэтическое слово Николая Клюева. – Вологда, 2005. – С. 133–144.

Яцкевич Л.Г. Библейский и фольклорный антропоморфизм поэтического словаря Клюева (душа, сердце, лик и лицо, мать). // Поэтическое слово Николая Клюева. – Вологда, 2005. – С. 183–210.

Сокращения

ПСК – Поэтический словарь Н. Клюева. Вып. I. Частотные словоуказатели. – Вологда, 2007.

Источники

Клюев Н. Лесные были. Кн.3. – М: Изд-во К.Ф.Некрасова. 1913.

Клюев Н. Стихотворения и поэмы. – Л: Советский писатель. 1977.

Клюев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. – 1991. – № 11.

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Н. КЛЮЕВА И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

«Тайна слова в духовной поэзии Клюева связана с тем, что его поэтическое слово отличается глубиной содержания, неоднозначностью смыслов, явными и скрытыми многогранными связями с реалиями мировой культуры, с древним символизмом. Привлечь внимание к словесным образам и символам Н. Клюева, в которых воплотились ключевые для его мировоззрения культурные концепты, – вот основная задача составителей словаря Н. Клюева» [Яцкевич 2005: 10, 17]. Для реализации этой задачи на первом этапе был составлен частотный словоуказатель, позволяющий судить о лексическом разнообразии поэзии Н. Клюева, описана тематическая структура словаря, состоящая из основных тематических парадигм и их частотной характеристики.

Второй этап лексикографического описания направлен на раскрытие образного, символического потенциала слов, ключевых для понимания поэтического мира Н. А. Клюева». Заголовочный комплекс каждой словарной статьи включает частотную лексику той или иной тематической группы, цепочку однокоренных слов с указанием количества их употреблений в текстах поэта и минимальными грамматическими пометами (род, число, окончания Род. пад.). Например:

Птица, -ы, ж. – 56; *птичка*, -и, ж. – 4, *птичина*, -ы, ж. – 1, *птаха*, -и, ж. – 8, *пташка*, -и, ж. – 7, *пташица*, -ы, ж. – 1, *птичий*, -его – 13, *нептичный*, -ого – 1, *по-птичьему* – 1.

Словарная статья состоит из двух частей. Первая фиксирует в определенной последовательности грамматические конструкции, в которых представлено заглавное слово (или его фонетические и словообразовательные варианты) и отражает систему семантических отношений слов в поэтических фразах. Анализ сочетаемости ключевых слов поэтической системы Н. Клюева (поэтической фразеологии) помогает в определении направления их образного развития. Введенное еще В. В. Виноградовым понятие «поэтическая фразеология» не имеет в современной лингвистике однозначного определения [Виноградов 1935]. Основные проблемы ее изучения связа-

ны с установлением границ данного явления, его терминологического определения, с необходимостью разграничения двух фразеологий: поэтической и общеязыковой. В. Н. Телия указывает на «нетерминологический для лингвистики характер» определения «поэтическая фразеология» [Телия 1996: 72]. Учитывая данные факты, мы обозначаем первый раздел словарной статьи термином «лексико-грамматическая сочетаемость». Словарная статья фиксирует использование ключевого (заглавного) слова в конструкциях с согласованием, выражающих определительные отношения, в субстантивных конструкциях с разными видами связи: с согласованием (при этом то или иное ключевое слово может выступать как в качестве главного, так и в качестве зависимого компонента), с управлением в генитивных и других конструкциях с косвенными падежами, выражающих субъектно-объектные и сравнительные отношения. Словарная статья отражает также связи ключевого слова с глагольными словоформами (предикативные отношения, субъектно-объектные и разного рода обстоятельственные отношения), фиксирует различные возможности употребления заглавного слова в конструкциях с обращением, именительным представлением, однородными членами и др. Количество грамматических структур, отражающих те или иные связи и отношения слов в художественном тексте, во многом зависит от характера заголовочного слова (например, его лексического и грамматического значений, словообразовательного потенциала, валентностных возможностей и т. п.).

В качестве примера приведем фрагмент первой части словарной статьи «Птица» (*Лексико-грамматическая сочетаемость*).

Определительные конструкции: кормчая птица, буйной птицей; слезной птицы; рыдающих птиц; две алые птицы; красные птицы; черную птицу; птицей чернокрылой; птица мертвая; птица темная, кромешная; птицы нечистые; птицы белые; птица белоперая; птица золотая, птицей самоцветною, Божья птица неповинная; ангельская птица и др.

Субстантивные конструкции

С согласованием: а) верить ли песням твоим – птицам морского рассвета; шугай бухарский – пава птица; Кабы птицей душа очутилась Буйнокрылою чайкой морской <...>; б) птица мертвая – поганый вран, павой птицей; птицей самоцветною – девой; птицы – поцелуи; птицу – песню, птицей – волной белопенной <...>

С управлением: генитивные конструкции а) управляющее слово: бессмертия *птица*; *птица* роц цесарских; *птицам* морского рассвета; *птиц* красоты; б) управляемое слово: стая *птиц*; сосцы у *птицы*; с дат. п.: гибель *птицам*; с твор.п.: *птицу*-песню пером в зарю; с предл. п.: грусть монаха о белых *птицах*.

Предикативные конструкции

С глагольными словоформами: а) им. п: И кормчая *птица* златистым крылом Отцам указала на кедровый холм; *Запела птица* роц цесарских; *Птицы* вещи слетались, От туманов *отряхались*; *Птицы-поцелуи* Гнезда *вьют* из взоров и касаний; *Налетела* на хоромы преукрашенны *Птица* мертвая – поганый вран <...>; б) косв. п.: *Птицей* – волной белопенной *Рею* я в диких стихах; Жизнь-праматерь заутрени росные *Служит птицам* и правды сынам Мелькая птицей чернокрылой, Рождает ткань, как мерность строк <...>;

с составным именным сказуемым: а) именит. п. с прил., прич.: Привольные *птицы* земле не в изъян!; б) косв.. п. с прил., прич.: в) именная часть сказуемого: У ангелов губы – две алые *птицы*; Мой буйный *галстук* – стая *птиц*; Кабы *птицей* душа *очутилась*...

Конструкции с обращением: Гей ты, *птица*, отзовись на песню; Не отринь меня, Царица, Ангел, Дева, Дух и *Птица*, Одиноким не оставь; Ай же, птицы вы летучие, – Дребезда и ты, Габучина, Вы летели мимо острова; Ай же, Куропь белокрылая, Божья *птица* неповинная, У тебя ль перо Архангела...;

Конструкции с однородными членами: Жизнь-праматерь заутрени росные *Служит птицам* и правды сынам; Все трое *метятся писцом*, Горящей *птицей* и *крестом*; Гибель, гибель Лесам, озерам, птицам, рыбе!

Слово, включенное в текст, обогащается за счет лексического окружения, получает в тексте все новые и новые приращения смысла. Можно утверждать, что в поэтическом тексте семантическим преобразованиям подвергается любое слово. А значит, для выявления всех образных средств не достаточно фиксации только сочетаний-тропов, необходимо рассмотрение всех сочетаний слов, возникающих в поэтической фразе.

Лексикографическое представление сочетаний в Словаре Н. Клюева не преследует цели толкования образных значений. Его за-

дача – полная фиксация всех конструктивных элементов поэтической фразы, выделение семантических моделей образных структур.

Исследование направлений развития образной семантики слова предполагает описание нескольких семантических планов: метонимического, метафорического и символического развития значения. Тропеический способ поэтического освоения мира играет важную роль в употреблении слов той или иной тематической группы. Как отмечают исследователи, тропеический уровень поэтического языка имеет двойственную природу. С одной стороны, «как бы специфично ни было употребление слова в поэтической речи, оно всегда проецируется на его общеязыковое употребление и на поэтические нормы его употребления в данной системе поэтической речи и речи прошлых поэтических систем» [Григорьева 1979: 165]. С другой стороны, система тропов того или иного писателя привлекает исследователей как яркое проявление авторского видения мира, самобытного языка. Описание метафорического плана текста помогает выявить глубинные законы поэтической образности, определить их роль в формировании единого культурного пространства поэзии.

Творчество Н. Клюева с самого начала привлекало читателей и критиков необычайно яркой образностью. Предельная насыщенность метафорами восторгала исследователей, изумлявшихся «необузданной яркости и буйству поэтических красок» [Азадовский 1990; Базанов 1990].

Вторая часть словарной статьи («Образы и символы») отражает участие слов той или иной тематической группы в создании образов-сравнений, метафор, олицетворений. Авторы словаря предполагают разграничить случаи употребления заголовочного слова (в сравнениях, метафорах) как объекта и субъекта сравнения. Словарная статья фиксирует случаи метонимического употребления, участия слова в устойчивых сочетаниях, перифразах, в составе имен собственных. Кроме того, приводятся возможные аллюзии, связанные с другими известными текстами, включающими описываемую лексему. В качестве примера приведем фрагмент второй части словарной статьи «Золото».

II. Словесные образы и символы.

Сравнение: Лишь в поставце, как скряга *злато*, / Теленье числа и удой, / Подойник с крынкою щербатой / Тревожат сумрак изьяной; Шел дорогой удалый разбойник, / На платок, как на *злато*, поль-

стился; Так и слухами уколото / Запевает песню горюшко, / И звенит она как *золото*, / Разливается как морюшко; Сулится кольцом подарить / С бездонною брачной подушкой, / Где остров – ржаное гумно / Снопам, как *золотом*, полон. / И в каждом снопе аромат / Младенческой яблочной пятки.

Метафора и метафорический контекст: Аз Бог Ведаю Глагол Добра – / Пять знаков чище серебра; / За ними след: Есть Жизнь Земли – / Три буквы – с *златом* корабли; И звездным выгоном лосиным, – / У звезд рога в тяжелом *злате*; Ой ты, солнце огнеокое, / Надосветное, высокое, / Не рони закатна *золота* / Во озерышко глубокое – / Не пугай сор’огу малую, / Водяницу пододонную, / Не мани улыбкой алою / За туманность небосклонную. / Дай излить, золотилокое / Горе девичье великое...; В подземной горнице, как в чаше, / Незримым опахалом машет / И улыбается слюда – / Окаменелая вода / Со стен, где олова прослой / И *скопы золота*, как рой, / По ульям кварца залегли, – / *То груди Матери-земли / Удоем вспенили родник*; Зажмурилось солнце, глазеет луна, / Что в *золоте* хлебном родная страна!; Вот двадцать пять – «ау!» лесное, / Руно на бедрах, губы в зное, / *Шафран и золото* на коже, / Он всех дурманней и пригожей, / Дитя неведомой весны, / В венке из пьяной белены, – / Пред ним корзина с виноградом, / И друг золоторогий рядом;

Метонимия: Без посохов, *без злата* / Мы двинулись в путь; Пустыня мглой объята, – / Нам негде отдохнуть; Не дарите меня *золотом*, / Только слушайте, крещеные; Вы берите-ка скорешенько / Пялы новые, точёные, / Ещё иглы золоченые, / Шелк бурмитчатый, наводчатый, / Мелкий бисер с ясным *золотом*, / Расшивайте к сроку-времени / Разузорчатую завесу!; Лишь *золотом*, струисто ломкий, / Зарел Феодор Стратилат; И в тот же миг, как от погони, / Из грота выбежал козел, / Руно по бедра, грудью гол, / С загуслым *золотом* на рожках...

Отрицательный параллелизм: Не по зелено бархату, / Не по рытому, черевчату / *Золото* кольцо катается, / Красным жаром распляется, – / По брусняной новой горнице, / По накатной половичине / Разудалый ходит походом, / Голосит слова ретивые;

Аллюзия: Прискачет витязь из тумана, / *Литого золота шелом*, / Испепелить Левиафана / Двоперстным огненным крестом! (*В шапке золота литого / Старый русский великан... М. Ю. Лермонтов «Два великана»; аллегория русского народа-победителя.*)

Заключительная часть словарной статьи отражает символическое употребление слова. Делается попытка установления (с помощью существующих словарей символов и других источников, фиксирующих культурно-исторические традиции употребления слова) символических значений поэтического слова Н. А. Клюева.

Символ богатства: Он по-мирскому стольный князь, / Как чешуей озерный язь, / Так ослеплял служилым *златом* / Любимец царские палаты;

символ суетности, стяжательства: Без посохов, без *злата* / Мы двинулися в путь; Пустыня мглой объята, – / Нам негде отдохнуть; Не дарите меня *золотом*, / Только слушайте, крещеные;

золотое сияние, золотые одежды – символ святости, Божественности: Лишь *золотом*, струисто ломкий, / Зарел Феодор Стратилат; Польшнувши *золотом*, прянет гость в предызбицу, / Краснобайной сказкою пряху улестит...;

символ inferнального начала как антипода святости: И в тот же миг, как от погони, / Из грота выбежал козел, / Руно по бедра, грудью гол, / С загуслым *золотом* на рожках...;

символ непорочности, душевной чистоты: Покуль бесовское крыло / Не смыло *злата* с отрочати, / Пусть поначалится Савватий!;

символ высших духовных ценностей: По Морю морей плывут корабли с *золотом*: / Они причалят к пристани того, кто братом зовет Сущего ; Я гневаюсь на вас и горестно браню, / Что десять лет певучему коню, / Узда алмазная, из *злата* копыта, / Попона же созвучьями расшита; Но у ретивого копыта / Недаром *золотом* облиты, / Он выпил сон каменоломный / И ржет на Каме, под Коломной / И на балтийских берегах!...; Лебедь я, и шит не лыком, / Не корчажным впоен суслом, – / Медом, *золотом* загуслым / Из ладони смугло-глыбкой!

Описанный подход к лексикографическому описанию основан на представлении о невозможности (сложности) толкования поэтического слова, оторванного от текста. Пространство текста «не равно механической, арифметической сумме значений слов» [Лотман 1996: 97; Эткинд 1998: 80], а «процесс смысловой индукции текста разворачивается нелинейно, по многим направлениям сразу, многократно возвращаясь к уже пройденным этапам, вызывая все новые ретроспективные переосмысления» [Гаспаров 1996: 344].

Литература

- Азадовский К.* Николай Клюев: Путь поэта. – Л., 1990.
- Базанов В. С.* С родного берега. О поэзии Н. Клюева. – М., 1990.
- Виноградов В. В.* Язык Пушкина. – М.–Л., 1935.
- Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
- Григорьева А. Д.* Судьба поэтической фразеологии в русской поэзии XIX – начала XX вв. // Очерки по стилистике художественной речи. – М., 1979.
- Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996
- Поэтический словарь Николая Клюева. Выпуск 1: Частотные словоуказатели. – Вологда, 2007.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
- Эткинд Е.* Материя стиха. – СПб., 1998.
- Яцкевич Л. Г.* Клюев о поэтическом слове // Поэтическое слово Николая Клюева. – Вологда, 2005.

И. С. Климас
Курск

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

При внимательном чтении есенинских стихов обращают на себя внимание многочисленные отрицательные конструкции. Поскольку «степень загущенности» (выражение И.А. Осовецкого) подобных структур очень высока – почти по два употребления в каждом тексте, – очевидно, они представляют собой своеобразное выразительное средство, являются особенностью идиостиля поэта.

Мы проанализировали стихотворения С. Есенина, начиная с самых ранних – 1910 года – и заканчивая 1921 годом создания включительно (всего 111 текстов). При помощи методики сплошной выборки нами было выявлено 209 случаев использования поэтом отрицательных конструкций.

Прежде чем мы приступим к описанию примеров, охарактеризуем теоретические основания нашей работы. Спорными моментами в отношении утверждения / отрицания как явлений грамматики считаются следующие:

1) включаются ли эти признаки в понятие модальности предложения?

2) каков критерий деления предложений на утвердительные и отрицательные?

3) какова классификация отрицательных предложений?

Мы согласны с авторами «РГ-80», которые полагают, что «утверждение и отрицание в их противопоставлении вопросу в круг модальных значений не вводятся» [РГ 1980, II, 215]; в «Краткой русской грамматике» противопоставление по признаку «утверждение – отрицание» относится к субъективно-модальным значениям [КРГ 2002: 564].

По мнению В. В. Бабайцевой, необходимо разграничивать понятия «предикативности» и «предикативных отношений»: «Дифференциация предикативности и предикативных отношений позволяет сформулировать критерий деления предложений на утвердительные и отрицательные. Им является характер предикативных отношений» [Совр. рус. язык ... 2001: 431]. Н.С. Валгина считает, что противопоставление по принципу утвердительности – отрицательности чисто смысловое. «...Предложения называются *утвердительными*, если в них передается наличие связи между предметами и их признаками в реальной действительности, и *отрицательными*, если в них эта связь отрицается» [Валгина 1991: 71].

«РГ-80» по отношению к отрицанию выделяет собственно отрицательные предложения, в которых «отрицание является формально необходимым элементом» (*Нет времени; Некуда пойти; Ни огонька*) и предложения с факультативным отрицанием (*Студент не читает; Брат не учитель; В комнате не холодно*) [РГ 1980, II, 403]. Однако в большинстве пособий отрицательные предложения делятся на *общеотрицательные* (с отрицательным сказуемым) и *частноотрицательные* (с частицей *не* перед другими членами предложения); мы будем придерживаться традиционной классификации. В ряде работ рассматриваются случаи, когда отрицание может быть выражено не лексически, а с помощью интонации, порядка слов, некоторых эмоциональных частиц, например: *Куда уж мне плясать!* Мы не включаем подобные конструкции в сферу своих интересов.

Категория отрицания может быть структурно значимой, если она определяет собой структуру предложения. В структурную схему

общеотрицательного предложения, помимо отрицания *не* (*neg* в «РГ-80»), могут входить слова *нет*, *нельзя*, частица *ни*, например: *В доме ни души*.

Однако отрицательные частицы не всегда являются конструктивной особенностью отрицательных предложений. К отрицательным конструкциям, как правило, не относят:

– предложения с двойным отрицанием: *Но не любить тебя, не верить Я научиться не могу* (с. 75);

– придаточные уступительные с частицей *ни*: *Что ни прорубь – везде колдуны* (с. 55);

– вопросительные и восклицательные предложения со значением предположительности, обобщения, опасения, одобрения, необходимости [Валгина 1991: 73]. В анализируемых текстах такие примеры встречаются в избытке, например, со значением необходимости: *Не пора ли нам, ребята, взяться за ум <...>?* (с. 50); *Черная, потом пропахшая вить! Как мне тебя не ласкать, не любить?* (с. 46).

Более спорными являются примеры, когда *не* стоит перед глаголом или другим членом предложения в предикативной функции (вспомним положение А.М. Пешковского о связи категории отрицания со сказуемостью). В.В. Бабайцева замечает, что в некоторых случаях отчетливое противопоставление утверждения / отрицания снимается [Совр. рус. язык ...2001: 433], так как наблюдается противоречие между формой и содержанием. *Не погибли ли в жарком бою?* (с. 56); *Вы ль за жизнь его сердцем не индевели?* (с. 128); *Песни, песни, шль вас не стряхнуть?* (с. 102). Примеры демонстрируют разную степень близости предложений к отрицательным конструкциям.

Вызывают сомнение также такие случаи, когда *не* является не частицей, а приставкой, в том числе этимологического характера, у имени в составе сказуемого: *Сердце неласково к шуму* (с. 61); *Несчетны склоны гор* (с. 85); *Кому ненавистен туман, Тот солище корявой рукою Сорвет на золотой барабан* (с. 117); *Вы, наверно, стали некрасивыми* (с. 128); *Коль несчастен – то весел и рад* (с. 132). Скорее всего, подобные конструкции нецелесообразно рассматривать как отрицательные.

Следует отметить употребление отрицательной частицы при обращении: можно ли в данном случае говорить об отрицательной

конструкции – вопрос остается открытым. *Не живые, чужие ладо- ни, Этим песням при вас не жить!* (с. 123).

Приступая к анализу собственно отрицательных конструкций, отметим, что общеотрицательных предложений в стихотворениях С.А. Есенина в три раза больше, чем частноотрицательных. Поражает разнообразие способов выражения отрицания, поэт использует едва ли не все возможные грамматические формы, чтобы передать впечатление отсутствия связи между явлениями реальности.

Общеотрицательные предложения формируются при помощи спрягаемых глаголов-сказуемых с различными показателями времени: *Не нашлось мое колечко* (с. 31); *Не пойду я к хороводу* (с. 32); *Ой, не любит черны косы домовой* (с. 37). В отдельных случаях глагол будущего времени употребляется в значении настоящего: *Мать с ухватами не сладится* (с. 40).

В двусоставном предложении отрицательное сказуемое может быть выражено словами разных частей речи – прилагательных, кратких причастий, местоимений, наречий: *Близок твой кому-то красный вечер, Да не нужен ты* (с. 81); *Не встревожен ласкою угрюмою Загорелый взмах твоей руки* (с. 94); *Пусть не я тот нежный отрок В голубином крыльев плеске* (с.83); *Теперь любовь моя не та* (с. 115); *Затерялась Русь в Мордве и Чуди, Ни-почем ей страх* (с. 60); *Первая радость не в прок* (с. 61).

Встречаются отрицательные частицы и при главном члене односоставных предложений – номинативных: *Не заутренние звоны, а венчальный переклик* (с. 33); определенно-личных: *Не жалею, не зову, не плачу* (с. 132); неопределенно-личных: *Не дали матери сына* (с. 61); обобщенно-личных: *Подошел Господь, скрыва- вая скорбь и муку: Видно, мол, сердца их не разбудишь* (с. 39); безличных: *Темна ноченька, не спится* (с. 32), *Только мне не плачется – на душе светло* (с. 29); инфинитивных: *Не видать конца и края – Только синь сосет глаза* (с. 41). Последние в лирике С. Есенина особенно частотны; очевидно, употребление отрицательных конструкций с независимым инфинитивом является индивидуальной особенностью стиля поэта.

Нередко отрицание относится к бытийному, модальному вспомогательному глаголу, глаголу-связке: *Хороша была Танюша, краше не было в селе* (с. 32); *Не хочу воспрять спасения Через муки его и крест* (с. 103); *Но люблю тебя, родина кроткая! А за что –*

разгадать не могу (с. 55); *Жаль, что в детстве тебя не пришло* *Утопить, как ведро в колоде* (с. 127); *Увяданья золотом охваченный, Я не буду больше молодым* (с. 132); *«Побожися душу выдать мне порукой, Иначе не будет с Новгородом слада!»* (с. 48).

Нами отмечены примеры со словом *нет* в роли главного члена: *Хмельному от радости пересуду нет* (с. 29); *Слушайте: Большие нет воскресенья* (с.90); *Гибельной свободы В этом мире нет* (с. 91); *Кого-то нет, и тонкогубый ветер О ком-то шепчет, сгнувшись в ночи* (с. 73).

Несколько раз в границах исследуемого материала встретились общеотрицательные предложения с предикативом (*не*) *надо(бно)*: *Я скажу: «Не надо рая, Дайте родину мою»* (с. 42); *Мир вам, рощи, луг и липы, Литии медовой ладан! Всё прившему с улыбкой Ничего от вас не надо* (с. 76); *Богу лишнего не надобно* (с. 113).

Исследователи отмечают, что разграничение утвердительных и отрицательных предложений наиболее четко прослеживается в двусоставных повествовательных предложениях; в вопросительных и побудительных предложениях соотношение утверждения и отрицания выявить сложнее, так как наличие частицы *не* иногда имеет факкультативный характер [Совр. рус. язык ...2001: 433]. В стихотворениях С. Есенина нами зафиксировано большое количество примеров употребления частицы *не* с глаголами в повелительном наклонении: *Не суди молитвой строгой Напоенный сердцем взгляд* (с. 59); *Не тоскуй, моя белая хата, Что опять мы одни и одни* (с. 68); *Не жалейте же ушедших* (с. 110) и т.п.

Итак, различные способы выражения отрицания – употребления *не* с разными словами речи – в общеотрицательных предложениях можно представить следующим образом: спрягаемый глагол в настоящем (25), прошедшем (19), будущем (31) времени; материально выраженная глагольная связка *быть* (3); глагол будущего времени в значении настоящего (2); безличный глагол (2); независимый инфинитив (26); глагол в повелительном наклонении (13); существительное (1); прилагательное (5); наречие (4); причастие (2); местоимение (2); слово *нет* (6); предикатив *надо(бно)* (3); другие слова категории состояния (3).

В *частноотрицательных предложениях* отрицание может быть связано как с подлежащим, так и с второстепенными членами.

Среди подлежащих с отрицанием встречаются существительные (6), местоимения (4), инфинитив (1), например: *То не зори в струях озера свой выткали узор* (с. 33); *Не каждый умеет петь* (с. 127); *Научи, чтоб можно было Никогда не просыпаться* (с. 83).

Естественно, что наибольшим разнообразием форм в частноотрицательных конструкциях представлены обстоятельства; среди них большинство наречий (10), реже встречаются существительные с предлогами (4), отглагольные прилагательные и причастия, в том числе их устаревшие формы (3), числительные (3), деепричастия и деепричастные обороты (2), местоимения (1). Примеры: *Я не скоро, не скоро вернусь!* (с. 114); *Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком* (с. 133); *Не в ветрах, а, зная, в томах тяжелых Прозвонит твой сон* (с. 81); *Не одетая она ушла* (с.68); *Кто-то воротится не вредим в дом?* (с. 49); *Не дознамо печени судорга схватила, Охнула кормилица, тут и породила* (с. 34); *Не один я в этом свете шляюсь, Не один брожу* (с. 95); *Ах, не с того ли за селом Так плачет жалостно гармоника* (с. 126); *Я пройду его с улыбкой пьяной мимо, Не узнав навек* (с. 96). Отрицание перед деепричастием, обозначающим дополнительное действие, придает таким конструкциям статус переходных к общеотрицательным.

Нами зафиксированы предложения, в которых отрицание относится к дополнению, выраженному местоимением (4), инфинитивом (4), существительным (3), например: *Не тобой я поцелован, Не с тобой мой связан рок* (с. 76); *Не молиться тебе, а лаяться Научил ты меня, Господь* (с. 119); *Не за песни весны над равниною Дорога мне зеленая ширь* (с. 70).

Реже всего встречаются предложения с отрицательным определением – прилагательным (2) или местоимением (1): *Я, жилец страны нездешной, Прохожу к монастырю* (с. 52); *Не твоя ли шаль с каймою Зеленеет на ветру?* (с. 58).

Необходимо также упомянуть о конструкциях с усилением отрицания, в которых при отрицательном сказуемом используются отрицательные местоимения и наречия: *никто* в роли подлежащего (2), *никуда, никогда* – обстоятельства (4), *никому, ничего, нечего, никого* в функции дополнения (8). Например: *Я еще никогда бережливо Так не слушал разумную плоть* (с. 115); *Никуда вам*

не скрыться от гибели, Никуда не уйти от врага (с. 125); *Никому и в голову не встанет, Что солома – это тоже плоть!*.. (с. 130); *Никто не пожалел и не обернулся назад* (с. 49); *Всё приявшему с улыбкой ничего от вас не надо* (с. 76); *Ничего я в час прощальный не оставлю никому* (с. 78); *Никого не впускаю в горницу, Никому не открою дверь* (с. 119).

Средством усиления отрицания служат и слова с частицей *ни*, чаще всего в исследуемом материале являющиеся дополнениями: *Кошка была старая, глухая, Ни мышей, ни мух не слышала* (с. 87); *Не утрашуся гибели, Ни копий, ни стрел дождей* (с. 102); *Но и поняв, я не приемлю Ни тихих ласк, ни глубины* (с. 71), реже – подлежащими: *Не спугнет их ни гром и ни тьма* (с. 57). Усиление отрицания возможно и в конструкциях с деепричастиями: ... *у матери стянув краюху хлеба, Кусали мы с тобой ее по разу, ни капельки друг другом не погребав* (с. 129).

Перечислив средства выражения отрицания в лирике С. Есенина, обратимся к особенностям употребления отрицательных конструкций, характеризующим идиостиль поэта.

На наш взгляд, одной из ярких особенностей является скопление разнообразных средств отрицания в границах минимального контекста. В таких случаях роль отрицания как бы специально подчеркивается поэтом, оно используется в выразительных целях. *Мне не нужен вздох могилы, Слову с тайной не обняться. Научи, чтоб можно было Никогда не просыпаться* (с.83); *Тебе о солнце не пропеть, В окошко не увидеть рая. Так мельница, крылом махая, С земли не может улететь* (с. 115) и т.п.

Если проводить более глубокий филологический и психологический анализ стихотворений С. Есенина, можно заметить, что в отрицании, даже неоднократно подчеркнутым, нередко кроется утверждение или хотя бы желание иного положения вещей, скрытая мольба. Отрицание здесь играет своеобразную роль оберега: нельзя спугнуть мечту словами – «мысль изреченная есть ложь». Так в Древней Руси, желая видеть своих детей любимыми и красивыми, родители давали им имена *Нелюб, Некрас*. Кто-то из исследователей творчества С. Есенина остроумно заметил, что, чем больше поэт утверждает: «не жалею, не зову, не плачу», тем более становится

ясно, что он и жалеет, и плачет, и зовет. Ср.: *И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком*. Однако это положение требует более внимательного специального изучения.

Другой яркой особенностью в использовании отрицательных конструкций является противопоставление отрицания и утверждения, которое кроется в построении фразы. *Не заутренние звоны, а венчальный переклик* (с. 33); *Близок твой кому-то красный вечер, Да не нужен ты* (с. 81); *Пусть не я тот нежный отрок В голубином крыльев плеске, Сон мой радостен и кроток О нездеишем перелеске* (с. 83); *Понятен мне земли глагол, но не стяхну я муку эту* (с. 122) и т.п.

Иногда подобные конструкции принимают вид отрицательного параллелизма как широко известного приема устной народной поэзии: *То не зори в струях озера свой выткали узор, Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор* (с. 33); *Не сестра месяца из темного болота В жемчуге кокошник в небо запрокинула, – Ой, как выходила Марфа за ворота, Письменище черное из дулейки вынула* (с. 48). Такие случаи можно квалифицировать как осознанную стилизацию под фольклорный стиль, так и результат глубоко усвоенных традиций устно-поэтического творчества.

Отметим также, что многие отрицательные конструкции, столь характерные для идиостиля С. Есенина, имеют настолько отточенную форму при обобщенном смысле, что воспринимаются как своеобразные афоризмы: *Хмельному от радости пересуду нет* (с. 29); *Только не по совести счастье наготове* (с. 34); *Не изменят лик земли напевы, не стяхнут листа* (с. 81); *Но звон поцелуев Деньгой не гремит* (с. 94); *Не каждый умеет петь, Не каждому дано яблоком Падать к чужим ногам* (с. 127); *Не силен тот, кто радости просит, Только гордые в силе живут* (с. 68) и т.д.

Таким образом, отрицательные конструкции в стихотворениях С. Есенина не только встречаются в изобилии, но и представляют собой отличительную идиолектную черту, нередко выступают как своеобразное выразительное средство в авторской поэтической системе.

Литература

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – Изд-е 3, испр. – М.: Высш. Школа, 1991.

КРГ – Краткая русская грамматика. – Изд-е 2, стер. / Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М.: РАН: Ин-т им. Виноградова, 2002.

РГ-80 – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. П.Ю. Шведова. – М., 1980. – Т.2.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. – Ч.2. Морфология. Синтаксис. – М.: Academia, 2001.

Источник

Есенин С. Стихотворения. Поэмы / Библиотека всемирной литературы. Серия третья. Том 151. – М.: Худож. Лит., 1973.

Е. В. Алтабаева
Мичуринск

ФУНКЦИИ ОПТАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Проблема функционирования языковых единиц в художественном тексте не является для ученых ни новой, ни малознакомой, но, тем не менее, рассмотрение ее в русле новых исследовательских парадигм позволяет выявить те стороны, которые ранее оставалась в тени.

В силу того, что в тексте воплощены культурно детерминированные представления о том или ином фрагменте мира художественной реальности, именно лингвокультурологический подход к его исследованию позволяет выявить очень важные, быть может, скрытые, невидимые при традиционном лингвистическом анализе особенности и закономерности языковых единиц. Каждая такая единица в тексте обладает собственным культурным фоном; за каждым текстом стоит не только автор – стоит эпоха, и не только эпоха, но и некий социум как конгломерат индивидуумов. Художественный текст есть своего рода призма, сквозь которую, преломляясь, отражается и национальный характер, и мир нации, этноса, человека.

На особую актуальность проблемы понимания, толкования и интерпретации художественного текста в свое время обратил внимание М.М. Бахтин в одном из своих поздних набросков: «Понимать текст так, как его понимал сам автор данного текста. Но понимание может быть и должно быть лучшим. Могучее и глубокое творчество во многом бывает бессознательным и многоосмысленным. В пони-

мании оно восполняется сознанием и раскрывается многообразием смыслов» [Бахтин 1995: 19]. По мысли Бахтина, в тексте реализуется диалектическое триединство *автор – читатель – исследователь*.

В этом плане справедливо замечание Е.С. Кубряковой, что всякий текст, являясь специфически организованным способом коммуникации, нацелен на формирование в сознании адресата определенной *ментальной модели*, обеспечивающей понимание содержания данного текста [Кубрякова 2001: 79–80]. В ментальной модели текста художественного действительность получает особое, образное отражение в виде одного из возможных миров, созданного волей автора. В то же время, в свете бахтинского тезиса, стоит отметить, что на фоне базовой ментальной модели дифференцируются модель читательская и модель исследовательская, поскольку они принципиально отличаются друг от друга. Безусловный интерес для науки представляет вопрос о соотношении авторской, исследовательской и читательской ментальных моделей текста. Этот вопрос лежит не только в плоскости герменевтики, но и оказывается тесно связанным с когнитивными и этнолингвокультурологическими исследованиями. Однако сейчас не он является предметом нашего основного внимания. Мы считаем, что в своей основе все возможные интерпретации художественного текста, в конечном счете, имеют собственно *текстовую* модель картины мира, которую создает в своем произведении сам автор [Алтабаева 2004: 19].

Понятие *текстовая модель картины мира* подразумевает индивидуально-авторское воплощение универсальных мыслительных представлений личности в концептуальном художественном пространстве. Поэтому здесь уместно говорить не только о языковой, но и о художественной картине мира в тексте.

Художественную картину мира можно рассматривать как инвариантную текстовую модель языковой картины мира, которая включает в себя как минимум три вариантные ментальные модели: *авторскую, читательскую и исследовательскую*. Их дифференциация основывается, прежде всего, на различном соотношении представленности в них индивидуального сознания и коллективного бессознательного, отраженного в содержании текста.

При этом нельзя не учитывать ту специфичность интерпретации (авторской, читательской, исследовательской) текста и его смыслов, которая продиктована определенным культурным архетипом. Куль-

турный архетип понимается в науке и как совокупность глубинных установок коллективного бессознательного (Карл Густав Юнг), и как изначальный образ, актуализирующийся в художественном творчестве и принимающий формы, которые соответствуют современным культурно-историческим условиям (А.А. Леонтьев), с другой.

С национальным архетипом тесно увязывается понятие ключевого смысла (смыслов) художественного текста. За ключевыми текстовыми смыслами стоят фундаментальные концепты языкового сознания нации, отражающие в художественном тексте систему «миров личности» и являющиеся «реальностью национальной рече-мысли» [Колесов 2004: 67]. Изучение механизма языкового представления концептов в тексте означает ставить и решать целый ряд вопросов о потенциале воздейственности художественного текста, о специфике индивидуально-авторской и читательской моделей картины мира, о своеобразии форм национального языкового сознания, воплощенного в тексте, наконец, о концептуальном пространстве художественного произведения и о концептосфере языка в целом. Это, бесспорно, глобальная проблема современной лингвистической науки, и ведущиеся в этом русле многочисленные исследования лишь подтверждают ее значимость.

Языковые средства, определенным образом организованные в тексте, выполняют самые разнообразные функции. Нас будут интересовать те текстовые функции, которые характерны для оптативных предложений как единиц, содержание которых неразрывно связано с внутренним миром говорящего и его ментальными предпочтениями. Что такое оптативные предложения для русского языка, и какое место занимают они в его грамматической системе? Этот вопрос пока не получил однозначного ответа [см. об этом подробнее: Алтабаева 2003]. Выделенные чешским ученым Р. Мразеком полстолетия назад как новый тип предложений – «желательные предложения» – и позднее в пражской «Русской грамматике» [Praha 1979] описанные под названием «оптативные» (*Я бы прогулялся; Только бы поезд не опоздал; Подморозило бы к утру; Встретиться бы нам; Тепла бы* и под.), они широко распространены в современном русском языке и функционируют в пределах большинства функциональных стилей, весьма активно используются в художественной, публицистической и разговорной речи, более скромно пред-

ставлены в научном и официально-деловом стилях. Эти единицы являются главным представителем особой языковой категории – категории оптативности [Алтабаева 2007].

Текст в отношении категории оптативности выступает как основная сфера функционирования единиц этой категории. К тому же, согласно господствующей в русистике точке зрения, категории оптативности отказывают в собственном грамматическом оформлении, мотивируя тем, что для передачи данной семантики используются формы других наклонений (прежде всего сослагательного), поэтому фактически она может быть выявлена только в текстовом пространстве. Основной грамматический показатель оптативной семантики – частица *бы* – отличается полифункциональностью, поскольку в пределах своего категориального значения гипотетичности (ирреальности) форма сослагательного наклонения (глагол на –л + *бы*) способна передавать достаточно широкий спектр значений, которые в извлеченном из контекста высказывании не могут быть четко дифференцированы [Алтабаева 2001: 83]. Например, при общем модальном значении ирреальности предложения типа *Я бы в летчики пошел* допускают такие варианты, как возможность (*‘Мог бы пойти в летчики’*), предположительность (*‘Наверное, пошел бы в летчики’*), обусловленность (*‘Пошел бы, если бы смог, в летчики’*), желательность (*‘Хотел бы пойти в летчики’*). Вариативность экспликаций подтверждает невозможность однозначной квалификации модального плана исходного высказывания, взятого вне текста.

Если же говорить о лексико-синтаксическом выражении оптативности, следует отметить, что группа глаголов желания с доминантой *хотеть* обнаруживает разнообразные сочетательные возможности: *хотеть яблока, цветов, тишины; хотеть спать, путешествовать, стать художником; хотеть к морю, на выставку, домой* и т. п. Наиболее ярко внутрисинтаксическая оптативная модальность проявляется, когда глагол желания, находясь при инфинитиве, модифицирует действие / состояние в плане его желательности для субъекта: *хотеть выздороветь, стремиться узнать, пытаться помочь, мечтать встретиться* и т.п. При этом в различных текстовых условиях возникают разные оттенки желательности, а также различные интерпретации семантики как самих оптативных глаголов, так и высказывания в целом. Например, реплика *Я хочу пить* в соответствующих контекстах может означать: 1) собственно

желание как констатацию потребности субъекта в чем-либо; 2) намерение, т.е. «собираюсь пить, потому что испытываю жажду»; 3) просьбу или требование, т.е. «хочу пить и прошу (приказываю) принести мне, например, воду или сок».

Такие явления вряд ли могут быть в полной мере описаны в пределах отдельно взятого высказывания, поэтому важным представляется изучение текстового поведения оптативных предложений, равно как и средств выражения оптативности в целом в пространстве художественного текста.

Какие возможности дает такой подход? Во-первых, с помощью дискурса мы устанавливаем, относится ли рассматриваемое высказывание к оптативным, т.е. отражена ли в нем установка говорящего на сообщение о предмете делания – своего собственного или другого субъекта. Во-вторых, выявляем собственно текстовые функции оптативных предложений, такие, например, как: а) функция сообщения о желании в той или иной его разновидности (невозможное желание, неосуществимое желание, осуществимое при каком-либо условии желание, интенсивное желание и т.д.); б) функция сообщения о намерении совершить какое-либо действие, в котором говорящий заинтересован; в) функция сообщения о побуждении адресата к совершению желаемого для говорящего действия и др. В третьих, определяем место данного высказывания и использованных в нем средств в системе синтаксического поля оптативности. На наш взгляд, второе звено в этой цепи является центральным, так как именно выявление текстовых функций оптативных предложений позволяет получить максимально полную и объективную информацию о категории оптативности и ее месте в русской языковой картине мира.

Отметим, что немаловажно различать понятия «текстовые функции оптативных предложений» и «функционирование оптативных предложений в тексте». Во втором случае имеется в виду употребление этих единиц в диалогической и монологической речи персонажей, в собственно авторской и несобственно-прямой речи, но это отдельный вопрос теории оптативности.

Наблюдения показывают, что в числе текстовых функций оптативных предложений можно выделить прагматическую функцию, поскольку оптативная ситуация сама является предельно прагматизированной и предполагает некое речевое или неречевое реагиру-

ние ближайшего адресата (рациональное, эмоциональное; позитивное, негативное и др.). Рассмотрим пример ситуации, представленной в одном из произведений Евгения Замятина:

(1) – ... *Туда же – разговаривает! Молчал бы! Мы, по крайности, за нашу власть, а вы за кого?*

(2) – *За вла-сть! Тебя бы носом ткнуть в Филимошку нашего ...*

(3) – *А ну – ткни? Я, брат, тебя ткну-у!*[ЕЗ, Рассказ о самом главном, 209].

Приведенный диалог отличается высоким эмоциональным напряжением. Реплика (1) содержит побуждение с оттенком осуждения и негодования, выраженное формой опатива в сочетании со вторым синтаксическим лицом, восстанавливаемым из контекста. Адресат (2) энергично возражает, используя опативное высказывание, в котором переплетаются модальность целесообразности действия для его потенциального субъекта, с точки зрения говорящего, и модальность желательности осуществления этого действия для самого говорящего. Такая модальная перспектива создается, в частности, формой инфинитива с частицей «бы», обладающей, в пределах высказывания, богатым прагматическим потенциалом. В последней реплике (3) интересно использование глагола изъявительного наклонения первого лица в функции волеизъявления (для выражения угрозы). В целом же в данной ситуации негативного эмоционального реагирования на опативное волеизъявление прагматический эффект достигается использованием фонетических, лексических и синтаксических средств.

Рассмотрим текстовый фрагмент из рассказа Е. И. Замятина «Пещера», в котором прагматическая функция опативных предложений сочетается с информативной: через прагматические средства читатель получает художественное впечатление, так сказать, не в чистом виде, а осложненное новыми знаниями, представлениями о том или ином герое или событии.

Вдруг – свет: ровно десять. И не кончив, зажмурился Мартин Мартыныч, отвернулся: при свете – труднее, чем в темноте. И при свете ясно: лицо у него скомканное, глиняное (теперь у многих глиняные лица: назад – к Адаму). А Маша: – И знаешь, Март, я бы попробовала – может, я встану ... если ты затопишь с утра. – Ну, Маша, конечно же ... Такой день ... Ну, конечно – с утра. Пещерный

бог затихал, съеживался, затих, чуть потрескивает. Слышно: внизу, у Обертышевых, каменным топором щепают коряги от барки – каменным топором колют Мартина Мартиныча на куски. Кусок Мартина Мартиныча глиняно улыбался Маше и молот на кофейной мельнице сушеную картофельную шелуху для лепешек – и кусок Мартина Мартиныча, как с воли залетевшая в комнату птица, бестолково, слепо тукался в потолок, в стекла, в стены: «Где бы дров – где бы дров – где бы дров» [ЕЗ, Пещера, 187].

По существу, информация, содержащаяся в этом фрагменте, сводится к следующему: герой не в силах сказать умирающей от холода жене, что дрова кончились, и мучительно пытается найти выход, то есть достать дрова. Но автору не удалось бы возвести, в общем-то, бытовую ситуацию на подлинно трагедийный пьедестал, если бы он так ярко, выпукло и выразительно не передал средствами языка всю глубину переживаний героя, обреченность его стремления сохранить в «пещерных» условиях человеческое лицо.

Последнее предложение фрагмента, включающее в себя оппозитивную конструкцию, начинается с синтеза звукового и зрительного сигналов («Кусок Мартина Мартиныча глиняно улыбался Маше»). В восприятии читателя отзвук от как бы расколотого, разбитого на куски героя сливается воедино с видом его нелепой глиняной улыбки и перерастает в биение души-птицы, мечущейся по пещере в поисках выхода с молитвой-заклинанием: «Где бы дров – где бы дров – где бы дров». Благодаря троекратному повторению оппозитивного предложения безглагольного типа мы видим, слышим, осязаем образ и готовы принять его именно таким, каким показывает его Замятин – движимым единственным желанием – найти дрова, чтобы согреть Машу, способным ради этого на любую жертву. Безусловно, автор еще многое добавит к характеристике своего героя, но есть самое главное – представлена доминанта художественного пространства рассказа: *Где бы дров*.

В рассказе «Пещера» смысловая доминанта текста оформлена как оппозитивное предложение *Где бы дров*, рематическое и вследствие этого неполное. Неполнота и троекратный ритмический повтор актуализируют семантику этого высказывания, делают его как бы лозунгом, идеей, задачей главного героя. Наряду с образом холодного дома-пещеры, *Где бы дров* образует тот растянутый смысл, ко-

торый, во-первых, становится лейтмотивом рассказа и, во-вторых, обеспечивает правильное понимание текста, т. е. его ответственность. Помимо этого автор вкладывает в высказывание еще один, более глубинный смысл: как достать дрова честно, без воровства? Драматизм ситуации в том, что *Где бы дров* для героя своего рода дилемма: с одной стороны – жизнь близкого человека, с другой – непосильная жертва, нравственное падение.

В «Рассказе о самом главном» мы обнаруживаем аналогичное языковое представление смысловой доминанты: *Если бы не быть человеком – если бы не знать жалости к человеку!* Это высказывание фокусирует и переплетение сюжетных линий, и конфликт между добром и злом, долгом и чувством, восходящий от сугубо земного к вселенскому, космическому, и глубокое сожаление о несбыточности, неисполнимости нечеловеческого по силе страданий желания человека не быть человеком, чтобы не знать жалости. Конкретные события конкретной эпохи у Замятина приобретают общечеловеческую значимость.

Функция смысловой доминанты текста для оптативных предложений является одной из наиболее значимых, поскольку подчеркивает их исключительную роль в механизме художественного воздействия.

При исследовании текстовых функций оптативных предложений не менее важно учитывать характер адресации ответственности. В художественном тексте автор использует средства создания эмоционального контекста в целях достижения эффекта воздействия как по отношению к своим героям (например, в диалоге), так и по отношению к непосредственному адресату произведения – читателю. Следует отметить, что при контекстно-вариативном подходе к делимитации текста [Гальперин 2005: 52] оптативные высказывания могут фигурировать как компонент чужой речи и как компонент несобственно-прямой речи и, соответственно, выполнять функции а) ближайшей адресации («автор – герой») и б) дальнейшей адресации («автор – герой – читатель»).

Ближайшая, внутритекстовая, адресация типа «автор – герой» представляет собой организацию воздействия в пределах текстового пространства на персонажей как участников текстовой коммуникации. Авторским замыслом и параметрами смоделированной ситуации задается характер речевого или неречевого реагирования адре-

сата (рациональное, эмоциональное, позитивное, негативное, нейтральное и т.д.). Чаще всего такой тип адресации встречается в диалогической речи, где мы сталкиваемся с непосредственным воздействием, например: *В дверях – очки на кончике носа: – Елисей Елисей велели – чтоб на собрание. Скорее. – Ну вот, только за книгу сядешь ... Ну, что еще такое? – улысенького мальчика в голове слезы. – Не могу знать. А только чтоб скорее... – Дверь каюты захлопнулась, очки понеслись дальше ...* [ЕЗ, Мамай, 178–189].

При дальнейшей, надтекстовой, адресации типа «автор – герой – читатель» воздействие оптативного высказывания выходит за пределы текстового пространства и делает своим адресатом читателя или исследователя текста, не оставляя без внимания героя, душевное состояние которого автор обычно раскрывает либо в форме авторской, либо – несобственно-прямой речи, где выступает как соучастник происходящего, «доверенное лицо» своего персонажа, например: *Забиться бы куда-нибудь, залезть в какую-нибудь щель тараканом ...* [ЕЗ, Уездное, 40]. Следует отметить, что в системе несобственно-прямой речи в прозе Замятина оптативные предложения – явление далеко не случайное, в его идиостиле они занимают особое место: *Убежать бы от собачьей жизни. Людей бы, по-людски бы чего-нибудь: чаю бы горяченького попить, под одеялом поспать* [ЕЗ, Уездное, 34]; *Если б не быть человеком – если б не знать жадности к человеку!* [ЕЗ, Рассказ о самом главном, 212]; *Все не могут ни выпить, ни с собой взять: так пропадай ты пропадом, только бы им не осталось* [ЕЗ, Три дня, 265]. Их субъектная перспектива позволяет передать различные состояния героя и как бы изнутри, и со стороны, проникнуть в самые потаенные уголки его души, показать то, что, как правило, не выходит за пределы внутренней речи, – мир желаний героя как его систему ценностей. Так, посредством серии оптативных предложений, включенных в контекст несобственно-прямой речи, в повести «Уездное» представлена ценностная иерархия главного героя.

Таким образом, оптативные предложения несут в себе важную информацию о национально-культурной специфике русского языкового сознания, о национальном характере, о ценностных приоритетах личности, с одной стороны, и об индивидуально-авторских особенностях художественной системы писателя, с другой. Их

функции, реализующиеся в художественном тексте, весьма разнообразны и отражают богатство выразительных возможностей этих языковых единиц. Мы наметили основные пути исследования текстовых функций русских оптативных предложений не только для того, чтобы показать значимость этой проблемы для современной лингвистической науки, но и с целью подчеркнуть перспективность ее специального рассмотрения в русле новых научных парадигм.

Литература

Алтабаева Е.В. К вопросу о функциональной специализации частицы «БЫ» в грамматической системе русского языка // Средства номинации и предикации в русском языке: Межвуз. сб. науч. тр. – М., 2001. – С. 83–86.

Алтабаева Е.В. Ключевые смыслы в текстовой модели картины мира // Текст: семантика, форма, функция: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. 6–7 октября 2004 г. – Тамбов, 2004. – С.19–24.

Алтабаева Е.В. Концептуальные основания и системная организация категории оптативности в русском языке. – Мичуринск, 2007.

Алтабаева Е.В. Оптативные предложения в современном русском языке. – Мичуринск, 2003.

Бахтин М.М. Человек в мире слова. – М., 1995.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 3-е, стереотип. – М., 2005. – 144 с.

Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб., 2004 – С. 57–72.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конференции. Т. I. – М., 2001. – С.72–81.

Русская грамматика. Т. I–II. – Прага, 1979.

Сокращения

ЕЗ – Евгений Замятин. Избранное. – М., 1989. – 463 с.

Е. Ю. Хоркина
Волгоград

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАССКАЗЕ Е. И. ЗАМЯТИНА «НАВОДНЕНИЕ»

Средства создания повествования в каждом литературном произведении строго специфичны, так как они продиктованы индивидуальным стилем автора и уникальностью семантики отдельного художественного текста.

Категория личности–безличности оказывается в наибольшей степени зависящей от выбора говорящего, точнее, воплощающей этот самовыбор самим фактом существования говорящего и произносимой им речи.

Как известно, в оппозиции личность / безличность отражаются способы, при помощи которых говорящий имеет возможность по-разному характеризовать в предложении семантический актант – носитель признака: в личных предложениях семантический актант выступает и как грамматический носитель данного признака – подлежащее предложения; тем самым его роль в передаваемой ситуации грамматически подчеркивается; в безличных предложениях семантический носитель признака, выступая в предложении в косвенном падеже, предстает уже не как его грамматический носитель (подлежащее), а как второстепенный компонент синтаксической структуры – дополнение; тем самым его роль в передаваемой ситуации грамматически как бы ослабляется, затушевывается.

На основе количественного подсчета нами было установлено, что на протяжении всей творческой деятельности Е.И. Замятин активно использовал в своих творениях безличные конструкции, вне зависимости от идейного содержания текста.

Однако из всех произведений Замятина выделяется рассказ «Наводнение» (1930 г.). Наводнение – символ, интегральный образ, запечатлевший стихийные силы хаоса, овладевающие душами людей. Замятин затрагивает в рассказе исходные, основные инстинкты жизни человеческого существа: инстинкт продолжения рода, материнства, любви – и показывает, как уничтожение любви христианской, полное разрушение традиций и запретов открывает дорогу звериному началу в человеке [Ерыкалова 2005: 24–25].

Нами было обнаружено, что в данном рассказе происходит выдвигание определенного языкового средства – односоставных безличных предложений, которых было обнаружено 56 единиц (для сравнения: неопределенно-личных конструкций – 12, номинативных конструкций – 1, инфинитивных и других конструкций – нет).

В классическом случае субъект личного предложения объединяет в себе две роли – агенса и источника силы (каузатора или исполнителя действия). В безличных предложениях они напротив разведены. «Первые антропоцентричны, вторые энергоцентричны. В первых основной фигурой является человек, во вторых некоторая сила,

локализуемая вне или внутри человека. Сила остаётся за кадром: она представлена нулём» [Арутюнова 1999: 796].

В структурном плане в рассказе преобладают следующие конструкции.

а) Предложения с личным глаголом в безличной форме: *И вдруг Софью прокололо, что он идет не в кухню, а к ней – к ней!* (с. 468); *Она хотела ухватиться, за что-нибудь, но ее несло, как тогда по улице несло дрова, кошку на столе* (с. 464); *Пахнуло вином, от его тела шел тугой, напряженный жар* (с. 467). Безусловно, возможность говорить о душевных явлениях как о независимых от воли человека и ему неподвластных реализуется Замятинным посредством безличных предложений различного типа. Но к наиболее часто используемым относятся прежде всего «бессубъектные (или по крайней мере не содержащие субъекта в именительном падеже) предложения, главный глагол которых принимает «безличную» форму среднего рода» [Вежбицкая 1996: 73];

б) Предложения, реализующие модель *было+предикатив*: *Потом Софья как будто дремала, под одеялом было очень жарко* (с. 474); *Вечером было непрочно, светло, металась ласточки* (с.458); *Ей только было страшно, что дни становились все короче, вот-вот догорят совсем, и тогда – конец, нужно торопиться, нужно до конца еще успеть сказать или сделать что-то* (с. 471). Безличные предложения, построенные по данной модели, «определяют действие как самодовлеющее, полностью независимое от человека» [Захарова 2003: 172]. Отметим также, что сам предикатив не направлен непосредственно на выражение чувства, это делает вся конструкция в целом;

в) Предложения с возвратным глаголом в безличной форме и косвенным субъектом (вербализованным или нет): *И тот час же Софье сделалось больно от стыда и жалости* (с. 455); *Она протянула руку – и сейчас же отдернула: ей хотелось погладить его, как ребенка, но она не могла, не смела* (с. 463); *Когда Софья вернулась домой, захотелось обо всем рассказать Трофиму Ивановичу, но о чем это – обо всем?* (с. 458). Схема такой конструкции эксплицитно отрицает ответственность субъекта за свои действия: мысль, акт веры или иное состояние или событие представлены как возникающие

спонтанно, причем герой не ощущает себя связанными по отношению к ним какими-то обязательствами.

Анализируя конструкции первого типа с точки зрения особенностей отражения в них состояния и переживаний человека, можно обнаружить прежде всего передачу фатальной ситуации для персонажа и существования внутренней стихии. Конструкции второго типа передают состояние, в котором и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах. Конструкции третьего типа передают стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, желание снять с себя ответственность за происходящее.

По семантическому критерию 32 безличные конструкции из 56 в рассказе представляют собой характеристику внутреннего состояния героев, причем в большинстве случаев – душевные переживания Софьи – ревность к молодой сопернице (*Софья стала делать постель, внутри все горело, ее трясло (с. 460); Софью ошунуло жарким, сладковатым запахом ее пота – должно быть, ночью она пахла вот также (с. 464); Ей стало тепло от жалости, она подставила Трофиму Иванову свою, уже пустую тарелку (Наводнение, 467)* и раскаяние после убийства (*И также горел весь мусор в Софье, в ней тоже стало чисто и тихо (с. 466); Она поняла, что – конец, что она умирает и надо торопиться изо всех сил (с. 475); Софье показалось: надо здесь, в этой комнате, что-то еще сделать последний раз (с. 474)*). Как отмечают литературоведы, Софья слепо ищет «возможность сохранения любви и продолжения рода. В ожесточении невозможное для себя она хочет сделать невозможным для всех – лишает мир любви Тимофея Ивановича. И от этого полного отрицания мира Софья лишь через жалость и любовь мужа постепенно приходит к радости существования, жизни. Тонкий, основанный на едва слышных звуках дыхания, тиканья часов, течения воды, полусвете серых петербургских дней, абрисе бедных свечей вокруг, городских развалин, – необычайно тонкий психологический рисунок возвращения души из ада» [Ерыкалова 2005: 25].

Таким образом, значительное количество безличных предложений направлено на создание особого психологизма данного рассказа

за. Перед нами проходит эволюция душевного мира героини в результате семейной драмы. Безличные предложения в данном случае направлены на фиксацию изменения состояния. В то же время качество безличности показывает глубокое несчастье героини, безвыходность положения и неосознанность ее действий. Безличные предложения фиксируют то обстоятельство, что «занимая в ситуации центральную позицию, человек вместе с тем над ней не властен. Он подчинён некоторой внешней или внутренней – силе» [Арутюнова 1999: 806].

На примере душевных переживаний главной героини «Замятин показывает, как сложно идут к свету души тех, кто пережил мировую катастрофу с ее миллионными жертвами, голод, разрушение привычных устоев и церкви» [Ерыкалова 2005: 26].

Остальные 24 безличных предложения рассказа «Наводнение» задействованы в описании природных явлений (*Часа в два наверху в окне высадило ветром стекло (с. 461); Когда было уже совсем темно, она принесла полный мешок еще раз, зарыла яму – и пошла домой (с. 466); Над головой быстро косо пронесло ветром какую-то большую птицу, крылья у нее были широко раскрыты (с. 461)*, окружающей героев действительности или процессов, не осуществляемых человеком (*Вечером было непрочно, светло, метались ласточки (с. 458); Огонь ярко вспыхнул, все сгорело, теперь в комнате было совсем чисто (с. 466); Было тихо, только тикали часы на стенке, и внутри в Софье, и всюду (с. 459)*).

Таким образом, материал исследования подвел нас к тому, что основными художественными функциями односоставных предложений в произведениях Е.И. Замятина необходимо назвать следующие:

- содержательная (экспликация идейной направленности);
- характеризующая (описание внутреннего состояния главного героя, а также перенесение его чувств на окружающую среду);
- изобразительная функция (акцентирование действия (предикативного признака) как такового, его энергетика и стремительности).

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.

Ерыкалова И. Образы ушедшей России // Замятин Е. Бич Божий: Повести. – СПб.: Азбука-классика, 2005.

Замятин Е. И. Избранное. – М.: Изд-во «Правда», 1989.

Захарова М. В. Безличные предложения в культурологическом аспекте // Сопоставительная филология и полилингвизм Сб. научных трудов / Под общей ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андромоновой. – Казань, 2003. – С. 171–176.

М. Р. Шумарина
Москва

РУССКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ ПИСАТЕЛЯ

В произведениях русской художественной литературы часто встречаются метаязыковые высказывания – разнообразные суждения о языке, языковых единицах, их использовании в речи, наблюдения над особенностями речевого поведения и т. д. Довольно часто объектом метаязыковой рефлексии автора становится слово или выражение русского языка, которые подвергаются истолкованию и другим видам лексического комментирования. В ряде исследований отмечается, что метаязыковые высказывания в литературных произведениях являются ценным источником информации о содержании и социальной оценке языковых процессов в различные периоды истории русского языка [см., например: Николина 2006, Земская 2001 и др.].

Наблюдения над фактами метаязыковой рефлексии в текстах художественной литературы XIX – начала XXI вв. дают богатейший материал для исторической лексикологии.

Достаточно часто писатели фиксируют и комментируют новые слова и выражения. В художественных произведениях может быть более или менее точно указано на время и обстоятельства возникновения слова, выражения.

Например, все помнят крылатое выражение из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова о том, что москвичей испортил квартирный вопрос. Наши современники не всегда ощущают подтекст этой фразы, связанный со словосочетанием *квартирный вопрос*. Читателям

XX и даже начала XXI века этот вопрос кажется вечным, однако подобные формулировки (относительное прилагательное + существительное *вопрос*) возникли в первые послереволюционные годы. Свидетельством может служить замечание Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго»: *Надо было готовиться к холодам, запастись пиццу, дрова. Но в дни торжества материализма материя превратилась в понятие, пиццу и дрова заменил продовольственный и топливный вопрос.* Таким образом, россиянами 20-х – 30-х годов прошлого столетия сочетание *квартирный вопрос* воспринималось не просто как новое, но и как определенным образом маркированное – оно принадлежало языку новой власти.

В том же романе Б. Пастернака фиксируется появление и других выражений революционной эпохи: *Мы с папой <...> часть низа отдали Сельскохозяйственной академии. <...> У них тут кабинеты ученые, гербарии, коллекции семян. Не развели бы крыс. Все-таки – зерно. Но пока содержат комнаты в опрятности. Теперь это называется жилой площадью...*

В ряде текстов отражено семантическое развитие лексических единиц в определенный период истории языка. Так, в повести «Дубровский» А. С. Пушкина читаем: *Между тем слуги успели уж несколько раз обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Несколько бутылок горского и цимлянского громко были уже откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее.* Известно, что существительное «шампанское» возникло как название конкретного сорта вина, производимого только в определенной области Франции (*шампанское* значило «произведенное в Шампани»). Позднее произошло расширение лексического значения, в настоящее время шампанское – это «высокосортное игристое виноградное вино, насыщенное углекислым газом» [БТС: 1489]. В пушкинском тексте подмечен факт употребления слова *шампанское* как общего обозначения игристых вин разных сортов. Явная авторская ирония по данному поводу свидетельствует о том, что процесс генерализации значения в описываемый период только начался, внутренняя форма слова *шампанское* была абсолютно прозрачна и актуальна для носителей языка.

В художественных текстах часто фиксируется процесс постепенного вхождения в язык, освоения языком новых слов и выраже-

ний. В «Барышне-крестьянке» А. С. Пушкина читаем: ...*Конечно, каждому вольно смеяться над их [уездных барышень] странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: о с о б е н н о с т ь х а р а к т е р а , с а м о б ы т н о с т ь (individualité), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия.*

В приведенном примере проявляется адресованность, свойственная в той или иной мере всякому тексту, в том числе художественному: сообщение предназначено определенному адресату и создается с учетом особенностей этого адресата, которые поддаются «дешифровке» при анализе текста. Среди характеристик адресата, отраженных в тексте, – особенности языковой компетенции, объем фоновых знаний, система прагматических пресуппозиций и т. д. Задача пишущего – обеспечить понимание текста читателем, поэтому автор широко использует средства, направленные на «выравнивание» фоновых знаний адресанта и адресата (примечания, пояснения, переводы, в том числе – внутриязыковые и т.д.); все эти средства выполняют метаязыковую функцию. Для исследователя подобные метаязыковые комментарии автора могут служить источником информации о «языковом портрете» читателя определенного исторического периода, социальной группы и т.д.

В приведенном фрагменте слово *самобытность* оценивается автором как предположительно непонятное читателю и поясняется при помощи французского перевода. Данный факт можно считать свидетельством того, что слово *самобытность* в русской речи пушкинского периода не было широко распространенным и общепонятным (гораздо более ясным для читателя автор считал французский эквивалент *individualité*).

Художественный текст может содержать и свидетельства устаревания лексических единиц, вытеснения их из обихода. Один из персонажей романа «Доктор Живаго» советует Юрию Андреевичу: *Кредитные товарищества, поезда люкс под снегом, инспектора и ревизоры, лучше вам даже слова эти забыть. Еще в такое с ними влопаетесь! Не по внучке онучки, не по сезону это...* Для носителей языка периода революции и гражданской войны выражения *кредитные товарищества, поезда люкс, инспектора и ревизоры* отчет-

ливо маркированы как слова «прежней» жизни, которые в «новой» реальности выглядят неуместно.

В рассказе В. Гиляровского «Человек и собака» есть такие слова: *Вспомнил он родину, далекую, болотную; холодную «губернию», вспомнил, как ел персики и инжир в Туретчине, когда «во вторительную службу» воевать с чумазой туркой ходил...* Слово *инжир* помечено знаком сноски и снабжено авторским примечанием: *Винные ягоды*. Для большинства наших современников более известным является название *инжир*, а сочетание *винные ягоды*, напротив, нуждается в пояснении. В период же «войны с туркой» название *инжир* воспринималось как экзотизм, слово ограниченного хождения, о чем и свидетельствует пример из художественного текста.

Общеизвестно, что авторы литературных произведений, как правило, снабжают метаязыковым комментарием «лексические единицы, которые содержат или могут содержать элемент новизны для читателя» [Николина 1983: 65]. К таким единицам, безусловно, относится лексика ограниченного употребления. Жаргон воров, грабителей, скупщиков краденого, карточных шулеров, сутенеров, каторжан дошел до нас в рассказах и очерках писателей XIX века. В ряде случаев жаргонные слова не только истолковываются, но и снабжаются комментарием, который на языке современной науки можно назвать лингвокультуроведческим. Так, в рассказе В. Гиляровского «Гуслицы и гусяки» поясняются жаргонные слова *викторки* и *малашки*, которые обозначают особого рода фальшивые документы. Автор подробно рассказывает об изготовлении этих документов, о том, как жители деревни зарабатывают деньги при помощи фальшивок. Без такого комментария представление читателя о «викторках» и «малашках» было бы неточным.

Традиция лингвокультурного комментирования актуальных единиц характерна в целом для отечественной литературы; подобные примеры находим и в более поздних текстах: *Через полтора месяца он [Фима Бляйшиц] ощущал себя абсолютно другим человеком – да он и был другим: д е л о в а р с б а ш л я м и . Это категория особая, это по натуре эдакая акула-истребитель, гроза Уолл-стрита и мафии одновременно, беспощадный профессионал-боец за денежные знаки, притворяющийся окушком под сплошным и частым советским бреднем. Волк и волкодав в одном лице. Короче, характерная биологическая особь. Где Закон не защищает бизнес –*

там бизнес показывает Закону, кто такая мать Кузьмы и кто платит за музыку, под которую Закон пляшет. Лингвокультурные комментарии часто носят характер «лирических отступлений», позволяющих автору отойти от повествовательной линии и высказать свои соображения по тому или иному вопросу, не связанному непосредственно с развитием действия.

В литературном произведении может отражаться не только история конкретного слова, но и факт продуктивности той или иной словообразовательной модели, которая активно пополняет словарь языка в определенный период времени.

В романе «Мастер и Маргарита» есть авторский неологизм *пилатчина*, образованный Булгаковым по продуктивной для описываемого времени модели «основа существительного + суффикс *-чин(-щин-)*» (ср. *поповщина*, *белогвардейщина*). Модель характеризуется яркой пейоративной окраской и имеет словообразовательное значение ‘взгляды, идеология, система поведения и т.д., связанные с тем, что названо производящей основой’. В романе отмечено впечатление, которое произвело слово на Мастера: *Через день в другой газете за подписью Мстислава Лавровича обнаружилась другая статья, где автор ее предполагал ударить, и крепко ударить, по пилатчине <...> Остолбнев от этого слова «пилатчина», я развернул третью газету...* Значение слова – и лексическое, и стилистическое – понятно носителю языка именно в силу продуктивности данной модели.

Во многих произведениях современной массовой литературы также встречаются примеры авторских новообразований, иллюстрирующие потенциальную продуктивность новых деривационных моделей: *После десятичасового «кефиринга» я быстро довела кухню до состояния стерильной чистоты и отправилась на плановый «собакинг»* (А.Маринина «Каждый за себя»).

Слово *собакинг* героиня А.Марининой употребляет неоднократно. В данном случае пример интересен тем, что автор образует слова по модели, которой пока в современном русском языке нет. Многочисленные неологизмы на *-инг* являются исключительно лексическими заимствованиями (*шопинг*, *дайвинг*, *мерчендайзинг* и т.п.), их внутренняя форма ясна владеющему английским языком, но в современном русском языке они являются немотивированными, непроизводными. Однако в их числе есть и такие, которые могут вос-

приниматься носителями русского языка как мотивированные – из-за фонетической и семантической близости английских и русских корней (*спортинг* ← *спорт*; *консалтинг* ← *консультация*). Таким образом, и слова *собакинг*, *кефиринг* имеют вполне прозрачную внутреннюю форму и словообразовательное значение ‘действие, относящееся к тому, что названо производящей основой’. Можно считать, что автор интуитивно уловил возможность появления в языке новой деривационной модели.

Таким образом, тексты художественных произведений могут стать для лексиколога и лексикографа источником интересной информации о жизни слова в языке и речи.

Литература

Земская Е. А. Язык русского зарубежья: Итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 114–131.

Николина Н. А. Семантизация слов и ее функции в художественном тексте // Язык и композиция художественного текста / под ред. Л. Ю. Максимова. – М., 1983. – С.64–75.

Николина Н. А. Языковая и речевая рефлексия в пьесах А. Н. Островского // Русский язык в школе. – 2006. – № 3. – С.62–68.

Словари

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

Ю.С. Богданова
Тула

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КВАЗИСИМВОЛОВ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Фетишный культурный код объединяет имена, обозначающие неодушевленные предметы и созданные человеком объекты материального мира, их свойства, характеристики и выступающих в функции знаков «языка» культуры. Этот код культуры является одним из наиболее продуктивных в аспекте вербализации символьных представлений, связанных с присутствием вещей в жизни человека.

Рассмотрим квазисимволы, внутренние формы которых содержат память о символьных представлениях древних славян.

Символьной функцией надежного средства охраны и защиты издавна наделяется замок. *Под замком. За семью замками. Держать рот на замке. Закрывать душу на замок.* В образном основании этих фразеологизмов лежит идея сохранения под строжайшим контролем, в надежном укрытии. Замок, согласно древнейшим народным представлениям, используется в магии и обрядах для символического замыкания и отмыкания. В одних случаях в охранительной магии замок использовали, чтобы оградить от опасности охраняемый объект (например, не пустить в деревню болезнь). В других случаях замком «запирали» самого носителя опасности, чтобы его обезвредить. Так, например, в день первого выгона скота в воротах клали открытый замок и замыкали его после того, как через него перейдет скотина, чтобы волкам «закрыть» зубы. В народной медицинской практике замыкание замка символически связывалось с «замыканием» болезни и применялось, в частности, при остановке кровотечения. Кроме того замок воспринимался как символ магического закрепления желаемого результата: как замок прочен, крепок и надежен, таким же крепким и прочным должно быть совершаемое дело. Русский обычай класть во время свадебного сговора под порог дома невесты незапертый замок с ключом – как только жених переступал порог, сваха запирала замок, а ключ выбрасывала в реку, чтобы свадьба не расстроилась [Славянская мифология, 169–170]. Таким образом, квазисимвол замок наделяется дополнительным значением – как языковой знак средства изоляции, «отграничения» объекта от окружающего мира.

Идея принуждения и страха, а также идея наказания репрезентированы квазисимволом палка в составе фразеологических единиц *палка плачет, из-под палки.* Последнее выражение «связано с цирковым номером, в котором дрессировщик заставлял зверей прыгать через палку» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 430]. Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о работе по принуждению. Образ фразеологизма создается метафорой, которая уподобляет человека, вынужденного что-то делать, животному (или рабу), работающему под страхом физического наказания. Символом этого наказания является палка в руках надсмотрщика.

Хомут в русской лингвокультуре связывается с символическим представлением о тяжелом труде, тягостным бременем, гнетом. *Надевать хомут на шею, вешать хомут на шею.* Хомут – «часть кон-

ской упряжи: деревянные клешни, с хомутиною, оголовком и гужами, надеваемые на голову лошади» [Даль, 560]. *Свой хомут да на чужую шею. За свой труд попал в хомут.* Захомутать – «завладеть кем, заставить работать, навалить на кого стороннее дело» [Там же]. Символика хомута использовалась в свадебных обрядах: если сваха сообщала о девичьем согрешении, присутствующие на празднике гости виновили родителей – отцу (или свату) надевали на шею конский хомут. *На старую сваху хомут надели.* Иногда хомут надевали и на саму невесту. В этом случае обыгрывается как форма хомута, так и его отношение к миру животных. Последнему и уподобляется поведение «нечестной» [Байбурин, 53].

Символьной функцией оберега, покрова, охраняющего самость от чужого на нее посягательства, у славян наделялась шкура. *Бояться за свою шкуру, драть три шкуры.* Шкура в славянской культуре – один из наиболее мифопорождающих предметов. А.В. Гура отмечает ее огромную роль в приметах, лечении, обычаях-оберегах, обычаях отторжения чужого [Гура, 47].

В святочный и масленичный периоды почти все ряженые, одеты в шкуры (волка, медведя) или кожух, которые имеют функцию маскирования, «превращения» исполнителя в мифологический персонаж, и связанную с этим функцию запугивания. В Белоруссии бабаповитуха встречала кумовьев с окрещенным младенцем в вывернутом шерстью наружу кожухе, чтобы уберечь дитя от сглаза. Старухи, надев вывернутую шубу, вырывали у коровы или овцы из стада клочок шерсти и запихивали его в висячий замок, чтобы волки не трогали скотину. Также, шкура наделялась символической функцией обеспечения богатства. Устойчивое сопоставление символов «мохнатый – богатый» лежит в основе многих восточнославянских благопожелательных формул и приговоров: «Чтобы жених был богатый, как кожух волохатый» и т.п. [Славянская мифология, 200].

Квазизталон *нож* вербализует символизированное представление об остром предмете как об орудии нападения и защиты. *С ножом к горлу, нож в спину (в сердце), на ножах, нож острый.* Нож ассоциируется с агрессией, смертью и выступает в роли символа разрушения. Согласно древнейшим религиозным представлениям, нож был атрибутом жертвоприношения и мученичества. Нож в мифопоэтическом сознании являлся предметом, обладающим магическими свойствами, и использовался в культовых обрядах, например,

как знак объявления войны. В славянской традиции существует ряд поверий и запретов, в соответствии с которыми ножи, ножницы не дарят, но купить можно. Кто ест с ножа, станет злым. Найденный нож нельзя подбирать – он принесет несчастье. Нож, преподнесенный при встрече или в качестве подарка, означал разрыв отношений, являлся символом сильнейшей вражды, непримиримости и ненависти.

Схожие символичные представления закрепились за квазисимволами *штыки, копьё, оружие*. В образном основании фразеологизмов, компонентами которых выступают указанные квазисимволы, лежит метафора войны, открытой неприязни. *В штыки, бряцать оружием, складывать оружие, поломать копьё. Пуля дура, а штык молодец*. Символ *оружие* (как родовое понятие) замещает идею боя, битвы, сражения.

Таким образом, квазисимволы фетишного кода культуры отражают символичные представления человека об участии в его жизни и влиянии на нее предметов неживой природы и вещей, которые стали результатом его труда.

Литература

- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993.
Бирх А.К., Мокшенок В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 2001.
Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. – 912с.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. – М., 1999.
Славянская мифология. – М., 2002.

О. Е. Павловская, Т. Б. Трошева
Краснодар

ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В постсоветский период функционально-стилевая система русского языка обогатилась религиозным стилем. Оказались легализованными, широко востребованными и активно функционирующими религиозные тексты на русском (не церковнославянском) языке. Признание религиозного стиля в качестве равноправного среди

функциональных стилей современного русского языка нашло отражение в большом количестве научных публикаций, в том числе в литературе справочно-энциклопедического характера [ЭСРЯ, 612–616].

Закономерно, что религиозный дискурс начинает занимать соответствующее место и в учебных программах различных вузовских дисциплин.

Изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» на негуманитарных факультетах вузов предполагает, согласно государственному стандарту, знакомство с темой «Стили современного русского языка». В существующих учебных пособиях по названной дисциплине функционально-стилевая парадигма представлена обычно неполным набором компонентов: от трех (научный, официально-деловой и публицистический стили) до пяти (дополнительно к указанным – художественный и разговорный). Преподавая предмет «Русский язык и культура речи» в Кубанском государственном аграрном университете, мы достраиваем сферную парадигму современного русского языка религиозным стилем.

Это обусловлено не только стремлением отразить в вузовском курсе современные научные взгляды на жанрово-стилевую систему русского литературного языка, но и большим воспитательным потенциалом материала, связанного с изучением религиозного дискурса, а также возрастающим в обществе интересом к вопросам религии. В Краснодарском крае этот интерес очень заметен. О нем свидетельствуют, например, проводимые различными светскими организациями совместно с Екатеринодарской и Кубанской епархией региональные мероприятия: «Неделя славянской письменности и культуры», «Благовещенские форумы», государственно-церковный праздник «День памяти Кирилла и Мефодия», День семьи, посвященный памяти кн. Петра и кн. Февронии Муромским, День памяти Стратотерпцев царя Николая и его семьи и др.

Знакомясь с религиозным стилем после того, как изучены другие стили, студенты осознают, что он органично вписывается в систему традиционных для русского языка функциональных разновидностей. Согласно классификации академика В. В. Виноградова, еще в середине XX века разграничившего стили по выполняемым ими функциям (сообщение, воздействие, общение), функция данного стиля – воздействие. Как и любой функциональный стиль, религи-

озный характеризуется определенным набором стилевых черт. В качестве важнейших выделяются символизация явлений невидимого мира, модальность несомненности и оценочность [Салимовский 2006: 104–105]. Последняя известна студентам как черта еще двух стилей: разговорного и публицистического. Однако если в разговорной речи оценочность субъективная, а в публицистической – социальная, то оценочность религиозных текстов ориентирована на религиозно-нравственные ценности.

В учебной лекции, посвященной религиозному стилю, освещается также вопрос его внутренней дифференциации.

Среди жанров устной речи рассматриваются молитва, речи во время исполнения обрядов освящения объектов светского назначения (больниц, офисов и др.), выступления священнослужителей на общественно-политические темы перед широкой аудиторией (по радио, телевидению, на митингах и т. п.).

Религиозный дискурс формируется преимущественно на базе письменной реализации литературного языка. Закономерно поэтому, что главным объектом анализа на практических занятиях со студентами являются религиозные произведения в письменной форме – первичной для религиозного стиля. С этой целью используются изданные на русском языке сборники проповедей.

Анализируя проповедь как текстовую целостность, студенты делают вывод о том, какие средства обеспечивают ее воздействующий эффект. Это широко применяемые тропы и фигуры речи (метафора, антитеза, синтаксический параллелизм, инверсия, риторический вопрос и др.); многократный вариативный повтор основных положений проповеди; четкая логическая структура доказательства: построение текста по схеме «тезис – аргументы»; современные, наглядные, жизненные примеры; опора на авторитет Священного Писания, Жития святых.

Аргументация в проповеди выполняет задачу убеждения, оказывая одновременно логическое и эмоциональное воздействие на слушателей, активизируя интеллектуальные силы человека и в то же время затрагивая его нравственные, глубинные чувства [Трошева, Пузикова 2008].

Знакомство студентов с религиозным дискурсом, начавшееся на лекционных и практических занятиях, дополняется внеаудиторными мероприятиями. В 2007/2008 учебном году в практику проведения

кураторских часов были включены встречи студентов с настоятелем Храма Рождества Христова в

г. Краснодаре отцом Александром (Игнатовым), регентом Троицкого собора отцом Михаилом (Околотом), семинаристами Краснодарской семинарии. Кроме этого, преподаватели кафедры русского языка организуют автобусные экскурсии с посещением храмов города Краснодара (Свято-Екатерининского кафедрального собора, храма Рождества Христова, Свято-Троицкого собора Кубанского казачьего войска и др.), поездки в Свято-Михайло-Афонскую Закубанскую общежительную пустынь. Полученными знаниями и впечатлениями студенты делятся на практических занятиях и в домашних письменных творческих работах. Приведем несколько выдержек из студенческих эссе: *«Как только тыходишь в храм, ты погружаешься в мир, пронизанный искренностью, верой и добротой. Все твои проблемы кажутся ничемными, мелкими. На душе становится теплее и светлее»; «Святые места помогают укрепить веру, в том числе и веру в себя, а это немаловажно»; «После нашей «прогулки» по святым местам у многих произошла переоценка ценностей, поменялись приоритеты. Я понимаю теперь: главное – жить по совести и свято верить...».*

Еще одна практикуемая форма письменных домашних работ – составление толковых словариков услышанной во время экскурсий церковно-религиозной лексики. Словарик одного студента включает в среднем 15–20 слов с их дефинициями. Примеры записанных студентами слов: *акафист, аллилуйя, апостол, вечерня, иконостас, литургия, митрополит, молебен, обет, причащение, протоиерей* и др. В результате этой работы данные слова – бывшие агнонимы (полные или частичные) – включаются в фонд освоенной молодыми людьми лексики, принадлежащей к новой для многих сфере коммуникации.

В течение учебного семестра студенты пишут реферат на одну из предложенных преподавателями тем и выступают с докладом по данной теме на семинарском занятии. Часть тем связана с религиозным дискурсом, например: *«Язык современной проповеди», «Правила поведения в храме»* и др.

В соответствии с образовательным стандартом раздел «Функциональные стили» занимает место в начале курса «Русский язык и культура речи», что позволяет при изучении других разделов курса

опереться на полученные студентами знания о религиозном стиле. Это касается прежде всего разделов «Этический аспект культуры речи» и «Коммуникативный аспект культуры речи».

При изучении темы «Речевой этикет» затрагивается вопрос о церковном речевом этикете, регулирующем отношения между верующими людьми и основанном на духовных принципах и христианской морали.

Как в светском, так и в церковном этикете существуют свои речевые формулы, применяемые в характерных коммуникативных ситуациях.

Большую роль в процессе общения играют, например, обращения, приветствия. Обсуждение этих этикетных позиций вызывает неизменный интерес студентов. Они приходят к осмыслению того, что высказывания, содержащие обращения, выражают или любовь к людям, или пренебрежение к ним, эгоизм. Интересны и речевые параллели при употреблении речевых формул прощения в светском и религиозном общении. Отношения между верующими исполнены простоты и искренности, смиренной готовности при неправоте тотчас же просить прощения: «*Прости, брат (сестра)*». – «*Бог прощает, ты меня прости*». Характерной особенностью внутрицерковного общения является некатегоричность запретительных высказываний: «*Во время службы хождение по храму и громкие разговоры не благословляются*» и т. п.

Знание церковного этикета помогает органично чувствовать себя в храме, правильно исполнять ритуалы, подобающим образом общаться со священнослужителями и в целом – настроиться на почтительное, уважительное отношение к любым знакомым и незнакомым людям.

Неотъемлемыми чертами речевой культуры верующих являются уместная вежливость, обходительность со всеми, проявление терпения, любви к ближнему. Рассматривая со студентами систему коммуникативных качеств речи, мы обращаем внимание на соответствие указанных черт такому качеству, как «личностно-психологическая уместность» [Головин 1980: 252], которая предполагает вежливость, деликатность, умение вовремя подумать о настроении собеседника, учесть его индивидуально-психологические особенности, найти нужное слово, необходимую интонацию. Все это способствует установлению нормальных взаимоотношений ме-

жду коммуникантами и является залогом морального и физического здоровья членов общества.

Вежливость как категория христианской речевой культуры является средством, привлекающим благодать Божью, и обогащает тем самым понимание вежливости как общей культурно-речевой категории. Вежливость – это не только искусство проявления посредством внешних знаков внутреннего уважения к человеку, но и приветливость в отношении людей, к которым говорящий не испытывает расположения. Таким образом, личностно-психологическая уместность светского общения и вежливость, терпимость как составляющие христианской культуры, совпадая в своих основных чертах, дополняют друг друга и совместно формируют механизм противодействия речевой агрессии.

В заключение отметим, что обращение к религиозному дискурсу, к далекой от многих современных молодых людей сфере церковно-религиозной деятельности выполняет важные образовательные и воспитательные задачи: углубляет представление студентов о функциональной стороне языка, его коммуникативных возможностях, знакомит с неотъемлемой составляющей духовной культуры общества, способствует ценностному самоопределению студенческой молодежи, обретению ею надежных духовно-нравственных ориентиров, уточнению жизненных позиций.

Литература

Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М., 1980.

Салимовский В.А. Символизация как стилевая черта церковно-религиозных текстов // Духовные начала русского просвещения. Вып. 3. – Великий Новгород, 2006.

СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.

Трошева Т.Б., Пузикова З.Г. Функционально-стилевые варианты доказательства в современном русском языке. – Пермь, 2008.

К ИСТОРИИ ВХОЖДЕНИЯ СААМСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИЙ ЯЗЫК

1. *Время и география ранних русско–саамских контактов.* Впервые славяне (новгородские словене) встретились с саамами скорее всего в VIII в. в Южном Приладожье, где восприняли от них названия *Ладога* (из саам. **ölddagk* 'низовье реки' или *aldte-jok* 'поречье'; возможно при посредстве скандинавского *Aldeigja* [Шилов 1996а: 20–27]) и *Пешков* (*остров*) – вариант названия Орехового острова [Шилов 2005а]. Впоследствии русские контактировали с саамами на Карельском перешейке (где явно был заимствован термин *целье*, отразившийся в топонимии Ореховецкого договора 1323 г.), на путях в Заволочье через Южное и Восточное Обонежье, а также в самом Заволочье, под которым здесь, в первую очередь, мы понимаем Белозерье, Каргополье и Подвинье. Туда новгородцы проникли никак не позже конца XI – начала XII в. (о времени и путях новгородской экспансии на восток см. [Макаров; Шилов 1999: 16–32]). Из диалектов саамов Заволочья (см. о них [Матвеев 2001; Матвеев 2004]) были, видимо, заимствованы термины *волгас* и *шубач*. Впрочем, ещё ранее в контакт с «южными» саамами Заволочья могли вступить кривичи при своем раннем проходе на восток по «северной» (в отличие от верхневолжской) трассе: Мста – Молога – Шексна (вариант: Мста – Тверца) – Волга. Именно кривичам мы приписываем заимствование термина *вельга* (см. ниже) в бассейне Мологи. Далее новгородцы начали осваивать побережье Белого моря, не позднее начала XIII в. прочно закрепившись на южном берегу Кольского п-ва – в волости Тре (освоение большей части приморской и, тем более, континентальной Карелии протекало, судя по всему, позднее – в XIV–XV вв.). Именно реалии Беломорья (рельеф, животный мир) отражены в большей части саамских заимствований русского языка. Но тем же XIII в., судя по данным и русских (волость *Колонермь*, т.е. *Kuola-perämaa* «Кольская окраина» документа 1264 г.), и скандинавских источников, следует датировать проник-

новение русских (как по системе речных долин и цепи озёр от Кандалакши через Имандру и Колу, так и морем в обход Святого Носа) далее на север – до Кольского залива и Варангер–фьорда. Явно на Баренцевом море было заимствовано слово *акула*, а возможно – и некоторые другие, связанные с морским промыслом. Во всяком случае, к концу XV в. весь юг, центр и северо–запад Кольского п–ва был покрыт сетью пунктов сбора дани с лопарей (подробно об этом – в другом месте), а также сетью стойбищ русских промышленников (во всяком случае – на юге Кольского п–ва).

2. *Объём и время заимствований.* К настоящему времени в русских диалектах выявлено более сотни саамских заимствований, причём это количество, думается, со временем существенно увеличится (ср., хотя бы, количество саамизмов русских говоров, приведённых в первом выпуске (А–И) нового словаря [МСФУСЗ] с тем, что имеется в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера на те же буквы). Лишь около трети этого количества на сегодняшний день имеет раннюю документацию (см. ниже), но и эта ситуация скорее всего будет меняться по мере введения в научный оборот новых исторических источников, равно как и по мере этимологической обработки уже имеющихся и новых диалектных данных. Датировки слов, приведённые ниже, конечно же, условны, ибо письменная фиксация слова почти всегда существенно отстаёт от времени его возникновения (в нашем случае – заимствования) в языке. Так, первая фиксация слова *вельга* (в основе гидронима) приходится на XV в., в то время как ареал соответствующих русских топонимов указывает, как минимум, на XI в. [Шилов 2008: 9].

Упомянутую условность наглядно демонстрирует следующее. В русских диалектах Сибири (т.е. дочерних) зафиксировано значительное количество слов саамского происхождения, перенесённых с Русского Севера (некоторые из них, в свою очередь, вошли в языки аборигенов Сибири) [Аникин 2000]. Так вот, из этих 25 слов (не учитывая те, для которых существует саамская/прибалтийско – финская дилемма, например *нерта*, *кумжа*), 7 в раннее время зафиксированы лишь на Русском Севере, 6 – и на Русском Севере, и в Сибири (причём слово *ровдуга* отмечено в Сибири на 32 года раньше, нежели в Европе!), а 2 – пока имеют лишь сибирскую раннюю документацию. Оставшиеся 10 слов, что пока не отмечены в ранних источниках (*емурина*, *карга*, *нарва*, *неблюй*, *няша*, *тевяк*, *торос*,

челпан, юксы, ягель), самой географией своего распространения тоже косвенно получают раннюю документацию. Трудно, например, поверить, что, скажем, слово *тевяк* 'разновидность тюленя' (<саам. *daevvok*), известное, как мы видим, и в Сибири, заимствовано много позже, чем иные названия беломорских морских животных (см. ниже *конжей, лахтак, морж, тюлень*).

Не менее показателен (с точки зрения случайности времени первой письменной фиксации заимствований) следующий пример. Слово *камусы* зафиксировано в 1633 г. в Мангазее [Аникин 2000: 245], в 1651 г. – на Русском Севере [Шилов 2008: 17]. Но уже в 1618–1619 г. англичанином Р. Джемсом в Холмогорах было записано уже не *камус*, а производное *камусник*: «with ragatine (рогатина) *camusnicks* kill bares and other beasts <...> leasnic (лесник), *camushnic* – man that kill beares and losses (лосей)» [Ларин: 237, 281]. Этим словом русские обитатели Северной Двины явно называли не просто охотников–лесовиков, а аборигенов (ненцев или коми), использующих камусы, сравним подобного же рода именованья представителей иных этносов по характерным бытовым деталям: *вежник* (XII в.!), *кумысник, саманник, тулупник, чувячник* [Шилов 2005б: 312]. Слово саамского происхождения должно было сначала прочно укорениться в местном (русском) лексиконе, прежде чем на его основе могло быть создано производное, относящегося к иному (не саамскому притом) этносу. Таким образом, вряд ли слово *камусы* было заимствовано позднее XVI в.; скорее – ещё ранее.

Ясно, что нижней временной границей начала освоения элементов иноязычной лексики потенциально является время начала активных межэтнических контактов (см. выше). Пока же для саамских заимствований мы вынуждены ограничиться следующей минимальной (как указано выше, для ряда заимствований существует дилемма: саамский/прибалтийско–финский) статистикой: XIV – 1 слово, XV в. – 4, XVI в. – 19, XVII в. – 12.

3. *Семантика заимствований.* Круг заимствованных саамских лексем семантически весьма ограничен (хотя бы по сравнению с ранними заимствованиями из прибалтийско–финских языков, см. [Шилов 2008: 36–37]), что неудивительно с точки зрения экономической и политической истории развития славян с одной стороны и саамов – с другой. Большинство ранних (да и позже зафиксированных) заимствований – это термины северного ландшафта и расти-

тельности (14), названия северных рыб (7) и животных, преимущественно – морских (5). Остальные термины относятся к названиям орудий труда и промысла, средств передвижения (5), а также специфической одежды и обуви (5).

4. *Массив ранних заимствований*. Ниже мы приводим словарь ранних (до начала XVIII в.) саамских заимствований говоров русского языка с указанием даты их первой фиксации. Данные об источниках первой фиксации и об источнике (равно как и об авторе) этимологии не приводятся, если слово взято из выборки [Шилов 2008]. Используются следующие сокращения в обозначении саамских диалектов: заволоч. – диалекты саамов Заволочья, кильд. – кильдинский, колт. – диалекты Колтта (Паатсойоки, Няютяме, Нотозеро), кольск. – диалекты саамов Кольского п-ва (аккала, кильдинский, терский), норв. – норвежский (северный), тер. – терский.

Акула 'крупная морская рыба', XVI в. // кольск. *akkäla*, *akköla* и др. [Аникин 2007: 135].

Болок 'кибитка из оленьих шкур на санях', 1473 г. // кольск. *pulhke*, норв. *bulke* 'крытые сани' [Аникин 2000: 133].

Важенка 'самка северного оленя', 1637 г. [СлРЯ XI–XVII, 2: 10] // кильд. *vādž* 'молодая оленья самка' [Itkonen: 49].

Вальчаг 'озёрный лосось', 1676 г. // тер. *väld'žeg*.

Варака 'скалистый холм; гора, покрытая лесом', 1563 г. // тер. *varre*.

Вачеги 'рукавицы (шерстяные)', XVI в. // кильд. *vätts^A*, колт. *va^Hcc^A*, pl. *vä^Hcäk*.

Вельга 'чистое травянистое или моховое болото; покос на болотистом месте', XV в. // *vielgad* 'белый' [Шилов 2008: 9].

Волгас 'приречный луг; сырое травянистое место', 1540 г. // заволоч., ср. кильд. *vülle⁽⁸⁾*, attr. *vüll^(e)ges* 'низинный, низкий'.

Камбала 'морская рыба, *Pleuronectes*', 1618 г. // кильд. *kāmbel*.

Камусы 'меховые сапоги'; *камус* 'подбивка нижней стороны лыж оленьей шкурой', 1618 г. (*камусник*) // *kāmas*.

Каньги 'обувь из оленьей шкуры с загнутыми носками', 1589 г. // *katgijt*.

Карен(ь)га 'кривое низкорослое или старое дерево, негодное для постройки', 1635 г. [Дерягин, Комягина: 36] // Это слово, вслед за Я. Калима [Kalima: 106], обычно связывают с кар. *karango* 'узловатый сук в реке, коряга' (фин. *karanko* 'узловатый сук', *karanka* 'молодая

ель, медленно растущее или усыхающее дерево', ливв. *karango* 'сухое дерево'). Однако, ареал слова, охватывающий правобережье Онеги, Сев. Двину (с Мехреньгой, Вагой и Вычегдой), Пинегу и Мезень, но исключая западную часть Архангельской области [Дерягин, Комягина: 34–35] (примечательно, что и в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» слово не представлено), не подтверждает эту этимологию. Он (ареал) попадает в зону древних саамских, а вовсе не прибалтийско–финских диалектов Заволочья [Матвеев 2001: 302–308, карта на стр. 345]. Поэтому русское *кареньга* логичнее было бы сопоставить с саам. колт. *karŋa* 'кривой (например, о дереве)' [KKLS: 92]. Между прочем, пр.–фин. (известные лишь в северных диалектах) и саамские (фактически – общесаамские) лексемы не могут быть возведены к единой праформе (на что указывает их вокализм), т.е. одна из них является заимствованием другой. Приоритет, видимо, стоит отдать саамским данным.

Кережа 'саамские сани в форме лодки', 1683 г. // колт. *kierres*.

Конжей 'детёныш тюленя; шкура из него', 1576 г. (личное именование), 1659 г. // тер. *koandzai*.

Корга 'каменистая мель (в море, озере)', 1553 г. // *ko(a)rg* (возможно – через посредство карельского *korgo*). В русском развились производные, зафиксированные в XVIII в.: уменьшительное *корожки* (*корошки*) и наречие *коржисто*: «заходить в полводы лучше, потому что *коржисто*; оными воротами на куйпоги ити *коржисто*» [Гемп: 290]. В сибирских документах XVII в. *корга* обозначало, прежде всего, лежбище моржей на отмелях.

Кошка 'песчаная или каменная мель в море', 1545 г. // тер. *koške* 'сухой'.

Ласта 'низинный луг; заболоченный участок на берегу реки', 1624 г. // *last^A* 'мокрый березняк с кустиками морошки; сырой елово–берёзовый лес'.

Лактак 'тюлень крупной породы; шкура морского зверя или белухи, снятая вместе с салом', 1634 г. // *lahte*– 'размачивать (шкуру)' или норв. *lottåd* 'толстый (об одежде из шерсти или меха)'.

Лямца 'подкладка для конского хомута', 1608 г. // тер. *lamdtša* 'оленья узда, повод'.

Матка 'перешеек, озёрное дефиле; волок', 1 пол. XV в. // *moat'k*'.

Морж 'крупное морское млекопитающее', 1526 г. // *morša*. Известны многочисленные производные на русской почве [Шилов 2008: 35].

Навага 'морская рыба семейства тресковых', 1587 г. // тер. *nāvag*.

Оростега 'поводок с крючком, идущий от основной верёвки (яруса) для ловли трески и палтуса', 1687 г. // **ōrrastag* (> колт. *vuorastak* gen. *vuorastaga* при *vuorra(s)*) 'жила, верёвка' [KKLS: 795].

Палтус 'морская рыба семейства *hippoglossus*', 1520 г. // кильд. *pāldes*.

Пахта 'береговой утёс', 1581 г. // кильд. *pākte*.

Пудас 'рукав реки (меньший по ширине)', 1569–1581 г. // *poutas*, *pautas*.

Ровдуга 'оленья замша', 1586 г. // **rovvedag*; образовано от кольск. *rovva* 'покрышка, одеяло из оленьих шкур' [KKLS: 453] с помощью отымённого суффикса существительных *-dag/-dak/-tag*, ср.: *Kul'jok/Guollejok* 'р. Кола' – *Guolladak* 'город Кола', *vuolle-* 'низ, нижний' – *vuolldagk* 'низовье реки', см. также выше *оростега*.

Сайда (*сайка*) 'вид трески', 1593–1600 г. // кильд. *sajte*.

Сопец 'руль, кормовое весло', 1618 г. // кильд. *sułpts*.

Тунда 'мелкая сёмга', 1563 г. // тер. *tindta*.

Тундра 'горный массив; безлесное плоскогорье' на Кольском п-ве; 'субарктический ландшафт' на Русском Севере и в Сибири, 1574 г. // *tundar*.

Тюлень 'общее название широкого класса морских млекопитающих', 1501 г. (именование *Тюлений*), 1634 г. // вост. (кольск.) *tul'la*, колт. *dællj* 'гренландский тюлень' [KKLS: 1057].

Шивера 'крутой каменистый участок реки с быстрым течением', 1655 г. (*Зашиверск* – 1638/1639 г.) // *šiwre* 'камни, галька' (подробнее см. ниже). Из того же или родственного источника заимствован поморский термин *чавруй* 'отмельный, некрутой берег моря', *чевруй*, *човруй*, *чувруй* 'мелкий окатанный камень', известный по документам с XVIII в. [Гемп: 304–305].

**Шубач* 'осинник', 1455 г. (топоним) [АСЭИ: 100–101] // завод. **šub* 'осина' (при кольск. *subb*, *supre*) [Матвеев 2004: 107–108; Шилов 2008: 38].

Щелье, *щельга* 'береговая скала, гладкий скальный берег', 1323 г. (в составе топонима), 1608 г. // колт. *šielge*, *šielje*, кильд. *šielgke*.

Яры 'саамские меховые сапоги–штаны', 1559 г. // *jār*, *jierre*.

5. Судьба саамских заимствований в русском языке. Здесь мы обсуждаем лишь те заимствования, что включены в словарь, то есть заведомо ранние. Часть из них – такие как *матка* 'волок, перешеек' (в отличие от *матка* 'компас' пр.–фин. происхождения) и *шубач* 'осинник' – так и не была зафиксирована диалектными и историческими словарями и бесследно (если не считать топонимию и/или терминологию ранних документов) ушла из русских диалектов. Довольно многие стали историческими экзотизмами (этнографизмами), обозначая уходящие или уже ушедшие из быта специфические реалии (*кережа, лямца, оростега, сопеу*). Иные (как *вачеги, камусы, кошка, корга, кумжа, щелье* и др.) имеют все шансы на долгую жизнь, но, пожалуй, лишь в диалектах или профессиональных жаргонах. Зато такие заимствования как *акула, камбала, морж, навага, палтус, тундра, тюлень* бесповоротно вошли в базовый фонд русского литературного языка.

Интересна судьба слов *шивера* и *тундра*. Первое из них, как мы полагаем [Шилов 1996б: 84; Шилов 2008: 31–32], имеет саамские истоки (см. выше), но, мигрировав на восток, в данной форме и в указанном выше значении оно «всплыло» (в документах) лишь в XVII в. в Восточной Сибири, означая уже не береговые россыпи камней (*чеврой*, см. выше), а протяжённое речное препятствие с беспорядочными россыпями камней на крутом участке реки. Именно этот (географический) аспект стал, при отсутствии видимых местных источников термина, судя по всему, причиной упорных попыток этимологизации слова на исконной почве (редкая усилительная приставка *ши-* + корень *-вер-*: к *вьрети* 'кипеть' [Куркина: 333–334; Аникин 2000: 698] или к *вертеть* [Галинова: 28]). С активным развитием водного туризма в России слово *шивера* «вернулось» территориально к своим истокам, активно употребляясь в туристических отчётах и публикациях, касающихся рек Урала, Новгородской области, Карелии и Кольского п–ва.

Слово же *тундра*, воспринятое русскими на Кольском п–ве в значении 'отдельный горный массив; безлесное плоскогорье', также мигрировало на восток, меняя семантику по мере изменения типа доминирующих северных ландшафтов, но неизменно сохраняя признак безлесности территории [Аникин 2000: 567]. В результате, ныне литературное *тундра* означает, в первую очередь, плоское безлесное (со мхами и кустарниками) пространство зоны вечной мерз-

лоты. Исконное же значение слова сохраняется лишь в говорах Кольского полуострова.

Литература

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007.

Галинова Н.В. К изучению явления контаминации в лексике говоров Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург, 2001.

Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. СПб; Архангельск, 2004.

Дерягин В.Я., Комягина Л.П. Из истории и географии финно-угорских заимствований в русских диалектах // Диалектная лексика 1971. Л., 1972.

Куркина Л.В. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас 1979. М., 1981.

Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб, 2002.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. II. Екатеринбург, 2004.

Шилов А.Л. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996 (а).

Шилов А.Л. О некоторых терминах, обозначающих водные препятствия в Карелии // Известия РГО. Т. 128. Вып. 6. 1996 (б).

Шилов А.Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.

Шилов А.Л. Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье // Русская речь. 2005. № 6. (а)

Шилов А.Л. Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. СПб, 2005 (б).

Шилов А.Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.

Itkonen – T.I.Itkonen. Lappische Lehnwörter im Russischen // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Series B. Helsinki, 1932.

Kalima – J.Kalima. Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

Сокращения

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958.

МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. *А.К.Матвеева*. Вып. 1. Екатеринбург, 2004.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.

KKLS – T.I.Itkonen. Koltan– ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.

ОБ ОДНОМ ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ НА КАРТЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Скопления одинаковых или сходных в чем-либо географических названий на карте, как правило, не бывают случайными. Рассмотрим два таких множества на карте Вологодской области. На юго-западе области довольно частотны названия деревень, образованные от слова *село* и его производных. На северо-западе и северо-востоке области такие названия единичны. Здесь обнаруживаются скопления топонимов с компонентом *погост*. Чтобы объяснить это топонимическое явление, обратимся к истории слов, лежащих в основе топонимов, уточним географию названий.

Слово *село* является самым древним из административных терминов. Оно известно всем славянским языкам и восходит к праславянским диалектам. Бесспорных и общепринятых этимологий слова пока нет. Согласно мнению П.Я. Черных, корень *sel-* имеет индоевропейский характер и обозначает 'жилье', 'жилое помещение' [Черных 1994: 2, 152]. В древнерусском языке, по свидетельству М. Фасмера, слово *село* имело нерасчлененное значение 'жилище; селение; поле' [Фасмер 2004: 3, 596].

На раннем этапе своей истории это слово обозначало различные по хозяйственному укладу поселения. Так, в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XII–XV вв. селом назывался административно-хозяйственный пункт княжого или боярского владения. В XIV–XV вв. значение слова *село* изменяется. За селом закрепляется преимущественно значение владельческого поселка с центральной усадьбой, к которому «тянут» другие, более мелкие селения. Образование единого Российского государства, изменения в социально-экономической структуре ряда русских земель в XV–XVI вв. определили дальнейшее развитие семантики термина *село*. «На северо-востоке за ним закрепляется значение 'поселение с церковью и помещичьей усадьбой', на севере – 'поселение с помещичьим двором' в отличие от крестьянской деревни» [Лемтюгова 1983: 17–18].

Таким образом, начиная с древнерусской эпохи, слово *село* используется в качестве названия типа поселения и формы землевла-

дения. На всех этапах своей истории слово обозначает владельческое поселение, находящееся в собственности бояр, князей, помещиков, монастырей и церквей. С ликвидацией этих форм собственности на землю термин сохраняет значения 'большое крестьянское селение' и 'сельский административный центр'. По данным В.П. Лемтюговой, наиболее активно топонимизация нарицательного *село* в Северо-Восточной Руси проходила в XIV–XVI вв. [Лемтюгова 1983: 24].

По-видимому, к этому времени и относится возникновение названий от термина *село* в Вологодском крае, поскольку многие его территории массово заселялись славянами в XIV–XV вв. [Колесников 1976: 91].

Рассмотрим более подробно эти названия. Как и на других территориях, в Вологодской области немного однословных топонимов *Село* – всего три: два в Тотемском и одно в Вожегодском районах. Неофициальное такое название употребляется также в деревне Спасское Сокольского района. Хотя в настоящее время эти топонимы выглядят одинаково, история их может быть различна.

Название *Село* в Калининском сельсовете Тотемского района, скорее всего, связано с древним значением термина *село* 'владельческое селение'. На это указывает ранняя фиксация его в писцовой книге Тотемского уезда 1623–25 гг.: «д. *Село Федотовская то ж 14 дв.*» [Колесников 1971: 63]. Как видно, это довольно крупное для своего времени селение, которое уже в начале XVII в. имеет два имени. Неофициальное название деревни Спасское (*Село*) восходит к более позднему значению термина *село* – 'селение с церковью', более того, в писцовой книге 1623–25 гг. оно фиксируется как «*Сельцо Спасское, церковь, 1 дв. пона и 2 кельи, 3 дв. кр.*» (Стрелицкая волость) [Колесников 1971: 36]. В волости Толшма отмечается «*починок Сельцо на реке Толшме... 2 дв.*» [Колесников 1971: 50]. Возможно, это и есть деревня Село в Верхнетолшменском сельсовете (название Село в списках XVII в. отсутствует).

Обычно термин *село* встречается в составе топонимов-словосочетаний. Прежде всего, отметим названия *Великое Село*, их четыре: два в Бабаевском и по одному в Белозерском и Череповецком районах (в последнем деревня уже опустела). Как известно, такие названия в прошлом отражали относительную величину и древность селений и имели терминологическое значение 'усадьба феодала'.

На древность селений непосредственно указывают названия *Старое Село*. Их пять: по два в Вологодском и Белозерском и одно в Шекснинском районах (то есть тоже на юго-западе области).

Новое Село только одно – в Великоустюгском районе. Зато выделяется целый ряд близких по значению топонимов со сложными основами: *Новосело* (1 – Череповецкий район), *Новоселка* (2 – Грязовецкий, 1 – Междуреченский), *Новоселки* (по одному в Кирилловском, Череповецком и Шекснинском районах), *Новоселово* (по три в Великоустюгском и Кичменгскогогородецком районах, по одному в Вологодском и Нюксенском), *Новоселье* (1 – Великоустюгский район).

По мнению В.П. Лемтюговой, повторяемость таких названий в восточнославянской ойконимии указывает на образование их от соответствующих терминов со значением ‘тип поселения’. Некоторые термины действительно фиксируются историческими памятниками и диалектными словарями. Например, *новоселка* – ‘новоустроенное сельское поселение’ [Лемтюгова 1983: 43], *новоселки* – ‘выселки из ближнего села на свою же землю’, ‘новое поселение’, ‘коллектив переселенцев или недавних поселенцев’, *новоселье* – ‘село, деревня, построенные на ненаселенном прежде месте’ пск., твер. [Даль 1994: 3, 1429]. Названия *Новоселово* могли переоформиться под воздействием отыменных топонимов на –ово.

На территории Вологодской области названия *Новосело*, *Новоселка*, *Новоселки* группируются в юго-западных районах, *Новоселово* – в северо-восточных.

Отразились в топонимах и другие термины с корнем *сел-*. Общеславянский термин *селище* образован от слова *село* с помощью суффикса *-ищ(е)*, имеющего устойчивое значение ‘прежнее местонахождение предмета’, то есть селище – это место, где некогда было село. По свидетельству М.В. Витова, на Севере, в Зонежье, слово *селище* служило названием старого, нередко заброшенного поселения, а не особого его вида [Витов 1962: 62]. Названия деревень *Селище* фиксируются в Чагодощенском, Бабаевском, Устюженском, Кадуйском, Череповецком, Сокольском и Кичменгскогогородецком (одно название) районах, *Селища* – в Вологодском и Междуреченском районах.

Термин *сельцо*, образовавшийся в XII веке от слова *село*, первоначально обозначал небольшое поселение. Позднее его смысловая

структура усложняется, происходит дифференциация значений по говорам. Наиболее часто сельцо встречается в XVI–XVII вв. как поселение с господской усадьбой, центр поместья или вотчины. Прежде всего, это относится к территории Северо–Восточной Руси. В роли нарицательного обозначения вотчинного или поместного землевладения термин употреблялся вплоть до XIX в. Топонимизация слова *сельцо* на разных территориях проходила в разных социально–экономических условиях, что обусловило разные ее причины и пути. Начало этого процесса датируется XIV веком [Лемтюгова 1983: 25–30]. Топонимы, образованные от административного термина *сельцо*, как и многие из рассмотренных ранее, расположены в юго–западной части Вологодской области (в Белозерье) по линии Устюжна – Кадуй – Череповец – Шексна – Сокол.

В сравнении с термином *сельцо* слово *выселок* более позднего образования. Оно фиксируется памятниками письменности с первой половины XVII века на территории Рязанского края в значении ‘поселок на новом месте, выделившийся из другого селения’. Обретение выселками статуса деревень служило основанием для топонимизации их нарицательных названий [Лемтюгова 1983: 36–37]. В Вологодской области три топонима, в основе которых лежит термин *выселок*. Они отмечены в восточных Великоустюгском, Кичменгскогородецком и Тотемском районах. Писцовые книги XVII века отражают процесс образования выселков: «*Починок Верхний Дворец выселился вновь в том же поле из деревни Черепановой*» [Колесников 1971: 16].

Всего на карте Вологодской области насчитывается 49 ойконимов, образованных от терминов с корнем *сел–*, 34 из них фиксируются на юго–западе области, и лишь 15 – на востоке (12 из них – это более поздние по образованию топонимы *Новоселово*, *Новоселье*, *Выселок*).

На картах, составленных В.П. Лемтюговой по данным Списков населенных мест Российской империи, ареалы названий *Село* (200 ойконимов) и *Сельцо* (160) частично совпадают в Новгородской и Санкт–Петербургской губерниях. По отношению к этой территории ареал топонимов *Сельцо* (22 губернии) прослеживается далее в юго–восточном направлении с максимальной их концентрацией в Новгородской, Санкт–Петербургской, Ярославской и Московской губерниях. Зона распространения названий *Село* включает в себя 29 гу–

берний и располагается западнее Санкт-Петербурга и Новгорода. «Наиболее высокой концентрации достигают эти ойконимы в Новгородской, Санкт-Петербургской, Виленской, Гродненской, Минской, Смоленской, Витебской, Вологодской и Вятской губерниях. На юг и восток от этой зоны количество их постепенно уменьшается» [Лемтюгова 1983: 20].

Обратимся к рассмотрению второго топонимического множества – названий, возникших на основе термина *погост*.

Погост – древнее восточнославянское слово, которое этимологи связывают с глаголом *погостити* – ‘побывать в гостях, навестить с целью сбора дани, купли–продажи и т.д.’. Первоначальное значение слова *погост* – ‘постоялый двор, на котором временно останавливались князь и духовные лица’ [Фасмер 2004: 3, 295].

Исторический путь термина *погост* очень сложен и интересен. Даже на раннем этапе своего развития слово имело несколько значений. По мнению А.А. Потебни, смысловая структура термина *погост* развивалась в следующем направлении: ‘место гощения’, ‘стан для князей’, ‘совокупность деревень, по дани и суду тянувших к погосту’, ‘главное поселение округа’, ‘подать’, ‘церковь с усадьбами духовенства’, ‘церковный двор с церковью’, ‘кладбище при церкви’, ‘кладбище’, ‘приход’ [Потебня 1881: 150–151]. Как видно, по целому ряду позиций прослеживается явное совпадение с семантикой слова *село*.

В истории термина *погост* ученые выделяют несколько этапов. В новгородских документах XI–XIII вв. *погост* – это ‘сельский округ, состоящий из центрального и мелких селений с принадлежащими им земельными угодьями’. В XIV–XV вв. *погост* – общепотребительное многозначное слово, обозначающее населенный пункт с церковью, кладбищем, домами служителей и относящимися к этому селению земельными угодьями (*погост* – ‘место’) и несколько деревень, принадлежащих одной волости (*погост* – ‘округ’). В XVI–XVII вв. термин *погост* продолжает оставаться общепотребительным словом, в значении ‘сельский округ’ последовательно сохраняется в северо-западных Псковском и Новгородском уездах, а также в бывших новгородских владениях – в Двинской земле и Вологодском уезде. В XVIII–XIX вв. происходит дальнейшее сужение ареала слова в значении ‘округ’, что свидетельствует о его архаизации. Территория распространения этого термина в зна-

чении 'селение' тоже постепенно сокращается и ограничивается в основном бывшими новгородскими владениями [Чайкина 2005: 47–48].

Предпосылкой топонимизации нарицательного *погост* в северо-восточных землях, по мнению В.П. Лемтюговой, послужила утрата погостами приходов и дальнейшее превращение их в села и пустоши. Сведения о пустых погостах появляются в XV–XVI вв. Именно этот период и считается началом массового возникновения географических названий *Погост*. По данным Списков населенных мест, ойконимы *Погост* (586 названий) локализованы в 20 губерниях. Наибольшее количество их в Новгородской, Олонецкой, Тверской и Архангельской губерниях [Лемтюгова 1983: 64].

Скопления названий с компонентом *погост* на северо-западе и северо-востоке Вологодской области непосредственно примыкают к их основному ареалу в Архангельской области. Более 30 официальных названий селений, образованных от слова *погост* и его производных, концентрируются в северо-западном Вытегорском (9 названий) и северо-восточных Тарногском (6 названий), Верховажском (3), Тотемском (3), Бабушкинском (1), Нюксенском (2) и Великоустюгском (2) районах: *Погост, Погостец, Погостище, Бадожский Погост, Илезский Погост, Тудозерский Погост, Пятницкий Погост, Спасский Погост* и др. С учетом неофициальных названий уровень этой концентрации повышается. Так, в Тотемском районе деревня Мосеево и село Красное в разговорной речи называются *Погостами*, в Нюксенском районе такое же неофициальное название имеет село Городишна.

На юго-западе нашей области, в Белозерье, такие топонимы отсутствуют. Лишь отдельные из них сближаются с юго-западными районами распространения названий с компонентом *село*, образуя зону переходности в Бабаевском (2 названия), Кирилловском (1), Вологодском (1) и Грязовецком (1) районах. Возникшие на базе близких по семантике административных терминов, обозначавших владельческие поселения, топонимы с этими компонентами как бы дополняют друг друга до целого, заполняя все пространство Вологодской области. С чем связано такое топонимическое противостояние?

По свидетельству Ю.И. Чайкиной, историческая судьба нарицательного слова *погост* на разных территориях Белозерья была раз-

лична. На севере и западе Белозерья (нынешние Вытегорский и Бабаевский районы) оно еще в XVII–XVIII вв. сохранялось в своих древних значениях ‘любое селение с церковью’ или ‘церковь с кладбищем’. В юго–восточной зоне Белозерья (нынешние Белозерский, Кирилловский, Череповецкий, Шекснинский, Устюженский районы) значение этого слова постепенно сужается: *погост* – это уже не ‘селение с церковью и кладбищем’, а только ‘кладбище’. Следствием этого становится исчезновение топонимов *Погост* на юго–востоке Белозерья. Процесс этот шел двумя путями: путем выпадения компонента *погост* в топонимах–словосочетаниях (*Никольский погост* – село *Никольское*) и путем замены таких топонимов названиями *Попово*, *Поповка*, *Поповское* (*Преображенский погост* – *Поповка*). Активизация топонимов *Попово*, *Поповка* и под. происходит в XVII–XVIII вв. [Чайкина 2005: 51–53].

На карте Вологодской области наибольшее количество названий *Попово*, *Поповка*, *Поповское* отмечается в Вашкинском (9 названий), Белозерском (4), Кирилловском (6), Вожегодском (6), Череповецком (8), Шекснинском (3), Вологодском (8), Сокольском (6), Грязовецком (7) районах. Обращает на себя внимание одноструктурность топонимов внутри административных единиц: например, в Кирилловском районе почти все (пять из шести) названия имеют форму *Поповка*, а в Череповецком и Шекснинском преобладает структура *Поповское*. Такая однотипность в образовании географических названий может объясняться и синхронностью их возникновения, и действием топонимической микросистемы.

Структурные же типы названий с компонентом *Погост* определяются топонимической традицией. Однословных топонимов *Погост* сравнительно немного. Это три известных нам неофициальных имени и семь официальных: по два в Бабаевском и Тотемском районах и по одному в Грязовецком, Нюксенском и Великоустюгском районах. Отметим также две суффиксальные структуры *Погостец* (Вологодский район) и *Погостище* (Кирилловский район). В основе этих топонимов лежат термины *погостец* ‘центр административно–территориальной единицы, поселок, населенный пункт вообще, как правило, с церковью’ (очевидно, ‘небольшой погост’) и *погостище* ‘место, где был погост’ [Словарь русского языка XI–XVII вв.: 15, 197].

Наиболее распространены топонимы–словосочетания (23 названия). Среди них выделяются две неравные группы. Большую группу составляют словосочетания с определениями, образованными от названий рек, озер, бывших волостей, деревень и обозначающими местоположение погостов: *Верхнекошненский Погост, Илезский Погост, Тудозерский Погост, Брусноволоцкий Погост, Демьяновский Погост* и др. Меньшую группу образуют топонимы, производные от названий церквей: *Спасский Погост, Ильинский Погост*. Многочисленность первой группы отражает более древнюю семантику термина *погост*.

Напомним, что, по свидетельству Ю.И. Чайкиной, древние значения 'селение' и 'округ' этот термин дольше всего сохраняет на территориях бывших новгородских владений. К числу этих владений как раз и относятся районы Обонежья, Верховажья, Тарноги и Тотьмы. Территории Белозерья, как известно, это бывшие ростово–суздальские земли [Насонов 1951]. Рассмотренные топонимические множества на современной карте Вологодской области вписываются в пределы древнерусских княжеств и являются следами их бывшего противостояния.

Литература

Витов М.В. Историко–географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. – М., 1962.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. – Вологда: Северо–западное книжное изд–во, 1976.

Колесников П.А. Северная Русь (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). – Вологда, 1971.

Лемтюгова В.И. Восточнославянская ойкопимия апеллятивного происхождения: Названия типов поселений. – Минск: Наука и техника, 1983.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко–географическое исследование. – М.: Изд–во АН СССР, 1951.

Потебня А.А. Этимологические заметки. – РФВ. – Варшава, 1881. – Т. 5. – №1.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII в. – Вып. 15. М.: Наука, 1989.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4–х т. – Т. 3. – М.: АСТРЕЛЬ–АСТ, 2004.

Чайкина Ю.И. История административной терминологии Белозерья // История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда: Русь, 2005.

Черных П.Я. Историко–этимологический словарь современного русского языка: В 2–х т. – Т. 2. М.: Русский язык, 1994.

**ТИПЫ ПОСЕССИВНЫХ ИМЕНОВАНИЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ БЕЛОЗЕРЬЯ
КОНЦА XIV–XV в.**

Исследователи ономастикона древнерусских и старорусских памятников письменности неоднократно указывали на слабую ограниченность имен собственных от имен нарицательных на ранних этапах становления региональных онимических систем [Карпенко 1966; Матей 1987]. По мнению ученых, древнейшие онимы тесно связаны с различными ФСК и прежде всего с ФСК посессивности. Вопрос о посессивном характере отдельных групп имен собственных затрагивался в работах Р. Мароевича, С. Н. Смольникова, Ю. И. Чайкиной [Мароевич 1989; Смольников 2002; Чайкина 2003].

Языковые средства выражения ФСК посессивности принято рассматривать как структуру полевого типа. Исследователи отмечают полицентричность данного ФСП. С точки зрения А. В. Бондарко, «бицентрическая структура ФСП определяется различием предикативной и атрибутивной функций, связанных с соответствующими типами посессивных конструкций» [ТФГ, 99].

В памятниках письменности Белозерья отмечены географические наименования, сохраняющие непосредственную связь с ФСК посессивности. Конструкции типа *Мишкова пустошь* (АСВР 3, 272, 1497 г.), *Никоновская пожня* (АСВР 2, 168, 1455–75 гг.), *Гридина деревня Лукина* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) являются аналитическими образованиями с живым посессивным значением. Формальная структура данных географических названий отражает структуру посессивной ситуации: в наименованиях (например, *пожня Давыда Клементьева*) представлены «обладатель» (*Давыд Клементьев*) и «объект обладания» (*пожня*). В подобных именовании разрядное топонимическое значение выражено географическим термином (*пожня*).

В текстах монастырских актов отмечены посессивные предикативные конструкции, реализующие значение отношения земельного угодья к бывшему владельцу: *с тою поженкою, которую Нестерко*

у Ондreja выменил в Ондрееве наволоце (АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.), деревня, что делал Гридя Щеть (АСВР 2, 263, 1482–84 гг.). Посесивное значение в исследуемых примерах выражается придаточным предложением, относящимся к определяемому географическому термину: *поженки, что есми купил себе у Насона у Назарыина да у Семена у Третьякова* (АСВР 2, 144, 1448–70 гг.). Именования, компоненты которых связаны предикативными отношениями, представляли собой фразовые номинации и имели речевой характер. Они возникали и функционировали в рамках делового текста.

Для номинации географических объектов широко использовались атрибутивные посесивные конструкции. В анализируемых текстах производящей базой для атрибутивных посесивных конструкций являются личные имена: *Гридинская деревня* (Арх. еж., 5, ок. 1489–1492 г.), *Быкова пустошь* (АСВР 2, 153, 1450/51 г.), патронимы: *Поповичева деревня* (АСВР 2, 230, ок. 1475 – 80 гг.) или личные именования: *Гридины пожни Кукорышева* (АСВР 2, 290, ок. 1492), *деревня Ивашовская Мишина* (АСВР 2, 16, 1397–1427 гг.) первопоселенцев или владельцев земельных угодий.

Исследуемые аналитические формы строятся по нескольким моделям. Наиболее распространенной является двухкомпонентная модель, возникшая в результате сочетания географического термина и притяжательного прилагательного, образованного от личного имени посессора с помощью суффиксов *-ов/-ев, -ин*: *Константинова земля* (АСВР 2, 52, 1428–34 гг.), *Нестеров огород* (АСВР 2, 6, 1397–1410 гг.), *Соколова пустошь* (АСВР 2, 153, 1450/51 г.), *деревня Чурилова* (АСВР 2, 284, ок. 1492 г.), *Воцажниково селище* (АФЗХ, 307, 1453 г.), *Мервинов починок* (АСВР 2, 153, 1450/51 г.) и т.д. Подобные именования реализовали значение индивидуальной принадлежности.

Для выражения неличной принадлежности использовались аналитические формы, образованные в результате сочетания географического термина и притяжательного прилагательного с суффиксами *-овск-/-евск-, -инск-*: *Обакумовская земля* (АЮБ, 63, 1432 г.), *поле Поповское* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *огород Шуклинский* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Саврасовская пустошь* (Арх. еж., 4, ок. 1455 г.), *Тимовское селище* (АФЗХ, 307, 1453 г.).

В топонимии памятников XIV–XV вв. наряду с двучленными также представлены многочленные атрибутивные конструкции.

а) Географический термин + личное именование в форме родительного падежа: *Еремея Горяинова земля* (АСВР 2, 264, 1482–90 гг.), *пожня Давыда Клементьева* (АСВР 2, 135, 1448–70 гг.), *Гриди Черного пустошь* (АСВР 2, 321, ок. 1437 г.), *пожня Семена Шастина* (АФЗХ, 308, 1498–99 гг.). В именовании типа *Левуни Шастакова деревня* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) посессор выражен формой родительного принадлежности.

К отмеченным генетивным конструкциям близки по структуре топонимические сочетания, выражающие синкретичное локативно-посессивное значение: *пожня Копыловской деревни* (АСВР 2, 229, 1475/76 г.), *пожню великого князя Михаиловские деревни Ивачевско-го села* (Кн. Шексн., 18, 1495 г.). В топонимических сочетаниях *земля деревни Гладиловы* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *земля Лачты деревни* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *земля Кирилова монастыря Пестовские деревни* (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 гг.) синкретизм значения обусловлен двойственным характером содержания понятия «деревня» (деревня как социокультурное явление, деревня как локализованный в пространстве географический объект).

б) Притяжательное прилагательное на *-ов/-ев/-ин* в форме родительного падежа + географический термин + дополнительный компонент именовании в форме родительного падежа. Как отмечает Р. Мароевич, данная модель известна еще праславянскому языку [Мароевич 1989]. Дополнительным компонентом мог являться патроним: *пожни Якушевы Манакова* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Елизарова пожня Циплятева* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Олешины земли Маурина* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Гридины пожни Кукорышева* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Гусева деревня Мануйлова* (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 гг.). В функции дополнительного компонента именовании могло выступать второе личное имя: *Васильев закос Погорелово* (АСВР 2, 294, ок. 1495–1505 гг.). Данная модель активно использовалась и для образования патронимической лексики: *Кузма Федоров сын Олешева* (АСВР 2, 168, ок. 1555–75 гг.), *Оладья Андреев сын Климентьева* (АФЗХ, 299, 1464–1473 гг.), *Семен Васильев сын Бородатово* (АСВР 2, 330, 1484 г.).

в) Притяжательное прилагательное на *-овск/-евск/-инск* в форме именительного падежа + географический термин + патроним в форме ро-

дительного падежа: *Ондреевская деревня Ильина* (Арх. еж, 4, ок. 1455 г.), *деревня Васильевская Плавина* (АСВР 2, 248, ок. 1477–79 гг.), *дер. Олешовская Горничярова* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *деревня Ивашовская Мишина* (АСВР 2, 16, 1397–1427 гг.), *Ескинская деревня Наумова* (АСВР 2, 264, 1482–90 гг.). Как отмечает С. Н. Смольников, «данная конструкция в большей степени, чем другие, специализирована для именованя объектов по бывшему владельцу, с характерной для него утратой значения прямого обладания и приобретением значения неотторжимой принадлежности, отношения объекта к его первому владельцу или создателю» [Смольников 2002: 20].

Наблюдения над функционированием форм с вариантными формантами в исследуемых текстах подтверждают этот вывод. В конструкциях *«то было все Гаврилово Лаптева, монастырь Троецкой поставлен на Гаврилове земле»* – *«князь Андрей Дмитриевич взял за себя Великое село Гавриловское Лаптева»* (АСВР 2, 332, ок. 1490–92 гг.) формы на *-ов/-овск*, *-ев/-евск*, *-ин/-инск* противопоставлены по характеру реализуемого ими посессивного значения.

Атрибутивные словосочетания дотопонимического характера являлись базой для образования собственно топонимов, реализующих разрядное топонимическое значение с помощью специализированных топоформантов *-ово/-ево*, *-ино*, *-овск/-евск*, *-инск* (*пустошь Тарасово* – АСВР 2, 192, 1491 г.). Подобные именованя утрачивают значение принадлежности и выходят за пределы ФСП посессивности.

В памятниках письменности XV в. посессивные топонимы, имеющие в своей структуре специализированный топоформант, составляли самостоятельный тип географических названий. Об этом свидетельствует наличие в монастырских актах топонимов, образованных способом вторичной аффиксации от основы притяжательно-го прилагательного: *Михеиновская деревня* (АСВР 2, 17, 1397 – 1427 гг.), *Чюпиновское дворище* (АСВР 2, 168, ок. 1455–75 гг.), *дер. Поитиново* (АСВР II, 290, ок. 1492). Под влиянием топонимов на *-ово/-ево*, *-ино* переоформлялись йотово-посессивные географические наименования: *Милобудь* (АСВР II, 140, 1448–70 гг.) – *Милобудово* (АСВР II, 142, 1448–70 гг.). Посессивные топонимы могли употребляться в текстах без географического термина, что подтверждает их собственно ономастический статус: «дал яз, князь Михаи-

до Андреевичь, в дом святей Богородице ... Пружинино, ... да Пробудово, ... да Трофимово, да Полтино, да Добрылово» (АСВР 2, 223, 1473 г.).

В нашем материале отмечены случаи взаимозамены топонимизированных формантов *-ов(о)/-ев(о)* и *-овск/-евск*: *пустошь Кочевино* – *пустошь Кочевинская* (АСВР 2, 290, 1492 г.), *пустошь Тарасово* (АСВР 2, 192, 1491 г.) – *пустошька Тарасовская* (АСВР 2, 218, 1472 г.), *пустошь Прокшино* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) – *пустошь Прокинская* (АСВР 2, 223, 1473 г.), *дер. Гришино* – *дер. Гришинская* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *дер. Кружково* – *дер. Кружковская* (АСВР 2, 296, ок. 1496 – 1505 г.). Подобные варианты частотны в актах конца XV в. Как отмечает Ю. С. Азарх, «с наличием у ономастического форманта лишь разрядного значения связана вариативность формантов у собственных имен в пределах одного разряда» [Азарх 1980: 142]. Вероятно, в этот период варианты форманты уже не реализуют значения принадлежности, данные аффиксы осознаются как собственно ономастические варианты форманты.

В памятниках письменности Белозерья отмечены именованья на *-овск(ое)/-евск(ое)*, *-инск(ое)*, возникшие в результате лексикализации формы единственного числа среднего рода прилагательного с суффиксами *-овск/-евск*, *-инск*: *пустошь Сысоевское* (АСВР 2, 286, ок. 1492 г.), *дер. Сидоровское* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *деревня Павшинское* (АСВР 2, 267, 1485 г.), *деревня Куриловское* (АФЗХ, 288, 1495 – 1511 гг.), *дер. Овдеевское* (АСВР 3, 271, ок. 1496 г.). Вероятно, данные топонимы появились под влиянием лексикализованных форм на *-ово (-ево)*, *-ино*. Подобные образования не были продуктивны в исследуемых текстах, однако их наличие в памятниках свидетельствует о том, что в XV в. форманты *-овск/-евск*, *-инск*, исконно имеющие значение посессивности, лишаются своей семантической нагрузки.

Таким образом, топонимия монастырских актов Белозерского края конца XIV–XV вв. представляет собой систему проприально-апеллятивного характера, для которой характерно разнообразие типов посессивных именованья географических объектов.

Литература

Азарх Ю. С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда, 1980. – С. 137–144.

Карпенко Ю. А. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий. – М., 1966. – С. 7–18.

Мароевич Р. К. Реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология. 1986 – 1987. – М., 1989. – С. 121 – 138.

Матей Л. П. Русская ойконимия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. – С. 44–59.

Смоляников С. Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. – С. 5–28.

Чайкина Ю. И. Способы выражения посессивности в дозорной книге г. Белозеро 1617– 618 гг. // Русское слово в тексте и словаре. – Вологда, 2003. – С. 110–115.

Источники

АСВР – Акты социально–экономической истории Северо–Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II, III. – М., 1958.

Арх. еж. – Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло–Белозерского монастыря // Археографический ежегодник. – М., 1970.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. I. – М., 1951.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси. – Ч. I. – СПб., 1857–1884.

Кн. Шексн. – Книга крепостей на пожни по р. Шексне // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 4.

Монографии

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Сокращения

ФСК – функционально–семантическая категория

ФСП – функционально–семантическое поле

Н. С. Дьякова
Вологда

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

В последние десятилетия наблюдается расширение сферы культурологического аспекта в исследованиях самых различных направлений как в отечественной, так и в зарубежной науке. С целью извлечения культурологической информации изучается и антропони-

мия различных стран. Задачей данной статьи является определение понятия культурологическая информация и возможностей антропонимии как ее источника.

В именах собственных заключена богатая информация, но извлечь и расшифровать ее можно только с помощью специальных методов. Каждый исследователь при этом выбирает методы и приемы, максимально подходящие для решения поставленной им конкретной задачи. Традиционными для изучения языкового материала являются лингвистические подходы: семантический, этимологический, функциональный, структурный и др. Экстралингвистические подходы в исследованиях языкового материала: социологический, этнографический, психологический, географический, культурологический чаще всего являются сопутствующими, а не основными. Тем не менее, способность антропонимии являться источником экстралингвистической (культурологической) информации отмечается многими исследователями [Кюршунова 1994, Кругликова 1995, Березович 1999, Попова 2002, Ражина 2007 и др.].

Личные имена, отчества, фамилии очень тесно связаны с социальными, экономическими, политическими и другими процессами, происходящими в обществе. Антропонимия еще и потому является богатым источником познания национальной культуры, что «процесс именованья в то же время является и процессом закрепления в имени знания о мире в том объеме и в той форме, в которой это знание существует в сознании номинатора в момент имьятворчества» [Рут 1994: 3]. Однако одного декларирования факта культурно-исторической ценности имени собственного недостаточно, необходимо вырабатывать методологию извлечения культурологической информации из антропонимикона, пути её описания и интерпретации.

Применительно к исторической антропонимии весьма уместно, на наш взгляд, сочетать культурологический аспект исследований с синхронным и диахронным, позволяющим таким образом свидетельствовать синхронное варьирование и диахронические изменения языковых и культурных процессов и явлений.

Остановимся на сути самих понятий культурологический аспект и культурологическая информация. Культурологический аспект – представляет основную направленность исследования, определяет пути и методы работы, способы обработки языкового материала.

Культурологическая информация – это информация о духовной и материальной жизни человека, зафиксированная в лексических единицах (в нашем случае в антропонимах).

Разные группы антропонимов – по-разному информативны. В данной статье внимание уделяется антропонимии, извлекаемой из памятников официально-деловой письменности. Наиболее ценной в культурологическом плане является информация, получаемая при анализе происхождения и значения антропонима и его мотивирующей базы. Структура, словообразование и словоизменение антропонима также представляют источник для экстралингвистических наблюдений и выводов.

Значительный пласт информации о материальной жизни общества содержат некалендарные антропонимы, мотивированные прямыми, стилистически нейтральными значениями апеллятивов. Это информация, во-первых, об этническом составе населения и переселенцах из других мест жительства. Мы воспользуемся примерами антропонимов, извлеченных нами из памятников официально-деловой письменности XVI–XVIII вв. г. Устюжны Железопольской и ее уезда. Например: *Кушеверко новгородец (СУЖ1567,153)*. Личное имя *Кушеверко* получил, вероятно, выходец из Кушеверской волости (Кушевера) Новгородской земли [ПКНЗ:224]. В устюженском антропонимиконе отмечаются имена тюркского происхождения: *Солтанко (СУЖ1567,165)*, *Мансурка (СУЖ1567,164)*, *Чаадай (СУЖ1626,л.28об.)* и др., которые свидетельствуют о наличии переселенцев среди устюжан, появившихся, вероятно, после завоевания Казанского и Астраханского ханств в 1552–1556 гг., не исключено и более раннее заимствование.

Во-вторых, о развитии промыслов, торговли того или иного региона говорят профессионально-должностные фамилии. Многим известно, что Устюжна Железопольская некогда была одним из центров железоделательной промышленности России. Устюженские фамилии и прозвания свидетельствуют о разнообразии этих профессий, многие из которых навсегда ушли из языка: *железник, кузнец, молотник, укладник* ‘мастер, делающий уклад, сталь, булат’, *гвоздарь, гвоздочник, замочник, подковщик, сковородник, стремянник, котельник* ‘ремесленник, изготавливающий и чинящий котлы и медную посуду; медник’, *подкотельник, серебряник* и др.

Кроме того, анализ антропонимов, позволяет обнаружить и такие культурнозначимые лексемы, которые не фиксируются в исторических словарях. Например: название профессии *шпанник* в Устюженском уезде, ср.: бобыль Васка Ондреев *шпанник* (СУЖ1597, 138), не фиксируемое в известных нам словарях. По нашим данным *шпанник* – это ‘тот, кто печет оладьи’. Данная профессия отмечена нами и в новгородских памятниках письменности, ср.: 1591 г. Купчая (продажная) Якима Матвеева сына ременника Кондратию Федорову сыну *шпаннику* на половину двора на Славкове улице [ВН 2000]. Профессия была ранее известна в западных землях, сегодня лишь некоторые носители диалекта способны дать объяснение этому слову.

В-третьих, о социальной и имущественной структуре общества, а также об отношении человека к собственному материальному положению свидетельствуют антропонимы, восходящие к соответствующим апеллятивам. Например: Петрушка *Обелмин* (СУ1626, л. 137об.) < патроним восходит к прозвищу **Обелма*, в др.-рус. языке прил. *обельмый, обельный* ‘полный, совершенный’, *обельный* (холоп) – *обель* ‘тот, кто состоит в бессрочном холопстве’ [СлРЯ XI–XVII, 12, 31]; лав. Карпушки *Подлова* сына молотника (СУЖ1626, л.45) < **Подлый, подлый* ‘о человеке из черни, черного, крепостного сословия’ [Д III, 184]; пож. Трофимка *Помещикова* (СУЖ1597, 136) < **Помещик*, Игнашко Иванов сын *Князев* колачник молотчен (СУЖ1597, 140) < **Князь*. Последние два примера, конечно, не говорят о том, что предками названных людей были некие помещики или князья, а указывают на принадлежность их отцов (дедов) данным лицам.

Богатую *информацию о духовной жизни общества* содержат фамильные (именные) основы, имеющие яркую внутреннюю форму. Понятие «внутренняя форма», введенное А.А. Потебней [Потебня 1989], весьма актуально для антропонимической лексики. Нередко именная или фамильная основа мотивируется переносным значением слова (метафорический или метонимический перенос). В подобных случаях имя имеет образную мотивацию. В работах М.Э. Рут, исследовавшей образные номинативные единицы, подчеркивается их способность обладать «живой внутренней формой и на всем протяжении своего функционирования служить своеобразным инструментом ориентации в действительности, сохраняя актуальность об-

разной номинативной модели и приспособливаясь к трансформациям картины мира в сознании номинатора» [Рут 1994: 6]. Поэтому, изучая образную лексику, мы обращаемся к мотивам именованного человека, актуальным для наших далеких предков. Прозвище *Шевака: Истомка Васильев сын *Шевака* (СУЖ1597, 144) <*шевака, ср.: в северных областях, Сибири *шевяк* ‘кал, помет скота’ [Д IV, 626], вероятно внешний облик человека соответствовал таким особенностям, что позволили номинатору присвоить именованному столь неблагозвучное прозвище. Не редко имеющиеся в арсенале исследователя исторические словари не фиксируют дополнительных или переносных значений апеллятива. Возможно, что большая часть этих переносных значений возникла стихийно под влиянием каких-то случайных ассоциаций, которые теперь уже невозможно реконструировать. Таким образом, обращаясь к антропонимии как источнику культурологической информации мы реконструируем отдельные элементы языковой картины мира.

Антропонимия оказывается источником изучения древнейших верований и мифологических представлений. Например, исчезновения из устюженского антропонимикона с конца XVI века имен, восходящих к названиям животных и некоторых растений, которые по языческим верованиям выполняли охранную функцию человека: *Лисица, Медведко, Дрозд, Комар, Норко* (СУЖ 1567), по нашему мнению, обусловлено распространением христианских религиозных ценностей.

В антропонимах нашли отражение этические воззрения и нравственные традиции. Устюженские антропонимы фиксируют следующие морально-этические свойства личности, важные для средневекового человека и включенные в процесс номинации: «злость, жестокость» (*Лихошерст, Суroveň, Упирь* – СУЖ1567), «кадность» (*Зарь* – СУЖ1567, *Тресуха* – СУЖ1626), «лицемерие» (*Лезба* – СУЖ1567), «озорство, шаловливость» (*Балмас, Остон* – СУЖ1626, *Шибан* – СУЖ1567), «лживость» (*Облуна, Свистун* – СУЖ1626, *Шерня* – СУЖ1567), «леность» (*Блашной, Валяло, Валуга* – СУЖ1567), а также такие пристрастия человека как «пьянство» (*Дуда, Дудол* – СУЖ1626, *Мокрый* – СУЖ1567), «праздность» (*Гуль, Гульба* – СУЖ1626) и др. Изучение антропонимов, позволяет нам не только реконструировать элементы системы ценностей средневекового человека, но и наблюдать за изменениями, происходящими в

этой системе; сравнивая антропонимикон разновременных памятников письменности.

Русская антропонимия отражает также народно-эстетические воззрения. Особенно актуальны в данном отношении антропонимы, мотивированные признаками по внешнему виду человека. С одной стороны имена: *Мазиха*, ср. прил. *мазистый* «красивый» тверск. [СРНГ:17, 297], *Баса* < *баса* «красота» [Д:1,52], *Щеголь*, с другой стороны – *Грязной*, *Шевака*, *Клюк*, *Космач*, *Шершюта*, *Волосатой*. Актуальность данной антонимической пары говорит о том, что для средневекового человека внешний облик был весьма важным, подчеркивались как красота и ухоженность, так и неряшливость или чрезмерное внимание к собственной внешности. Для средневекового человека не было актуально ничто «среднее» – рост или возраст, телосложение или сила голоса: имя присваивалось лишь по выразительным качествам и свойствам: «высокий» – «низкорослый», «тучный, полный» – «худой, тощий», «горбатый», «хромой», «большезлазый», «толстогубый», «кривоногий», «лысый», «плешивый» и прочие, которые, безусловно, несли негативную информацию о человеке, подчеркивая не самые лучшие качества его личности. Такое внимание номинаторов к человеческим недостаткам говорит, с одной стороны, о стремлении выделить именуемого из числа других людей, а с другой, об особом отношении к личности человека, допускающем в его имени негативную информацию.

Антропонимия представляет собой один из важных источников изучения языковой картины мира, потому как антропоним всегда обращен на субъекта и существует не только для того, чтобы назвать его, но и для того, чтобы оценить, охарактеризовать, выразить к нему субъективное отношение.

Таким образом, можно говорить о том, что большинство антропонимов содержит в себе черты национальной культуры и задача исследователя состоит в том, чтобы выявить эту культурную информацию.

Литература

Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике // *Известия Уральского государственного университета.* – 1999. – №13. – С.128– 41.

Кругликова Л.Е. Лексико-фразеосемантическая группа качественных наименований лица в русском языке XI–XX вв. Автореф. канд. дисс. – Санкт-Петербург, 1995.

Кюршунова И.А. Славянская антропонимия Карелии XV–XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода. Автореф. канд. дисс. – Вологда, 1994.

Попова И.Н. Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник. Автореф. канд. дисс. – Вологда, 2002.

Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.

Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. – Краснодар, 2007.

Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономастологический аспект. – Автореф. докт. дисс. – Екатеринбург, 1994.

Савельева Л.В. Языковая экология. – Петрозаводск, 1997.

Источники

СУЖ1567 – Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатого Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской 1567 года / Публ. Ю.С. Васильева, Н.П. Воскобойниковой // Социально–правовое положение северного крестьянства (досоветский период). – Вологда, 1981. – С.136–177;

СУЖ1626 – Сотная на посад Устюжны Железопольской 1626г. (далее СУЖ1626) // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 11. Д. 116; Писцовая книга станом и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. / Публ. И. В. Пугача // Устюжна: историко–литературный альманах. – Вып. 1–4. – Вологда, 1993–1999.

ПКНГ – Писцовые книги Новгородской земли. – Т. I.: Новгородские писцовые книги 1490–х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530–х гг. / Сост. К.В. Баранов. – М., 1999. – 432с. – ISBN 5–86169–083–9 (т.1), ISBN 5–86169–084–7.

ВН – Великий Новгород во второй половине XVI века / Сост. К.В. Баранов. – СПб., 2000.

Словари

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–36,40. – М.; Л.; СПб., 1965–2006.

СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 1–27. – М., 1975–2006.

Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1–4. – М., 1994.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КАЛЕНДАРНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Сопоставительный анализ памятников Архангельской губернии XVII–XVIII веков, относящихся к ее разным территориям (северной, южной и центральной), позволяет отметить некоторые особенности функционирования календарных личных имен. Морфологическая адаптация таких имен, обусловленная влиянием диалектов, отмечена только в документах *севера* региона. Были изучены следующие памятники Холмогорского и Пинежского уездов: «Книги приходные богоявленской казны церковного старосты Семого Прокопева» 1627 г., «Книги росходные богоявленской казны богоявленского старосты Давыда Максимова» 1628 г., «Книга церковного старосты Якова Митрофанова» 1639 г., «Приходно–расходная книга» 1743 г., «Приходно–расходная книга» 1744 г.

Об особенностях употребления календарных имен I и II склонений свидетельствует *употребление диалектных форм дательного и предложного падежей*. Вначале обратимся к формам *дательного падежа*.

В именах *I* склонения используется окончание *–е* вместо литературного *–у*. Употребление диалектного окончания обусловлено влиянием склонения существительных женского рода твердого варианта на склонение существительных мужского рода, заканчивающихся на согласный. Например, *(Сидор) Сидору > Сидоре: Давыд Максимов дал по брате своим по Сидоре на церковный обиход 5 алтын* [1, л. 10 об.]; *(Иван) Ивану > Иване: Попи Дружина дал на церковной ход по Иване Комарове да по черной попе Феодосии полтину...* [3, л. 15]; *(Герасим) Герасиму > Герасиме: Чаколской волости Иван Попов положил Чудотворцу в казну в помяновение по Герасиме Плоскове 2 рубли два имени в литийник записано* [4, л. 1].

Имена *II* склонения имеют окончания *–ы / –и* вместо литературного *–е*. Данные окончания, не совпадающие с литературными, возникли вследствие влияния мягкого варианта *II* склонения

существительных женского рода на твердый в говорах, распространенных на севере Архангельской области [1: 80]. Приведем примеры из рассматриваемых документов. (*Косма > Козма*) *Козме > Козмы: Ноября в... день продал сена в Чакорах шездесят куч зеленого Пятому Степанову да Козмы Калмакову* [1, л. 5 об.]; (*Ермола*) *Ермоле > Ермолы: Ермолы Онтонову с товарищи Емецкого стану отдал бревна в лес на двести получетвертых сажен да на двести тесу да на 13 бревен семи сажен половину денег дал 3 рубли 4 гривны да ему ж дал Ермолы как бревна и тес припровадил достал денег 3 рубли 4 гривны...* [2, л. 8]; (*Фома*) *Фоме > Фомы: Продаст сто восемь кож ворваних сухих и удирки с той же числи да се удирков старых кожных Фомы Тотьмину взял пять рублей 13 алтын...* [3, л. 4]; (*Елисавета*) *Елисавете > Елисаветы: Плачено за пряжу кудели Титовы жены Елисаветы 7 копеек* [4, л. 11]; (*Иона*) *Ионе > Ионы: Дано на свитки за жилых иеромонахом и монахом строителю иеромонаху Ионы* [5, л. 8].

В предложном падеже календарных личных имен I склонения употребляется диалектная флексия *-и*. Это окончание, характерное для говоров севера Архангельской губернии, представляет собой следствие воздействия мягкого варианта I склонения существительных мужского рода на твердый. Вместе с тем в анализируемых памятниках письменности было выделено лишь два имени, имеющих указанную особенность: (*Алексей*) *Алексее > Олексеи: На Олексеи Беляеве взято празги рубль* [1, л. 20] и (*Тимофей*) *Тимофее > Тимофеи: Да из малого ящика у Николая Чудотворца 41 копейку с четвертью при строителю Ионе и при Тимофеи...* [5, л. 6]. Подчеркнем, что диалектных форм предложного падежа имен II склонения зафиксировано не было.

В рассматриваемых источниках, наряду с календарными личными именами, имеющими диалектные падежные особенности, зафиксированы имена, употребляемые в литературной форме. Они составляют 286 антропонимов, значительно преобладая над диалектными формами, которые представлены 49 именами. Высокая частотность общерусских форм личных имен свидетельствует о начавшемся в XVII–XVIII веках процессе стандартизации официального именования лица в документах деловой сферы. Однако отметим, что литературные (общерусские) и диалектные формы имен I и II склонений находятся в разном соотношении друг с другом. Литератур-

ные окончания антропонимов I склонения преобладают над диалектными формами, количество которых составляет лишь 2,8 % от общего объема слов данного склонения. Имена II склонения, напротив, чаще имеют диалектные падежные окончания. Литературные формы данных имен составляют 6,8 % от всего числа слов данного склонения.

Этот факт, на наш взгляд, объясняется более широким распространением календарных личных имен, относящихся к первому склонению. Так, в исследованных документах общее количество имен первого склонения, употребляемых в дательном и предложном падеже, составляет 291 единицу, а второго склонения – лишь 44 единицы. Выскажем предположение, что в связи с большей употребительностью личные имена I склонения испытывают на себе первоочередное воздействие со стороны устанавливающихся стандартов именования. В целом этот процесс предполагает преимущественное использование трехкомпонентных моделей именования, календарных имен и антропонимов в формах, не подвергавшихся фонетической, морфологической и словообразовательной адаптации.

Имена же II склонения, относящиеся в основном к женскому роду, менее частотны. Их незначительная употребительность по сравнению с мужскими именами в деловых документах изучаемого периода объясняется неравноправным социальным статусом лиц мужского и женского пола. Редкое использование женских имен приводит к тому, что их формы испытывают слабое влияние со стороны устанавливающего общерусского стандарта, поэтому такие имена имеют преимущественно диалектные формы.

Вместе с тем подчеркнем, что и на личные имена II склонения процесс стандартизации оказывает влияние. Об этом свидетельствует функционирование обеих форм (литературной и диалектной) одного и того же имени и употребление общерусских окончаний трех антропонимов в дательном падеже. В частности, в «Книге приходные богоявленской казны церковного старосты Семого Прокопева» 1627 года имя Козма используется в дательном падеже и с окончанием *-е*, и с окончанием *-ы*: *Василей Павлов дал по сыне своем Козме на темяя 2 алтына* [1, л. 8 об.]; *Ноября в... день продал сена в Чакорах шездесят куч зеленого Пятому Степанову да Козмы Калмакову* [1, л. 5 об.].

Итак, наблюдения показывают, что в антропонимической системе рассматриваемого периода еще не достигнуто единства форм, это подтверждают факты употребления диалектных форм в памятниках деловой письменности. Формирование современной официальной трехчленной антропонимической формулы идентификации лица и отдельных ее компонентов отражало как общерусские тенденции, так и местные (локальные) антропонимические процессы, протекавшие параллельно с аналогичными общерусскими процессами.

Литература

Плешкова Т.Н. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы. – Архангельск: Поморский университет, 2003.

Источники

1. Книги приходные богоявленской казны церковного старосты Сеёмого Прокпева (Богоявленская Ухтогостровская церковь Холмогорского уезда) 1627 // ГААО, ф. 104, оп. 1, д. 717. – 50 л.

2. Книги росходные богоявленской казны богоявленского старосты Давыда Максимова (Богоявленская Ухтогостровская церковь Холмогорского уезда) 1628 // ГААО, ф. 104, оп. 1, д. 718. – 20 л.

3. Книга церковного старосты Якова Митрофанова (Богоявленская Ухтогостровская церковь Холмогорского уезда) 1639 // ГААО, ф. 104, оп. 1, д. 457. – 52 л.

4. Приходно–расходная книга (Веркольский монастырь Пинежского уезда) 1743 // ГААО, ф. 308, оп. 2, д. 1. – 12 л.

5. Приходно–расходная книга (Веркольский монастырь Пинежского уезда) 1744 // ГААО, ф. 308, оп. 2, д. 2. – 14 л.

Ю.И. Чайкина
Вологда

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИМЕНОВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ЧАРОНДСКОГО ПОСАДА БЕЛОЗЕРСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.*

Чаронда – крупный торгово–промышленный центр на оз. Воже, имевший важное значение на древнейшем Онежском торговом пути, связывавшем центральные районы Московского государства с Поморьем.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125 а «История промысловой лексики Северной Руси»).

В настоящей работе исследуется состав и структура некалендарных личных имен, а также состав именованных жителей посада Чаронды начала XVII в. (дозоры 1615/17 гг.) и середины века (дозоры 1645/47 гг.). Дозор 1614/15 г. выполнен воеводой Я.Ф. Шушариным; дозор 1616/17 г. – А.Я. Даниловым и подьячим Г. Рукавовым; описание 1645/46 г. проводилось дворянином И.И. Баклановским и подьячим И.И. Иевлевым. (И.В. Пугач. Из истории Чаронды // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. V. – Вологда, 2003.)

Сначала о составе и структуре личных имен. Прежде всего обращает на себя внимание различие в количестве некалендарных имен. Если в дозорах 1615/17 гг. отмечено 130 календарных и 50 некалендарных (~38%), то в описаниях 1645/46 гг. – 185 календарных и всего 12 некалендарных (~7%). В работах по исторической антропонимике ученые справедливо считают XVII в. периодом выпадения некалендарных имен на большей части Московского государства [Чичагов, Зинин, Мирославская 1980, Бахвалова и др.].

Как видно, в Чаронде активизация этого процесса падает на 30–40-ые годы XVII в., поскольку количество некалендарных личных имен уменьшилось почти в 5 раз. Некоторое объяснение этого явления кроется в истории региона. Дело в том, что первые его описания (1614/15 и 1616/17 г.) проводились в период польско-литовского нашествия, конце Смутного времени, дозорные же книги 1645/46 г. составлялись в период укрепления и стабилизации Московского государства, в ходе крепнущего влияния московских приказов на писцовое дело периферийных канцелярий.

Как мы уже отметили, в дозорных книгах 1615/17 г. насчитывается 50 некалендарных личных имен. В большинстве своем это внутрисемейные личные имена. Самой активной является группа со значением 'наименование ребенка по порядку рождения': *Первушка Степанов (269), Второй Хомутов (269), Вторейко Хомутов (271), Третьяк Бурков (265), Тренка Никулин (271), Пятунка Нечаев (273), Семейка Савин (272), Девятко Кузминых (271), Десятой (270)* и др.

Активными были также имена *Богдан (Богдан 269, Богдан Кузмин – 278, Богдан Харитонов – 270, Богдашка Кузмин – 270), Бажен (Баженко Офонасьев – 270), Дружина (271), Чудин (Чудинко Офонасев – 271, Чудинко Горохов – 272)* и др.

Все эти и многие другие некалендарные личные имена являлись привычной, неотъемлемой частью именника жителей данной территории. Они могли осложняться разнообразными аффиксами. На первом месте по степени активности были форманты -ко/-ка, характеризующие принадлежность именуемого к определенной социальной группе: *Девятко* – 272, *Баженко* – 272, *Бессонко Федоров* – 271, *Торопко Ведов* – 271, *Рахманко* – 270 и др. Кстати, форманты -ко/-ка – неотъемлемая принадлежность и календарных имен на Руси в XVII в. [Мирославская 1971, Толкачев и др.].

В составе некалендарных личных имен активно развивалась вторичная суффиксация, в результате чего форманты -ко/-ка выступали в осложненном виде: *Богдашка Кузмин* (272), *Первушка Степанов* (269), *Пятунка Нечаев* (270), *Приезжайка Вешняков* (270), *Торопынка Котов* (271) и др.

Какие же некалендарные личные имена оказались наиболее устойчивыми и оказались в числе двенадцати в дозорных книгах 1645/46 г.?

К ним относятся *Дружинка* (*Дружинка Дьяков* – 276, *Дружинка Онисимов* – 277 и др.), *Богдашко Кузмин* (271), *Баженко Сысоев* (278), *Первушка Третьяков* (279) и *Чудинко Офонасев* (279). Именно эти имена более длительное время сохранялись на большинстве территорий Северной Руси XVII в. [Чайкина 2005].

Дозорные книги Чарондского посада начала и середины XVII в. отличались не только количеством некалендарных личных имен, имелись существенные отличия и в составе именовании.

В более ранних документах 1615/17 г. именовании в основном двусоставные, состоящие из личного имени и патронима. Последний чаще восходил по происхождению к календарному имени отца: *Ивашко Петров* (269), *Первушка Степанов* (269), *Семейка Савин* (269), *Харитонко Илин* (269), *Афонка Семенов* (270), *Митка Захаров* (270) и мн. др.

В ряде случаев патроним восходил к некалендарному прозвищному имени отца: *Гришка Красков* (270), *Приежжейка Вешняков* (270), *Ларка Голубцов* (270), *Сергейка Брянцов* (270), *Малинка Нечаев* (270), *Торопынка Котов* (271). Следует подчеркнуть, что в дозорных начала XVII в. (1615/1617г.) трехчленные именовании отсутствуют.

В документах середины XVII в. (1645/1647г.) подавляющее число именованний трехчленные, двучленные обычно отмечаются по преимуществу в именованьях бобылей: бобыль *Ивашко Пантелеев* (277), бобыль *Ивашко Семенов* (277), бобыль *Филька Михайлов* (277), бобыли *Ивашко Васильев* да *Исачко Дмитриев* (278), бобыль *Максимко Офонасьев* (278), бобыль *Федка Зобов* (278) и др.

Только в отдельных случаях отмечены трехчленные именованья бобылей: бобыль Титко Ондронов сын Шарапов (278), бобыли *Ивашко* да *Матюшка Семеновы* дети Москалева (271), бобыль *Венедихтко Федоров Блинов* (279).

В составе доминирующих трехчленных именованний второй компонент обычно образован от календарного имени отца, а третий, являющийся фамильным прозванием, восходит к некалендарному прозвищному имени отца или деда именуемого: *Ивашко Григорьев* сын *Толстово* (276), *Савка Кирилов* сын *Малинин* (278), *Панфилко Овдокимов* сын *Пятова* (276), *Иванко Олексеев* сын *Попов* (276), *Федко Семенов* сын *Кривошея*, *Алферко Яковлев Босово* (278), *Никитка Семенов Костыков* (278) и мн. др.

Значительное количество примеров свидетельствует о том, что третий компонент действительно является фамильным прозванием (родные братья объединяются в единое целое – семью с помощью общего антропонима): *Иванко* да *Данилко* да *Мишка Никитины* дети *Кунашевы* (276), *Богдашко* да *Федко* да *Сергунко Ивановы* дети *Кобыльниковы* (276), *Гаврилко* да *Куземка Харитоновы* дети *Голубцовы* (276), *Сенка* да *Никифорко Дружинины* дети *Брянцева* (277), бобыли *Федко* да *Фомка* да *Сенка Семеновы* дети *Тонковы* (275) и др.

Примеры, свидетельствующие о переходе третьего компонента от поколения к поколению в исследуемых документах, отсутствуют, поэтому правильнее квалифицировать третий компонент как фамильное прозвание, а не фамилию.

В дозорных книгах приводятся и именованья женщин, причем почти все они являются календарными личными именами с формантами *-ица* или *-ка*: *Оксиница* (269), *Маврица* Гаврилова дочь (271), *Катеринка* Ивановская жена Русинова (269), *Улитка* Федоровская (270), *Степанидка* (272) и др. Отметим только одно некалендарное личное имя в дозорных 1615/1617 г. Оно написано дважды, причем не единообразно: *Миренка* Ермолинская жена (271) – *Смиренка* Ер-

молинская жена Дрягина (274). В дозорных 1645/1646 г. употребляются два некалендарных женских имени: *Гостьица* Ермолинская жена Обакумова (277), *Кунавка* Леонтьева дочь (278).

Среди календарных более активны *Марица* (5 раз), *Дарица* (4 раза), *Оксиница* (4 раза), *Матренка* (2 раза), *Катеринка* (2 раза) [Чайкина 1994].

В дозорных 1615/1617 г. женские имена находятся по большей части в составе двучленных именовании, причем второй компонент является по происхождению прилагательным с суффиксами *-евск/-овск/-инск*, указывающим на отношения именуемых: *Марфица Пятунувская* жена (270), *Миренка Ермолинская* жена (271), *Лукерица Меншиковская* жена (270), *Оксиньица Парфеновская* жена (271) и др.

В составе трехчленных конструкций женские личные имена употребляются значительно реже: *Катеринка* Ивановская жена Русинова (269), *Катеринка* Пятунинская жена Михайлова (273). Единжды отмечен второй компонент именовании с суффиксом *-иха*: *Марица Блиниха* (274).

В дозорных 1645/1646 г. женские имена употребляются только в составе трехчленных именовании, причем второй компонент отмечен также с суффиксами *-евск/-овск/-инск*: *Дарица Башиловская* жена Меншикова (272), *Гостьица Ермолинская* жена Обакумова (277), *Матренка Гавриловская* жена Семенова (278), *Ографенка Путинская* жена Микулина (278).

Если речь идет о дочери, второй компонент употребляется с суффиксами *-ов/-ев/-ин*, указывающими на принадлежность: *Матренка Кондратьева* дочь Сысоева (276), *Кунавка Леонтьева* дочь (278) и др.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в течение 30–40 лет (1615–1646 г.) в именовании жителей Чаронды произошли существенные изменения: а) значительно сокращается количество мужских некалендарных личных имен, б) осуществляется переход на трехчленную систему именовании, связанный с появлением и закреплением фамильного прозвания, ставшего позже фамилией.

Все эти процессы связаны с возросшим влиянием московских приказов, а, в конечном счете, формированием на Руси национального единства.

Литература

Бахвалова Т.В. Семантические и функциональные особенности некалендарных имен (на материале памятников письменности Белозерья XV–XVII вв.) // Проблемы русской ономастики. – Вологда, 1985.

Зинин С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России). Дисс. канд. филол. н. – Ташкент, 1969.

Мирославская А.К. Особенности словообразовательной структуры русских календарных личных имен // Ономастика Поволжья. Т.2, Горький, 1971.

Мирославская А.К. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. – М, 1980.

Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитатив) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // История ономастики. – М, 1977.

Чайкина Ю.И. Личные имена горожан на Русском Севере в начале XVII в. (На материале писцовых и дозорных книг Вологды, Великого Устюга, Белоозера) // История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда, 2005.

Чайкина Ю.И. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. – М, 1994.

Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. – М, 1959.

М. В. Богачева

Пермь

НОВАЯ ЭПОХА – НОВАЯ КУЛЬТУРА?*

Принято считать, что смена веков в жизни общества непременно ведет к смене социальных, экономических, культурных установок, обязательное следствие наступления новой эпохи – обновление парадигмы мышления. Мы попытаемся определить, в какой мере приложим этот тезис к ономастике.

Имена собственные (далее – ИС, онимы) составляют существенный пласт в лексической подсистеме языка. Степень информативности имен собственных поистине высока, благодаря чему ИС являются крайне привлекательным объектом изучения не только чисто языковедческих, но и междисциплинарных исследований гуманитарного направления. В частности, не только апеллятивы, но теперь и онимы привлекаются для этнолингвистических изысканий,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП.2.1.3.3440), РГНФ (проекты №№ 07-04-82409 а/У, 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У).

при описании «языковой картины мира» [см., например: Березович 2000, Березович 2007].

Носители языка – это не просто пассивные хранители языковой, культурной и прочей информации: они являются и творцами ее, главным образом тогда, когда выступают в качестве номинаторов. Как следствие, в онимах находят отражение и особенности языковой системы, и социальные условия, сопутствующие номинации, и различные индивидуальные проявления имядателей, и т.д. В итоге и структура информации, транслируемой лексическими единицами, предельно развернута и сложна.

В настоящем случае в качестве материала для исследования взяты ойконимы (названия населенных пунктов) Пермского края по данным наиболее полного справочника «Список населенных пунктов Уральской области» 1928 г. Рассмотрены те названия поселений, которые возникли после Октябрьского переворота 1917 г., поскольку степень информационной насыщенности зависит, в частности, от времени функционирования (возникновения и последующего развития) лексики. Изучение проведено в сопоставительном ключе: соотнесены новообразования и уже имевшиеся к 1917 г. онимы.

Западный Урал – территория достаточно позднего освоения русскими, постоянные поселения в Верхнем и Среднем Прикамье основывались с конца XIII – начала XIV в. На протяжении пяти веков (до начала XX столетия) формировался костяк пермского ойконимона. Во втором и третьем десятилетии XX века количество поселений и их названий резко возросло вследствие столыпинских реформ 1906-1917 гг. и введения Декрета о земле 1917 г. Для сравнения: всего по данным 1928 г. на указанной территории зафиксировано около 18500 ойконимов, из них более 700 возникло после Октябрьской революции.

Отдельные пласты реконструируемой на базе онимов лексики со значительно большей легкостью и точностью поддаются интерпретации и датировке их проникновения в русский язык, в частности в ойконимию, нежели другие. В большей степени это свойство характерно для названий, возникших в особенно трудные, переломные периоды жизни России. Очевидно, что в XX веке основным событием такого рода стал Октябрьский переворот, следствием которого была не одна только смена типа государственного управления, но и смена идеологии, уклада всей жизни, ценностных ориентиров и т. п.

Обычно названия местам проживания давались, во-первых, по именованию человека, обычно первопоселенца, а во-вторых, по особенностям окружающего мира (ландшафта, почвы, гидрообъекта и т. п.). Вся реконструируемые апеллятивы могут быть тематически классифицированы следующим образом.

I. Лексика, характеризующая географические особенности.

1. Топографическая лексика: *заимка > *Заимка*, *прямуца, прямушка 'прямая дорога' [СГТ, 321] > *Узкая Прямуца, Прямушка*, *деревня > *Новая Деревня*, *селище 'место, где в прошлом находилось поселение' [СГТ, 347] > *Селище*.

2. Собственно апеллятивная лексика

а) в прямом значении: *логоватый 'изобилующий логами' [СРНГ, XVII, 104] > *Логоватый*; *северный 'находящийся на севере, с северной стороны' > *Северный Коммунар*;

б) в переносном значении: метонимическая: *гольян 'мелкая живая рыба, выюн' [СРНГ, VI, 123] > р. *Гольянка* > *Верхняя Гольянка*, *ветла 'белая ива' > р. *Ветлянка* > *Ветлянка*; метафорическая: *серебряный 'серебристый' > р. *Серебрянка* > *Серебрянка*, *желоб > *Желобиха*;

в) ситуативная: *богатый 'изобилующий рыбой' > *Богатая Речка*, *погорелка 'место, в котором произошел (сильный) пожар' > *Погорелка*.

II. Лексика, не характеризующая географические особенности.

1. Прозвищная лексика.

а) мотивированная апеллятивом в прямом значении: *зеленя 'умственно отсталый, недоразвитый человек', 'неопытный человек' [СПГ I, 324; СПФ, 88] > пр. *Зеленя* > *Зеленина*, *кузнец > *Кузнецово*;

б) мотивированная апеллятивом в переносном значении: в метафорическом: а) *ожег, ожига 'кочерга' [СлРЯ XI-XVII, XII, 305; СРНГ XXIII, 74; СПГ II, 38] > ожег(-а) 'худой, смуглый или сутулый человек' > пр. *Ожег(-а)* > *Ожеги, Ожегина, Ожегова*, *щука > пр. *Щука* > *Щукина*; в метонимическом: *талан 'счастье, удача', 'счастливая доля, судьба', 'прибыль, находка' [Фасмер IV, 14; СПГ II, 433] > талан 'счастливый, удачливый человек' > пр. Талан > *Таланов, Таланы*, *половодье > *Половод* 'ребенок, родившийся весной, во время половодья' > *Половодово*;

в) ситуативная: *палех 'погорелец' [СПФ, 279] > пр. Палех > *Палехова*, *дружка 'распорядитель на свадьбе со стороны жениха' [СлРЯ XI-XVII, IV, 364; АС I, 259] > пр. Дружка > *Дружкина*.

2. Лексика, искусственно привнесенная в ойконимию: *Свет*, *Труд* и др.

Приведенная классификация показывает, что выбор производящих основ при образовании послереволюционных топонимов был достаточно традиционен.

Особого внимания требует лексика, искусственно привнесенная в топонимию. Наиболее частотны лексемы, проникшие в ойконимы путем онимизации. На материале изучения такого рода апеллятивов можно выделить 3 основные тематические группы:

- лексика, связанная с идеологической сферой: *Большие Комиссары*, *В Единении Сила*, *Возрождение*, *Восьмой Октябрь*, *Вперед*, *Заря*, *Заря Труда*, *Звезда*, *Идеал*, *Интернационал*, *Коллектив*, *Комитетская*, *Коммунаров*, *Красная Звезда*, *Красный Восток*, *Красный Восход*, *Красный Луч*, *Красный Октябрь*, *Красный Пахарь*, *Красный Урал*, *Крестьянин-Коммунист*, *Нижняя Свобода*, *Новая Жизнь*, *Октябристы*, *Октябрьский*, *Первое Мая*, *Первомайский*, *Победа*, *Поселок Первомайский*, *Прогресс*, *Пролетарский*, *Пролетарский Пахарь*, *Прорыв*, *Проснись Бедняк*, *Рассвет*, *Светлый Путь*, *Свобода*, *Свободы*, *Северный Коммунар*, *Третий Интернационал*, *Триумф*, *Труженник*, *Утро Труда*;

- названия форм хозяйствования: *Коллектив*, *Коммуна*, *Советское Земельное Общество*, *Совхоз*, *Томаровское Отделение Грановской Школы Коммуны*;

- собственно окказиональная лексика: *Благодать*, *Будильник*, *Виктуар*, *Восход*, *Европейская*, *Знак*, *Культиватор*, *Культура*, *Культурный Уголок*, *Мираж*, *Молодой Путеводитель*, *Монета*, *Обрацат*, *Отрадный*, *Прихожая*, *Самолет*, *Трудолюбие*, *Тысяча*, *Юный Сентябрь*.

Только в контексте традиционной системы наименования поселений все эти названия рассмотрены как случайные. В действительности здесь обнаруживаются определенные закономерности, в том числе такие, которые после Октябрьской революции стали ведущими и предопределили возникновение новых моделей онимообразования в Советском Союзе.

Показательна смена функции одного из частотных компонентов ойконимов – *красный*. Например, название *Красная Гора*, имевшее место и до революции 1917 г., является локативным и свидетельствует о том, что поселение находится на *красной горе* или рядом с ней. *Красный* в данном случае равнозначно понятию *глинистый* (с актуализацией характеристики такой почвы по цвету). В противовес этому название *Красная Звезда*, принадлежавшее населенному пункту, который был основан в 1924 г., отражает символ советской эпохи и является окказиональным в традиционной топонимической системе.

Ойконимы, образованные после 1917 г., великолепно отразили подвижки в мышлении граждан нашей страны. Они зафиксировали направление, в котором расширялся лексикон уральцев, сдвиги, которые произошли в быту и в сознании, – иными словами, в названиях населенных пунктов запечатлелась *жизнь* предельно политизированного общества того времени.

Наибольший интерес вызывают, конечно же, идеологизированные наименования, в основе которых лежит, как правило, абстрактная лексика. Они наглядно демонстрируют слом традиционной ойконимической системы. Два основных кода передачи культурно значимой информации в них – социальный и символический. Такие ойконимы можно обозначить как наименования идеологические (отражающие утвердившийся в стране общественный строй, мировоззренческие установки номинаторов) и собственно идеологизированные (отражающие идеологическую символику, революционные и связанные с общественным строем исторические даты, запечатлевшие типичные лозунги, девизы).

Производящие основы таких географических названий обычно входили в топонимию без изменений формы слов. Это видится логичным, поскольку попытки адаптировать официальное понятие или термин к обыденной речи, попытки использовать их в сочетании с традиционными ойконимическими формантами, дифференциалами, обычно не оправдывали себя, порождая двусмысленность, создавая комический эффект (ср.: *Большие Комиссары*, *Вторая Нужда*, *Культуровка*, *Нижняя Свобода* и под.).

В ойконимах нашли отражение качества, необходимые строителю нового общества (*Трудолюбие*), его чаяния и устремления (*Идеал*, *Культура*, *Надежда*, *Образцовый*, *Возрождение*, *Красота Жиз-*

ни). Не случайно, конечно, большое количество названий связано с понятием «красный»: *Красный, Красный Восток, Красный Восход, Красный Луч, Красный Октябрь, Красный Орел, Красный Пахарь, Красный Уголок, Красная Звезда* и др. Наименованиями населенных пунктов становились революционные призывы и лозунги: *В Единении Сила, Вперед, Проснись Бедняк*.

Пермская ойконимия «обогадилась» лексемами необычными, звучными, иногда поэтичными, но совершенно чуждыми топонимической системе. К числу таких наименований относятся как исконно русские, так и заимствованные по происхождению слова: *Знак, Самолет, Юный Сентябрь, Виктуар, Мираж*.

Мотивационный анализ демонстрирует глубокую связь этих ойконимов с традиционной русской культурой. В ИС просматриваются мотивы, свойственные русской картине мира. Так, в названиях *Возрождение, Восход, Красный Восход, Заря* и т. п. мы усматриваем мотив *перерождения*, обычно актуализируемый в обрядах (известны традиции смены именования при переходе невесты в статус жены, при переходе умерших в статус предков, др.). Мотив *дороги*, который пронизывает всю русскую культуру, возникает в наименованиях типа *Светлый Путь, Молодой Путеводитель*, где дорога актуализирована как *путь* к зародившемуся *светлому* будущему, то есть к коммунизму. Безусловно, этот аспект заслуживает особого рассмотрения в специальной работе большего формата, поэтому ограничимся избранными фрагментами картины мира строителя *светлого будущего*.

Ярко представлен мотив *труда*, ср.: *Труд, Заря Труда, Утро Труда, Труженник, Трудовой, Трудолюбие*, а также косвенно: *Красный Пахарь, Пролетарский Пахарь*. Естественно, что разрушение старого мира и построение нового требовало значительных усилий. Несколько надуманными могут показаться в этой связи *Заря Труда* и *Утро Труда*: они противоречат пропагандистскому утверждению пролетариата как извечно эксплуатируемого, «собственно трудового» класса. Но, вероятно, здесь отразилось представление о зарождении труда иного, «нового» (как и вся жизнь) – не рабского, но «истинного», направленного на благо общества. Обоснование такой интерпретации мы усматриваем в корреляциях с иным мотивом – мотивом *света*.

Свет всегда ассоциировался в русской культуре с истиной (ср. «свет истины» и «блуждать в потемках»), знанием («ученье – свет, а неученье – тьма»), коррелировал с понятиями «правый / правильный», «чистый», «ясный», «незамутненный», «честный», «открытый», «искренний», «прямой» и т. д. Естественно поэтому, что страстно желаемая *Новая Жизнь* ассоциировалась у номинаторов со светом и его источниками, с зарождающимся новым днем, прямой, истинной, единственно верной дорогой: *Восход, Заря, Заря Труда, Звезда, Красная Звезда, Красный Восход, Красный Луч, Рассвет, Светлый Путь, Утро Труда*.

Конечно, переворот 1917 г. был *Триумфом, Победой, Визитом* (victoire, фр. – победа, и здесь уже исторически закономерная как логически продолжающая завоевания французских революционеров) *Крестьянина-Коммуниста*, но это был и *Прорыв*, который предполагал дальнейшее движение *Вперед по Светлому Пути*, требовал *Прогресса*, для чего стал необходим *Будильник*, клич: *Приснишь Бедняк*.

Рядом лингвистических и экстралингвистических факторов была предопределена дальнейшая судьба населенных пунктов и их названий, возникших после революции 1917 г. В частности, в соответствии с курсом советского правительства росла кооперация в деревне; во второй половине 1929 г. начался коренной перелом в развитии коллективизации сельского хозяйства СССР, когда насильственно уничтожались мелкие поселения (хутора, выселки и т.п.) и крестьяне были вынуждены идти в колхозы целыми селами. Это, а позднее нарастание процесса урбанизации привело к значительному сокращению численности населенных пунктов (и, соответственно, их наименований).

Тем не менее некоторые из таких названий сохранились. Наиболее жизнеспособными оказались ойконимы, созданные традиционными путями: так, еще в 1982 г. существовало поселение, возникшее в первые годы Советской власти и имевшее название *Культуровка*, которое содержало суффикс-формант *-овк(а)*. Однако есть примеры длительного функционирования и таких топонимов, которые в принципе не свойственны традиционной системе русских географических наименований. Например, выселок *Заря*, возникший в 1924 г. (Сарапульский округ, Фокинский район, Сайгатский сельсовет), со временем стал одним из микрорайонов г. Чайковского (ныне

районный центр); более того, возникла *Заря-I / Первая* (с многоквартирными постройками) и *Заря-II / Вторая* («частный сектор», бывший выселок), а в обиходной речи жителями города используется понятие «*Третья Заря*», обозначающее городское кладбище.

Итак, ойконимия советской эпохи позволяет отслеживать изменения, происходившие в лексиконе уральцев. Хронологически четко можно обозначить время вхождения тех или иных слов в активный словарный запас, приобретения лексемами новых, имеющих идеологизированный характер лексико-семантических вариантов. Ойконимы оказываются источником сведений об апеллятивах (в том числе окказиональных), которые ранее не находили или не могли найти отражения в топонимах. На иных языковых уровнях отклонений не обнаружено. Кроме того, даже окказиональные новообразования вполне отвечают традиционной народной культуре.

Топонимия свидетельствует: новая эпоха не привела к становлению новой культуры. Мы констатируем лишь попытки скорректировать вековые традиции для нужд «демиургов от сохи».

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. – М., 2007.

История Урала. Т.1. Первобытнообщинный строй. Период феодализма. Период капитализма / под ред. И.С. Канцеровича. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976; Т.2. Период социализма. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1977.

Список населенных пунктов Уральской области: В 9-ти томах. Т. 1: Верхнекамский округ; т. 6: Кунгурский округ; т. 8: Пермский округ; т. 9: Сарапульский округ. – Свердловск, 1928.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987.

Сокращения

СГТ – Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. – Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007.

СПФ – Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь, 2005.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Тт. 1-5. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003. (Продолжающееся издание).

СПГ – Словарь пермских говоров. В 2-х вып. – Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / Сост. Е.Н.Полякова. В 6 вып. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2007. (Продолжающееся издание.)

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Т. 1–27. – М.: Наука, 1975–2006. (Продолжающееся издание.)

Сл XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Л.; СПб., 1984–2007.

Е. В. Цветкова
Кострома

ДРОМОНИМИЯ КОСТРОМСКОЙ ДЕРЕВНИ

Значительное место в топонимической системе костромской деревни занимают названия путей сообщения – дорог, троп, мест на дорогах и тропах, переездов, прогонов и т. д. (дромонимы). Это наименования как отапеллятивного, так и ономастического происхождения.

Отапеллятивные топонимы представлены примерами топонимов всех типов номинации: по отношению к человеку, по отношению к объекту, по свойствам и качествам объекта.

Количество дромонимов, указывающих на связь с человеком (возраст, пол, социальное положение и т. д.), довольно значительно. Например: *Баушкина тропа*, *Бабьи тропы*, *У Бабкиного дома* (Судиславск.; «*Баушка тамоди жыла, вот тропу ф чесь её и прозвали...*»), «*Тропа у дома, где бабка Катя жыла*»); *Барская дорога* (Кадыйск.; «*Дорога около Абрамова. По преданью её построил барин, и никто по ей не мок ездить*»); *Бабушкина веретья* (Макарьевск.; «*Тропа, по которой бапка Марья ходила за черникой*») и т. д.

Имеются в наших материалах и более яркие наименования путей сообщения, содержащие метафору, сравнение: *дорога Кучерявые рёбра* (Кадыйск.; «*Лесная дорога недалёко от посёлка Дупки. По ей вывозится лес из делянок. Она выслана деревянным настилом. Строила её бригада Баранова Лексея Макарыча из Адамовки, которой был кудрявым. Отсюда и название дороги*»), *дорога Горбы* (Кадыйск.), *дорога Горбы*, *Горбатый мост* (Нейск.), *Горбатая тропа*, *Горбовая тропа* (Солигаличск.), *тропа Горбинка* (Макарьевск.), *Пьяная дорога*

(Костромск.; „*Центральная дорога, ведёт к трём барам, по ней домой возвращаются пьяные*»).

Отдельные названия связаны с деятельностью человека: *Чугунка* (Октябрьск.; «*Просека, по которой хотели провести железную дорогу от Вологды до Сибири*»), *Визир/Визирь* (Кадыйск.; «*Просека, ориентировочная дорога в лесу после лесоустраительных работ*»).

Номинация по отношению к другому объекту представлена такими названиями, как *Мельничная тропка, Лагерная дорога, К Шестёрке, К Тридцатке* (Костромск.), *Фермерская тропа, К Трёх Соснам* (Судиславск.), *На Горку, Полевая* (Кадыйск.) и т. д.

Образование отапельлятивных топонимов локативного типа чаще происходит с помощью специфических словообразовательных средств: 1) с помощью суффиксов, имеющих относительное значение (–ск–, –н–) – *Верховская дорога, Мельнишная дорога*; 2) с помощью приставок, указывающих на близкое расположение объектов (чаще *за–, под–*) – *Заречная тропка, Подгорная*; 3) с помощью предлогов (чаще *на, за*) – *На Ключ тропа, За Линией*; 4) с помощью союзов и предлогов (*что за, против*) – *Что за Шишкой, Против Горки*.

Основные типы записанных нами отапельлятивных дромонимов: 1) по отношению к объекту, к которому ведет дорога – *На Хранилище дорога, На Комплекс* (Судиславск.), *Больничная, К Асвальту* (Кадыйск.); 2) по отношению к расположенному рядом объекту – *тропы У Школы, К Ключу, За Первой остановкой, Прогон, Выгон* (Судиславск.); 3) по нарицательному названию объекта – *Тропа, Тропочка, Дорога, Дорожка* (в пределах одной отдельно взятой деревни; повсеместно); 4) по времени возникновения – *Старая дорога, Новая дорога* (повсеместно); 5) по местоположению дороги – *Дальняя дорога, Ближняя дорога, Центральная дорога* (повсеместно).

Многочисленная группа топонимов относится к третьему типу номинации – номинации по качествам и свойствам объекта. В топонимии, в частности в микротопонимии (наиболее часто), прежде всего получают отражение характерные признаки самого называемого объекта: *р а з м е р* – *Большая дорога, Большак* (большая, основная дорога; повсеместно), *Маленькая дорога* (реже; как противопоставление небольшой сельской дороги большой дороге – трассе);

протяженность – *Долгая дорога* («А далёко идёт она...» – Судиславск.); качественные характеристики – *Грязная дорога*, *Чистая тропка*, в том числе характеристика места, по которому пролегают дорога или тропа – *Гать* («По Гати пошла... Гать-то? А у Новожыловых у пруда-то тропа, сыро там фсегда...» – Судиславск.), а также указание на то, из чего сделана дорога – *Бетонка*, *Каменка* (повсеместно; «Дорога-то здесь и была. Камнем облажывали. И топерича видать», «Бетонка-то? Дак бетонная, што ф сторону Иконникова, што к точке...» – Судиславск.), *Грунтовка* (Костромск.; «...дорога состоит из гравия»), *Каменная дорога* (Костромск.; «Главная дорога села, идущая от церкви, засыпана камнем»), на какие-либо другие особенности пути сообщения (форма, сходство с чем-либо) – *Кучерявые рёбра* (Кадыйск.), *Ледяная дорога* (Кологривск.), *Гнилые трапы*, *Горбатый мост* (Нейск.), *Горелый мост*, *Чёртов мост* (Поназыревск.), *перекрёсток Бидон* (Чухломск.), *Взвоз* (Вохомск.; «Дорога из д. Быки, которая под горой, в гору, на верхнее поле»), *Гладиная дорога* (Макарьевск.; «Самая ромная дорога»); время появления – *Старая дорога*, *Новая дорога*; расположение – *Дальняя дорога*, *Ближняя дорога*, *Верхняя дорога*, *Нижняя тропка*, *Окружная дорога*, *Объездная дорога*, *Центральная дорога* (повсеместно), *Перёгорода* (Вохомск.; «Шла вдоль изгороди около болота. Болото огородили, штоп скотина не заходила»); направление – *Прямушка / Прямая дорога / Прямая / Прямиком*, *Окольная*, *Кругом*; время использования – *Зимняя дорога / Зимняя / Зимняк*, *Летняя дорога / Летняя* (повсеместно), *Ледяная дорога*, *Другая Ледяная дорога* (Кологривск.; «От Кокля на север мимо Горевой, примерно 10 – 12 километров до мест заготовки леса в зимнее время шла Ледяная дорога. Летом по этой дороге возили лес для постройки барж»); *Ледянка* (Макарьевск.; «дорога, по которой на лошадях возили зимой лес. Подроски подливали воду на дорогу, она леденела»).

Как показывают некоторые из приведенных выше примеров, значительное количество наименований, образовано на основе сравнения, метафоры. К этой группе топонимов можно отнести и такие наименования как *Пустынская линейка* (Шарьинск.; «Прямая дорога к поляне»), *Кольцо* (Костромск.; «дорога, опоясывающая деревню Медениково») «Говорящими» являются дромонимы *Долина*

гнева (Нейск.; «*Ф тёмное время было опасно проежжжать*»), *Долина смерти* (Нейск.; «*Дорога к кладбищу*»).

Указывают топонимы и на признаки объектов, свидетельствующие о физико–географических условиях местности: растительный мир – *Еловая дорога* (Пыщугск., Солигаличск.; «*К еловому лесу...*»), *Ёлочная дорога* (Кадыйск.; «*Чрез ёлочную делянку проходит*»), *Крапивник* (Нейск.; «*По ней только пешком, она часто зарастала крапивой*»); животный мир – *Заячья тропа* (Кадыйск.; «*Около трассы Кадый – Макарьевф, на ней фсегда можно зайцеф увидеть*»), *Хорев проезд* (Макарьевск.; «*Дорога в лес, на которой некогда водилось много хорьков*»); рельеф – *Оносковская грива* (Костромск.), *Вышка* (Красносельск.; «*Место на дороге, которая идёт ф гору, высокое место*»), *Поляна* (Красносельск.; «*Место на Иконниковской тропе. Достаточно широкая месность, образует поляну*»); водные ресурсы – *Мелкий брод* (Мантуровск.; «*Дорога через речку Старку, опасное место*»).

Записаны нами также такие названия, как *Подвезд* (Вохомск.; «*Дорога от деремни Быки к Артищеву, края на горе. Артищеву очень сильно вытенуто вдоль горы, паралельно озеру*»), *Лежнёвка* (Кадыйск.; «*Дорога, што соединяёт центральну трассу Кадый – Завражъё с посёлком Дупки*»), *Подвашка* (Вохомск.; «*Оврагом от Сынкова к Артищеву, потходит з западнава конца деревни, сильно растянутой по горе, паралельно берегу озера*»).

Антонимические отношения, как показывают материалы, проявляются обычно в типичных парах противопоставления по размеру, по степени удаленности, по времени появления (большой – малый, дальний – ближний, верхний – нижний, окольный/окружной – центральный, старый – новый).

В образовании дромонимов активно участвуют и антропонимы. Значительная роль антропонимических основ в топонимии объясняется спецификой называемого класса объектов, которые не возникают сами по себе, а создаются людьми. Поэтому в их названиях как бы подчеркивается роль человека, принимающего активное участие в возникновении такого рода объектов.

Топонимы антропонимического происхождения исследуемого ареала в лексико–семантическом плане делятся на названия, в основе которых лежат следующие типы антропонимов: 1) имя; фамилия – чаще (*Олёшина тропа* – Кадыйск.; *Татьянина дорога* – Нерехтск.;

Катин проезд – Макарьевск.; *Антонова порточина* – Костромск.; *Шабарихин проезд* – Макарьевск., «Дорога ф колхозные поля, рядом с домом одново из жителей деревни»; *Полушкинский тракт*, *Шапоровская дорога* – Мантуровск.; *Капусткин проезд* – Макарьевск., «Дорога в Фёдоровское, рядом с домом Капусткина»; *Микитина дорога* – Макарьевск., «Возил он по этой дороге лес в Брантофку»); 2) фамилия и имя; фамилия, имя и отчество; имя и отчество; прозвище; имя и прозвище – реже (*У Маши Коротковой тропа*, *У Ивановых*, *К Генадью Павлычу*, *Сычиха*, *Кокурева тропа*, *У Дуни Леснической* – Судиславск., Кадыйск.).

Особенно продуктивными в образовании дромонимов являются другие топонимы, особенно ойконимы. Это топонимы, в основе образования которых лежит номинация по отношению к другому объекту (чаще – населенному пункту): *Алексинский переезд* ← д. *Алексино*, *Буртасовская дорога* ← д. *Буртасово*, *Васильковская дорога* ← д. *Васильково*, *Володинская дорога* ← д. *Володино*, *Следовская дорога* ← ус. *Следово*, *Воробьёвская поворотка* ← д. *Воробьёво*, *На Романово* ← д. *Романово*, *В Ченцы* ← д. *Ченцы*, *К Жарам* ← д. *Жары*, *Под Сотницы* ← д. *Сотницы*, *Шишкина/Шишкинская дорога* ← с. *Шишкино* (Судиславск.); *Комаринская/Комарская* ← *Комаринские луга* (Макарьевск.) и т. д. Используются для названия путей сообщения и названия, отдаленные от именуемого объекта: *Вятка* (Мантуровск.), *Костромская дорога* (повсеместно).

Большая часть дорог сельской местности имеет двойные названия. Например, дорога до д. Буртасово Судиславского района, известная под названием *Буртасовская* (варианты – *На Буртасово/К Буртасову дорога*), жителями д. Буртасово называется *Калинковской /На Калинки*, так как ведет в д. Калинки: д. Калинки → д. Буртасово (*Буртасовская дорога*), д. Буртасово → д. Калинки (*Калинковская дорога*).

Значительно количество названий, связанных с духовной культурой: *Богородская дорога* (Макарьевск.; «Дорога до Тимошина, по ней в Спасов день попы ходили на Белый Лух за святой водой»; Антроповск.), *Сретенская* (Солигаличск.; «Сретенская дорога до церкви Сретенье»), *Спасская дорога* (Островск.; «Шла от церкви Спас до деревень»), *Крестовская дорога* (Нейск.; «Называется так, потому што ходили по ней на реку ф Спасоф день крестить воду»).

Большая часть дромонимических материалов является мотивированными названиями. Возникновение некоторых наименований жители объясняют легендами: *Карачуха* (Вохомск.; «Поднимается по оврагу от большой дороги. Раньше на ней бесчинствовали разбойники, нападали на прохожих и грабили их – карали»), *Катин проезд* (Макарьевск.; «часть дороги, где по легенде проезжала и осталась оддохнуть императрица Екатерина»).

Единичны примеры названий дорог с наименованиями каких-либо отдаленных мест: *Афганка* (Кадыйск.; «Песчаная дорога ф черте посёлка Вёшка на хутор Заечий за речку Вотгать»), *Польская дорога* (Поназыревск.; «Возле дороги находится кладбище, на котором есть польские кресты. Есть предположение, что здесь хоронили шедших этапом ф Сибирь польских ссыльных»).

Дромонимия представлена названиями всех структурных типов.

1) Однословные топонимы: а) топонимы безаффиксного и аффиксного происхождения (суффиксальные топонимы – *Евковская дорога, Галицкая*; префиксально-суффиксальные топонимы – *Заречная, Заулка, Пригорцевская*); б) сложные топонимы (*Узкоколейка*; количество таких названий незначительно).

2) Составные топонимы: а) топонимы-словосочетания (*Литвиновская дорога, Катеринкинская дорога, Гарины ямы*); б) предложно-падежные конструкции (*На Иконниково, К Большаку, К Шестёрке*).

Как показывают наши многолетние наблюдения над особенностями функционирования костромских дромонимов, значительная часть названий довольно устойчива, новые названия создаются в соответствии со сложившимися в говоре традициями, по регулярным моделям. Изменениям более подвержены названия антропонимического происхождения (смена жителей приводит к постепенной смене большинства наименований). Меньше образуется новых названий, основанных на диалектной лексике, а часть таких топонимов исчезает или уходит в пассивный запас. Многие дромонимы диалектного происхождения довольно устойчивы, однако объяснить их семантику молодое поколение не может.

Названия путей сообщения, имеющих большое значение в жизни сельского жителя, могут рассказать многое об особенностях его языка, о его отношении к окружающему миру, а следовательно дать ценные сведения в разных областях изучения русской народной культуры.

ДИМИНУТИВЫ В ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ И МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

В плане эволюции русского ономастикона важно отметить такую тенденцию, как *дезофициализация*, или одомашнивание городской среды [1]. В рамках этой тенденции весьма показательно появление в нём *диминутивов*, которые справедливо считаются специфической чертой разговорной речи с её фразами типа *Чайку?*; *Пивка кружечку?*; *Возьмите листочек, запишите телефончик*. Кажется бы, такие слова – с риском произвести эффект слащавости или лакейской супервежливости, «галантерейности» [2] – несовместимы с городской средой как пространством публичного общения. Однако диминутивных урбанонимов становится всё больше, что даёт основания говорить о диминутивном эксперименте в городском ономастиконе [3].

Первый тип городских объектов, к наименованию которого привлекли диминутивы, – детские сады: *Гнездышко*, *Журавлик*, *Звёздочка*, *Калинка*, *Капелька*, *Катенька*, *Колокольчик*, *Колосок*, *Маячок*, *Огонек*, *Полянка*, *Родничок*, *Росинка*, *Ручеек*, *Рябинка*, *Светлячок*, *Солнышко*, *Теремок*, *Ягодка*, – и это только в Новгороде [4]. Факт вряд ли требует особых объяснений: именно разговоры с детьми оказываются в отношении диминутивов «перенасыщенным раствором»: тут и *ручки–глазки–носики*, и *вкусенький*, и *баиньки–спатеньки*... [5]. Так что детсадовские диминутивы если и можно назвать экспериментом, то почти без риска: всё в традициях повседневного общения, вынесенных, правда, на городскую вывеску.

С них и начинается «триумфальное шествие диминутивов» по городским вывескам российских городов. Не стремясь к выявлению исчерпывающего списка всех типов диминутивных урбанонимов, отметим их присутствие в разных городах, список которых выглядит достаточно представительным, чтобы рассуждать об этом как об особом явлении современного городского ономастикона: Новгород, Красноярск, Новосибирск, Иркутск, Омск, Москва, Петербург [6]. Аргументом в пользу такого понимания служат и количественные данные: в сводном индексе диминутивов всех названных городов

более 100 единиц, и это с учётом того, что часть из них представлена в двух и даже трёх городах, как будет видно из дальнейшего изложения, где не всегда указываются адреса рассматриваемых диминутивов, поскольку интересует нас прежде всего выявление возможностей этого типа слов в современном языке города.

Изучение городских диминутивов показывает, что они чаще всего встречаются в качестве наименований магазинов, или эмпоронимов [7]. Естественно предположить, что это будут в первую очередь магазины детских товаров – *Малышок, Андрейка, Левушка, Танечка+Ванечка* в Новосибирске, *Солнышко, Звездочка, Шалунишка* в Красноярске; *Лялечка, Мишутка, Солнышко, Детский уголок, Уголок детства* – в Омске. Объясняется такой выбор – как и в предыдущем случае: диминутивы оказываются своеобразными «знаками детства». Интересно в связи с этим воспоминание одного новгородца о том, что, живя на *бульваре Лёни Голикова*, он в детстве был уверен, что это *бульвар Лёни голенького*. Такой же стилистический эффект даёт и использование имён с суффиксами детенышей – кафе *Медвежонок* в Новосибирске и *Нерпенюк* в Иркутске; магазины *Советок* в Москве и *Домовёнок* в Новгороде [8].

Если думать, что диминутивы отбираются в городской ономастикон симметрично определенным сферам повседневной речи, то на вывесках продовольственных магазинов должны появиться «гастрономические диминутивы», составляющие специфику русской речи, о чём делал доклад на Виноградовских чтениях В. Г. Гак [9]. Однако их оказывается не так много: это *Закусочка, Сахарок, Булочка, Наша рыбка, Петушок, 3 корочки, Золотой орешек, Три орешка*. Основную же массу таких эмпоронимов составляют слова, в которых актуализируется диминутивность, а не предметное значение: *Ленточка, Туесок, Дубок, Тополек, Рябинушка, Ивушка, Хуторок, Золотая рыбка, Пчелка, Елочка, Яблонька, Золотая яблонька*. Об этом же говорит и тот факт, одни и те же диминутивы именуют в разных городах разные объекты: *Ежик* – минимаркет в Красноярске и интернет–зал в Петербурге; *Звездочка* – детский сад в Новгороде и эконом–маркет в Омске; *Золотая рыбка* – продуктовый магазин в Москве, бар в Новгороде, агентство недвижимости и аквасалон в Омске; *Колосок* – детский сад в Новгороде и продуктовый магазин в Иркутске; *На посошок* – кафе в Новгороде и продовольственный магазин на выезде из города в Новосибирске; *Пышечка* – закусочная

в Иркутске и сеть магазинов одежды для полных в Красноярске; *Сударушка* – кофейня в Новгороде и комплексный центр социального обслуживания в Омске; *Теремок* – ресторан в Петербурге и магазин, банкетный зал, культурно-оздоровительный комплекс и агентство недвижимости и туризма в Омске; *Хуторок* – кафе в Новосибирске и магазин в Омске; *Ягодка* – детский сад в Новгороде и кафе в Иркутске.

Ближе к предметной сфере объектов своей торговли, хотя бы метонимически, оказываются названия обувных магазинов – *Башмачок, Каблучок, Сапожок*; мебельных – *Сундучок, Диванчик, Райский уголок*; винных – *Погребок*; рыболовных принадлежностей – *Судачок*; постельных принадлежностей – *Постелька*; электротоваров – *Проводок, Батарейка Плюс.Ру*; аксессуаров – *Стильная штучка*.

Вслед за магазинами диминутивными названиями стали обзаводиться «питательно-питейные» заведения: *Погребок, Подвальчик, Уютный уголок, Дымок, Уголёк, Огонёк, Зайчик, Курочка Рядом, На посошок*. Кстати, название новгородского кафе *Блинок* сначала было просто диминутивом, а потом в нём «обнаружили» американское словечко *ОК(ей)*: *БЛИН'ОК* [10]. Сегодня об этом приёме оформления урбанонимов можно говорить как о работающей модели, вовлекающей в свою сферу собственно диминутивы – как *БЛИН'ОК*, лексикализованные – как *МАСТЕР'ОК* (магазин строительных товаров в Красноярске) и недиминутивные слова с суффиксом –ок, как *ПЕРЕКРЕСТ'ОК* (сеть продовольственных магазинов в Петербурге и других городах). Эта мода отмечается и за пределами России: в Киеве есть центр иностранных языков *ЗнатОК* [11]. Кстати можно заметить, что *О'КЕЙ* выступает и в качестве самостоятельного урбанонима, именуя сеть гипермаркетов в Петербурге. Так диминутивы с суффиксом –ок оказались на перекрёстке действия двух тенденций эволюции городского ономастикона: дезофициализации и многоязычия [12].

Кроме того, массовое присутствие диминутивов в городской среде, создает дополнительный эффект *миниатюризации*, как бы полемизирующей с гигантоманией советского города, где магазины если и получали названия, то *Прометей, Гигант, Великан, Антей* ... При этом если можно было отыскать и имена «негигантской» семантики, то они должны были пониматься в переносном «гигант-

ском» значении; например, в Красноярске первые имена собственные магазинов – *Сокол* и *Чайка*, но имелись в виду не скромные представители мира птиц, а позывные космонавтов Терешковой и Николаева, иначе говоря, они косвенно указывали на наши гигантские достижения в освоении космоса. Многие из таких названий и сейчас присутствуют в городе, но уже не составляют доминанту его ономастикона. Показательны и эмпоронимы с явно выраженной семантикой миниатюрности – *Маленькая страна* в Новгороде и *Маленькая леди* в Петербурге.

Интересно, что диминутивами пользуются не только для собственных имён городских заведений, но и для обозначения их жанра, если можно применить к городским объектам этот термин: *Аптэчка* в Красноярске; *Кабачок* в Новгороде и Иркутске; *Колбасный домик* в Москве и кафе *Охотничий домик* в Иркутске; *Винный дворик* в Новгороде и *Сибирский дворик* в Новосибирске; *Китайский ресторанчик* и *Банька* там же.

Среди урбанонимов есть такие, в которых можно увидеть «диминутив в квадрате»: магазины *Ключик-замочек* (Новосибирск), *Хлебушек Пивко* (Геленджик) [13], *Порошочек & Мыльце* [14]; кафе с кухней народов СССР *Калинка-малинка* в Красноярске и *Кабачок-дворик* в Новосибирске. Интересно, что в последнем находим эмпоронимы, включающие диминутивы субстантивные и адъективные, что тоже создает эффект «диминутива в квадрате»: *Маленький цветочек* и *Аленький цветочек*.

Последний диминутив можно было бы назвать цитатным: он заимствован из сказки; такие почему-то любят салоны красоты – *Молодильное яблочко* в Омске или *Русалочка* в Новгороде. Впрочем, в Омске так называется баня, а супермаркет дверей и детская библиотека – *Золотой ключик*. Этот список не так мал, в нём оказываются и *Ладушки*, *Топтышка*, *Колобок*, *Золушка*, *Дюймовочка*.

«Диминутивизацией» охвачены и числительные: *Пятёрочка* – супермаркет в Петербурге и Новгороде или такси в Омске; *Соточка* – агентство недвижимости в Омске и автобусный маршрут в Красноярске (надпись на борту автобуса). Интересно, что логотип магазина *Пятачок* в Новгороде намекает на одновременное обозначение и пятикопеечной монеты, и части тела поросёнка

Диминутивы представлены в городском ономастиконе и в виде своих дериватов – как в названии магазина *Пчёлкин мёд* в Петербурге или кафе *Курочкин гриль* в Красноярске.

Важно отметить, что в городской среде «заодно» с диминутивами действуют и субстантивы со значением единичности, как бы к ним примыкающие, — так названы магазины *Макарошка* и *Шоколадка*, аптека *Витаминка*, парикмахерская *Кудряшка*. Подбираются близкие к диминутивам слова из лексикона «флоры» и «фауны»: *Ромашка*, *Маргаритка*, *Ласточка*, *Сверчок*, *Голубая канарейка*; или из словаря архаического быта: *Лукошко*, *Полушка*. Все эти слова можно было бы назвать *к в а з и д и м и н у т и в а м и*, но эффект их присутствия в городской среде практически не отличим от эффекта собственно диминутивов.

Присутствие диминутивов становится зримой чертой языкового быта современного города, на что приходилось обращать внимание горожан в научно-популярных выступлениях [15]. Правда, возникает ощущение, что есть какая-то их критическая масса, когда начнётся реакция отторжения, но пока таких сигналов не зафиксировано.

Весьма существенно для рассматриваемой проблемы, что городская среда — не единственная область распространения диминутивов из пределов разговорной речи, обозначим еще две таких сферы.

Во-первых, столь же активно они «оккупируют» нейминг и брендинг [16]: *творожок*, *сырок*, *маслице*, конфеты *коровка* уже давно никого не удивляют. Эффект такой «оккупации», кажется, подобен тому, что достигается в городской среде: это стремление оттолкнуться от казённых номенклатурных наименований, создать семейную, домашнюю, можно сказать, интимную атмосферу: *Ватрушечка*, *Добавочка* (майонез), *Пивчики* (сырокопчёные колбаски к пиву); *Пикничок* (набор шампуров), *Рушаночка* (минеральная вода), *Лопушок* (туалетная бумага), *Курносики* (ватные палочки)... Диминутивизация иногда выводит неймеров за пределы литературного языка в сферу сленга, как в случае с серией рыбных консервов *Клёвый хавчик*. Работает в нейминге и «окейная» модель: бренд *ЧайОК* сопровождается слоганом: *Дело спорится быстрее, пьешь «ЧайОК» и всё ОКей!*

Подобно городскому ономастикону нейминг продуктов обращается и к дериватам диминутивов: *Мышкин сыр* (Тарту), молочные продукты *Савушкин хуторок* (Беларусь, Брест), шоколадно-вафельный *Мамулин торт* (Петербург).

Обнаружим здесь и общие с урбанонимией имена, например, литературного происхождения: *Золушка* – фабрика и магазин кухонной мебели (Новосибирск), свадебный салон (Новгород) и салфетки для сухой и влажной уборки, бумажные носовые платки (Петербург); или *Маленькая страна* (цитата из песни Наташи Королёвой) – магазин детских товаров в Новгороде и марка петербургских конфет.

Итак, приведенные факты, как кажется, говорят о том, что нейминг товаров освоил диминутив как надежное средство создавать иллюзии миниатюрности, домашности – и тем самым привлекательности.

Во-вторых, о том, что диминутивы существенно расширили сферу своего употребления, свидетельствуют тексты современных медиа. По моим наблюдениям, в них используются преимущественно диминутивы от имён лиц и от качественной лексики, в первую очередь адъективов.

Примером первого может послужить фрагмент из телеобозрения Ирины Петровской: *на сцене царили звезды «Первого канала»: «фабриканты», участники проекта «Две звезды», какие-то совсем уж малоизвестные «звездулки», раскрутку которых канал, видимо, только начинает* (Известия 23.05.2008). Ранее в той же газете можно было прочитать об одной известной книге, что *про извезденьице так себе* (29.11.2003).

Но гораздо чаще, как кажется, в медийных текстах можно встретить адъективные диминутивы, напр.: *Недавно хозяин самого дорогого города мира Юрий Лужков объявил своим наилучшим другом Уго Чавеса. Изобретателю ваучера Виталию Найшулю смертельно нравится Пиночет. Тоже хорошо, нормальненько; Что-то важное схватила и упаковала группа «Дискотека «Авария». Ее недавняя песенка – метафора что надо: «Она, она, Америка, Европа. Двигается планета в ритме русского хип-хопа». «Русский хип-хоп» – это, конечно же, сюр. Самовосхваление переходит сегодня границы разумного. На самом деле планета движется по орбите, равнномерненько* (И. Манцов // Взгляд 22.07.2007); *Какие негодяи убеждали меня, что победу гламурненького Билана на «Евровидении» я должен считать своей победой и насадно болеть за него?* (С. Брутман // Новая новгородская газета 26.05.2008).

Как показатель благоволения к ним медийных авторов и редакторов можно воспринимать появление диминутивов в заголовках. И если заголовок *На кладбище беспокойненько* (Московский комсомолец 2.05.2008) должен быть истолкован как цитата из песенного текста [17], то название статьи в газете «Книжное обозрение» (№14. 2008) – *Репрезентативненько* – явно окказионализм, отсылающий к запущенному сериалом «Моя прекрасная няня» *Гламурненько!* Обобщая, можно сказать, что диминутив стал своеобразным прецедентным феноменом языка медиа [18].

Итак, можно сделать вывод, что городской ономастикон, нейминг и язык современных медиа обнаруживают общие тенденции изменения, в частности, тенденцию дезофициализации, и как её крайнее проявление интимизации и даже фамильяризации. В рамках действия этих тенденций получают всё большую свободу диминутивы, создавая специфически русскую атмосферу русского города, рынка русских товаров и русского медийного текста. И если при этом городской ономастикон и нейминг предпочитают субстантивные диминутивы, то медийная речь – адъективные как одно из средств выражения авторского начала [19], точнее – разнообразно нюансированных оценок социальной действительности.

Примечания

1. Шмелева Т.В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1. – Красноярск, 1997. – С.114–123.

2. См. напр.: Северская О. Говорим по-русски с Ольгой Северской. – М., 2004. – С.87–88; а также главу «*Милое и малое*, или Зачем нужны диминутивы?» в книге Ю. Л. Воротникова «Слова и время» (М., 2003).

3. Шмелева Т.В. Городская среда как пространство языковых экспериментов // Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы Международной научной конференции. – Краснодар, 2007. – С.201–203.

4. Здесь и далее имеется в виду Великий Новгород, данными об ономастике не Нижнего Новгорода, к сожалению, не располагаю

5. Из литературы на эту тему можно указать: Протасова Е.Ю. Роль диминутивов в детской речи // Проблемы детской речи – 1999. СПб., 1999; Воейкова М.Д. Системно-грамматические функции диминутивов в усвоении русского языка ребенком – <http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/vo.html?language=en>.

6. Материалы из ономастикона этих городов почерпнуты в ходе личных наблюдений, а также при изучении справочников (Господин Великий Новгород и Новгородский район: Телефонный справочник. – Великий Новгород, 2003; Иркутск для вас 2001–2002: Телефонный справочник. – Иркутск, 2002; Сибирский справочник покупателя. №2. – Новосибирск, 2006; Омские страницы 2007/2008: Адресно–

телефонный справочник. Вып 14. – Омск, 2007) и статей о языке города, которые всё чаще стали появляться в научных сборниках, напр.: Козловская Н.В. Имена городских объектов и лингвокультурное пространство современного города // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: Сборник научных статей в честь 70-летия проф. В.П. Проничева. – СПб, 2007. – С.60–67.

7. Термин *эмпороним*, предложенный в моей методической работе, соответствует терминологическому стандарту ономастики: в нём соединяется греческое слово «торговля» (*эмпория*) и терминологический элемент *-оним*, что может быть истолковано только как 'имя собственное торгового заведения' (Язык города. Наименование магазинов: Методическая разработка к практике студентов филологического факультета. – Красноярск, 1989. – С.4).

8. Надо сказать, что такие «димиинутивы детства» приобретают зловещий смысл на фоне трагических событий, как название абаканского детского сада «Ёлочка», где в мае 2008 года умерли два ребёнка, или петербургской фирмы «Колыбелька», занимавшейся родовспоможением на дому с летальным исходом.

9. См. «Вестник МАПРЯЛ»: http://www.mapryal.org/vestnik/vestnik29/v29_2.htm.

10. Об этом словечке в русских наименованиях см.: Шмелева Т.В. Предложение в слове // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: Сборник научных статей в честь 70-летия проф. В.П. Проничева. – СПб, 2007. – С.135.

11. Пример из статьи: Брацки А. Латиница в украинских рекламных текстах // Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее: доклады Международного научно-дидактического семинара. Gdansk, Polska, 2–4 марта 2006 г. – Красноярск, 2006. – С.127–139.

12. О ней подробнее в моих публикациях: Многоязычие как черта речевого быта современного города // Русский язык в контексте современной культуры: Тезисы докладов международной научной конференции. – Екатеринбург, 1998. С.153–155; Многоязычие (нов)городских улиц // Язык в контексте гуманитарных знаний: Сборник статей, посвящённых 60-летию профессора В.В.Иваницкого / Под ред. Н.В. Семёновой. – Великий Новгород, 2008. – С.158–171.

13. Примеры из ономастикона этого города любезно предоставлены мне И.Е.Кимом, которого горячо за них благодарю.

14. Пример из дипломной работы Е. Анисимовой «Город Апатиты: опыт ономастического портретирования» (НовГУ, 2007).

15. Шмелева Т.В. Димиинутивчики // Новая новгородская газета. №21. 21.05.2008. – С.23. Рубрика «Город в лингвистических зеркалах».

16. Понятия *нейминг* и *брендинг* в последнее время широко используется для обозначения разработки названий для фирм и их продукции; см.: Фрэнкель А. Нейминг. Как игра словами становится бизнесом. Пер. с англ. – М., 2006. За знакомство с этими терминами и приведенной книгой благодарю Л.В.Зубову. Единицы товарного нейминга легко перетекают в городскую среду, см, напр, приведенный эмпороним *3 корочки*; иногда это вызывает конфликты и судебные разбирательства, о чем пишут в газетах, напр.: Стрельникова В. Клыки Красной шапочки // Известия 5.04.2002.

17. Это строка из авторской песни М. И. Ножкина (1960–е годы)

А на кладбище все спокойненько:

Ни врагов, ни друзей не видеть,

Все культурненько, все пристойненько –

Исключительная благодать!

Она использовалась в заголовках: *На ракетном кладбище – все спокойненько* (Изв., 19.05.1994) – ракетное кладбище в Архангельской области; *А на кладбище неспокойненько* (Изв., 8.04.1995). Данные из готовящегося к выпуску «Словаря живых крылатых выражений: устойчивые сочетания в газетных и журнальных заголовках конца XX – начала XXI века» Ю. П. Князева. Заметим, что песня – авторская, то есть предназначенная для исполнения в дружеском, не официальном кругу.

18. Лисоченко О.В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи: Учебное пособие для студентов вузов. – Ростов-на-Дону, 2007.

19. Об авторском начале в тексте см.: Шмелева Т. В. Текст сквозь призму метафоры ткань // Вопросы стилистики. Вып.27. – Саратов, 1998. – С.68–75.

ISBN 978-5-87822-359-1

9 785878 223591

Слово и текст
в культурном сознании эпохи
Сборник научных трудов
Часть I

Печатается в авторской редакции

Подп. к печати 27. 11. 2008 г. Формат 60x84 1/16. Бумага ксероксная. Печать -- ризограф.
Уч.-изд. л. 24. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 100 экз.

160035, Вологда, С. Орлова, 6, ВГПУ
Отпечатано: ООО «ИПЦ «Легия»,
160031, Вологда, Октябрьская, 19, к. 116.